

К 200-летию

Института востоковедения РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВИКТОР ФАЙН

ЖИЗНЬ ВОСТОКОВЕДА

ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА
ПРОФЕССОРА И.С. БРАГИНСКОГО

Москва
ИВ РАН
2018

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
Ф 17

Ответственный редактор Н. И. Пригарина
Рецензент д. филол. н. А. А. Суворова

- Файн В.Я.**
Ф 17 Жизнь востоковеда. По материалам личного архива профессора И.С. Брагинского / отв. ред. Н.И. Пригарина, предисл. Е.Ю. Ваниной; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2018. – 424 с., ил.

ISBN 978-5-89282-851-2

О творчестве профессора Иосифа Самуиловича Брагинского, востоковеда, литературоведа, историка с мировым именем, написано много. Его знают и чтут не только в России, Азербайджане, где прошла его юность, и Таджикистане, который он считал своей второй родиной. Учёный, написавший более 400 работ, воспитавший многие десятки специалистов, редактор, организатор науки, пропагандист, интернационалист. Он всегда был окружён людьми – коллегами, учениками. Значительно меньше известна его биография – в основном, то, что скупое сообщается в многочисленных справочниках и энциклопедиях. Настоящая книга, частично восполняющая этот пробел, написана членом его семьи – по материалам личного архива учёного и воспоминаниям его близких. Читатели узнают, кем были его предки, кто и как повлиял на его становление как человека, как он пробивал себе дорогу в жизни, с каким мироощущением жил.

Текст книги печатается в авторской редакции

- © Файн Виктор Яковлевич, текст, 2018
© Брагинская Ленина Иосифовна, текст, 2018
© Брагинская Майя Иосифовна, текст, 2018
© Брагинский Владимир Иосифович, текст, 2018
© ФГБУН ИВ РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Е.Ю. Ванина. Предисловие	9
Профессор Иосиф Самуилович Брагинский	11
Часть первая. <i>И.С. Брагинский. Бакинская юность</i>	14
«Словечко вымолви!..»	15
Семья	19
За или против!	22
Откуда столько злобы у людей?	25
«Большевикляр пришёл!»	27
«Интернационал»	32
Первый съезд народов Востока	37
Памяти товарища Горского	40
<i>С чего начинался Иосиф Брагинский</i>	46
Почему Брагинские уехали из Киева	46
Предки	49
Брат Давид	53
Трипольская трагедия	55
Какую книгу о востоковедах задумал, но не написал Брагинский	60
<i>Полвека спустя</i>	68
Ших-Али Курбанов и праздник Новруз	68
Амалдан Кукуллу – классик горско-еврейской литературы	76
<i>Литература к введению и 1-й части</i>	80

Часть вторая. <i>Молодость</i>	84
<i>И.С. Брагинский. Созревание</i>	84
<i>Что означает быть коммунистом</i>	91
<i>Быт</i>	94
<i>Дангара</i>	96
Дангара – «устье гор»	96
С чего начинался совхоз «Дангара»	98
Басмачи	105
Совхоз даёт товарную продукцию	112
Владимир Луговской и его поэма «Дангара».....	117
Малярия	124
<i>И.С. Брагинский и газета Дангаринского зерносовхоза</i>	126
Лидер	136
<i>И.С. Брагинский. Четверть века спустя:</i>	
<i>Возвращение в молодость</i>	140
<i>Как Брагинский создавал историю Таджикистана</i>	153
<i>Литература ко 2-й части</i>	159
Часть третья. <i>Востоковед в шинели</i>	162
<i>Первая листовка</i>	163
<i>Полковник Брагинский и операция «Согласие»</i>	167
<i>От подступов к Москве до Победы</i>	169
Западный фронт, 16-я армия. Декабрь 1941 г.....	169
Сталинградский фронт, 62-я и 64-я армии	174
Донский фронт, 21-я армия	177
Калининский фронт, 4-я Ударная армия.	
Великолукская пропагандистская операция.....	185
Наступательная операция в Великих Луках.....	186
Рейд в логово фон Засса	189
Результат пропагандистской операции	194
Воронежский фронт, 60-я армия, освобождение Курска	198
Первое Всеармейское совещание политработников по спецпропаганде.....	199
... Совещание политработников по спецпропаганде на III Украинском фронте. Запорожье	201

... I и II Украинские фронты.	
Корсунь-Шевченковская операция.....	202
Второе Всеармейское совещание политработников по спецпропаганде.....	208
... III Белорусский фронт. Витебско-Оршанская операция.....	210
Ленинградский, 3-й, 2-й и 1-й Прибалтийский фронты.....	214
<i>Литература к 3-й части</i>	220
Часть четвёртая. <i>Соратники</i>	223
Ханна Дриккер, жена Иосифа Брагинского.....	223
Дом на Садово-Кудринской	233
И.С. Брагинский и Ю.А. Жданов	236
Софья Тарханова и Владимир Шейнцвит	246
Софья Тарханова	246
Навечно рядом с Зоей Космодемьянской	249
<i>И.С. Брагинский. Встречи с Георгием Димитровым</i>	258
<i>Литература к 4-й части</i>	270
Часть пятая. <i>И.С. Брагинский и немецкие антифашисты</i>	272
<i>Альфред Курелла</i>	272
<i>Эрих Вайнерт</i>	282
«Песня о Родине».....	284
Листовки Вайнерта	286
<i>Вальтер Ульбрихт</i>	296
<i>О советском полковнике и двух германских солдатах, ставших генералами</i>	300
Генерал армии Хайнц Кесслер	301
От Лаубана до Победы	301
На руководящих должностях в ГДР	306
Как генералы перед полковником отчитывались	307
Берлинская стена и генерал Хайнц Кесслер	311
Генерал-лейтенант Франц Гольд.....	315
На крутых поворотах.....	316

Герой листовок «повар Франц Гольд»	318
А повороты всё круче и круче	320
<i>Два полковника – Иосиф Брагинский и Луитпольд Штайдле</i>	325
<i>Литература к 5-й части</i>	332
Часть шестая. <i>Выдающийся учёный и педагог</i>	336
<i>Основные труды И.С. Брагинского</i>	336
<i>Иосиф Брагинский – каким он был человеком</i>	340
<i>Пропагандист в штатском</i>	343
<i>Востоковед мирового уровня</i>	345
<i>Брагинский глазами... Льва Толстого</i>	355
<i>Что завещал нам Иосиф Брагинский</i>	358
<i>Литература к 6-й части</i>	360
Приложение	361
1. Полковник <i>humanitatis causa</i>	361
2. Амалдан Кукуллу. Наставник – жизненная сила страны (штрихи к портрету учёного)	382
3. Письмо И.С. Брагинского американскому востоковеду Пейперу	389
4. Ю.А. Жданов – И.С. Брагинскому	393
5. Переписка И.С. Брагинского с А. Куреллой	395
6. В. Ульбрихт – И.С. Брагинскому	417
<i>Литература к приложению</i>	420
Summary	421

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга об Иосифе Самуиловиче Брагинском – не только биография выдающегося советского востоковеда, но и увлекательное повествование о том, какое участие принимали наши старшие коллеги в судьбе страны, во всех трагических перипетиях ее истории. Жизнеописание И.С. Брагинского, построенное на основе его собственных заметок и воспоминаний близких людей, дополнено богатейшим материалом государственных и семейных архивов, прессы, мемуаров и иных публикаций, а также многочисленными фотоиллюстрациями, картами, иными визуальными источниками, что придает книге не только биографический, но и научно-исторический характер.

И.С. Брагинский, как верно замечено, принадлежал ко второму поколению отечественных востоковедов, которые пришли в науку из партийно-политической, дипломатической и административной практики, и этим они отличались от классических, «кабинетных» востоковедов-текстологов предыдущего поколения. Новая волна ученых стала активнее, чем их предшественники, интересоваться современным положением восточных обществ и живыми, разговорными языками (не препятствуя тому, чтобы отдавать должное и классическому циклу); в своей практической деятельности они общались с представителями азиатских стран напрямую, и это помогало им, несмотря на множество препятствий, адекватно исследовать Восток в самые турбулентные эпохи – пробуждения Азии и крушения колониальной системы. И, разумеется, люди, подобные И.С. Брагинскому, были подлинными патриотами, готовыми, даже в ущерб своим научным интересам, делать то, что в данный момент было нужно стране. Этому аспекту в книге справедливо уделено особое внимание, что делает ее крайне важной, и прежде всего для молодого поколения.

Судьба выдающегося ученого показана в книге в тесном переплетении с судьбой страны, на фоне множества исторических событий, потрясений и кризисов. Помимо биографии главного персонажа, перед читателем встает галерея портретов его близких, друзей, сподвижников, коллег и многих других, с кем

сводила И.С. Брагинского жизнь. Таким образом, жизнеописание личности превращается в коллективный портрет поколения на фоне нескольких эпох.

Несколько слов об авторе книги. Виктор Файн – зять И.С. Брагинского, по специальности химик, писатель, давно работающий в мемуарном и документальном жанрах, он опубликовал ряд книг и статей об истории нескольких семей, связанных родственными узами. Оставляя за пределами своего повествования вопросы востоковедения и литературоведения, он пишет о Брагинском-человеке и его семейных корнях в контексте исторических событий, повлиявших на формирование личности и становление мировоззрения И.С. Брагинского как ученого и гражданина,

Книга написана на достойном аналитическом уровне, хорошим литературным стилем, что делает ее доступной широкому кругу читателей. Ее публикация в год 200-летия Института востоковедения РАН представляется исключительно актуальной и востребованной, поскольку она дает читателю возможность узнать не только о жизни выдающегося ученого, но и об активном участии востоковедов в решающих событиях истории нашей страны.

Е.Ю. Ванина

ПРОФЕССОР ИОСИФ САМУИЛОВИЧ БРАГИНСКИЙ

Это имя уже вошло в историю. Один из ведущих советских востоковедов, учёный с мировым именем, один из руководителей Института востоковедения АН СССР, многолетний главный редактор журнала «Народы Азии и Африки», крупный специалист по литературе народов Востока, опубликовавший более 400 научных работ. Член Редакционного Совета Библиотеки всемирной литературы. Лауреат республиканской премии Таджикистана имени Абуали ибн-Сино. Педагог, воспитавший сотни научных работников в среднеазиатских и кавказских республиках СССР.

Руководитель отдела в Главном политическом управлении Советской Армии, проводившем во время войны пропагандистскую работу среди войск и населения противника, – работу, спасшую десятки тысяч жизней, советских и немецких. Работу, сплотившую немецких антифашистов на борьбу с гитлеризмом. Работу по перевоспитанию немецких военнопленных в антифашисты – таких, как командующий окружёнными в Сталинграде немецкими войсками генерал-фельдмаршал Паулюс. Работу по воспитанию из солдат-военнопленных будущих руководителей армии ГДР – таких, как Министр обороны ГДР генерал армии Кесслер.

Один из первых бакинских комсомольцев, проводивших просветительскую и пропагандистскую работу в среде самых забитых слоёв кавказской молодёжи. Который не только учил их, но и сам учился у них. Пропагандист и организатор в Москве, сумевший сочетать, казалось бы, несочетаемое – одновременно учиться и преподавать. Один из

руководителей зернового совхоза «Дангара», первого в Таджикистане, ещё раздираемого басмаческими бандами. Редактор центральных газеты и журнала в довоенном Таджикистане. Историк таджикского народа, его культуры, таджикской национальной литературы. Он не просто изучал эту историю, он её создавал и отстаивал.

О И.С. Брагинском как востоковеде с мировым именем много написано, его чтут в Таджикистане (см., например, [1, 2]), где изучению его творчества уже посвящена первая диссертация [3]. О работе полковника в Главном политическом управлении Красной Армии обнародованы лишь отдельные эпизоды (например, [4-8]). У Великой Отечественной войны было много составляющих. В одной из них – в пропагандистской войне, войне за умы и жизни миллионов людей полковнику Брагинскому суждено было сыграть одну из ключевых ролей. Ещё меньше известно о молодых годах Брагинского. В настоящей работе частично восполняется этот пробел, опираясь, в основном, на документы, сохранившиеся в его личном архиве. Профессор И.С. Брагинский оставил немало страниц воспоминаний о своей молодости, которые до сих пор публиковались лишь частично.

Имя И.С. Брагинского можно найти во многих энциклопедиях, например:

Брагинский Иосиф Самуилович р. 5(18).6.1905, советский востоковед, член-корреспондент АН Таджикской ССР (1951), заслуженный деятель науки Таджикской ССР. Член КПСС с 1925. Главный редактор журнала «Народы Азии и Африки» (с 1957). В работах, посвящённых истории культуры народов Средней Азии, творчеству Рудаки, Фирдоуси, Хафиза и др., Б. исследует гуманистические идеи в восточных литературах. Соч.: Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956; Очерки из истории таджикской литературы, Душ., 1956; Жизнь и творчество Садриддина Айни, М., 1959; Персидская литература. Краткий очерк, М., 1963 (совм. с Д. Комиссаровым); 12 миниатюр, М., 1966 Лит.: Иосиф Самуилович Брагинский, Душ., 1966 (Материалы к библиографии учёных Таджикистана) (**Большая Советская Энциклопедия** [9]).

БРАГИНСКИЙ Иосиф Самуилович (5/18.VI.1905, Киев — 23.VII.1989, Москва). Член редколлегии серии «Литературные памятники» с 1963 г.

Детские и юношеские годы его прошли в Баку, где он овладел азербайджанским, древнееврейским и другими языками. В 1923 г. переехал в Москву. В 1924—1925 гг. учился в Высшем литературно-художественном институте им. В.Я. Брюсова. Окончил индо-афганский сектор Института востоковедения в Москве. Семь лет (1933—1940) провел в Таджикистане, где был на партийной и общественной работе, изучил таджикский язык, занимался литературой и культурой Таджикистана.

С первых дней Великой Отечественной войны И.С. Брагинский в звании полковника служил в рядах Советской армии, в Главном политическом управлении Советской армии и Военно-морского флота (был на линии фронта под Великими Луками и в Сталинграде). С 1950 г. работал в Институте востоковедения АН СССР; многие годы по существу возглавлял ориенталистское литературоведение и текстологию, руководя соответствующим отделом института. С 1951 г. член-корреспондент Академии наук Таджикской ССР. Главный редактор журнала «Народы Азии и Африки».

Брагинский — автор более 400 трудов по истории культуры и литературы народов Средней Азии, о классиках таджикской и персидской литератур (Рудаки, Фирдоуси, Хафиз, С. Айни, М. Ауэзов и др.). По его инициативе вышли многие издания и переводы на русский язык сочинений крупнейших таджикско-персидских поэтов.

Изучая словесность Востока в контексте мирового литературного процесса, Брагинский активно сотрудничал в серии «Литературные памятники». Подготовил для серии издание: И.В. Гёте. Западно-восточный диван (1988, совместно с А.В. Михайловым). Ответственный редактор книг: Кабус-намэ (1953); Исэ моногатари (1979, совместно с Н.И. Балашовым); И.В. Гёте. Западно-восточный диван (1988). («Литературные памятники» РАН [10]).

Каким он был, профессор И.С. Брагинский, скупно упоминаемый в энциклопедиях, какими путями он шёл к победе над фашизмом, почему и как стал востоковедом, какую память оставил о себе. Об этом рассказывает наша книга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
И.С. Брагинский
Бакинская юность¹

«Воспитываясь в трудовой, сочувствовавшей рабочему движению семье, И.С. Брагинский впитал в себя ненависть к эксплуатации, к любому проявлению гнёта, с ранних лет стал активным интернационалистом.

Особенно увлекался И.С. Брагинский в школьные годы гуманитарными науками и иностранными языками. Этому способствовали его

¹ Этот текст собран составителем из разных документов, находящихся в архиве И.С. Брагинского.

занятия с отцом, прекрасно знавшим историю, русскую классическую литературу, изучавшим марксистскую теорию. Он привил своему сыну любовь к литературе, фольклору. В подлиннике с ним изучал «Капитал» Маркса».

Академик АН Таджикистана С.А. Раджабов [1]

«СЛОВЕЧКО ВЫМОЛВИ!..»

Мне не нужны лагуны и фиорды –
 Романтика далёких берегов.
 Пою тебя, мой сильный,
 честный,
 гордый,
 У мерных волн каспийских распростёртый
 В сумятице огней и гуле порта,
 Рабочий мой Баку,
 Моя любовь.

Сулейман Рустам [11].

Когда я задаюсь вопросом – как и благодаря чему я стал востоковедом? – то нахожу один-единственный, давно осознанный ответ: благодаря Баку и... одной азербайджанской мелодии, случайно услышанной в детские годы.

Во втором томе «Большой энциклопедии» [12], вышедшем незадолго до начала моей биографии, о Баку говорится: «Под именем Баку или Бакуйэ город известен с начала мусульманской эры... Колоссальный рост города, в котором ещё в 1860 г. насчитывалось только 14 тыс. жителей, почти всецело вызван был не менее феноменальным развитием бакинских нефтяных промыслов и связанных с ним торгово-промышленным движением, развитием парохозяйства и жел. дорог. Народонаселение по переписи 1897 г. 112253 чел...». В энциклопедической статье сообщаются интересные данные о внешней торговле, проходившей через бакинский порт, об учебных заведениях, о газетах, о больницах, об Армянском человеколюбивом обществе св. Георгия и о многом другом. Ничего не говорится лишь о резких контрастах

богатства нуворишей и нищете трудящихся людей, о пронизывавших всю жизнь города социальных и национальных противоречиях и о самом главном – о боевом бакинском пролетариате и нараставшей волне массового движения накануне бури 1905 г. Об этом не говорится, но именно таковой была в те годы в Баку действительная диалектика жизни, алгебра революции. Алгебра эта овладевала чувствами, незаметно проникала в сознание, осваивалась подрастающим поколением.

Так происходило со сверстниками автора и, конечно, с ним самим, воспитывавшимся в семье конторского служащего, долго работавшего на нефтяных промыслах [13].

Здесь и уместно вспомнить об эпизоде, который произошёл к концу лета 1915 г. с десятилетним мальчиком – к тому времени учеником второго класса «Первой Бакинской имени императора Александра Третьего мужской гимназии».

Иосиф Брагинский – ученик 2 класса гимназии, 1915 г.

Из общения с соседскими азербайджанскими детьми, из мальчишеских игр и забав вынес я тогда понимание азербайджанской речи.

В воскресный день можно разрешить себе поваляться с утра на траве приморского бульвара, вдыхая запах моря и мечтая... Редко промелькнёт прохожий, нет обычного шума и гула: воскресенье! И вдруг до слуха доносится песня. Оглядываюсь. Неподалёку от меня, наполовину скрытый невысоким кустом, сидит на траве мой одногодок – смуглый, черноглазый и черноволосый мальчик, и тонким голосом выводит мелодию азербайджанской песни. Поёт, как заправский певец, запро-

кинув назад голову и подперев ладонью затылок, из-за чего спустился к локтю рукав, обнажив тёмную, с неотмытыми нефтяными пятнами, худую детскую руку. По всему виду, по замасленной робе можно было легко распознать в мальчишке тартальщика. Тартальщики – это, пожалуй, самые нещадно эксплуатировавшиеся промысловые рабочие, которые каждый день под палящим солнцем вручную качали нефть желонками². Самыми обездоленными среди тартальщиков были дети. Таким был и маленький певец. Я прислушался к словам его песни:

Словечко вымолви, араб,
Посмотри, чем болен этот юноша.
Может, найдётся у нас снадобье от недуга.
Мы ведь бывалые люди,
Мы лечим больных.
Нужно бы узнать, что стряслось с человеком.
(Подстрочный перевод с азербайджанского)

Не знал я тогда, что это – слова и мелодия арии из оперы «Лейли и Маджнун», первой оперы, написанной Узеиром Гаджибековым³ (1907) и каким-то путём дошедшей до маленького тартальщика. Не все из слов песни мне были понятны, и я подумал: что-то стряслось с этим мальчиком, кто-то обидел его, и он заболел, и сейчас ему очень плохо. Мне захотелось узнать, что же произошло с ним, но он неохотно отвечал на мои неуклюжие вопросы, застенялся и ушёл, унося с собой тайну своей обиды. И тогда мне подумалось: «Вырасту и обязательно что-нибудь сделаю, чтобы не обижали больше таких мальчиков». Это не была клятва, данная самому себе, это не было даже некое внутреннее решение. Это было попросту детское переживание, самое сильное и глубокое по сравнению с другими, прежними, и всё [13].

Обращаюсь к городу своему в начале века.

² **Желонка** – посуда цилиндрической формы, которой вычёрпывают жидкость и разрушенную породу, песок, грязь на поверхность из скважины во время бурения, очистки от песчаных пробок, доставляют в скважину цементный раствор. (Здесь и далее примечания В.Я. Файна).

³ **Узеир Абдул-Гусейн оглы Гаджибеков** (1885-1948) – азербайджанский композитор, дирижёр, музыковед, публицист, драматург, педагог, общественный деятель. Основоположник современного профессионального музыкального искусства Азербайджана.

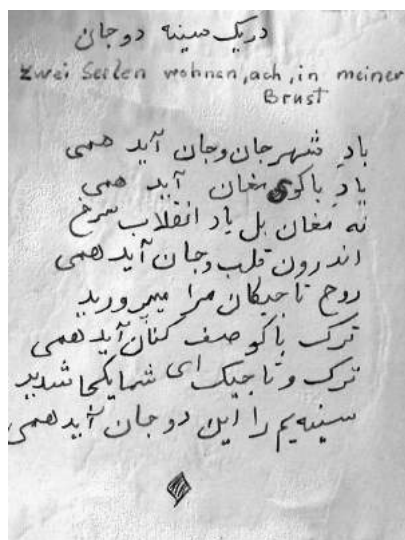
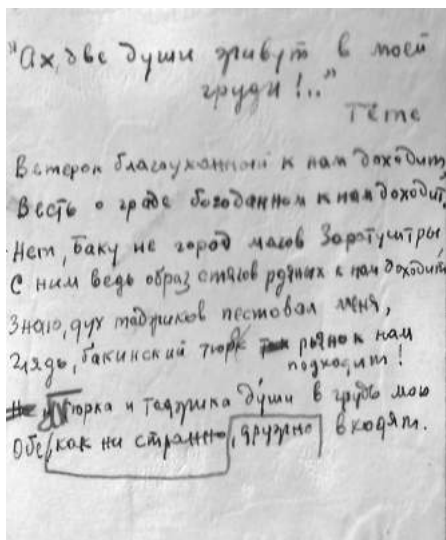
Баку! Город склубившихся противоречий: яркого солнечного света и чёрных мазутных пятен; неслыханных богатств и невыраженной нищеты; коварно разжигаемой национальной ненависти и нерушимого интернационального братства рабочих, – город детства моего и юности моей.

Баку! Само имя твоё ласкает мой слух: двусложное, четырёхбуквенное, краткое и выразительное, двое согласных и двое гласных – одно широкое вначале «а», второе узкое в исходе «у», вызывающее и эхом откликающееся – «ау!» Ба-ку! Отклик, как на зов моей памяти, Баку!

Ах, две души живут в моей груди! (Гёте)

Ветерок благоуханный к нам доходит,
Весть о граде богоданном к нам доходит,
Нет, Баку – не город магов Заратуштры,
С ним ведь образ стягов родных к нам доходит,
Знаю, дух таджиков пестовал меня,
Глядь, бакинский тюрк рьяно к нам подходит!
Тюрка и таджика дүши в грудь мою входят,
Обе дружно, как ни странно, входят.

И.С. Брагинский

Обидной, горькой и тупой болью, никогда не заживающей, не престанно ноющей отозвалось в глубинах сердца одно переживание, горестное происшествие с моим поступлением, вернее, с непоступлением в гимназию. Не само непоступление, чёрт с ним, а то, как это произошло. А произошло так... Тут неожиданно я узнал, что я **инородец**, да **инородец!** В мои девять лет я уже немало начитался разных книг, и детских, и недетских, я почувствовал всю нелепость и всю обиду этого факта. Значит, пасынок. Не сынок, каким был я у папы и мамы, а пасынок, как Мишка с соседнего двора, жестоко и беспричинно обижаемый ежедневно, ежечасно своей мачехой, ядовитой Аграфеной Лавровой, базарной торговкой, уродиной. Но кто же моя мачеха? Не двор наш, шумный и взбалмошенный, но, ей-ей, любивший меня, затейника и заводилу хороших детских игр; не город мой, славный и по-домашнему близкий; не родина моя – Россия. Начитавшись разных книг, я с детских лет знал её историю, её страдания и славу, её язык – он был моим родным с первых слов, которые я младенцем лепетал. Пусть я инородец, пасынок для кого-то (сам не пойму, для кого), Россия-матушка не мачеха мне, а мать родная, и всю жизнь я прошёл, крепко держась за руку – тёплую и ласковую – матери моей Родины, огрызаясь и отбиваясь зубами и ногами, если кто хотел оторвать мою руку от её руки. Не пасынок я, а сынок, желанный, любимый матерью! И всё же... **инородец!** Это была самая большая и тяжкая обида в моём детстве. Тогда – единственное моё горе, настоящее, большое [14].

СЕМЬЯ

Я родился 5(18) июня 1905 г. в г. Киеве. С первых месяцев своей жизни и до 16-17 лет я прожил в г. Баку, куда мой отец переехал в середине 1905 г.

Отец мой, Самуил Брагинский, с середины 1905 г. и до самой смерти (в 1944 г.) безвыездно проработал в Баку конторским служащим, преимущественно на нефтяных промыслах в Биби-Эйбате⁴,

⁴ До революции **Биби-Эйбат** был посёлком на берегу моря в 2 км южнее Баку. Там, в долине на небольшой площади были скучены нефтяные промыслы. Там же находится мечеть и усыпальницы почитаемых людей – один из значительных памятников исламского зодчества Азербайджана.

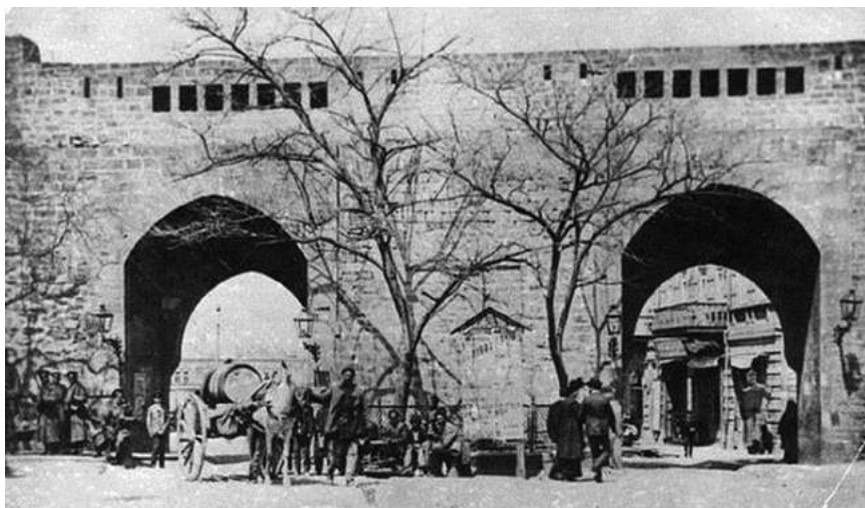
Балаханах⁵, позже в самом городе. Он был скромным тружеником, беспартийным, но был тесно связан с революционными, большевистскими кругами. Был он самоучкой, но прекрасно знавшим русскую классическую литературу и проштудировавшим в подлиннике «Капитал» Маркса. Отцу я благодарен за то, что он с детства прививал мне любовь к занятиям литературой и историей, увлечение фольклором, особенно народными песнями, и первым объяснил мне, четырнадцатилетнему мальчику, что такое «диктатура пролетариата» и «социализм» [15].

Отец – помощник бухгалтера. Поклонник Белинского и Чернышевского. Адепт русского просветительского движения. Чтобы продемонстрировать свой отход от иудейской веры и переход к атеизму, он систематически, на глазах у всех в синагоге, съедал кусочек сальной свечи. Да и где мог бы он раздобыть свинину в густо заселённом еврейями украинском городке XIX века? [13].

Разве в Баку на промыслах мог порядочный человек не участвовать в стачке конторских служащих? Одно дело – быть беспартийным, другое, позорное – штрейкбрехером. А разве мыслимо было в Баку честному интеллигенту, тем более находящемуся на подозрении в полиции, отказать в ночлеге беглому политическому ссыльному? Таков климат Баку, и его воздухом мы дышали [14].

К исходу лета 1914 г. девятилетним мальчиком, первым учеником первого класса Первой Бакинской имени императора Александра Третьего мужской гимназии (в скобках = классической) после первой прочитанной книжки В.П. Авенариуса «Пчела Мохнатка» с её моралью «Все за одного, один за всех» мне посчастливилось прочитать немало хороших детских и даже «взрослых» книжек и много подышать воздухом Баку. Жила в этот год семья уже не в Чёрном городе, а в так называемой «Крепости», т.е. в старой части города с узкими и кривыми улочками и тупиками, густо заселённой мусульманской – азербайджанской (по тогдашнему именованию – татарской) беднотой.

⁵ Балаханы – посёлок на Апшеронском полуострове, где находится одно из основных месторождений бакинской нефти. В 1878 г. по заказу братьев Нобель от Балаханы до нефтеперерабатывающего завода в бакинском Чёрном городе был проведён первый в России нефтепровод длиной 12 км. В Балаханах до сих пор проживают компактной общиной горские евреи (таты).

«Крепость» - дом, в котором жила семья Брагинских в 1911-1915 гг.

Во время игр с соседскими детьми «в орехи», «в альчики», при уличных мальчишеских потасовках, при которых честно соблюдались правила «двое одного не бьют», «лежащего не бьют», «двое дерутся – встрейвай на стороне слабого, а там разберутся» – неплохо осваивалась азербайджанская разговорная речь. Подучивала меня ей и моя мать:

Самуил Абрамович (Меер-Шмуль Аврумов) Брагинский (1876 – 1944)

она работала повивальной бабкой (по-азербайджански – Ана – «мать»), принимала детей у азербайджанских рожениц [15].

Мать моя, Берта Марковна, работавшая вначале портнихой, стала после окончания курса акушеркой. ...Матери же я благодарен за то, что она упорно и ласково приучала меня к труду. Я рано её лишился: она работала медсестрой в красноармейском госпитале (1920-1921) и умерла на посту⁶ [15].

*Берта Марковна (Бруха Мордуховна) Брагинская,
урождённая Каган (1879-1921)*

Особенно я благодарен своему старшему брату – естествоиспытателю по своим научным наклонностям и революционеру по духу. Коммунист, активный участник Гражданской войны, он рано погиб, расстрелянный белогвардейцами в 1919 г. при «Трипольской трагедии». Его светлый образ, память о нём имели решающее значение для моего политического самоопределения, когда я стал комсомольцем и с 14-летнего возраста включился в коммунистическую пропаганду среди горской, татской молодёжи в Баку, Дербенте, Махачкале и др. [15].

⁶ Какими невероятными совпадениями богата жизнь: мама Брагинского и мой дед, Моисей Гутман, погибли на своих постах в госпиталях в один год во время эпидемии тифа – она в Баку, он – в Таганроге (В.Ф.).

Давид Брагинский, 1914 г.

ЗА или ПРОТИВ!

1915-1916 гг. – товарищи мои, одноклассники, много читают, все мы много читаем. «Вестник знания» Битнера, приложения к нему⁷, Рубакин⁸ – даже не читаются, а проглатываются.

А затем споры – о смысле жизни, о счастье. Больше всего – со сверстниками, менее охотно – со взрослыми. Исключение – Николай Иванович – преподаватель латыни. Его предмет становится самым любимым, привлекая не столько логикой синтаксического разбора, сколько радикализмом суждений при толковании латинских афоризмов. С помощью Николая Ивановича я не только сдавал на «5» школьные переводы Цезаря, но с увлечением изучал Овидия и Вергилия, анализировал риторические красоты Цицерона и не представлял себе лучшей профессии, чем преподавателя латыни. Николай Иванович внушал своим ученикам гораздо более революционные идеи, прибегая, между прочим, всё к тем

⁷ «Вестник знания» — ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал с приложениями для самообразования. Выходил в Санкт-Петербурге с 1903 по 1918 годы. Редактором-издателем его был В.В. Битнер, создавший в 1902 году одноименное издательство.

⁸ Николай Александрович Рубакин (1862-1946) – русский книговед, библиограф, популяризатор науки и писатель. Посвятил себя издательско-библиотечной деятельности. Его литературное и научное наследие огромно: 280 книг и брошюр, свыше 350 журнальных публикаций.

же латинским занятиям. Не могу забыть его внеклассных бесед по поводу латинских выражений “*Salus populi – suprema lex*” (благо народа – высший закон) и “*Vox populi – vox dei*” (глас народа – глас божий), в которых он проявлял себя благородным, свободолюбивым русским интеллигентом, прививавшим своим ученикам любовь к народу, готовность бескорыстного служения народу, ненависть к любому проявлению гнёта. В условиях многонационального Баку, где в школьных классах сходились азербайджанцы и русские, евреи, армяне, грузины, греки и др., особое значение имело воспитание у школьников чувства интернационализма.

1917 г. – с начала года старший брат занимается в своей комнате со старшекласниками, что-то читает; как оказывается позже – распространяемые в списках стенограммы прений в Государственной думе. Сквозь закрытую дверь слышны спорящие голоса, незнакомые имена «Родзянко», «Керенский», ругают войну, поругивают царя. Какой-то затесавшийся к старшекласникам «вечный студент» Полонский (о нём говорят то уважительно, но непонятно – эсер, то, понятно, но неуважительно – красобай) басит: «И снова поднимется кр-р-расный флаг на Чёр-р-ном море». К чему всё?

Вскоре всё становится ясным: смело городского с поста напротив нашего дома, а в Петербурге – царя; февральская революция. Свержение самодержавия, ура!

Все окружающие меня взрослые неожиданно становятся членами разных партий, которых невероятно много. Чтобы в них разобраться, приходится читать брошюры с красными обложками, содержащие партийные программы. По книжкам, однако, всё равно не удаётся разобраться: все очень похожи, особенно у социалистических партий. Непонятно, почему «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» хорошо (и в самом деле хорошо!), а «В борьбе обретёшь ты право своё» – плохо (а что тут плохого?). Приходится выбирать не между программами, а между людьми: старший брат и дядя оказываются социал-демократами-большевиками, Николай Иванович – тоже социал-демократ, но почему-то меньшевик, товарищ Полонский (все стали называться товарищами) – по-прежнему эсер, но сейчас это уже понятно: социалист-революционер. Одни ругают Керенского, хвалят Ленина, а в Баку – Нариманова, Шаумяна, другие восхищаются Керенским и поносят большевиков [13].

Откуда столько злобы у людей?

1918-1920 гг. – героические годы создания и падения Бакинской Коммуны⁹; турецкая, а затем английская оккупация; расстрел 26 бакинских комиссаров¹⁰; установление власти мусавата¹¹. Старший брат и дядя покидают Баку и принимают участие в Гражданской войне. Для меня это были годы чтения и учения без наставников. Отец давал читать толстые книги, объясняя, что такое «социализм», «базис и надстройка», «диктатура пролетариата». Было очень интересно, но не хватало в пояснениях революционной страстности брата и дяди.

Многое оставалось непонятным. Самое непонятное и ужасное произошло в 1918 г. Нас было трое закадычных друзей – одноклассников: кроме меня Ашот Даниелянц, сын сапожника, бойкий, изобретательный на проказы и преданный в дружбе, и Иосиф Дадашев, сын владельца лавчонки с громкой вывеской «Продажа бакалейных и колониальных товаров», высокий, всегда задумчивый, хороший драчун и ещё лучший друг.

Казалось, нас водой не разольёшь. Неожиданно в начале марта 1918 г. меня подзывает к себе Ашот, отворачивает борт гимназической куртки и показывает диковину – висит привязанный верёвочкой кинжальчик, сделанный из большого гвоздя: «Положил под вагон конки, гвоздь расщепился, подточил с обеих сторон, получился кинжал», – «Зачем?» – «Резать будем!» – «Кого?» – «Известно, кого, их, как дашнаки¹²» – «Дурак, какие там ещё дашнаки. Скажи лучше, как

⁹ **Бакинская коммуна** — правительство советского типа во главе с С.Г. Шаумяном, сформированное в Баку и его окрестностях 25 апреля 1918 года.

¹⁰ **26 бакинских комиссаров** – в основном, руководители Бакинского совнаркома – исполнительного органа Бакинской коммуны (С.Г. Шаумян, П.А. Джапаридзе, Б.А. Авакян, И.Т. Фиолетов, Я.Д. Зевин и др.) в ночь на 20 сентября 1918 года были казнены под Красноводском по решению местных властей за сдачу Баку турецко-азербайджанским войскам.

¹¹ **Мусават** – название мусульманской демократической партии в Азербайджане в 1911-20 годы.

¹² **Дашнаки** – Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн», «Армянское революционное содружество». В 1918-1920 гг.– правящая партия в Республике Армения. В результате победы Красной Армии дашнакское правительство прекратило существование, его вооружённые отряды были разгромлены, а руководство было вынуждено эмигрировать.

с Юсифом?» – «Как придётся». – «Ну, так убирайся вон! Додумался! Больше ты нам не товарищ!».

Потом произошла резня, в характере которой я смог разобраться много позже. Её спровоцировала националистическая партия «Дашнакцутюн», как об этом с гневом писал Степан Шаумян, указывая, что это «...придало отчасти Гражданской войне характер национальной розни. ...Мусульманская беднота сильно пострадала, но она сейчас сплачивается вокруг большевиков и вокруг Совета». Не знаю, оказался ли Ашот настолько одурманенным, что действовал, «как дашнаки», но дружба наша распалась. Ашот и Юсиф перешли куда-то учиться. Тогда, однако, оставалось для меня мучительно непонятным и страшным: откуда такая ненависть, в чём дело и кто тут виноват?

Откуда у людей берётся столько злобы? Было это осенью 1919 г. Рано утром, до занятий, спешу за какой-то книгой к товарищу, живущему около Реального училища. Поднимаюсь по Николаевской. На противоположном тротуаре, навстречу мне, вниз, бегут двое. Спереди чернявый мальчик моих лет. За ним гонится здоровый парень лет 25, в сапогах, в фартуке, по которому можно догадаться – продавец мясной лавки, в руках нож, орёт: «Кепек оглы, захримар!» (Собачий сын, чтоб ты сдох, догоню, кожу сдеру). Оба по виду азербайджанцы, значит, не резня, а другого рода галмагал (скандал). Думать некогда: большой сейчас нагонит, и тогда маленькому достанется. Перебегаю на другой тротуар во всё сужающееся пространство между обоими, и, «случайно» поскользнувшись, падаю под ноги большому, бегущему с горы. Ох, и грохнулся же он на всём ходу! Еле поднимается. Нож отлетел в сторону, из носу хлещет кровь. Он готов броситься на меня с кулаками, но перед ним мальчик «из хорошей семьи», в аккуратной шинели гимназиста, с ранцем за плечами – личность неприкосновенная для простого продавца мясной лавки.

Стирает тыльной стороной ладони кровь с лица, ругается в ответ на мои извинения: «Я ведь тоже упал и ушибся». А того, босоногого, и след простыл. Вскоре забыл о нём. Запомнилось только его бледное от страха лицо с тонкими чертами, с удивительно красивыми большими карими глазами [13].

«БОЛЬШЕВИКЛЯР ПРИШЁЛ!»

27 апреля 1920 г. Завтра предстоит классная работа: «Татьяна как образ русской женщины». Сажу в библиотеке Кооперативного собрания и готовлюсь. Читаю Белинского «Цветок в расщелине скалы», других авторов, но почему-то ничего не идёт на ум. В городе тревожно, и это отвлекает.

Библиотека закрывается, к работе я не подготовился, и придётся получать тройку, а то и двойку. Смутно на душе, но делать нечего. Далась мне эта Татьяна.

Утром 28 апреля в скверном расположении духа отправляюсь в гимназию. Рано, улица полупуста. Вдруг вижу: посреди мостовой идут в обнимку двое, покачиваясь и что-то крича – издали не слышно. Приблизились, и всё оказалось удивительным. Во-первых, оба амбалы (носильщики), бакинские кули, самые нищие и униженные среди трудовой городской бедноты, а идут с таким независимым видом посреди улицы, и никто им не указ! Во-вторых, ясно видно, что один – армянин, другой – азербайджанец, уж в этом ни один бакинец не ошибётся. Узнать нетрудно, не только по чертам лица, но и по форме палана (подгрузника): у армянского амбала он натянутый с дощечкой книзу, на которую ставится груз, и амбал ходит под ним чуть выпятив грудь (центр тяжести на крестце); у азербайджанского – палан вроде широкой подушки, набитой соломой, груз не ставится, а кладётся, и амбал ходит, согнувшись вперёд (центр тяжести на плечах). Почему же они идут вместе, рядом, да ещё в обнимку? Непонятно: ведь у них даже «биржи», где они стоят, дожидаясь работы, нанимаются, – отдельные. В-третьих, оба навеселе. Для армянина – это возможно, но выпивший амбал-мусульманин? Светопреставление! Тем временем они идут по улице, тяжело ступая, хоть немного и покачиваясь, вскидывают кверху одинаково смуглые и жилистые руки, сверкают одинаково белыми зубами, сияют одинаково чёрными глазами и кричат на международном языке: «Эй, большевикляр пришёл!». Два амбала, два друга, азербайджанец и армянин! Что случилось? Скоро всё становится понятным. На стенах домов висят листки о падении правительства мусавата. Образован ревком во главе с Нариманом

Наримановым¹³. Значит, на самом деле пришли большевики. Это не было совершенно неожиданным. Уже и раньше доходили слухи о том, что Красная Армия движется, чтобы освободить Баку, поговаривали о боях у станциях Хачмис и Баладжарь, т.е. на близких подступах к Баку. Но в окружающей меня среде не предполагали, что всё произойдёт так стремительно.

Каюсь, первое, что пришло мне в ту минуту в голову, было сознание: классной работы сегодня не будет, и во всяком случае на сегодня я свободен от Татьяны как образа русской женщины. Спешу в класс и с удовольствием читаю аккуратно прикреплённый кнопками листок: «по случаю перемены власти занятия сегодня не состоятся». Ну, и слава богу!

Тем временем все высыпали на улицу. Никаких новостей: одни ушли, удрали, другие ещё не дошли до Баку. Лишь висят объявления о ревкоме... Неожиданно приезжает броневедомство с красной звездой на корпусе. Оттуда выглядывает голова в остроконечной будёновке и кричит по-азербайджански и по-русски: «Да здравствует Советская власть в Азербайджане!».

К середине дня город всё более заполняется людьми в промасленных одеждах: пришли промысловые. Всё словно ожило. Говорят, что в некоторых дворах раздают винтовки тем, кто «готов бороться за Советскую власть». Я – готов и нахожу такой двор. Два огромных дощатых ящика. Они открыты. В них лежат винтовки. Около них трое мастеровых с промыслов. Изредка к ним подходят люди в рабочей одежде, показывают ладони (ей-ей, точно так, как было – я читал об этом – при Парижской Коммуне). У кого мозолистые руки, тем, обменявшись парой слов, дают винтовку и прикрепляют к отряду рабочей гвардии. Подхожу и я. Со мной и разговаривать не хотят, а лишь взглянув на форму, бросают: «Гимназистов не надо!». Отхожу, обиженный, но... понимающий (даром что ли объясняли мне про классовую борьбу?).

Наконец показываются первые отряды конников – в будёновках, запylённые, усталые, но глаза блестят... Вошла в город Красная

¹³ Нариман Кербалаи Наджаф оглы Нариманов (1870-1925) – азербайджанский писатель, крупный общественный и политический деятель, большевик, нарком иностранных дел (1920–1921) и председатель СНК Азербайджанской ССР (1920–1922).

Армия. Её встречают приветливыми возгласами, громким «ура!», трогательными подарками (кулёчки с кишмишем, орехи, зелень, конфеты). Впереди бегут мальчишки, бакинские гавроши. Во главе одного из отрядов едет политрук-девушка, лет двадцати, в мужской одежде, в шинели, в будёновке, из под которой видны светлые подстриженные волосы. Лицо – самой обыкновенной русской девушки: большие голубые глаза, чуть вздёрнутый нос. Однако весь облик делал её необыкновенной, в моём представлении прекрасной. Девушка-политрук держала пачку брошюр и изредка раздавала их тем из публики, кто просил. Ехавший рядом с ней кавказец, временами чуть трогая её за локоть, говорил: «Товарищ Таня, гляди-ка, вот тут ещё один просит», – и девушка протягивала брошюру. Значит, зовут её Таня... Татьяна! Вот так да! Нужно и мне попросить у неё брошюру. Но как обратиться к ней? По имени – слишком фамильярно. Значит, просто товарищ: «Товарищ, дайте, пожалуйста, одну брошюру!». Но как сказать «товарищ» (с твёрдым знаком) женщине? Уж мне-то известно, что шипящие ж, ч, ш, щ с твёрдым знаком – мужского рода, а при обращении к женщине! И я, поелику возможно вытягивая губы для мягкого знака, обращаюсь к девушке: «Товарищ, товарищ, нельзя ли попросить для чтения один экземпляр распространяемой брошюры?». Девушка так же доброжелательно, как и всем, не обратив внимания ни на мой мягкий знак, ни, к счастью, на гимназическую форму, даёт мне брошюру Карпинского «Будем тверды до конца!». Это была первая большевистская книжка, прочитанная мною, и после этого я окончательно определился: «Большевикляр пришёл!»¹⁴.

Через несколько дней узнаю, что недалеко от нашего дома открылся районный комитет КСМА (Коммунистический Союз молодёжи Азербайджана). Иду записываться. Пришёл. В комнате, преобразованной из какой-то лавки, два стола, шкаф, пара скамеек, стулья. Стены

¹⁴ В жизни случаются необыкновенные продолжения. Почти 40 лет спустя, в 1959 г. И.С. Брагинский получил письмо из Баку от Главного библиографа республиканской библиотеки имени М.Ф. Ахундова Арона Натановича Лернера: «Вы вряд ли меня помните, хотя мы с Вами раз встречались в 1920 году в Баку, когда я пришёл сюда с 11-й Красной армией. Вас мы звали Изя..., а меня обычно называли не Ароном, а официально – Лернер, очевидно из уважения к моему красноармейскому обмундированию. У нас были некоторые общие интересы, которые нас связывали». Обращение касалось личности М.Ф. Ахундова.

завалены плакатами, в углу тоже связка плакатов, на подоконнике стопки брошюр. Изредка заходят и уходят молодые ребята, по виду фабричные рабочие, что-то они говорят сидящему у стола высокому парню в кепке, пишущему какие-то бумаги, и уходят.

Замечаю, что рядом с этим парнем сидит какой-то чернявый мальчишка в замусоленном фартуке, с виду сапожник. Подхожу: «Хочу записаться в ка-эс-эм». Парень, оторвавшись от дописываемого им листа бумаги, цедит: «Г...чистов не принимаем». «Г...чист» – это значит гимназист и относится, конечно, ко мне. Хочу начать разъяснять, что ко мне такая обидная характеристика не подходит, но вдруг обращается ко мне по-азербайджански чернявый мальчишка: «Этоты меня выручил тогда от этого мясника?» – узнал: Чернявый мальчишка заулыбался, стал оживлённо рассказывать ломанным русским языком парню в кепке (он, оказывается, секретарь райкома) про то самое происшествие, заключив, что я, дескать, не г...чист, а «хороший чилавек». Я дополнил рассказ своими «анкетными данными», напирая на то, что брат мой и дядя¹⁵ – большевики. Секретарю это понравилось и, чуть задумавшись, он спросил меня: «По-тюркски ты здорово чешешь, а вот с этим парнем случайно на ихнем языке не можешь поговорить?». Словно в воду глядел. Как он сумел угадать? Ведь моим однопартником, ближайшим другом был сын татского кахама (раввина) в Баку Равиновича (не от слова «раввин», а от имени «Рувим») Гриша, по-татски Гирсиль, и он научил меня немного говорить по-татски. А чернявый мальчишка, видать, из тех татских сапожников, что живут по Чадровой и Бондарной. Я тут же заявил мальчишке, что знаю «зухун джухури» (татский язык), и он, ещё более обрадовавшись, стал кричать, что меня надо записать в комсомол. Секретарь закивал головой и сказал мне, что меня запишут и чтобы я вместе с чернявым, оказавшимся членом комсомольского ревкома, по имени Мишка (а по-своему Миши) стал организовывать татских ребят. Так и стал я культпросветработником среди татской молодёжи.

¹⁵ В списке родственников, составленных И.С. Брагинским для памяти, значится Давид (дядя). Во вступительной статье к книге [1] академик АН Таджикистана С.А. Раджабов пишет о нём, как о революционере, многие годы работавшем в Коминтерне.

«Инструкторы молодёжи» Иосиф Брагинский, «Бабай-хуна» и «Миши» (стоит), 1920-1921 гг.

Через несколько дней появился дядя. Он принёс горькую весть, что мой брат погиб при Трипольской трагедии. «Ты в касеме записался?». Не сумев удержаться от исправления – ка-эс-эм, – ответил, что да, записался. Дядя не обиделся и добродушно сказал: «Ладно, я ведь гимназии не кончал, главное быть настоящим коммунистом-большевиком. Но раз ты уже не беспартийный, я проведу тебя с собою завтра на Бакинскую конференцию, послушаешь Мироныча», – и он коротко рассказал, кто такой Сергей Миронович Киров и какой он оратор: «Трибун!».

Назавтра мне посчастливилось «незаконно» (не будучи делегатом) присутствовать на докладе С.М. Кирова по текущему моменту на общебакинской партийной конференции, происходившей в переполненном театре. Все присутствующие были наэлектризованы его страстной речью, которая начиналась словами: «Товарищи, ровно в полночь 27 апреля у дверей, ведущих в страны Восходящего Солнца, совершилось событие, от которого подгнившая буржуазная капиталистическая система мира потерпела новый удар и новое поражение. Это событие заключалось в том, что изнывающий под бекоханским игмом Азербайджан повенчался с великой Советской страной – рабоче-крестьянской Россией» [16]. Больше всего запал мне в сердце нарисован-

ный Кировым образ азербайджанского жениха и российской невесты: «Злые языки будут изображать, что та невеста, которую приобрёл революционный Азербайджан, не совсем пригожа. Она действительно не особенно румяна, не особенно дебела...». «Таня-политрук, товарищ Таня, – подумал я, – она действительно не румяна, но глаза, и вся она какая-то особенная». «...Но азербайджанские массы должны в то же время знать, что их наречённая одна только останется честной, непоруганной, целомудренной» [16]. Далее Киров повёл речь о мировой революции. Как благодарен я дяде, что именно этой речью завершилась для меня неделя с 28 апреля по 5 мая 1920 г., семь дней, которые перевернули всю мою жизнь и определили её течение [13].

Первые книги о коммунизме, которые я прочитал, были брошюра Карпинского «Будем тверды до конца», а главное – «Что делать» и «Государство и революция» В.И. Ленина. Эти книги мне рекомендовал библиотекарь агитпункта Поарм-ХІ, армии, освободившей 28 апреля 1920 г. Баку от муссаватистской власти и водрузившей в Азербайджане знамя Советов. Я не смог больше удовлетвориться школьной премудростью и с жадностью стал поглощать лекции по марксизму и текущему моменту в «Краснофлотском университете», созданном тогда в Баку. Неизгладимое впечатление произвели тогда на меня слова Ленина в послесловии к книге «Государство и революция»: «Приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нём писать». Стало ясно, что если смысл жизни состоит в служении народу, то путь к этому лежит не через исследование истории, тем более древностей, а через непосредственную практическую революционную борьбу за победу социализма [13].

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Вскоре нас стало трое: был принят в комсомол Гирсиль, единственный из нас, кто отлично владел татским языком: умел не только разговаривать, но и писать. С его помощью мы вскоре создали группу татских комсомольцев из десяти человек: трое сапожных подмастерьев, один – токарь по дереву, один – ученик красильщика кожи и пятеро чистильщиков сапог. Райкомол посоветовал нам открыть «Клуб рабочей молодёжи». – «Помещение?» – «Пустует бывший вин-

ный магазин Джанумова, хозяин удрал от Советской власти в Тифлис, берите и оборудуйте под клуб». Оборудовали за два дня. Оставшиеся десятки бутылок с вином разбили и слили в помойную яму. Не был выпит ни один глоток вина: ребята дисциплинированы. В магазине оказалось почему-то несколько картонных ящиков с бумажными воротничками и с галантерейной мелочью. На картонки наклеили бумажки «Советское имущество». Никто не притрагивался, и через несколько дней отдали в Райпо полностью; ни одна мелочь, ни один воротничок не пропал: комсомольская дисциплина.

Клуб был оборудован на славу – две просторные комнаты. В большой комнате – скамейки и подмости – зрительный зал. На широких, обитых глянцевой бумагой магазинных полках – книжки, брошюры, газеты; прилавки превращены в длинные столы – читальный зал. Можно собираться, митинговать, проводить кружковые занятия. Главная задача – организация, организация и организация. Учили и записали в клуб почти всю татскую молодёжь города в возрасте от 12 до 18 лет. Среди них было много чистильщиков сапог. После установления Советской власти им в одиночку делать нечего – частной торговли и частного промысла нет и не нужно. Значит, нужно организовать всех в артель и прикрепить членов артели к обслуживаемым учреждениям и предприятиям города. Организация артели чистильщиков стала первой неотложной задачей. Всё началось с митинга, на который юные чистильщики пришли с орудиями производства (ящики, щётки). Произношу свою первую татскую речь: «О, молодёжь, оглянись вокруг себя! Что ты увидишь? Повсюду рабочие строят мир, в котором нет ни буржуев, ни рабов...». Отсюда делался вывод о необходимости коллективного труда, о необходимости объединиться в артель. Объяснялось, что это и справедливо, и революционно, и выгодно. Потом выступили все пятеро чистильщиков-комсомольцев. Артель была создана. Придумали лозунги на русском и азербайджанском языках о том, что советские рабочие и служащие должны быть самыми культурными в мире и чистить свою обувь. Артель обслуживала различные предприятия по строгому графику и бесплатно. Ребята получали паёк, не слишком богатый, но такой, как все трудящиеся в ту, не слишком сытую пору, были довольны и при деле.

Что бы мы делали в клубе без Гирсиля Горского (с того времени этот псевдоним заменил ему его фамилию)? Небольшого роста, подвижной и смешливый, артист-комик по призванию и на редкость преданный друг, он ещё в классе пользовался всеобщей любовью. Лишь одно его качество ребята не могли понять, хотя любили его именно за это качество больше всего. Гриша не был в состоянии солгать, он физически не умел сказать неправду, даже когда это было нужно и, ей-ей, прощительно. Зато уже знали: раз Гриша это сказал, значит, это правда не на 99%, а на все 100!

В клубе таланты Гирсиля расцвели. Каждый вечер он готовил краткий перевод «известий РОСТА», и мы вместе переписывали их большими буквами в трёх экземплярах и наутро вывешивали в общественных местах. Потом Гирсиль стал составлять букварь. Переписали его в шести экземплярах и организовали в клубе кружок ликбеза.

Ребята собираются, а петь нечего! Конечно, прежде всего, нужно петь «Интернационал». Гирсиль берётся за перевод и привлекает меня. «У тебя складно получаются рифмы» (действительно, я хорошо рифмовал суффиксы). Перевели¹⁶. Удалось даже отпечатать типографским путём – листовкой.

Хабар бошит нифри бирагорко	Хичкас имура хулос ниду
Хама кулхо ва нукарко	На йичим ва на худо
Агул адай сухта ва душира	Авадиму имура миду
А джанг адай огов зара	Андорак хуштани дасиму
Кухна улома мачат ним	Анчак иму корсохтанихо
Ва басдай окуним	Кала лашкар захметкопхо
А доригай ан аваддан бухо	Ари бара огахой хори
Тоза улом ан фэхлохо	Хисти имура ихтиёри
И хисти охири	И хисти...
Ва гала дорангиму	
А Интирнационал овоз	
Мах-узу инсоньятиму	

¹⁶ Татский вариант «Интернационала», песен, исполняемых кружковцами, и их подстрочные переводы на русский приведены в письме И.С. Брагинского Пейперу [17].

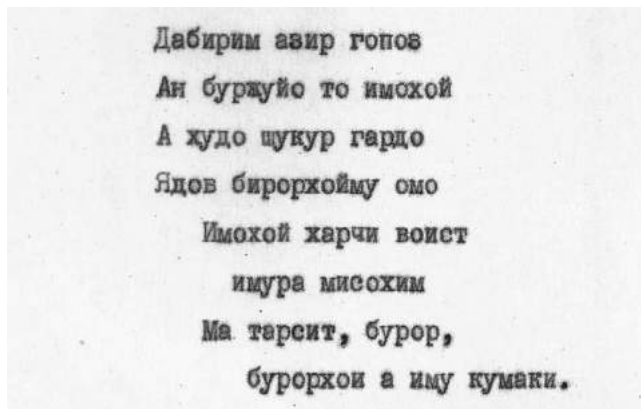
Подстрочный перевод:

Проснитесь, прокливаемые
Все рабы и слуги!
Разум горит и кипит,
На бой голосом зовёт!
Старый мир мы разрушим,
А потом сделаем
На месте его, прежде бывшего,
Новый мир рабочих.
Это есть последний
И большой наш бой.
С Интернационалом
Проснётся человечество.
Никто нам спасения не даст –
Ни джигит, и ни бог.
Нашу свободу нам даст
Только собственная рука наша.
Только мы, трудящиеся,
Большая армия тружеников,
Чтобы быть хозяевами земли,
Есть у нас право.
Это есть...

Трудность сказалась в другом – научить ребят петь. Ничего не получается: привыкшие к восточным протяжным мелодиям тянут «Интернационал» по-своему, этаким лирическим напевом, а от подлинной мелодии ничего не остаётся. Посоветовались с райкомом. Выделили нам для хора десяток русских голосистых ребят. Они без слов, но звучно ведут мелодию, я и Горский – громко, но «со словами», а хор из татских мальчиков старается ещё громче, не отставая от нас, петь «со словами» на «русский манер». Стало получаться: похоже всё-таки на «Интернационал».

Но ребятам требовалась песня массовая, лёгкая, и снова вместе с Горским мы придумали её. Собственно говоря, мелодия не моя, а подсказанная мною. Вот, когда спустя пять лет, припомнился мне и случай на бульваре, и мелодия «Словечко вымолви!..». Горскому по-

нравилось, и ребята легко выучат. Слова прекрасно укладывались в мелодию, лишь ритм её был коренным образом изменён – из протяжного, лирического – в маршевый, по смыслу созданной песни (рифмы не обязательны):

Дабирим азир гопов
Ан буржуйо то имохой
А худо цукур гардо
Ядов бирорхойму омо
Имохой харчи воист
имура мисохим
Ма тарсит, бурор,
бурорхой а иму кумаки.

Подстрочный перевод:

Находились мы под ударами буржуев до сих пор,
Слава богу, снова наши товарищи пришли,
Теперь всё, что хочется нам, мы делаем,
Не бойтесь, братья, наши товарищи нам помогут.

Дальше в песне говорилось, что трудящиеся воспряли и сыплют удары на буржуев, ибо товарищи снова пришли («Большевикляр пришёл!»). Песня звучала мажорно, бодро, и ребята быстро разучили её.

Значит, не только книги, но и мелодии имеют свою судьбу [13].

Эта песня так понравилась ребятам, что чуть не превратилась в гимн членов нашего «Клуба рабочей молодёжи». Мы пели её дружно на субботнике 2 сентября и во время демонстрации 3 сентября 1920 г., посвящённым открывающемуся в ночь на 1 сентября Первому съезду народов Востока.

Татские юноши и девушки, воодушевлённые революцией, ломали старые устои жизни, строили социалистическую жизнь и, воспитываясь в коммунистическом духе, воспитывали и меня, юного агитатора и молодёжного работника. Это была моя первая школа работы на Востоке.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД НАРОДОВ ВОСТОКА

Это была, пожалуй, самая массовая демонстрация из всех состоявшихся в том году. На трибунах находились делегаты съезда, около 2 тысяч человек – яркое и пёстрое зрелище: в халатах, бурнусах¹⁷, чалмах, фесках¹⁸, тюрбанах. В полном составе перед трибунами прошли участники Первого съезда профсоюзов Азербайджана.

Особенно запомнилось последнее заседание съезда, который длился неделю, с 1 по 7 сентября. Был зачитан «Манифест съезда к народам Востока». Более трёх четвертей делегатов понимали тюркоязычную речь, в частности азербайджанский язык. Непонимавшим переводили тут же их товарищи. Поэтому и без синхронного перевода каждое слово манифеста доходило до сознания каждого.

«Народы Востока! Вы знаете, что сделала Англия в Индии, вы знаете, в каких бесправных и безгласных рабов обратила она многомиллионные массы индусских крестьян и рабочих» [18].

«Знаем, конечно, знаем», – отвечали индусы, и им вторили туркестанцы: «Понимаем, понимаем, к чёрту англичан!» – и персы, и арабы, и все делегаты.

«Народы Востока! Вы знаете, что сделала Англия с Турцией? с Персией... с Месопотамией и Аравией... что сделала Англия с Египтом... с Китаем. Даже в Туркестан, Хиву, Бухару, в Азербайджан, Дагестан и на Северный Кавказ проникает империалистическая Англия...». Люди, присутствующие в зале театра, всё это знали по собственному опыту, и гнев нарастал. И тут раздался призыв: «Мы зовём вас на священную войну за ваше собственное благо, за вашу свободу, за вашу жизнь». В зале произошло нечто неопишемое. В ответ понеслись выкрики о газавате, о священной войне, о революционном восстании на всех языках. Бросали вверх свои шапки, огромные, сделанные из шкуры барана туркменские папахи, фески, чалмы, тюбетейки, кавказцы бряцали кинжалами, другие махали красными полотнищами: «газават!».

¹⁷ **Бурнус** – плащ с капюшоном, сделанный из плотной шерстяной материи, обычно белого цвета.

¹⁸ **Феска** – мужская шапочка из красного фетра или шерсти в форме усечённого конуса, обычно с кисточкой.

«Высоко реет красное знамя Священной войны...», – говорилось в заключительных строках Манифеста.

На другой день, когда на площади Свободы состоялось торжественное захоронение останков 26 бакинских комиссаров, вновь выступали делегаты съезда и давали клятву объявить священную войну империализму. А наши ребята пели «Сыпьте удары на англичан», а потом пели «Интернационал» вместе со всей площадью.

Незабываемые дни. Значит, и ты включаешься в мировую революцию, в освобождение Востока!.. Через некоторое время это участие организационно оформилось (главное: организация, организация и организация). Меня перевели с работы зав. клубом рабочей молодёжи (им стал Горский) на работу среди нацменьшинств Азербайджана инструктором молодёжи Совета действия и пропаганды народов Востока. Задача – организация татской молодёжи не только в Баку, но и в Кубе, Дербенте, Петровске (Махачкала), Темир-хан-Шуре (Буйнакск), Нальчике – вплоть до станицы Невинномысской. Работа разъездная, интересная.

В ноябре открылись при Совете «ударные шестинедельные курсы пропагандистов на Востоке», куда меня вместе с Горским послали учиться. Там обучали восточным языкам: персидскому, арабскому, урду и ещё некоторым, по многу часов в день. Проходя по коридору, можно было услышать, как из расположенных рядом комнат неслись гортанные звуки: «Всё ли написали?» – по-арабски; «У меня тетрадь, у меня перо, у меня книги» – на фарси; «Я знаю урду, ты не знаешь урду, он не знает урду».

Каждому полагалось изучить два языка. Мне достались персидский и арабский. Учились серьёзно, но чему можно было научиться за такое короткое время: кое-как читать, несколько разговорных фраз и лозунги. Не беда! Научимся при живом общении! Такая возможность скоро представилась – с персами, в связи с Гилянской революцией¹⁹. По совместительству с работой «организатора молодёжи» я осуществлял связь Совета с бакинским представительством штаба гилянских

¹⁹ Гилянская Советская Социалистическая Республика (Гилянская республика или Персидская Советская Республика) – советская республика, существовавшая в иранском остане Гилян (на юго-западном побережье Каспийского моря) с июня 1920 по сентябрь 1921 г.

войск, осуществлял самым непосредственным образом: разносил пакеты и письма. Больше всего дали мне лекции по иранской грамматике, которые читал на «ударных курсах» известный профессор Жузе²⁰. Он-то мне и Горскому первый и пожелал: «Поработаете, усвоите язык, быть вам, молодые люди, востоковедами».

Профессор Жузе

– Какой из меня, товарищ профессор, востоковед. Я пропагандист и буду пробуждать революцию на Востоке. Разве время сейчас востоковедными науками заниматься?

– Не говорите, – отвечал профессор Жузе, – одно другому не мешает. Получше выучите пока седьмую и девятую породы, они вами ещё не освоены... А быть вам востоковедом, увидите! [13].

²⁰ Профессор Пантелеймон Крестович Жузе (араб. Бандали ибн Салиба аль-Джаузи, 1870-1942) – востоковед и арабист, с 1920 г. работал в Баку, был первым деканом Восточного факультета Азербайджанского университета и занимал эту должность до 1926 г. С началом Великой Отечественной войны больного и уже пожилого учёного заключили под арест в связи с подозрением в шпионаже. Нуждающийся в постоянном присмотре Жузе доживал последние дни в камере и под допросами сотрудников НКВД. Его вина, в конце концов, доказана не была, и Жузе оказался на свободе. Однако его здоровью был нанесен непоправимый ущерб, и 19 января 1942 г. Жузе не стало [19].

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА ГОРСКОГО

Клуб свой всё равно не покидаю. Не знаю, как обошлись бы без Горского? Он и завклубом, и агитатор, и преподаватель ликбеза, и организатор субботников, и автор букваря, и вожак в ЧОНе, и редактор первого номера печатного татского журнала «Корсох»²¹ («Труженик»), и по-прежнему переводит «Известия РОСТА», и ребят смешит, и первую пьесу на татском языке сочиняет – душа всего коллектива.

Но сейчас главное – пьеса. Задумали мы организовать драмкружок и поставить спектакль с дивертисментом – впервые в истории татской народности. Пьеса написана: «Плоды рук отца-матери». В пьесе говорится про то, как две злые родительские пары, закосневшие в старых обычаях-адатах, помешали настоящей, искренней юношеской любви шестнадцатилетнего Миши и пятнадцатилетней Рахили, и о том, какие горестные последствия возникли из-за этого – ещё один вариант Лейли и Меджнун, в современных условиях. Пьеса была очень жалостливая, и даже когда читали её и репетировали, хотелось плакать. А что будет, когда её покажут на сцене? Ещё большей гордостью нашей был подготовленный из пения, танцев и декламации дивертисмент. Слово это могли выговорить только я и Горский. Ребята никак не могли его освоить и, полагая, что оно происходит от русского слова дивер (дверь), тем более, что при репетициях «артисты» выходили из двери читальной комнаты, кричали вместо неудобопроизносимого слова «дивер! – гапыны ач» (открой дверь). Все роли и «номера» дивертисмента выполняли, конечно, только мальчики, девочек родители в клуб не пускали. Но как быть с Рахилью? Нежная Рахиль должна была появиться на сцене. Без этого вся игра – не игра.

Помог Мамед, тартальщик из Сураханов²², здоровый, широкоплечий, рослый пятнадцатилетний малый, по прихоти природы на-

²¹ И.С. Брагинский отметил: «В 1921-1922 гг. вышло два номера печатного журнала культурно-просветительного и литературного характера, форма 1/16 печ. листа, название «Корсох» («Трудящийся») (У меня не сохранилось, а в архивах не мог найти)».

²² **Сурахань** (в переводе с татского – «горячий дом») – посёлок, расположенный на Апшеронском полуострове, в 30 км к северо-востоку от центра Баку. Издавна окрестности Сураханов славилась обилием нефтяных колодцев.

делённый хриловато-пискливым голосом, «как у женщины»... Этот голос, предмет незлобивых шуток, на сей раз помог: Мамед готовился играть роль Рахили. С трудом надевали на него женское платье, трещавшее по швам, на голову – платок, усов нет, лишь едва-едва черневший пушок на верхней губе... и получилась горячо любящая и нежно любимая Рахиль. Что из того, что ростом «она» повыше всех, что из-под платья выглядывают большие, грубые сыромятные сапоги, зато голос, какой писклявый голосок! Лучшей Рахили и быть не могло.

Брагинский и Горский, 1925 г.

Это уникальная фотография из архива И.С. Брагинского – вероятно, единственный сохранившийся снимок Г. Горского

Раздали билеты (бесплатно) среди татской бедноты, около двухсот. Помещение клуба недостаточно, тем более что наверняка по каждому билету придут никак не меньше двух человек – шутка ли, впервые «театр» на родном языке! Пришлось снять помещение кино (до Советской

власти – синематограф «Феномен», по-новому – 1-й Бакинский кинематографический театр), там мест не менее 400, а если ужаться – то и побольше.

Начало было назначено на 6 часов вечера.

Зритель стал подходить с двух часов дня; шли семьями, по семье на один билет. К счастью, были и холостяки, и молодожёны, и малосемейные. К 4 часам зал переполнен, яблоку упасть негде, – а как устроиться целой семье на одном месте? Часть стульев и скамеек отодвигается к стенкам – больше простора, и семьи располагаются, родители с чадами и домочадцами, прямо на полу, подстелив кто захваченные из дома коврики, кто платок, кто чапан²³, фартук, а кто и «просто так». Публика терпеливо ждёт начала, закусывает, раздаются шлепки балующимся детям, кое-где ноет ребёнок, кое-где вспыхивает небольшая семейная ссора, быстро прекращаемая авторитетным соседом. Начинаем не в 6, а в 5, дальнейшее промедление, если не смерти, то чему-нибудь вроде этого подобно. Зато какая тишина воцарилась, когда открылся занавес и начался спектакль, настоящий спектакль – и декорации, и артисты, ставшие из-за грима и костюма почти неузнаваемыми (лишь изредка шёпотом: «Да ведь это Рувима сын – конопатый Бабай-хуна, ей богу, не узнал»). Все впились глазами в сцену, все переживают. Наибольший успех выпал на долю Мамеда, Рахили! Когда «она» запела тонким голосом свою арию «Кто даст мне крылья орла, чтоб улететь к милому», то весь зал рыдал: женщины, чуть причитая «вай, вай, вай», мужчины – молча, а дети при виде плачущих взрослых – громко всхлипывая. Когда кончился спектакль – море восторга, но никто не знает, как его выразить. Возгласы одобрения, кое-кто подбрасывает папаху кверху, но наши ребята тут как тут и учат: «Нужно аплодировать, вот так, рукой об руку!» и раздались не аплодисменты, а овация! Артисты уже устали выходить и кланяться, а овация гремит. Даже сердитый директор кинотеатра растрогался и перестал ворчать и жаловаться.

Всё, что нам казалось недостатками – иные мизансцены, слишком громкий шёпот суфлёра, своевольная импровизация некоторых артистов – всё-всё для зрителей прошло незаметно. По предложению

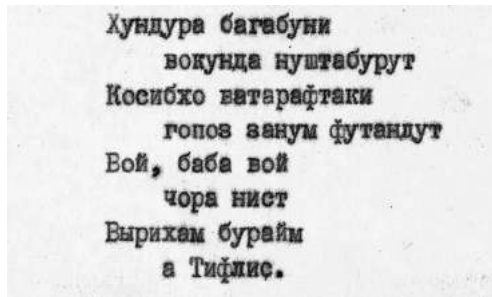
²³ **Чапан** – кафтан, который носят поверх одежды, как правило, в течение холодных зимних месяцев.

драмкружковцев – «автора на сцену» – качаем Горского при всеобщем ликовании: «Ай, Гирсиль, молодец Гирсиль, спасибо твоей матери, будь здоров!». Что бы мы делали без Горского?!

Но это ещё не всё. Начинается дивертисмент.

Помню, как кружок исполнял некоторые песни, куплеты, а также фольклорный дуэт девушки и юноши, где девушка просит умыкнуть её («Юноша, унеси меня!»). [17]:

Куплеты спекулянта, убежавшего от советской власти:

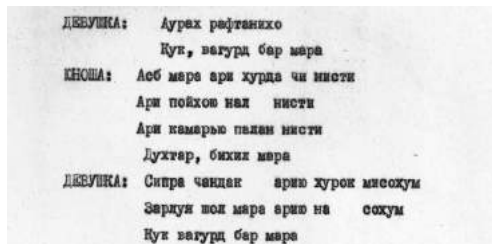

Хундура багабуни
вокунда нуштабурут
Косибхо ватарафтаки
гопов занум футандут
Вой, баба вой
чора нист
Вырихам бурайм
а Тифлис.

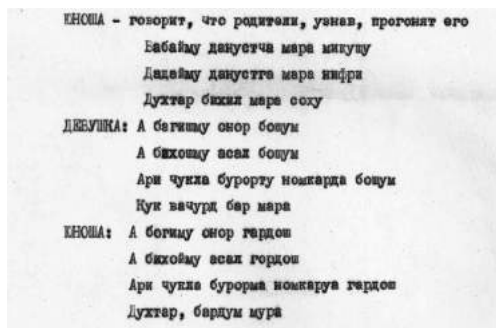
Подстрочный перевод:

Высокие дома построив,
поселились там.
Трудящиеся пришли,
удар нанесли – выгнали.
Ой, папа, ой!
Выхода нет.
Убстав уйдёт
в Тифлис.

Фольклорный дуэт:

ДЕВУШКА: Аурах рафтанихо
Кук, вагурд бар мара
ЮНОША: Асб мара ари хурда чи нисти
Ари пойхов нал нисти
Ари камарье палан нисти
Духтар, бижи мара
ДЕВУШКА: Сипра чандаг арио хурок мисокум
Зардуи вол мара арио на сокум
Кук вагурд бар мара

Подстрочный перевод:

- ДЕВУШКА: По той дороге едущий
Юноша, взяв, унеси меня.
- ЮНОША: Лошади моей для еды ничего нет,
Для ног её подков нет,
Для спины её седла нет.
Девушка, оставь меня.
- ДЕВУШКА: Белое тело моё для неё
едой сделаю.
Золотую шаль мою для неё
подковой сделаю.
Юноша, взяв, унеси меня.
- ЮНОША: Отец мой, узнав, убьёт меня.
Мать моя, узнав, проклянёт меня.
Девушка, оставь меня.
- ДЕВУШКА: В саду вашем гранатом буду,
В улье вашем мёдом буду,
Для младшего брата твоего названной
(сестрой) буду.
Юноша, взяв, унеси меня.
- ЮНОША: В саду нашем гранатом будешь,
В улье нашем мёдом будешь,
Для младшего брата моего названной будешь.
Девушка, унёс тебя.

Отлично показали себя наши кружковцы, один лучше другого. Тот танцует лезгинку, тот декламирует... «Интернационал». Все номера пользуются успехом, всем аплодируют (научились!), многим приходится бисировать. Публика не хочет расходиться, а уже 10 часов вечера – спектакль идёт пять часов подряд, не считая 2-3-х-часового ожидания. Поём хором наш «гимн». Под конец – коронный номер: песни разных ремесленников. Каждый ремесленник – сапожник, портной, лудильщик и т.д. – поёт примерно одно и то же: «Я – сапожник, точим ботинки, если выпадет шило из рук моих, то люди останутся босыми». То же поёт портной, но у него «люди останутся голыми» и т.п.

Отклик зрителей получился неожиданным. Кончил петь «портной» – аплодирует в углу часть публики, – оказывается, там сидит цех портных, живущих на Чадровой; кончил «сапожник» – аплодирует цех сапожников (с той же Чадровой и с Бондарной); так же – «столяру», «лудильщику»: каждому – свой цех, свой квартал, занимающий своё место в зале. Но самые бурные аплодисменты собрал «чистильщик обуви»: ему хлопают самые задиристые зрители, рассеявшиеся по всему залу.

Расходились с трудом, возбуждённые: «И про нас, тёмных людей, вспомнили, спасибо Советской власти!». У выхода столкнулся с профессором Жузе. Он, оказывается, полюбопытствовал и пробыл весь вечер. Улыбается: «А дальше что?» – «Поеду в Дербент и Кубу передавать опыт организации национального театра». – «Вот говорил вам – быть вам, молодой человек, востоковедом, что ж – желаю успеха»²⁴.

Со мною сбылось, а с Горским – нет. Сначала всё шло хорошо. Исследователь культуры татов (горских евреев); просветитель; драматург и поэт; один из организаторов комсомольского движения в Баку, создатель клуба татского комсомола. В 1920 г. учился на Курсах пропагандистов на Востоке, где обучали восточным языкам (персидскому, арабскому, урду и др.). Автор татского букваря, редактор татского журнала «Корсох». Автор пьес на татском языке, организатор национального театра. Удалось ему и девушек вовлечь, и театр создать. Окончил Бакинский университет, преподавал в нём марксизм, статьи писал. Вёл партийно-пропагандистскую работу в Баку. Так было до 1937 г.

²⁴ Обращаю внимание читателей на то, что всё описанное выше сделали за два года два 15-17-летние юноши, не имевшие ни опыта работы, ни наставников! (В.Ф).

В связи с судом над Багировым²⁵ выявился факт создания в 1937 г. клеветнического «дела» Горского, из-за чего у него требовали признания своей «вины», настаивая, чтоб он хоть «что-нибудь» признал. Но ведь Горский физически не умел говорить неправду, даже «чуть-чуть». Он не сказал неправды ни о себе, ни о ком-либо другом... В настоящее время он посмертно реабилитирован, его доброе имя восстановлено.

Так он и не стал востоковедом. Я же, друг его, востоковедом стал. Не тогда, а впоследствии, придя к востоковедению от простого сочувствия обездоленным восточным мальчикам, от практической работы на Востоке под руководством партии, от стремления внести свою лепту в революционную борьбу народов Востока²⁶.

Так многие люди нашего поколения шли к востоковедению, пока не становились на самом деле востоковедами.

С чего начинался Иосиф Брагинский

ПОЧЕМУ БРАГИНСКИЕ УЕХАЛИ ИЗ КИЕВА

В своих автобиографиях И.С. Брагинский пишет:

«Я родился 5(18) июня 1905 г. в г. Киеве. С первых месяцев своей жизни и до 16-17 лет я прожил в г. Баку, куда мой отец переехал в середине 1905 г.»

²⁵ Мир Джафар Аббас оглы Багиров (1895-1956) – советский и азербайджанский партийный и государственный деятель, руководитель органов госбезопасности Азербайджана, Первый секретарь ЦК КП Азербайджана, Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР (1953), кандидат в члены Президиума ЦК КПСС (1953). Соратник Берии, в 1937 г. организатор массовых репрессий в Азербайджане, где существовал мини-культ Багирова («багировщина»). В 1956 г. осуждён и расстрелян.

²⁶ Позже И.С. Брагинский напишет: [20] «Начались мои иранистические занятия с мая 1920 г. в Баку в связи с моей практической работой с западно-иранской народностью татов. Занимался изучением истории и этнографии татов. Эта работа длилась в 1920-1922 гг. – два года», понимая, что востоковедением он фактически начал заниматься уже в юношеские годы.

Какие события заставили семью Брагинских покинуть насиженные места? Первая русская революция, последовавшая за позорно проигранной русско-японской войной 1904-1905 гг. Эти исторические события хорошо известны. 17 октября 1905 года Николай II издал манифест – законодательный акт, разработанный с целью положить конец многочисленным беспорядкам и забастовкам рабочих и крестьян. Тот самый, о котором поэт П.А. Арский (Афанасьев) написал знаменитое стихотворение в четыре строки, напечатанное в газете «Правда»: «Царь испугался, издал манифест: мёртвым свобода! Живых под арест!». Манифест не только не достиг своей цели, но и спровоцировал многочисленные беспорядки по всей стране. В Киеве они сопровождались еврейскими погромами.

После объявления манифеста по крупным городам России прокатилась волна демонстраций, столкновений с войсками и полицией, погромов. Не стал исключением и Киев. Здесь события разыгрались 18 октября 1905 года. Здесь случилось то, что потом назвали «расстрелом царскими войсками мирной демонстрации». Однако не такими уж мирными были эти демонстрации. Вот как описывает их очевидец в газете «Киевлянин» [21]:

«... в 4½ часа из за Думы показался конно-горный дивизион. Тщетно ехавший впереди офицер пытался предупредить столкновение – ничего не помогало, толпа двинулась на него с палками, револьверами, камнями; тогда только, видя бесплодность всех усилий, был подан сигнал “вперёд”. Ни один выстрел не раздался из среды солдат в то время, когда они пролетали, осыпаемые градом пуль из толпы; стреляли студенты, стреляли женщины, стреляли гимназисты... И только когда площадь была очищена “кавалерией”, раздались залпы из пехотных частей, но опять таки не было уже той густой, многотысячной толпы..., повторяю, площадь была уже очищена. И опять-таки перед стрельбой был подан сигнал, служащий предостережением. В то же время шла ответная стрельба по солдатам из окон, дверей, крыш домов».

Обычное дело: одни и те же события представляют по-разному в зависимости от политических взглядов источника. Но как бы ни происходило на самом деле, всё равно виноваты евреи! Как будто они одни там и были. Поэтому закончилось это так:

«19 октября был ужасным днём стихийного разгрома. Появление накануне толпы революционеров с красными флагами, хождение её по городу с революционными песнями и криками и быстро разнёсшееся по городу известие, что толпа изорвала в здании Думы портреты Государей, находившиеся там, всё это к концу дня вызвало страшное негодование во всех классах населения и озлобление в массах. Масса населения приписывала все эти возмутительные действия евреям, так как в толпе революционеров действительно было много молодых евреев и евреек. И на евреев обрушилась месть за оскорбление народных чувств революционерами. Уже к вечеру в Лыбедском участке появились возбуждённые группы простого народа, которые начали нападать на евреев, оскорбляя их и нанося побои.

Около десяти часов вся Большая Васильковская улица, от Караваевской площади до Бессарабки, представляла картину разрушения. В этой части улицы сосредоточены почти исключительно разные еврейские магазины. Все эти магазины разбиты, а товары выброшены на улицу и уничтожены, частью разграблены. Далее, громадная толпа простого люда заполнила весь Крещатик. Группы в несколько сот человек с каким-то неистовством набрасывались на магазины, принадлежащие евреям, вламывались в них, ломали обстановку, выбрасывали вещи на улицу и тому подобное. Некоторые из громил были вооружены ломami и молотками. ...Многие из толпы с остервенением разбивали дорогие стёкла в магазинах, ломали обстановку. Покончив с одним магазином, толпа набрасывалась на следующий. В окнах и дверях магазинов, принадлежащих христианам, владельцы их выставляли образа и портреты Государя Императора с национальными флагами. Этих помещений не трогали. Около двенадцати часов дня на Крещатике, Думской площади, Прорезной и других улицах мостовая была усеяна разбросанными и развороченными кусками материй, обломками мебели, футлярами от часов. Разбивались громоздкие вещи, вроде машин, аппаратов и т.п. Часть Крещатика, близ Царской площади, была сплошь покрыта пухом. Толпа, врываясь с ожесточением в магазины, рвала конторские книги, счета, переписку... Войска и полиция, стоявшие на Крещатике и в других местах, где происходили погромы, были бессильны прекратить разгром и грабёж, ввиду того, что улицы были переполнены массой зрителей, не принимавших участия в погроме» [22].

««Ужасы, сообщаемые газетами, ничто в сравнении с действительностью. Тысячи евреев умерщвлены в южной России, более тысячи молодых девушек и детей было изнасиловано и задушено. Реакционная партия обещала уплатить по рублю за каждого убитого еврея. Предводитель реакционеров Бойков открыто заявил, что имеет предписание из Петербурга евреев уничтожить. ...Полиция, раздавая водку и деньги, указывает чёрной сотне дома богатых евреев. Казаки убивают тех, кто ищет спасения в бегстве» [23].

Семью Брагинских вместе с несколькими другими семьями спрятали в подвале знакомые русские. Четырёхмесячного Иосифа при этом чуть не потеряли. Стоит ли удивляться тому, что Брагинские поспешили покинуть Киев?

ПРЕДКИ

«У дедушки Самуила, папиного папы, было 10 братьев и сестёр. Шесть старших от первой жены – это наша ветвь: люди со склонностью к точным наукам и языкам, с могучим интеллектом и несокрушимым здоровьем. Пять младших – дети несчастной матери, которая... повредилась в рассудке. Эти другого типа – нервные, музыкальные, с разнообразными аномалиями» [24].

Абрам Брагинский, отец Самуила Брагинского

Абрам Брагинский был убит в конце Гражданской войны – бандиты выкинули его из поезда.

Стоит уточнить отношение Самуила Абрамовича Брагинского к религии и, соответственно, к религиозному воспитанию его детей. Зулайхо Сайфуллаева, которой принадлежит большой вклад в изучение творчества И.С. Брагинского, со ссылкой на известного филолога и ученика Брагинского Р. Ходизаде пишет [2]: «Его родители были религиозными людьми и воспитали своего сына в этом духе. Однако позже на него оказали влияние большевистские настроения революционного Баку». Как следует из воспоминаний Иосифа Самойловича, в молодости его отец был не просто неверующим человеком, но активным атеистом, открыто и публично демонстрирующим свой атеизм. Соответствующим образом воспитывал и детей: они не посещали синагогу и не соблюдали еврейские религиозные обряды. Иосиф Самойлович рассказывал своим детям, что с 3-4-х лет отец приставил к нему учителя, который обучал его библии и еврейскому языку, а заодно и еврейским обычаям. В итоге мальчик Иосиф стал верующим. Однако в 6-7 лет он обнаружил, что учитель сам не соблюдает правил, которым его учит, что оттолкнуло его от религии. Так что атеистом И.С. Брагинский стал задолго до того, как познакомился с коммунистической идеологией и революционным Баку.

Жизнь сложилась так, что, уехав из Баку, И.С. Брагинский редко виделся с отцом. Сначала была напряжённая учёба и работа в Москве, Таджикистан, потом война, Самуил Абрамович оставался в Баку. После смерти жены он женился повторно, детей больше не было. В 1943 году он получил похоронку на Иосифа, якобы погибшего на фронте. Ошибка вскоре выяснилась, но в 1944 году Самуил Абрамович ушёл из жизни верующим человеком.

В рассказах своим детям И.С. Брагинский упоминал, что его отец обладал удивительным даром быстро производить в уме арифметические действия с любыми числами, из-за чего пользовался уважением директоров нефтяных промыслов.

О маме И.С. Брагинского, Брухе Мордуховне Каган, известно, что она родом из Иванковской волости Радомысльского уезда Киевской губернии.

Самуил Абрамович Брагинский

Сохранились фотографии её родителей – киевского мещанина Мордухая Кагана и его жены, имени которой мы не знаем.

«Согласно семейной легенде, папин дедушка был женат на польке. Вот уж кто был предком доблестным и стародавним! Ездил в одиночку на тарантасе через страшный лес, в котором водились черти, каковые хватили лошадей под узды и грабили ямщиков и балагул. Но дед мой в нечисть не верил, и когда те всё-таки явились, исхлестал их кнутом. Дедушка этот, мой прадед, был человеком большой силы и весёлого нрава, а польская прабабушка всё молилась, так говорила тётя Суля²⁷. А историю про любовь моего прадеда вспоминал папа, когда помогал мне переводить с иврита роман Башевиса-Зингера «Раб». Там... тоже полька и еврей. Но я-то думаю, что прабабушка была скорее всего просто поль-

²⁷ Тётя Суля - Суламифь Брагинская, сестра Иосифа Брагинского.

ской еврейкой. Впрочем, на фотографии, старинном портрете, у неё красивое волевое лицо и, правда, вроде с высокими славянскими светлыми скулами. Прадед тоже очень хорош, в чёрной ермолке с умными светлыми глазами. Говорят, моя сестра Лена похожа на эту прабабушку» (Майя Брагинская [24]).

*Мордухай Каган – отец мамы
И.С. Брагинского*

*Бабушка (мама мамы) И.С.
Брагинского*

Сохранилась большеформатная тетрадь, в которую Бруха Мордуховна записывала рецепты и рисунки по кройке и шитью. Эти курсы она окончила 21 мая 1905 года – незадолго до того, как их семье пришлось бежать из Киева. Сумела ли она ими воспользоваться и по какой причине переквалифицировалась в акушерки? Кто теперь об этом расскажет?

В рассказах своим детям И.С. Брагинский упоминал, что его мама не брала денег за приём родов у беднейших женщин, чем снискала большое уважение в округе.

«Мой папа рассказывал мне, как любимая мама приучала его жить в реальном мире. Он смотрел на небо и говорил: «Мамочка, посмотри, сколько огоньков, это свечки зажгли?», а мама строго отвечала: «Нет, Юзик, это звёзды, это просто звёзды» (Майя Брагинская [24]).

Иосиф с мамой

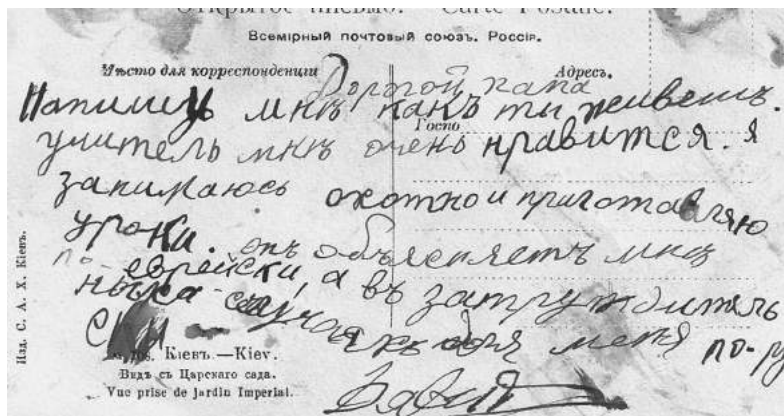
Эту фотографию Иосиф Самойлович особенно любил. Такая фотография стояла под стеклом в книжном шкафу в большой комнате его квартиры. В наше время, когда вся семья и близкие друзья собирались за праздничным столом, он всегда брал слово первым и представлял своих любимых людей. Таким был постоянный ритуал, неизменно соблюдавшийся до самой его кончины.

Брат Давид

Иосиф был младшим из трёх детей своих родителей, Суламифь – двумя годами старше. Старший брат Давид – ровесник XX века: он родился 27 октября 1900 года.

Мы очень мало знаем о детстве Давида – некому было о нём вспоминать.

По-видимому, учиться Давида поначалу отправили в Киев к родственникам. Об этом свидетельствует сохранившаяся открытка из Киева:

Дат не осталось, пишет, по-видимому, 8-9-летний мальчик.

Брагинские Иосиф, Суламиць и Давид

Остаётся только догадываться, сколько приключений пережила эта чудом сохранившаяся потрёпанная фотография примерно 1910 года. Самая ранняя фотография Иосифа и одна из двух оставшихся после его брата Давида.

Что он успел в жизни? Успел погибнуть в одном из самых ярких эпизодов Гражданской войны, вошедшем в историю. Пусть имя его растворилось в общей безымянной массе героев Трипольской трагедии, но оно навечно связано с этим героическим эпизодом.

Успел повлиять на выбор жизненного пути своего брата: «Его светлый образ, память о нём имели решающее значение для моего политического самоопределения» [15].

Не так уж и мало.

ТРИПОЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Трипольская трагедия 1919 года – героический эпизод борьбы в защиту Советской власти на Украине в период Гражданской войны: гибель в июле 1919 года партийно-комсомольского отряда, сражавшегося против кулацко-националистической банды Зелёного близ с. Триполье, на берегу Днепра, в 45 км южнее Киева. 15 июня 1919 г. городская комсомольская конференция объявила киевский комсомол частью действующей Красной Армии и призвала к оружию всех комсомольцев. На ликвидацию банды были направлены войска, в составе которых был отряд киевских комсомольцев (около 100 чел.). После 3-дневных боёв отряд захватил Триполье. Бандиты после упорного сопротивления отступили, но, воспользовавшись потерей бдительности командиров и неопытностью комсомольцев, расположившихся на отдых и не выставивших усиленных постов и засад, внезапно 4 июля напали на отряд. Первой приняла бой небольшая группа бойцов, руководимая Михаилом Ратманским – одним из организаторов и руководителей киевского комсомола. Почти все бойцы-комсомольцы были ранены, но продолжали сражаться с врагом. Смертью героя погибла комсомолка-пулемётчица Таня Орликова. Последней гранатой она подорвала пулемёт и погибла сама, уничтожив несколько бандитов. Бойцы-комсомольцы были вынуждены отходить к Днепру.

Несколько комсомольцев успели скатиться по крутому обрыву к реке и броситься вплавь, но большинство из них было застрелено или утонуло. Захваченных в плен комсомольцев бандиты зверски казнили. Переплыть Днепр и уйти от погони удалось только шестерым. Им удалось добраться до Киева и рассказать о героической гибели отряда.

День 4 июля 1919 года считают днём гибели комсомольцев в Триполье. Значит, это и день гибели Давида Брагинского.

Кто такой атаман Зелёный (Даниил Ильич Терпило, 1886 –1919), с именем которого связана Трипольская трагедия? Одни рисуют его украинским революционером [25], другие – врагом советской власти. Думается, что ближе к истине портрет, нарисованный Олесем Бузиной (1969-2015) – тем самым писателем и общественным деятелем, которого 16 апреля 2015 года подло и безнаказанно убили современные бандеровцы только за то, что он не разделял их взглядов:

«Имена этих людей не вспоминают с высоких трибун. ... Тем не менее, без них история Гражданской войны была бы скучна, как суп без перца. Это почувствовал уже Аркадий Гайдар. В бурном 1919-м он служил красным курсантом в Киеве, обложенном со всех сторон атаманскими бандами. А в одной из самых ранних своих повестей «РВС», написанной по личным впечатлениям, вывел сразу двух таких колоритных народных «вождей» – атамана Головня и атамана Козолупа, ненавидевших красных, белых, петлюровцев, а больше всего – друг друга.

В атаманщине скрыта тайна украинского национального характера. Не галичанского, скупого, воспитанного в австрийской казарме палкой немецкого унтер-офицера, а настоящего украинского – идущего от запорожской вольницы. Того характера, что не признаёт над собой никакой власти, кроме своей собственной, и живёт по принципу: хоть день, да мой! В дневнике гражданской жены батьки Махно есть воспоминание об одном из таких отложившихся от Нестора Ивановича «крутых пацанов». Даже весёлое анархистское воинство с гармошками и тачанками не удовлетворяло его широких культурных запросов. Украв часть махновской казны, он пустился в пляс, потратив две недели на кутежи с девками и самогоном. Когда после расследования весельчака расстреляли, то уже лёжа в пыли и дёрнув на прощание ногами, он в

предсмертных конвульсиях повернул голову и прошептал подбежавшим к нему хлопцам: «Зате погуляв!»

Как известно, из украинской земли произошло всё. Первые борцы за экологическую чистоту тоже родились на нашей земле. Завидев приближающегося комиссара или целый продотряд, они тут же бросались на него, чтобы очистить прекрасный украинский ландшафт от этих вредных существ, и уничтожали их до последнего человека.

Возглавлял эту народную партию Данило Терпило – мужчина в расцвете сил, взявший политический псевдоним атаман Зелёный. Он родился в знаменитом селе Триполье под Киевом, очень любил читать, но ещё больше захватывать пароходы и стрелять из всех видов оружия. ...Почему-то особенно ему нравилось не просто убивать свои жертвы, но ещё и скармливать их рыбам.

Зелёный ходил в походы на Киев, то объединяясь, то враждуя с соседними атаманами, регулярно совершал набеги на Обухов и Кагарлык. Он первым в наших местах выдвинул лозунг: «За Советы без большевиков!» и даже попал в официальную советскую историю как организатор так называемой Трипольской трагедии – избиения красного карательного отряда, состоявшего из киевских комсомольцев, китайцев и караульного полка. Как настоящий мастер маневренной войны, Терпило впустил их в село, имитируя бегство. А, когда те расслабились и перепились, тут же нанёс контрудар. Из полуторатысячного отряда только в плен попало четыре сотни. Пленных красноармейцев из украинцев и русских Зелёный отпустил, взяв обещание больше не воевать. А чекистов, комиссаров и комсомольцев приказал расстрелять как неисправимых» [26].

В архиве И.С. Брагинского сохранилась вырезка из газеты «Большевицкая молодёжь» (Смоленск) 1938 г., где рассказывается о Трипольской трагедии. Память о героях-комсомольцах принадлежит не одним киевлянам.

Трипольская трагедия имела большой отклик в советской истории, ей посвящены литературные произведения, картины и художественные фильмы [27]. Илья Рубановский написал о ней книгу для детей [28]. Известный советский поэт и писатель Леонид Первомайский (1908-1973) написал поэму «Трипольская трагедия» (1929) [29]. В этом же ряду стоит и поэма «Триполье» (1933) Бориса Петровича

Корнилова (1907-1938), расстрелянного в годы массовых репрессий [30]. К восемнадцати годам его называли одним из самых талантливых молодых поэтов России, а «Песня о встречном» из кинофильма «Встречный» («Не спи, вставай, кудрявая, / В цехах звеня, / Страна встаёт со славою / На встречу дня!»), написанная Д. Шостаковичем на его слова, повсеместно гремела по стране без упоминания имени поэта [31]. Сколько лет прошло, а я помню эту песню, многократно слышанную в юности.

Открытка с репродукцией картины Ю.В. Киянченко «Трипольская трагедия»

Кадр из фильма «Трипольская трагедия», 1926 г.

Украинский художник Ю.В. Киянченко написал картину «Трипольская трагедия» (1926) [32].

В том же году вышел одноимённый кинофильм-драма кинорежиссёра Александра Анощенко-Анода, производство Всеукраинского фотокиноуправления (с 1957 г. – Киевская киностудия им. А. Довженко) [33].

В нашей семье много лет хранится реликвия – шкатулка с землёй и запиской рукой И.С. Брагинского «Земля из-под ног расстрелянных комсомольцев при Трипольской трагедии».

Из воспоминаний Майи Брагинской:

«Про Давида, героя «Трипольской трагедии», папа пел песню «Отряд коммунаров сражался. Под натиском белых наёмных солдат в засаду жестоку попался... А вы что стоите, сомкнувши ряды, к убийству готовые братья, хоть мы и погибнем от вашей руки, но мы не пошлём вам проклятья²⁸». Я сижу у папы на руках, а он поёт. И ещё «Там вдали за рекою погасли огни...»²⁹. Так познавала я прекрасное и трагическое» [24].

В память героев на месте их гибели сооружён памятник-obelisk, в с. Триполье был открыт музей.

²⁸ Народная песня Гражданской войны «Расстрел коммунаров» [34].

²⁹ Песня неизвестного композитора на слова Н. Кооля [35].

Остатки мемориала в Триполье

Прошли годы. Во время «оранжевого режима Ющенко» (2008 г.) музей героев Триполья был закрыт, мемориал комсомольцам разгромлен. А рядом установлен памятник их палачу атаману Зелёному – он же теперь имеет статус борца за самостоятельность Украины. Реванш бандитов [36].

Сохранились ли эти остатки при бандеровской власти Порошенко, когда уничтожают и переименовывают всё связанное с Россией и коммунистическим прошлым Украины? А памятник атаману Зелёному наверняка стоит – герои теперь такие, как он.

КАКУЮ КНИГУ О ВОСТОКОВЕДАХ ЗАДУМАЛ,
НО НЕ НАПИСАЛ И.С. БРАГИНСКИЙ

После XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, август 1960 г.) чешский востоковед академик Ярослав Прушек писал Брагинскому 17 августа 1960 г. из Праги:

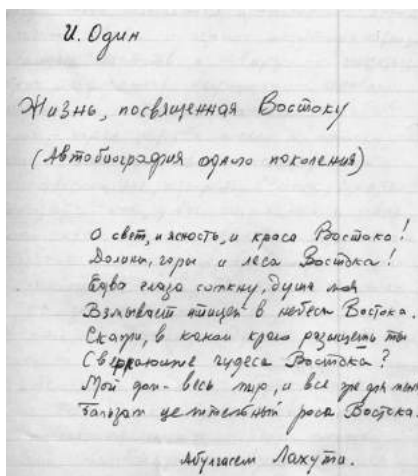
«Вам следовало бы написать описание своей жизни. Я твёрдо уверен, что Ваша книга являлась бы одним из самых интересных документов громадного переворота, испытанного советской страной вместе с советским востоковедением. Поэтому я рекомендую Вам написать свою книгу как можно скорее. Её будут глотать наши читатели с такой огромной жадой, как мы внимали Вашему рассказу».

Это, возможно, и подтолкнуло И.С. Брагинского к написанию такой книги. В собственноручной рукописи эта книга названа так: «И. Один. Жизнь, посвящённая Востоку (автобиография одного поколения)». В машинописном варианте подзаголовок изменён: Биография поколения советских востоковедов.

В «Необходимом пояснении» сказано:

«В дальнейших записях излагаются безо всякого вымысла факты из жизни одного из советских востоковедов. Заменены лишь, как правило, имена ныне здравствующих лиц. Совокупность фактов настолько типична и обща для всего поколения сверстников автора, родившихся до Октября 1917 г., но вступивших в жизнь и в науку под непосредственным воздействием Октября, что само собою получается не столько автобиография, сколько жизнеописание поколения».

Отсюда и псевдоним автора: И. Один – это «один из».

Из всего задуманного в архиве автора обнаружены лишь три документа: 1) описание бакинского периода жизни (оно легло в основу представленной в настоящей публикации «Бакинской юности»), 2) предисловие, обращённое к «взыскательному читателю» и 3) план книги. В обращении «К взыскательному читателю» автор пишет:

«Если в его биографическом произведении ты ищешь только необычный, затейливый вымысел, закрой эту книгу и отложи её в сторону. Здесь нет ни грана вымысла, одни только действительные факты и события, ничего кроме правды.

Может и встретится что-либо необычное в описании жизненного пути обыкновенного советского востоковеда – это вызвано цветом нашего времени, ярким и переливчатым.

Перед тобою не автобиография и не мемуары одного лица, а повесть о целом поколении, рассказанная одним из его представителей от своего имени. Это повесть о втором поколении советских востоковедов. Первое поколение, наши учителя, это русские востоковеды, которые вступили в Октябрьскую революцию уже зрелыми учёными. Не все и не сразу приняли Октябрьскую революцию. Переоценка ценностей стоила многим больших душевных переживаний и мучительных раздумий, но подлинные учёные, связанные с народом, лучшие представители той части интеллигенции, которая была на самом деле солью земли русской, восприняли идеи Ленина и заложили основы советского востоковедения.

Неумолимые законы природы сделали своё дело, но светлая память об ушедших до сих пор воодушевляет нас, и их труды освещают наш путь.

Тёплое рукопожатие представителей этого первого поколения, продолжающих и по сей день беззаветно работать, укрепляет в каждом из нас уверенность в пройденном и предстоящем пути не менее, чем их исследования, которые из года в год заполняют наши книжные полки.

Второе поколение родилось до Октября, но всем своим моральным и научным обликом оно обязано революции и победе социализма в нашей стране.

Кое-кто за рубежом искажённо изображает развитие востоковедения в этот период. Кому-кому, как не нам, представителям этого поколения, пережившим все трудности возведения здания советской науки, знать более объективно и честно, как преодолевались эти

трудности, что стоили нам победы и достижения. Рассказу об этом посвящена книга.

Третье поколение – это наши ученики. Они и родились после Октября и сложились в учёных в последнее десятилетие, и им будет небесполезно обозреть пройденный путь.

Если иногда покажется при чтении этой книги, что не всё описанное в ней имеет отношение к востоковедению и события относятся к другой области, к Гражданской и Отечественной войнам, к строительству в других областях жизни, пусть не удивится! Таков был реальный путь второго поколения советских востоковедов, где востоковеды и «невостоковеды» сливались воедино.

Жить общей жизнью с народом, не замыкаться в рамках цеховой науки, не отгораживаться от общей борьбы, от общих лишений и жертв – таков был путь второго поколения советских востоковедов. Так было дело на земле, так о нём и рассказывается.

Лишь в одном случае допускается уклонение от точности и вымысел – это в именах. Имена ныне здравствующих обычно (там, где это вызвано соображениями такта) вымышлены. Вымышлено и имя автора книги, но и в этом нет ничего нарочитого, ничего от литературщины. И. Один означает, как об этом говорилось выше, что речь идёт о биографии целого поколения, в том числе и одного из его представителей.

Вот, пожалуй, и всё, что нужно было предварить книге, а теперь пусть перейдёт она на твой суд, читатель! На суд строгий не только в целом, но и по поводу каждого факта, каждой строки, ибо, повторяю, это не мемуары, а историографическая работа, где всё должно быть точно вплоть до транскрипции и транскрипционных знаков. И если тебе не понравится хотя бы одна строка, хотя бы одна мелочь, критикуй! Автор же станет повторять просьбу Саади:

Вот золотая строка!

Прости десять ошибок!

«Золотых строк» в книге нет, это просто суровые строки о том, что было. Саади писал по поводу придинок к отдельным недостаткам в своих стихотворениях. Он говорил о таких критиках:

Тонкую мысль обойдя по пути,

Только чтобы ошибку найти,

И вот он вопит свыше всяческих мер:
О, вах, Саади нарушает размер!
Пусть скорлупой миндаля оброс,
Ешь ядро, скорлупу же отбрось!

В историографической работе требует придирчивого отношения не только ядро, но и скорлупа. Лишь об одном можно просить читателя: без скоропалительных замечаний! Может быть, сначала что-нибудь покажется неполным, неточным – не спеши с выводами, пока не прочитаешь дальше. Может быть, необходимые уточнения и полнота будут даны в последующем тексте. Да не случится с тобой то, что произошло с дервишем по имени Худойдод (худой – бог, дод – дал), то есть примерно Богдан. А произошло с ним следующее:

Когда бедный дервиш по имени Худойдод приблизился ко дворцу правителя, привратники спросили его, как его зовут.

– Худой... – начал свой ответ медлительный дервиш, но не успел закончить произнесение своего имени, как привратники схватили его и жестоко избили, говоря:

– Ты посмел назвать себя богом, оборвыш! Ты подлежишь казни, еретик!

Бывший неподалёку мудрец остановил привратников:

– Бедняка зовут Худойдод, что же вы, не расслышав и не дав ему произнести второй части своего имени, понапрасну обвиняете его, избиваете и чего доброго убьёте!

Не делай, читатель, выводов после произнесения первой части слова! Дочитай до конца, а уж тогда суди. Не снисхождения прошу читателя, а о взыскательности!»

Ради даже одного только этого совета мудрого востоковеда предисловие к ненаписанной книге достойно публикации! И относится оно не только к книге (любой!). Как часто в современном мире, едва происходит какое-то событие, политики, не желая ни в чём разбираться, подхватывают подброшенное им объяснение только потому, что оно им выгодно!

Интерес представляет и план книги – по существу, это сжатое изложение типовой биографии советского востоковеда второго поколения:

1. **Первые шаги** (1915-1930). «Сойла бар гёрум». Баку – город детства, юношеских грёз и первой боевой закалки. Национальный гнёт, национальная рознь и интернационализм. 1920 – «Большевикляр пришёл». «Товарищ Татьяна». Краснофлотский университет. 1-й съезд народов Востока. Совет действия и пропаганды. Просвещение татской молодёжи. «Интернационал», букварь, «Корсох», театр. Штаб Иранской Красной Армии и Гилянская революция.

1922-1923. Москва. ВНАВ³⁰, «Новый Восток», Наримановка³¹ и Литхуд. «Маркс и Ленин». Рабочий класс («Гознак», профпропаганда).

1923-1930. Советское востоковедение (Москва, Ленинград). Создание на базе «Азиатского музея» Института востоковедения АН СССР. ЛИЖВЯ³² и Наримановка. Поступление в Институт востоковедения. КУТВ³³. Первое задание по Таджикистану (движение рабочей силы).

2. **Востоковедение в теории и на практике** (1931-1941). Наримановка. За советскую методику преподавания языков. МОСНР³⁴. Лингвистическая секция и аспирантура. Учебники Центра востоковедения: НИАНКП³⁵, М. и Л. «Аграрный институт».

1933. Политотдел. Таджикистан. Учкомбинат. Курбан Сафар. Язык. Древности Дангары и её перерождение. ЦК. Переводы классиков. 10-летие республики. Борьба за язык, за лит. наследство. Академическое востоковедение.

Востоковедение 1931-1941. Первый учебник по новой истории Востока. Докторантура и защита диссертации.

3. **«Западно-восточный диван»**, 1941-1951.

Великая Отечественная война. Пропаганда среди немецких войск. Переводы приказов Сталина. Таджикская листовка. Немецкие комму-

³⁰ ВНАВ – Всероссийская научная ассоциация востоковедов при Наркомнаце, созданная Декретом ВЦИК от 13 декабря 1921 года.

³¹ Наримановка – Московский институт востоковедения имени Нариманова.

³² ЛИЖВЯ – Ленинградский институт живых восточных языков. Высшее учебное заведение СССР, с 1920 г. занимавшееся подготовкой специалистов по странам Востока.

³³ КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока – учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1921 по 1938 гг.

³⁴ МОСНР – Московский областной совет научных работников.

³⁵ НИАНКП – Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем.

нисты (Пик, Вайнерт). «Музы не молчат». Тихонов о чтении Низами. Востоковедение в Ленинграде, Ташкенте, Москве (московские группы).

Восток и Запад. Курелла и Кольман. Гёте и Восток.

Послевоенный период. Антология, декады, статьи в «Культуре и жизни». Несоответствие между задачами и их осуществлением. Нужна реорганизация. Дискуссии.

4. **Десятилетие подъёма и перспективы** (1950-1960). Борьба за эпос. Актуальность дискуссии. Реорганизации. Востоковедение за 10 лет. Куда идёт востоковедение?

На этом план кончается. В архиве Брагинского материалы к книге о советских востоковедах не датированы. План книги позволяет предположить, что эта работа проводилась в начале 60-х годов. Мы не знаем, что именно помешало учёному написать задуманную книгу. Часть этого материала использована им в статьях, опубликованных в 1967 г. [37].

После её публикации из Баку пришёл неожиданный отклик. Его автор – сотрудник Института Ближнего и Среднего Востока иранист, кандидат исторических наук Семён Львович Агаев:

Дорогой Иосиф Самойлович!

Вы, конечно, меня не знаете, но я знаю Вас очень хорошо, а сейчас ещё лучше. Нельзя не почитать человека, который через десятилетия смог пронести чувство дружбы.

Я племянник Гриши Равиновича (Горского), сын его средней сестры (у него их было три, и все ещё живы). Вас я знаю очень близко. ...В последнее время часто публикуюсь в вашем журнале. ...О том, что Вы установили связь с женою дяди Гриши – тётёй Фаней, я знал давно. И всё хотел подойти к Вам, поговорить, но не решался.

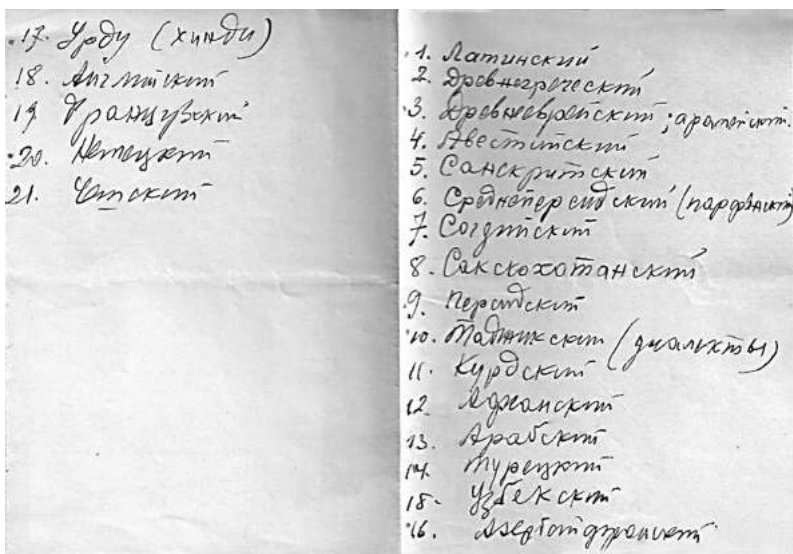
...Читали всей семьёй Ваши воспоминания о втором поколении советских востоковедов. Старшие плакали навзрыд, когда речь заходила о Грише Горском. А мы, молодёжь, испытывали двойственное чувство. Мы почти не видели его, в 1937 г. мы были детьми. И честно сказать, слушая рассказы старших о нём, мы полагали, что они его идеализируют. После Вашего рассказа мы поверили в это. У нас было тягостно на душе. А с другой стороны, мы не могли не восхищаться той высокой художественной формой, в которую Вы облекли свои воспоминания. У Вас

это получилось очень сочно, красочно, ярко и вместе с тем удивительно правдиво. Большое, большое Вам спасибо и за глубину Ваших чувств, за память Вашего сердца и за то огромное эстетическое удовольствие, которое Вы всем нам доставили.

...Одна просьба к Вам: если можно, вышлите нам наложенным платежом хотя бы два экземпляра журнала и несколько оттисков Вашей статьи.

Я не знаю, каково было продолжение этой истории – в архиве профессора оно не отражено. Несомненно, что продолжение было: Иосиф Самойлович был человеком очень чутким и аккуратным, оставить такое письмо без своей реакции он не мог. Впрочем... уверен в том, что он сделал: написал очень тёплое письмо, послал **за свой счёт** запрошенные номера журнала и оттиски, при первой же возможности встретился с автором письма.

В Личном листке по учёту кадров, датированном 25.05.1962, Брагинский пишет, что свободно владеет таджикским, персидским, немецким, английским языками, «из древних – латынью, древнееврейским и др. – иранским (авестийским), из новых – урду, узбекским». На дальнейшее перечисление языков 2.5 строк, выделенных Листком,

места уже не хватило. В папке, озаглавленной рукою И.С. Брагинского «Жизнь востоковеда. Материалы», есть небольшой, но очень значащий листок:

Это список языков, которые знал (конечно, в разной степени) учёный. Он никогда не называл себя полиглотом: 21 язык, не считая родного русского, для него – это нормально. Работы Брагинского опубликованы не только на русском, но и на таджикском, персидском, узбекском, киргизском, туркменском, казахском, азербайджанском, татском, армянском, японском, пушту, идише, немецком, болгарском, чешском... В его научном архиве немало страниц, написанных на разных языках.

Много ли людей на Земле способны стать с ним рядом в этом отношении?

Полвека спустя...

Иосиф Брагинский покинул Баку в 1922 году. Однако всю жизнь чувствовал свою неразрывную связь и с городом юности, и с горскими евреями, среди которых он начинал свою деятельность. В его жизни были два эпизода, которые подчеркнули эту связь.

Ших-Али Курбанов и праздник Новруз

Май 1965 года. Профессор Брагинский посещает Баку. Этот визит он часто потом вспоминал.

Небольшой любовно оформленный фотоальбом «В память о Баку, города Огня и Революции, города моего безмятежного детства и тревожной молодости. 1905 – 1965». Фоторассказ о посещении профессором Брагинским родного города накануне своего 60-летия. Наглухо наклеенные фотографии. Надписи на каждой странице. И даты в правом верхнем углу – даты бакинского бытия.

Открывается фотоальбом фотографией – Иосиф с мамой, 1910 г. Той самой, которую Иосиф Самойлович особенно любил. Далее – по памятным «Брагинским» местам. У Девичьей башни 1911-1915.

Крепость: дом, в котором жила семья в 1911-1915 гг. На берегу седого Каспия, 1915. Набережный бульвар – тот самый, где от маленького тартальщика он услышал песню из оперы «Лейли и Моджнун», 1915. Здание Азгосуниверситета – бывшее Реальное училище, 1917. У дома на Тазапирской, где проходило детство, 1918-1921. На Проспекте нефтяников – здесь находился Совет действия и пропаганды, где работали юный «инструктор молодёжа», Бабай-хуна и Миши, 1921.

На последней странице фотоальбома размещена фотография с автографом Ших-Али Курбанова:

Ших-Али Курбанов – Иосифу Брагинскому: автограф в фотоальбоме

По этим памятным местам профессора сопровождала небольшая группа более молодых мужчин, видимо, сотрудников Института языка и литературы Академии наук Азербайджанской ССР, к которым приехал профессор Брагинский. Среди них Ших-Али Курбанов – небольшого роста черноволосый азербайджанец. Много лет я не знал, что он – человек, вернувший стране праздник Новруз. Вернувший его ценою собственной жизни.

Ших-Али Курбанов (1925-1967) – писатель, поэт, драматург, литературовед, доктор филологических наук, общественный и государственный деятель. В 60-е годы он руководил отделом в Институте языка и литературы АН Азербайджанской ССР. В 1957-1967 гг. был заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП Азербайджана, с 1966 по 1967 год – секретарём ЦК КП Азербайджана и членом бюро ЦК, несколько раз избирался депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Новруз (Новруз байрам, новый день) – праздник весны и начала нового года по астрономическому солнечному календарю у иранских, кавказских и тюркских народов. Праздник весеннего равноденствия, символизирующего обновление природы. Ныне это один из самых главных и любимых праздников на Востоке. А в Советском Союзе его запрещали как религиозный праздник. Ничего религиозного ни И.С. Брагинский, ни Ш. Курбанов в нём не видели – это древний народный восточный праздник. Возродить празднование Новруза в Азербайджане – такую цель поставил перед собой Курбанов, и в поддержке авторитетнейшего востоковеда он очень нуждался. Оба учёных и общественных деятеля понимали, что такие серьёзные решения наскоком не принимаются, их тщательно готовят. Возможно, именно в этом была основная подоплёка визита Брагинского в Баку.

*Баку, Набережный бульвар. 1965 г.
Второй справа И.С. Брагинский, третий справа Ш. Курбанов*

Меньше месяца спустя на праздновании 60-летнего юбилея профессора Брагинского ему было вручено поздравление от бакинских коллег, столь разительно отличавшееся от всех прочих. Но об этом – ниже.

Вряд ли Иосиф Самойлович знал тогда подробности биографии Курбанова – главные события вокруг его имени развернулись двумя годами позже. После того, как в 1967 г. Курбанов добился разрешения массово отмечать Новруз, и 20 марта в Баку у Девичьей башни собралась большая толпа отмечающих праздник.

Гюльнара Курбанова, дочь Ших-Али Курбанова, рассказывала [38] о своём отце³⁶:

Он ушёл на фронт в июне 1942 года, в неполные 17 лет. С первого до последнего дня Ленинградской блокады Ших-Али Курбанов в составе Балтийского флота защищал осаждённый город. Демобилизовался только в декабре 1946 года. ...Вернулся в родной Баку с багажом боевых наград и тетрадок, исписанных собственными стихами. Демобилизованный капитан Курбанов решил поступать на литературный факультет АПИ им. Ленина. Он был прирождённым лидером, и студенты избрали его сначала секретарём парткома факультета (поскольку он вступил в ряды Коммунистической партии ещё на фронте), потом председателем профкома института, а позже – секретарём комитета комсомола вуза. Учился блестяще, получал Сталинскую стипендию как отличник.

После окончания института была работа в журнале «Азербайджан муаллими» и аспирантура. А дальше... всё случилось очень неожиданно. Как-то, выступая на торжественном собрании в Театре оперы и балета, Ших-Али Курбанов своей пламенной речью привлёк внимание Первого секретаря Коммунистической партии Азербайджана Мир-Джафара Багирова. На следующее утро он был приглашён к Первому секретарю, и молодому оратору была предложена должность второго секретаря Городского (одного из центральных районов города Баку) райкома партии. Ш.Курбанов на это ответил: «Мне надо посоветоваться с женой». Эта фраза вызвала улыбку умиления на лице Багирова. Для него было странно и непривычно: молодой парень осмелился ему перечить вместо того, чтобы сразу же ухватиться за столь лестное

³⁶ Приводится с сокращениями.

предложение. «Что ж, посоветуйтесь и приходите завтра с ответом», – не стал возражать секретарь.

«Нет, Ших-Али, – сказала Хавер ханум, – я не хочу, чтобы ты забросил науку. А с этой работой ты никогда не защитишься, а ведь мы так этого хотим».

На следующий день он сказал М. Багирову, что не может принять его предложение, потому что жена не хочет, чтобы он переводился на заочное отделение аспирантуры, боится, что он забросит науку. Видимо, слишком непривычным был для Мир-Джафара Багирова такой ответ, и он сказал: «Пойдём навстречу пожеланиям вашей жены. Вы будете работать, и в виде исключения я разрешу вам учиться в аспирантуре очно».

Спать приходилось всего 3-4 часа в сутки, но Ших-Али Курбанов в срок защитил диссертацию на тему: «Пушкин и азербайджанская поэзия», издав её вскоре в качестве монографии. Чуть позже, к Декаде азербайджанской литературы и искусства в Москве, была издана книга Ших-Али Курбанова «А.С.Пушкин и Азербайджан».

А потом... его обвинили в национализме. Случилось это в ноябре 1958 года. Азербайджанским филиалом института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был издан первый том «Истории Коммунистической партии Азербайджана» на азербайджанском и русском языках. Книга была встречена с недовольством со стороны центра, и в этой связи было решено провести в Баку совещание при участии ответственных работников ЦК КПСС. ...Создателей книги упрекали в возвеличивании роли Наримана Нариманова, в искажении истории. Заключительное слово было за Ших-Али Курбановым. Он построил своё ответное слово исключительно на высказываниях выдающихся деятелей Коммунистической партии о Наримане Нариманове. А они были столь лестны, что и добавлять ничего не требовалось. Он завершил своё выступление словами: «Позвольте нам самим писать свою историю!» За этой недопустимой по тем временам дерзостью, последовало освобождение Ших-Али Курбанова от занимаемой должности как националиста.

...Он занялся любимым делом – литературой. Создал и возглавил в Институте языка и литературы имени Низами Академии Наук Азербайджана отдел литературных связей. Защитил докторскую диссертацию на тему: «Этапы развития азербайджанско-русских литера-

турных связей в XIX веке». В этом исследовании Ш. Курбанов впервые использовал термин «взаимовлияние» относительно литератур двух народов, научно обосновав, что не только русская литература оказала влияние на азербайджанскую, но и азербайджанская литература, в свою очередь, влияла на развитие русской литературы. Это был смелый для того времени шаг в науке, который, несомненно, мог сделать только такой смелый человек, как Ших-Али Курбанов.

27 февраля 1966 года на очередном съезде Компартии Азербайджана Ших-Али Курбанов был избран секретарём ЦК по идеологии. По рекомендации Москвы. Это могло означать только одно: клеймо «националиста» ставили не российские верха, а свои, азербайджанские, чтобы выслужиться...

...Собрав накануне праздника редакторов всех выходящих в республике газет, Ш. Курбанов распорядился, чтобы 20 марта 1967 года на первых страницах газет цветным шрифтом были напечатаны поздравления с праздником Новруз. ...Праздник удался на славу. Сколько радости он принёс людям! Радовались все независимо от национальности и вероисповедания. В «Правде» была опубликована информация Леонида Таирова, а вскоре и в «Известиях» появилась статья И.С. Брагинского, в которой научно обосновывалось, что Новруз – не религиозный праздник.

...Начались звонки с угрозами по телефону. Однажды на него наехала машина с замазанными номерами. Спасла быстрая реакция. Затем было второе покушение: на сей раз стреляли из винтовки с оптическим прицелом, попали в руку. Обо всём этом он поставил в известность В. Ахундова, но тот нашёл «своеобразные» слова «утешения»: «Мне тоже угрожают неизвестные, не берите в голову, Ших-Али Курбанович».

В эти же дни он был на собеседовании у секретарей ЦК КПСС Михаила Андреевича Суслова и Ивана Васильевича Капитонова на предмет избрания его (в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья В.Ю. Ахундова) Первым секретарём ЦК КП Азербайджана. Было дано указание держать это известие в строгой тайне. Однако... 24 мая 1967 года Ших-Али Курбанова «убрали».

Так называемые «близкие друзья», завидев кого-либо из его детей, спешили перейти на другую сторону улицы, боясь, что к ним обратятся с просьбой.

Что же касается праздника, подаренного им родному народу, праздника, который стоил ему жизни, его ещё пару лет проводили, но так, как отмечают праздник в семье, потерявшей кормильца. А в 1970-м вообще негласно запретили.

Это был патриот и интернационалист до мозга костей. Человек, умевший слушать и понимать людей, облегчать их страдания, помогать им любить жизнь. Он безгранично любил жизнь и очень сильно, по-сыновьи, любил свой народ.

Ших-Али Курбанов был убит 24 мая 1967 года в Баку: на приёме у зубного врача ему была сделана обезболивающая инъекция, от которой он скончался. Врач объяснил смерть аллергическим анафилактическим шоком, однако позднее было доказано, что это была синильная кислота. Вдова Курбанова Хавер ханум говорила, что его планировали избрать Первым секретарём ЦК КП Азербайджана на внеочередном пленуме, который должен был состояться в июне 1967 года [39].

Расследование «замяли» – во властных структурах были влиятельные силы, для которых кандидатура Курбанова оказалась нежелательной. Ших-Али Курбанов был посмертно награждён орденом Ленина.

Эти обстоятельства всплыли многие годы спустя. И.С. Брагинский откликнулся на эту смерть статьёй «Памяти Шихали Курбанова» [40]. Опираясь на официальные сведения, он назвал смерть Курбанова «не-лепой случайностью» [41].

Заслуга возрождения официального празднования Новруза в Азербайджане, несомненно, принадлежит Ших-Али Курбанову. Заслуга обоснования Новруза как народного, нерелигиозного восточного праздника принадлежит Брагинскому. Глубоко изучавший литературу народов Востока профессор Брагинский во многих своих произведениях указывал на то, что некоторые народные обряды и традиции Новруза противоречат духу ислама [42].

Прошли годы. Много чего случилось в Баку, но не ослабла связь семей Брагинских и Курбановых.

«Дорогие и любимые Ханна Натановна и Иосиф Самуилович! Поздравляем Вас с праздником Первомай! Здоровья Вам, дорогие наши,

бодрости и весеннего настроения. Целуем и обнимаем Вас крепко-крепко. Всегда Ваши Курбановы».

Поздравление 1989 года.

Пройдёт всего три месяца, и Брагинского не станет. От вдовы Курбанова придёт новое письмо с иной тональностью:

«Милая, дорогая, любимая наша Ханна Натановна! Имя Иосифа Самуиловича для нашей семьи неразрывно связано с Шихали Курбановичем. Память об этом добром и мудром Человеке с большой буквы будет жить в нас всегда. Вот уже два года весь народ Азербайджана и, конечно же, наша семья тоже не знает покоя. Последовало ужасное известие от Вашей семьи, а тут ещё январская трагедия. Невозможно описать свершившееся, невозможно говорить об этом без слёз, не хочу больше Вас расстраивать. К сожалению, всё, что Вы можете узнать о Баку из центральной печати и телевидения, не является объективной оценкой случившегося... Вы и Ваши дети для нас родные люди. Так будет всегда. Я и мои дети всегда к Вашим услугам. Целуем и любим Вас. Всегда Ваши Хавер Ханум и дети. 4.02.90. Баку».

Ших-Али Курбанову посвятил своё стихотворение (2016 г.) известный азербайджанский поэт, член Союза Писателей Азербайджана и Российского Союза Писателей Ариф Туран [43]:

Праздник весны – «Новруз байрам»
Был запрещён в Союзе бывшем,
Его справляли тайно - по углам,
Гнев исходил от власти высшей.
Но мятежный дух Героя
Народный праздник возродил,
Костры горели дружным строем,
Традиции нации он любил...
И в каждом доме сямяни³⁷

³⁷ Сямяни выращивают из пшеницы – это неотъемлемая часть Новруза. Сямяни – это символ жизни, богатства, здоровья и благополучия. Нет семьи, отмечающей Новруз без сямяни. Сямяни – это первый признак наступающих весны и лета (примечание поэта).

Приветствовал приход весны,
Были счастливы все в эти дни,
Великому празднику нет цены.
Славный сын Азербайджана,
Твоя гибель для нас незаживающая рана...

Не забыт в Азербайджане Ших-Али Курбанов!

АМАЛДАН КУКУЛЛУ –
КЛАССИК ГОРСКО-ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вспоминает профессор И.С. Брагинский:

«Это было весной 1965 года. Мне из издательства ГРВЛ³⁸ для ознакомления передана была огромная, в 700 страниц машинописного текста, рукопись сказок под названием «Сказки и сказания горских евреев Кавказа». На титульном листе рукописи значилось: запись, перевод, составление и комментарий Амалдана Кукуллу. Рукопись сопровождала фундаментальная научная работа в 150 страниц, также написанная

А. Кукуллу, которая должна была послужить как бы предисловием ко всей книге.

Когда я ознакомился со всей рукописью, прежде всего меня удивило то, что эта работа осуществлена одним человеком, а не целым научно-исследовательским аппаратом людей.

Работа, несомненно, была интересной как для широкого круга читателей, так и для специалистов: горско-еврейские (татские) сказки и сказания, да ещё в таком количестве мне приходилось в рукописи видеть и читать впервые, хотя в годы моей юности, работая в Академии Наук Азербайджана, из уст горских евреев, живущих в Баку, Дербенте, Губе и других городах и поселениях, слышал множество сказок и песен. Хочу сказать, что, слыша джугурско-татскую речь, я научился говорить сам и даже слагать стихи и песни на этом древнем языке, издревле известном как фарси.

...Спустя год мне позвонил Амалдан Кукуллу, я пригласил его к себе домой. А когда увидел перед собой молодого худощего человека, кото-

³⁸ ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».

рый назвался автором рукописи..., то я даже растерялся – первое, что я тогда сказал, были слова: «Признаться, я представлял Вас пожилым, умудрённым человеком, а Вы так юны!».

Оказалось, что Амалдан Кукуллу записаны в его родном народе не только сотни сказок, но и частушки, и фрагменты из джугурского эпоса, и детский фольклор, и несколько тысяч пословиц, поговорок, причитаний, плачей... В разговоре я узнал, что он ещё пишет и стихи, и рассказы, имеет много газетных и журнальных публикаций [44].

Амалдан Кукуллу – литературный псевдоним Амала Даниловича Кукулиева (1935-2000). Имя Амалдан переводится с джугури буквально как «знаток, дающий надежду». Самобытный философ, поэт, сказочник, фольклорист, он родился 3 января 1935 г. в Хасавюрте (Дагестан), с 1955 г. работал журналистом. В том же 1955 г. начались его экспедиции по местам расселения горских евреев на Кавказе с целью сбора устного народного творчества. Первые публикации – в республиканской газете «Ватан». В 1962 году поступил на историко-филологический факультет Дагестанского университета, в 1963 г. перевёлся на факультет журналистики Ростовского государственного университета (заочно). В 1969 г. защитил дипломную работу по теме: «Татские сказки и историческая действительность по периодам (иранский период)». Был рекомендован в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Профессор Брагинский, который начинал свою трудовую деятельность в Баку просветительской работой среди гор-

ско-еврейской молодёжи, не мог оставить без своего покровительства талантливого представителя этого народа. Первая книга Амалдана Кукуллу «Золотой сундук» вышла под редакцией и с предисловием И.С. Брагинского [44].

В Москве у Кукуллу поначалу не было ни работы, ни жилья, он был вынужден зарабатывать на жизнь временной работой. Общался с известными правозащитниками, защищавшими А.Д. Сахарова и А.И. Солженицина. Принимал участие в выпуске самиздатовских сборников, где печатались произведения многих горско-еврейских поэтов и писателей. 15 февраля 1983 г. у него был произведён обыск, и он был заключён в Бутырку. Профессор Брагинский приложил немало усилий к тому, чтобы Амалдану Кукуллу дали возможность продолжить своё творчество. И А.Д. Кукулиев на всю жизнь сохранил любовь к тому, кого он почитал своим наставником и другом.

Издательский проект «Золотой сундук Амалдана Кукуллу» стал лауреатом конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшая книга 2003 года» [45]. Автор более 10 книг, изданных как на родном джугури, так и на русском языке, он стал признанным классиком горско-еврейской литературы [46].

В архиве И.С. Брагинского хранится экземпляр 14-страничной машинописной рукописи А.Д. Кукулиева «Наставник – жизненная сила страны (штрихи к портрету учёного)», датированной 26 июня 1976 г. В ней есть такие строки:

«Что касается таких личностей, как И.С. Брагинский, то с какого конца ты ни подходил, о чём бы ни начинал писать – всё интересно, одухотворённо, неподражаемо. О таких людях, на мой взгляд, можно и нужно писать уже при жизни страстные, публицистические, социально-психологические очерки, документальные повести. Подобные люди – настоящая жизненная сила той страны, которой они принадлежат».

Я не располагаю сведениями о том, что эта рукопись была где-либо опубликована.

Литература к введению и 1-й части

[1]. С.А. Раджабов – в книге «Иосиф Самуилович Брагинский. В серии: Материалы к библиографии учёных Таджикистана, вып. 30», Душанбе: Дониш, 1986, с. 10.

[2]. З. Сайфуллаева. И.С. Брагинский – исследователь персидско-таджикской литературы – Душанбе: Шарки озод, 2016, 336 с.

[3]. З.А. Сайфуллаева. И.С. Брагинский – исследователь персидско-таджикской литературы, автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук, Душанбе, 2012.

[4]. Н.И. Бурцев. Прозрение – М. Воениздат, 1985, http://militera.lib.ru/memo/russian/burtsev_mi/03.html.

[5]. Н.Н. Берников. О содержании спецпропаганды во время Великой Отечественной войны – lektsii.com/5-5859.html.

[6]. И.С. Брагинский. Великолукская агитоперация – в книге «Особый фронт»/ Под общей редакцией генерал-майора в отставке М.И. Бурцева. М.: Военное издательство, 1986, с. 34-45.

[7]. Виктор Файн. Полковник И.С. Брагинский и майор Ю.А. Жданов. Дружба, скреплённая войной – Портал электронных ресурсов Южного федерального университета http://hub.sfedu.ru/zhdanov_braginsky/ (2016).

[8]. Ф. Ян, А. Пасковьяк. Полковник humanitatis causa – журнал ГДР «Freie Welt», 1970, № 20. Перевод с немецкого С.А. Тархановой – архив И.С. Брагинского.

[9]. Большая Советская Энциклопедия, 3-е издание, М., 1970, с. 614.

[10]. Брагинский Иосиф Самуилович. Литературные памятники РАН – litpamyatniki.ru/library/82.

[11]. Сулейман Рустам. Любовь моя высокая – «Правда», 23 октября 1960 г.

[12]. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания в 20 томах. /Под ред. С.Н. Южакова. – СПб: Изд-во т-ва «Просвещение», т. 2, 1900, с. 459-461.

[13]. И.С. Брагинский. Жизнь востоковеда. Памяти товарища Горского посвящается – незаконченная рукопись – архив И.С. Брагинского.

[14]. И. Один (И.С. Брагинский). Жизнь, посвящённая Востоку (автобиография поколения советских востоковедов), незаконченная рукопись – архив И.С. Брагинского.

[15]. И.С. Брагинский. Автобиография, датированная 1 июня 1955 г. – архив И.С. Брагинского.

[16]. С.М. Киров. Статьи, речи. Документы, т. 1, изд. 2-е доп., Л.: Партиздат, 1936, с. 171.

[17]. И.С. Брагинский. Письмо американскому иранисту Пейперу – архив И.С. Брагинского.

[18]. 1-ый съезд народов Востока. Баку, 1–8 сентября 1920. Стенографический отчёт – «Народы Востока», октябрь 1920, № 1, с. 57-61.

[19]. Пантелеймон Крестович Жузе – востоковед и арабист – http://www.rusnauka.com/17_AVSN_2012/Istoria/2_112353.doc.htm.

[20]. И.С. Брагинский. 50 лет иранистическим занятиям – архив И.С. Брагинского.

[21]. Яков Лисовой (очевидец) – газета «Киевлянин», № 295 от 25 октября 1905 года – <http://lindex-ru.org/Lindex3/Text/shulgin/p08.htm>.

[22]. О событиях 1905 года – передовая газеты «Киевлянин», № 295 от 25 октября 1905 года – <http://lindex-ru.org/Lindex3/Text/shulgin/p08.htm>.

[23]. Что происходило в Киевской городской Думе 18 октября 1905 года – из сообщений, появившихся в «Berliner Tageblatt» 19-21 октября 1905 г. – «Киевлянин» № 311, 1905 г., <http://lindex-ru.org/Lindex3/Text/shulgin/p08.htm>.

[24]. Майя Брагинская. Брагинский метеорит, Иерусалим, 1996, 73 с.

[25]. Даниил Ильич Терпило. Википедия – https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BF%D0%B8%D0%BB%D0%BE,_%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8%D0%BB_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D1%87.

[26]. Олесь Бузина. Памяти атаманщины – <http://www.segodnya.ua/life/stories/ictorii-ot-olecja-buziny-pamjati-atamanshchiny.html> (13 февраля 2009).

[27]. Георг Раушенбах. Трипольская трагедия. Советская историческая энциклопедия – <http://raushenbakh.livejournal.com/24223.html> (03.11.2014).

[28]. Илья Рубановский. Трипольская трагедия – М.: Молодая гвардия, серия Библиотека пионера, 1930, <http://goraknig.org/istorija/?kniga=NDQzMjMOMw>.

[29]. Леонид Первомайский. Википедия – https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.

[30]. Борис Петрович Корнилов – <http://www.liveinternet.ru/users/kakula/post207410922/>.

[31]. Вадим Молодой. Антология мировой поэзии – http://www.myreklama.com/myreklama/index.php?option=com_content&view=article&id=472:2009-12-10-22-38-40&Itemid=28.

[32]. Киянченко Георгий (Юрий) Васильевич. Живопись эпохи соцреализма – <http://art-nostalgie.com.ua/Kiyanchenko.html>, <http://otkritka-reprodukcija.blogspot.ru/search/label/%D0%AE.%D0%92.%20%D0%9A%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE>

[33]. «Трипольская трагедия», фильм-драма Александра Анощенко-Анода – <http://ru-sovarch.livejournal.com/593796.html>.

[34]. Русские народные песни. Сборник. Вступ. статья и прим. А.М. Новиковой. М.: Гослитиздат, 1957, стр. 551 – <http://a-pesni.org/grvojna/kr/rasstrelkommun.php>.

[35]. Полный текст песни см. <http://www.karaoke.ru/song/3172.htm>.

[36]. Гримасы оранжизма: памятник палачу на могиле жертв – <http://varjag-2007.dreamwidth.org/1652692.html>.

1911 - 1989 г.г.

[37]. И. Брагинский. Из биографии второго поколения востоковедов – Народы Азии и Африки, 1967, № 5, с. 242-252. И.С. Брагинский. Более полувека в научном строю – в кн.: Историко-филологические исследования, М., 1967.

[38]. Гюльнара Курбанова. Форум «40 лет со дня трагической смерти Шихали Курбанова» (2008) – http://www.baku.ru/frmpst-view.php?frmpst_id=8340308.

[39]. Ш. Курбанов. Википедия – <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0>

%B2,_%D0%A8%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8_%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BD_%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D1%8B.

[40]. И.С. Брагинский. Памяти Шихали Курбанова – Народы Азии и Африки, 1967, № 5, с. 248.

[41]. И.С. Брагинский. Ш. Курбанов и его книга об азербайджанско-русских литературных связях – в книге: Курбанов Ш. Этапы развития азербайджанско-русских литературных связей в XIX веке. 3-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы, 1976, с. 5-8.

[42]. Ж.Б. Исомитдинов. Истоки и традиции праздника Новруз – Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук, 2014, вып. № 5 (61) – <http://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-i-traditsiyam-prazdnika-navruz>.

[43] Ариф Туран. Корифеи Азербайджанской Культуры – Шихали Курбанов – <http://www.stihi.ru/2016/10/12/10672>.

[44]. Амалдан Кукуллу в воспоминаниях. И.С. Брагинский. От научного редактора – http://gold.amaldanik.ru/ak/ak_memoirs.html l.

[45]. Лауреат конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшая книга 2003 года» – издательский проект «Золотой сундук Амалдана Кукуллу» http://ellib.gpntb.ru/subscribe/ntb/2004/12/ntb_12_14_2004.htm.

[46]. Амал Данилович Кукулиев (Амалдан Кукуллу) – классик горско-еврейской литературы – информационный центр горских евреев «Исроиль», http://isroil.info/set/news_set/jewish/gorskie/person/581-amal-danilovich-kukuliev-amaldan-kukullu-klassik-gorsko-evreyskoj-literatury.html.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Молодость

И.С. Брагинский

Созревание [1]

Годы 1923-29 были годами моего политического созревания под руководством Московской партийной организации. Будучи кандидатом ВКП(б) с декабря 1922 г. (после ЕКП³⁹, где состоял в 1920-22 гг.), я в 1923 г. работал штатным пропагандистом Краснопресненского райкома партии. Тогда же был лектором Московского Губполитпросвета (1923-24 гг.). В годы борьбы за индустриализацию партия воспитывала меня на работе на промышленных предприятиях и в профсоюзах. 1924-1927 годы: на фабрике Гознак, инструктором Союза рабочих полиграфической промышленности; 1927-1929 годы – в Московском областном Совете профсоюзов, где я работал зав. бюро профпропаганды. Ведя пропаганду среди рабочих печатников, металлистов, текстильщиков, я учился у них, убедившись на всю жизнь, что нет лучшего образца для коммуниста, чем передовой, сознательный русский пролетарий.

³⁹ ЕКП – Еврейская Коммунистическая партия (Бунд), её отделение существовало до 1923 г. в Азербайджане и Дагестане. Одним из наиболее заметных активистов ЕКП был Гирсил Горский. Клуб горских евреев, организованный в Баку Брагинским и Горским (см. «Бакинская юность»), был ячейкой ЕКП [2]. В 1923 г. ЕКП вошла в состав ВКП(б) [3].

Иосиф Брагинский с сестрой Суламифь. Москва, 1929 г.

Моими партийными наставниками были Мария Вячеславовна Тихомирова (член партии с 1905 г.), рекомендовавшая меня в члены партии, и Василий Николаевич Лосев (член партии с 1902 г.). Из отдельных коммунистов они больше всех помогли мне понимать генеральную линию партии и бороться за её осуществление со всеми врагами партии и народа. С марта 1925 г. я состоял членом партии. Прошёл чистку 1923, 1929, 1936 г., проверку и обмен партдокументов без замечаний, партвзысканий никогда не имел, колебаний о линии партии никогда не имел и всегда старался хранить в чистоте высокое звание члена партии.

В апреле 1924 г. в «Правде» была напечатана первая моя серьёзная статья «Маркс и Ленин»⁴⁰ [4]. В годы 1926-1929 опубликовал несколько статей и брошюр на пропагандистские темы и сборник «Ленинское учение о профдвижении» [5]. Позже, в 1930 году – работу на эту тему объёмом 6 печ. листов [6] и небольшую статью о закономерностях развития рабочего класса в журнале «История пролетариата»⁴¹.

⁴⁰ Ссылки на свои первые работы И.С. Брагинский писал по памяти. Они уточнены в разделе «Литература».

⁴¹ «История пролетариата СССР» – периодические сборники (4 номера в год), изда-

*И.С. Брагинский с женой Х.Н. Дриккер и сестрой С.С. Брагинской.
Москва, конец 20-х годов*

В 1923-1924 гг., стремясь получить высшее образование, я поступил в Литературно-художественный институт, руководимый В. Брюсовым, прослушал курс лекций его, по фольклористике – Соколова⁴², сдал несколько зачётов, но не смог совместить учёбу с работой, которую я не бросал. Поэтому я был вынужден уйти из института, унося неутолённую жажду к литературоведческим занятиям.

В 1929 г. я поступил по командировке Московского комитета партии на учёбу в Московский институт востоковедения имени Нариманова⁴³.

С какой подготовкой пришёл я в институт? С чрезвычайно пёстрой. Знание языков народов СССР и иностранных (французского, латыни,

вавшиеся в Москве в 1930-35 гг. Институтом истории Коммунистической академии. Всего вышло 22 сборника.

⁴² **Юрий Матвеевич Соколов** (1889–1941) – русский и советский фольклорист и литературовед, в 1923–1925 годах преподавал в Высшем литературно-художественном институте им. В.Я. Брюсова.

⁴³ Молодое советское государство остро нуждалось в грамотных специалистах, способных вести практическую работу среди народов Востока. Для их подготовки в 1921 г. в Москве был создан **Институт востоковедения**, просуществовавший до 1954 года. Студентов в этот институт принимали лишь по путёвкам партийных и советских организаций.

татского, азербайджанского, немного фарси и, ещё меньше, арабского) осталось у меня с детских лет (правда, сидело оно в сознании достаточно прочно); хорошее знание немецкого языка, приобретённое в годы 1923-1929 (самоучкой). Изучение марксизма-ленинизма в процессе пропагандистской работы, когда я учился, изучал труды классиков, поощряемый требовательностью Василия Николаевича Лосева, настаивавшего на том, чтобы читать не «хрестоматии», а сами сочинения классиков; одновременно обучал и других. Работал пропагандистом в кружках, а затем преподавателем в «Вечернем профуниверситете», а с 1929 г. в КУТВ⁴⁴ (в китайской группе) и ведя пропаганду среди рабочих разных профессий, – и учился сам у многих моих учеников, учился опыту жизни и служению делу партии.

Работал в годы 1926-1929 членом методбюро агитпропа МК ВКП(б), рядом с опытными пропагандистами, старыми большевиками. Я учился у них работать над трудами классиков марксизма-ленинизма, и эту учёбу считаю лучшим своим марксистским университетом. Таким образом, кое в чём я был подготовлен, кое-что знал, но так сильно ощущал необходимость в систематизированном высшем образовании, что набросился на учёбу в Институте востоковедения с невероятной жадностью.

Первые три месяца 1929-30 учебного года я проучился в Ленинграде в ЛИЖВЯ⁴⁵ – персидскому языку у Е.Э. Бертельса и практике языка у Бавенда⁴⁶. Потом в числе других студентов-москвичей меня перевели в Москву, где я окончил институт.

Честно говоря, проучиться мне дали только год, до 1930-31 учебного года, когда, ещё не закончив учёбы, я стал, по решению парторганизации, зав. учебной частью института. Да и в течение первого, самого счастливого моего года – года учёбы, мне пришлось вести преподавательскую работу в КУТВе, а через короткое время, будучи

⁴⁴ КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока – учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1921 по 1938 гг.

⁴⁵ ЛИЖВЯ – Ленинградский институт живых восточных языков. Высшее учебное заведение СССР, с 1920 г. занимавшееся подготовкой специалистов по странам Востока.

⁴⁶ Шерван Амирович Баванд (Бавенд) (1900-?) – иранист-лингвист, диалектолог. Родился в Тегеране (Иран). Член иранской шахской семьи («принц Баванд»). С 1927 г. преподавал персидский язык в ленинградских вузах. Арестован в 1938 г. По освобождению уехал в Иран. Дальнейшая его судьба неизвестна [7].

Учебная группа

*в Институте востоковедения им. Н. Нариманова. 1929 г.
Сверху 2-й справа И.С. Брагинский. Крайний справа Федор Чубаров.
Снизу крайний справа Михаил Шалахман, корейка Хан*

зав. академсектором профкома, заниматься совместно со студенческим активом исправлением огромных недочётов в работе учебной части института. Всё же в 1930 и 1931 гг. мне удалось основательно подзаняться, причём почти исключительно языками – английским и, особенно урду, которым я благодаря деспотическому нраву преподавателя Эс-Хабиб Ахмад Вафа⁴⁷, занимался не менее 6 часов ежедневно. Впрочем государству я, к величайшему своему удовлетворению, обошёлся не слишком дорого: стипендию я получал всего лишь месяца 3-4, а Вафа давал мне уроки безвозмездно, стараясь доказать, что при упорной учёбе можно изучить урду за один год, Кажется, ему это удалось доказать. В 1931 г. я окончил институт, сдав все экзамены и защитив на «отлично» дипломную работу по теме «Маркс и Энгельс о лингвистике».

⁴⁷ **Эс-Хабиб Ахмад Вафа** (1900-1936) – индийский писатель, один из основоположников пролетарской литературы Индии, участник национально-освободительного движения. В 1921 году был вынужден эмигрировать в Афганистан, а в 1923 – в СССР. Наиболее полно талант Вафы раскрылся в гражданской и политической поэзии. Издал учебники языка урду на русском языке (1928, 1936) [8]. В 1974 г. И.С. Брагинский посвятил ему главу своей книги [9].

С 1931 г., кроме моей работы в качестве зав. учебной частью, мне пришлось работать в качестве заведующего лингвистической секцией института, объединявшей методическую работу всех языковых кафедр. Итогом этой работы была организация выпуска и методическое редактирование (в составе комиссии) более полутора десятка стеклографических⁴⁸ курсов восточных языков и разработка методического положения о преподавании восточных языков. В связи с разработкой этого положения было немало горячих дискуссий в институте. К чести лингвистической секции, она занимала правильную позицию в методологических вопросах, выступая против марризма⁴⁹ и против «язык фронта», за внедрение марксизма в языкознание. В разработке методических вопросов принимали активное участие покойная Любарская, тов. Колоколов, тов. Санжеев⁵⁰, покойные Магозаник⁵¹, Вафа, Зарре⁵², Нисар Мухаммад и др. Будучи формально председателем лингвистической секции, я многому научился у этих товарищей, за что храню в сердце благодарность им всем.

Полученные методические знания я старался применять в преподавании языка урду (я преподавал его в должности доцента в 1931-1933 гг. в Институте востоковедения).

В эти же годы я был председателем секции преподавателей иностранных языков в вузах при МОСНР (Московский областной совет научных работников). Многое из методически полезного, что было разработано лингвистической секцией института востоковедения,

⁴⁸ Отпечатанных стеклографическим методом.

⁴⁹ **Марризм** – по имени учёного-лингвиста академика Николая Яковлевича Марра (1865-1934). И.С. Брагинский оказался в центре дискуссии о языках и их развитии, продолжавшейся многие годы. В 1950 г. в эту дискуссию вступил Сталин со своей работой «Марксизм и вопросы языкознания», в которой он критиковал взгляды Марра. После XX съезда КПСС критиковали уже Сталина, а в 90-е и последующие годы само рассмотрение языкознания единственно с позиций марксизма потеряло актуальность (см, например, [10, 11]).

⁵⁰ **Гарма Данцаранович Санжеев** (1902-1982) – советский филолог-монголовед, доктор филологических наук, профессор.

⁵¹ Вероятно, **Дмитрий Афанасьевич Магазаник**, автор Русско-турецкого словаря, изданного Московским институтом востоковедения.

⁵² **Абдуль Гасым Зарре** (1900-1938) – иранец, преподаватель персидской литературы и персидского языка Института востоковедения им. Н. Нариманова, профессор, член ВКП(б). Арестован в 1938 г. по обвинению в шпионаже, расстрелян, реабилитирован в 1956 г. [12].

внедрялось в практику преподавания иноязыков в вузах Москвы с помощью конференции преподавателей иноязыков в вузах, созданной МОСНР в 1932 г. (делал доклад на тему: «О советской методике преподавания иноязыков») и благодаря направляющему руководству этой работой со стороны отдела науки ЦК ВКП(б).

Моя литературная деятельность сводилась тогда, увы, преимущественно к составлению бесчисленных докладных записок, проектов резолюций, положений, рецензий по вопросам вузовского преподавания иноязыков, рецензий на учебники и т.д. и т.п.

Тогда же началась первая моя связь с Таджикистаном, поскольку я участвовал в составлении (опять-таки) докладной записки по вопросам реэмиграции населения Вахшской долины по материалам обследования, проведённого комиссией КУТВа (с которым все эти годы не прерывал научной связи) в 1930 г. (Некоторые из этих материалов были опубликованы в журнале НИАНКП КУТВа «Революционный Восток»⁵³). Таким образом, первой моей работой по Таджикистану и истории культуры таджикского народа было именно это исследование 1930 г.

В 1932 г. я руководил составлением учебников восточных языков для Московского Института востоковедения. Совместно с профессором Вафа составил учебник по языку урду (хиндустани), части 1 и 2, где я был соавтором и редактором. Он был опубликован стеклографическим методом. В 1932-1933 гг. я одновременно был аспирантом лингвистической аспирантуры Института востоковедения⁵⁴ и зав. лингвистической аспирантуры по совместительству с уже названной

⁵³ Журнал «Революционный Восток» издавался КУТВ в 1927-1938 гг. В 1937 г. произошло разделение КУТВ на две самостоятельные организации: КУТВ, где обучались только советские студенты, и Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем (НИИНКП), где обучались зарубежные студенты (<https://ru.wikipedia.org/wiki/%>).

⁵⁴ В архиве профессора И.С. Брагинского есть нотариально заверенная копия Удостоверения Института востоковедения им. Нариманова. Согласно этому документу, «И.С. Брагинский в марте 1932 г. был принят в аспирантуру института, где пробыл до апреля 1933 г., успешно прослушав и сдав зачёты по следующим дисциплинам: диамат – истмат, методология языкознания, всеобщая история Востока и Запада, древняя история Индии и Афганистана, язык урду, английский язык, военное дело. 20 апреля 1933 г. по случаю мобилизации ЦК ВКП(б) на работу в Политотдел совхоза выбыл из состава аспирантуры института».

работой зав. лингвистической секцией. Нельзя сказать, чтобы это очень благоприятствовало учёбе, но всё же благодаря некоторым хорошим руководителям (особенно вспоминаю Р.О. Шор⁵⁵) удалось кой-какие знания по сравнительной грамматике индо-европейских языков и другим предметам получить. Вообще я заметил, что чем труднее условия, складывающиеся для учёбы, тем интенсивнее проходит процесс освоения знаний, тем сильнее воля к тому, чтобы овладеть этими знаниями.

В те же годы – 1930-1932 – я занимался изучением истории классической поэзии на фарси и литературы на урду.

Что означает быть коммунистом⁵⁶

Расскажу о моём старшем друге, моём учителе жизни, моей партийной матери, рекомендовавшей меня в партию – о Марии Вячеславовне Тихомировой.

Это было в Москве в 1923-1925 годах, когда я был секретарём комсомольской ячейки Дома работников просвещения Красной Пресни. Тогда существовал институт партприкреплённых к комсомольским ячейкам – направление парткомитетом предприятия или учреждения для помощи комсомолу старого члена партии, по нынешнему выражению – ветерана партии. Мне секретарь парткома сказал: «На ближайшем комсомольском собрании встретите партприкреплённого – товарищ Тихомирову».

С виду она была невысокая женщина лет 40 (нам тогда казалось, что это очень много), с типичным лицом русской крестьянки-волжанки, с добрыми светлыми глазами. Она была членом партии с

⁵⁵ **Розалия Осиповна Шор** (1894-1939) – советский лингвист и историк литературы, автор работ по истории и современному состоянию зарубежной лингвистики. В 1922–1929 гг. работала в лингвистической секции Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН): научный сотрудник I разряда, с 1925 г. секретарь секции. Доктор лингвистических (филологических) наук (1936) [13].

⁵⁶ Статья, опубликованная И.С. Брагинским в стенгазете Института востоковедения АН СССР в 1982 году, её текст сохранился в архиве учёного.

Комсомольская группа. Москва.

Иосиф Брагинский во втором ряду, 3-й справа

1905 года, одной из первых тогда в России женщин, прошедших курсы подготовки учительниц для школы. Будучи с молодых лет подругой Н.К. Крупской, Мария Вячеславовна, рано участвовавшая в Нижнем Новгороде в революционном движении, в 1905 году получила рекомендацию в партию от Владимира Ильича Ленина⁵⁷. Она стала профессионалом-революционером. После поражения революции 1905-1907 гг. она прошла через тюрьму и ссылку, работала в подполье, после Октября участвовала в Гражданской войне, а после окончания войны и до нашего знакомства работала библиотекарем⁵⁸. Личной жизни, семьи у неё не было, и детьми были мы все, комсомольцы, а была она строгой, требовательной, справедливой и любящей матерью для нас всех.

Когда состоялось то комсомольское собрание, на котором мы встретили её как партприкреплённого, я весьма бойко представил её: «Мария Вячеславовна приходит к нам как партприкреплённая, она будет руководить всей нашей работой с ленинских позиций и осуществлять

⁵⁷ Стало быть, И.С. Брагинский – партийный внук В.И. Ленина.

⁵⁸ В архиве И.С. Брагинского есть воспоминания библиотекаря А.С. Желобановой о М.В. Тихомировой (10 стр. машинописи). По настоянию В.И. Ленина и Н.К. Крупской в 1921 г. стали организовывать фонды передвижных библиотек, призванные нести книгу в среду рабочих и крестьян. М.В. Тихомирова стала одной из первых организаторов таких фондов, а А.С. Желобанова была её помощницей.

ведущую роль партии». Думал продолжать в таком же, как мне тогда казалось, высоком политическом духе, но Мария Вячеславовна мягко, чуть отстранив меня с «трибуны», сказала просто и задушевно: «Ну, парень, ты немного разошёлся. Никакой я не ваш руководитель, «ведущая роль», – я послана парткомом не наставлять вас, а помогать вам».

Такова была первая встреча. Далее Мария Вячеславовна, никогда резко не вмешиваясь, действительно очень деловито и принципиально помогала налаживать комсомольскую работу, помогала воспитывать из нас честных, работающих, преданных молодых коммунистов. Мы все очень полюбили её, а она была с нами и строга, и ласкова. Если кто-либо из нас в чём-то «провинился», поступал неправильно, Мария Вячеславовна садилась с ним в сторонке и объясняла ему, в чём состоит неправильность поведения или поступка, советовала, как следует поступить. Иногда (если неправильный поступок был **очень** неверным) она к концу задушевной, строгой беседы шуточно грозилась пальцем и серьёзно говорила: «Смотри, больше так не поступай, а то любить тебя не буду». Как сейчас помню, эта «угроза» действовала на каждого из нас не меньше, если не больше, чем формальное комсомольское взыскание по линии Комитета ячейки. Нас сейчас очень немного осталось в живых из числа её воспитанников, но все мы помним её (она скончалась в 1943 г.), помним её «угрозу» и до сих пор радуемся, что не довели до её осуществления, не лишились её любви.

Закончу тем, как она рекомендовала меня при переводе из кандидатов в члены партии. Сказав ей о предстоящем переводе, я заключил: «Мария Вячеславовна, без Вашей рекомендации я не стану проходить партсобрание». Передаю запомнившиеся мне **на всю жизнь** дословно её слова: «Что ж, Иося, ты – парень хороший, и рекомендацию я тебе, конечно, дам. Знай, что значит стать членом партии, большевиком, ленинцем: ложишься спать, подумай: а какое добро, хоть одному человеку, я за сегодняшний день сделал? Ну, хоть совсем маленькое: старушка не могла сама улицу перейти, ты её под руку спокойно перевёл на другую сторону. Или мальчишка, убежавший от родителей, упал, расшиб нос и плачет. Ты его поднял, вытер слёзы, утешил и подвёл к родителям. Хоть одно какое-нибудь доброе дело, хоть одному человеку за день. Если сделал, спи спокойно, а если нет, то смотри, завтра два

добрых дела сделай! Вот в этом состоит смысл жизни коммуниста – делать добро честным трудящимся людям, человечеству. Ты вырастешь, станешь творческим работником и, конечно, сможешь делать гораздо большие дела, чем я назвала – для всего человечества, обязательно и для отдельных людей, нуждающихся именно в твоей помощи. Но начинать надо **с малого**, а дальше по мере роста твоих возможностей для больших добрых дел, делай всё больше и больше по масштабу и количеству. Будешь так жить и вести себя, как настоящий коммунист-ленинец, с радостью дам тебе рекомендацию». «Буду стараться, Мария Вячеславовна!» – только и смог я ответить. «Ладно!» – и она дала мне рекомендацию, и всю свою партийную жизнь (уже скоро 60 лет) я помню её завет, и он остаётся для меня непреложным.

Быт

Нигде профессор И.С. Брагинский не писал о своём быте. И в его личном архиве об этом нет ни слова. Но пусть не сложится у читателя впечатление, что ему, баловню судьбы, всё давалось легко, и перед ним сразу же открывались все двери.

– Рассказывали ли папа и мама о начале своей совместной жизни? Ведь никто их в Москве не ждал и никто ковровой дорожки перед ними не расстилал.

С таким вопросом я обратился к Ленине Иосифовне Брагинской.

– Рассказывали. Они приехали в Москву учиться. Из Минска, куда отец перебрался из Баку ради мамы. Сначала мама, а вслед за ней и отец. Жили поначалу порознь в общежитиях. Никто ничего им на блюдечке не преподносил, всего добивались своим трудом.

Никто ничего не преподносил, но страна остро нуждалась в таких, как они – молодых, энергичных, умных, готовых трудиться не ради личного блага, а ради новой жизни молодой страны. Чтобы учиться, нужно было получить направление партийного органа. Пришла за таким направлением и Ханна Натановна. Себя она видела на культпросветской работе. Однако дама, ведающая направлениями на учёбу, отправила её в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева.

Ханна Натановна очень сердилась на неё за это. Никогда сельским хозяйством она не занималась, и своей склонности к такой работе не ощущала. Не думаю, что эта дама поступила так «из вредности». Предстояла коллективизация сельского хозяйства, и нужны были кадры молодых коммунистов, не заражённых частнособственническими инстинктами. А какие там у Вас склонности – дело десятое.

15 апреля 1926 года родился их первенец. Жить им было негде. Ханна Натановна с ребёнком уехала в Бердичев к родным. Однако и это проблемы не решило. Иосиф и Ханна жили гражданским браком и не собирались закреплять ни его, ни рождение сына соответствующими религиозными обрядами. Это привело к конфликту с родителями, и Ханна вернулась с сыном в Москву. Иосиф Самойлович нашёл в каком-то доме на Рождественском бульваре заброшенный подвал, занял его и на гонорар от только что изданной книжки обустроил комнату самым необходимым. Так началась семейная жизнь Брагинских.

1929 год принёс новые перемены: Ирина и Виктор Озеровы, сокурсники Ханны по академии, позвали их в молодёжную коммуну. Коммуну и коммунаров они знали и до этого. Они отнюдь не бежали в неё от неустроенности – быт в подвале был далеко не самым худшим в тогдашней Москве. В коммуне они увидели прообраз коммунистического быта. И коммуна, несомненно, выиграла от присутствия в её рядах опытных членов партии, ставших её лидерами. До этого коммуна была почти целиком комсомольской. Не говоря уже о том, что в коммуне, где обобществлены доходы всех её членов, Брагинские зарабатывали больше всех. Позже в коммуну пришла и Суламифь, сестра Иосифа, с мужем и дочерью. Так коммуна стала семейной, так в ней появились первые дети.

В коммуне Иосиф и Ханна жили до 1933 года, когда партия мобилизовала их на работу в Таджикистан. Суламифь оставалась там дольше всех, когда коммуна превратилась в коммунальную квартиру.

Дангара

Следующий этап жизни И.С. Брагинского связан с Таджикистаном. Он начался в 1933 году и фактически продолжался до конца его жизни.

И.С. Брагинский писал: «В начале 1933 г. я был постановлением ЦК ВКП(б) мобилизован на работу в политотделы. Мне был предоставлен выбор: политотдел совхоза либо в Казахстане, либо в Таджикистане. Конечно, я выбрал Таджикистан, и с апреля 1933 года я стал работать зам. нач., и.о. нач. политотдела совхоза «Дангара»⁵⁹ – единственного зернового совхоза республики, где и проработал до 1936 года. Здесь я изучал таджикский язык. Я изучал его и по мандату долга, и по циркуляру Политуправления Наркомсовхозов, и по указанию ЦК ВКП(б) о том, что все политотдельщики должны изучать язык данной республики. Моя учёба теснейшим образом была связана с политической работой района, с борьбой с остатками басмаческих банд и с работой по созданию местных механизаторских кадров, с работой Учкомбината при совхозе» [1].

Это было время, когда СССР крайне нуждался в зерне. Индустриализация, без которой не удалось бы выстоять в предстоящей войне с гитлеровской Германией, во многом шла за счёт продажи зерна за границу, вызвавшей голод.

ДАНГАРА – «УСТЬЕ ГОР»

И.С. Брагинскому принадлежит замечательное поэтическое описание этого места на Земле [11]:

«Название Дангара этимологически восходит к «дахани гара», что означает «устье гор», то есть вход в горы, ущелье или расселина в горах. По сути дела, Дангара – это довольно узкая долина в горах Таджикистана. Ранней весной эта долина полна очарования. Ещё вчера была зима: над землей повисли клочья тумана, повсюду лежал мокрый и грязный снег, и бледное солнце не могло рассеять холодную, давящую атмосферу. Но ночью прошёл первый тёплый весенний

⁵⁹ Создание совхозов в Таджикистане начато в 1929 г. Совхоз «Дангара» расположен в 16 км (по прямой) к юго-востоку от столицы Таджикистана Душанбе.

дождь, и вся долина чудесным образом преобразилась. Снег исчез, и ярко-красный ковёр маков и тюльпанов покрыл долину. Солнце приятно пригревало. Его лучи превращались в сверкающие драгоценные камни и блестели в случайных каплях дождя, словно девичьи слёзы. Возможно, именно эта картина пробуждения природы в горной долине тысячу лет назад вдохновила великого таджикского горца, бессмертного основателя классической поэзии на фарси, Рудаки, на такие стихи:

Скажите весеннему месяцу,
 что ночная атака на месяц зимы закончилась,
Наполнив небеса пылью дождевых брызг, а долины кровью.
Тюльпан улыбается в лугах, словно щёки Лейлы,
Облако в небе полно слёз, словно глаза Маджнуна.

Но весна в Дангаринской долине была коротка. Солнце с каждым днём палило всё сильнее. Его испепеляющий жар душил растительность, и все живые существа покидали долину, которая превращалась в засушливую степь. По долине протекали два ручья с солёной и горькой водой, тут и там виднелись солончаки, и глаза начинали мучительно болеть от неприятного, наркотического запаха, что поднимался над зарослями колючих кустарников. Среди трав тянулись к небу скромные стебли дикого ячменя. Ключки заболоченной земли были заражены малярийными комарами, и только мириады цикад чувствовали себя как дома в неподвижном, раскалённом воздухе, температура которого достигала 60 градусов Цельсия. Теперь вся жизнь сосредотачивалась в горах. На альпийских лугах пасся крупный рогатый скот. Каждый участок пашни был обработан. Таджикские горные кишлаки казались земным раем, особенно если вы добирались до них через Дангаринскую «долину смерти», как её называли в летние месяцы. Только в горах вы могли найти источники с животворной водой и тенистые сады.

Как и весь Таджикистан, Дангаринский район дышал историей и древностью. Мы переносились в далёкое прошлое, в поселения бронзового века, и, если копнуть глубже, попадали в эпоху палеолита. Седобородые старики могли не только показать вам разрушенные усадьбы и крепости древних феодалов, но и поделиться детскими

воспоминаниями о крестьянских восстаниях, охвативших страну в «год мыши», который, как показывали расчёты, соответствовал какому-то из 1880-х годов. В досоветское время, территории, прилегавшие к Дангаринской долине, образовывали единое целое – Горный край Восточной Бухары, к которому они были причислены для удобства сбора налогов. Изолированный от внешнего мира, этот регион являлся своего рода колонией хана Бухары, которая, в свою очередь, была колонией русского царя.

Октябрьская революция привела к радикальным изменениям в жизни Дангаринского района, начавшимся сразу же после Бухарского восстания 1920 года. В конце 1929 года была создана Таджикская Советская Социалистическая Республика, в которую вошли территория Восточной Бухары и Ходжента (ранее часть Туркестана). В том же году в Дангаринской долине был создан зерноводческий совхоз «Дангара», обеспечивавший зерном быстро растущие хлопковые хозяйства в долинах, расположенных ниже. Именно в совхозе «Дангара» я проработал несколько лет, организуя культурно-просветительскую деятельность, руководя местной газетой и создавая школу».

С ЧЕГО НАЧИНАЛСЯ СОВХОЗ «ДАНГАРА»

О том, как начинался совхоз «Дангара», написал в своих воспоминаниях⁶⁰ его первый директор Павел Максимович Макеев [14]:

«В 1928 году, в соответствии с решениями XV съезда ВКП(б) о всемерном развитии коллективизации сельского хозяйства и переходе в земледелии к крупному социалистическому производству, основанному на новой технике, ЦК ВКП(б) дал директиву приступить ускоренными темпами к строительству крупных зерновых совхозов. Один из них намечено создать в Таджикистане.

ЦК ВКП(б) принял решение организовать курсы для подготовки руководящих кадров системы Зернотреста на 120 слушателей. Тульский Губком ВКП(б), получив по разнарядке одно место на губернию, 6 ноября 1928 года направил меня на указанные курсы.

⁶⁰ Эти воспоминания цитируются с сокращениями и минимальной редакцией составителя.

К этому времени я уже имел девятилетний стаж работы в сельском хозяйстве и уходил на курсы с должности управляющего группой совхозов Тульского Госсельтреста. Курсы были открыты при Тимирязевской сельскохозяйственной академии и Саратовском сельскохозяйственном институте. Осенью 1929 года, когда срок обучения на курсах подходил к концу, я был назначен на должность директора Дангаринского зерносовхоза.

Комиссия по распределению предупредила меня, что организация зерносовхоза в непосредственной близости к Афганской границе, имеет не только хозяйственное, но и политическое значение. Вместе с тем, они не скрывали того, что нам придётся преодолеть много трудностей.

Дело в том, что в Таджикистане отводившаяся под зерносовхоз «Дангара» земельная площадь общим размером 35000 га не вполне отвечала предъявленным требованиям. Она состояла из пяти отдельных участков: Дангара с площадью примерно 11000 га, Большой Алимтай – 4500 га, Малый Алимтай – 1700 га, Бурун-тепе – 4000 га и Уртабос – 13000 га. В условиях бездорожья того времени эти участки находились на значительном расстоянии друг от друга, в отдельных случаях оно достигало 70-75 км.

Мост в Пулисангинском ущелье через могучий и стремительный Вахш, лежал лишь только на двух тавровых балках. Никто не знал, сможет ли этот мост выдержать вес мощного гусеничного трактора с груженными тележками на прицепе. Бездорожье было основным бичом и несчастьем совхоза. Оно парализовало и сковывало всю жизнь и работу.

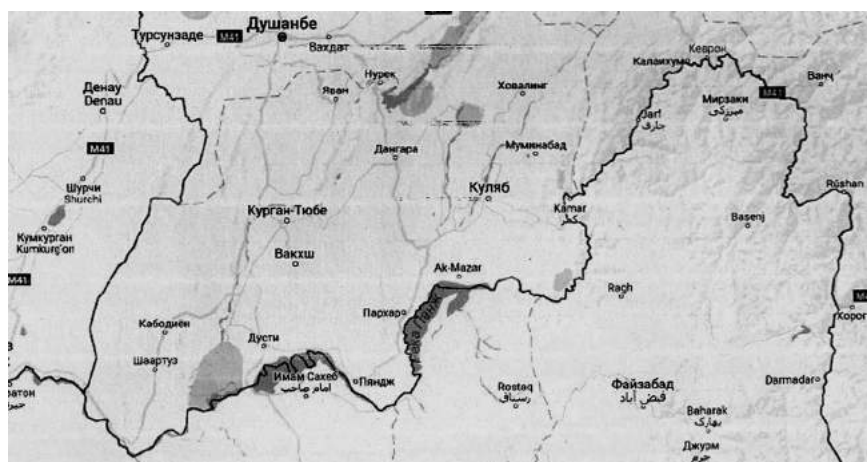
Ближайший к железной дороге участок, Дангара, находился от неё в 158 км (по старой дороге, которая проходила через Кангурт). К нему из Душанбе вела горная грунтовая, ещё незаконченная строительством дорога. К участкам Малый Алимтай и Бурун-тепе вообще не имелось дорог, по которым можно было провести тракторы».

...Перед нами лежала бескрайняя нетронутая целина с высоким по пояс прошлогодним травостоем. В нетронутых рукой человека травах паслись стаи непуганых диких гусей и дроф. Они близко подпускали к себе и с шумом поднимались почти из-под ног лошадей.

...Трудность привлечения декханства окрестных кишлаков на работу в совхозе состояла не только в том, что им трудно было оторваться от

своих клочков земли. Здесь проявлялась враждебная агитация байства и духовенства, которые убеждали декхан не иметь связей с «кафирами». Но главное, пожалуй, состояло в том, что в то время в горах Таджикистана ещё скитались басмаческие банды, которые делали набеги на кишлаки, грабили декхан, угоняли скот, жестоко расправлялись с местными советскими работниками и руководителями учреждений. Боясь басмаческой расправы, декханство робко отзывалось на наши призывы».

Безлюдное место, на котором П.М. Макеев и его соратники строили центральную усадьбу совхоза, позднее превратившуюся в современный посёлок городского типа Дангара, раскинулся в обширной заболоченной горной долине, образованной рекой Таирсу. Дангару окружают несколько хребтов системы Памиро-Алая: Вахшский (на севере), Териклитау (на юге), Санглок (на западе). На востоке – горы Памира. Климат резко континентальный, с большими суточными перепадами температур. Большое количество солнечных дней, сухость воздуха и ограниченное количество осадков. Зимы непродолжительные и умеренно холодные, в межгорной части средние январские температуры составляют $-3 \dots -7$ градусов, с повышением высот температуры заметно опускаются. Снег уверенно держится только в высокогорной части района. Весна стремительная, солнце быстро поднимает температуры до летних значений. Лето, даже в горной части района, тёплое,

в отдельные дни жаркое. Температуры в июле в среднем колеблются в пределах от +19 до +32 градусов [15].

«Основной костяк штата для всех организуемых зерносовхозов Зернотрест подбирал в Москве. Для Дангаринского же зерносовхоза требовавшихся по штату специалистов Зернотрест подобрать не смог: их пугали трудности предстоящей работы и несколько необычные условия организации зерносовхоза. Позднее удалось направить на работу в совхоз агронома Н.С. Судзиловского, который, несмотря на более чем 60-летний возраст, изъявил желание поехать в Таджикистан, инженера-механизатора К. Резниченко, только что окончившего институт, бухгалтера тов. Трушина и шофёра И.А. Меркулова.

В конце 1929 года наш немногочисленный аппарат будущего зерносовхоза в составе пяти человек, включая меня, выехал в Таджикистан».

Трудность состояла не только в том, чтобы подобрать нужных людей, но и в том, чтобы разместить их хотя бы на временное жительство. Когда на станцию Душанбе стали прибывать тракторы «Катер-Пиллер», жилищный вопрос был разрешён несколько необычным способом. Указанные американские тракторы были упакованы в двухслойные

Окрестности Дангары

тесовые ящики со сплошной толевой изоляцией. У него отнималась торцовая стенка, буксиром извлекался трактор, и после небольшого дооборудования из ящика получалась хорошая изолированная квартира.

Первый транспорт, состоящий из 8 тракторов, тронулся в путь по новой дороге. В это же время вьюками на верблюдах в совхоз было отправлено горючее и семена. Вьючный караван, который возглавил Н. Судзиловский, двинулся в путь не по новой дороге, а по горной тропе. Когда мы с тракторным отрядом добрались до перевала Чермозак, в горах начался дождь. На дороге впереди и сзади нас произошли обвалы и оползни, которые преградили путь транспорту. Пришлось тут же у дороги устанавливать палатки, вьючным транспортом организовать доставку продуктов из Душанбе, воды и дров из ближайших кишлаков.

Промокшие трактористы разместились в холодных палатках. Надо было удержать трактористов от намерения бросить тракторы в горах, а самим разойтись. Пришлось двух трактористов, склонявшихся к этому другим, освободить от работы и направить в Душанбе за расчётом. С остальными трактористами я пробыл в палаточном лагере несколько дней, пока работники Дортранса вручную, орудуя лопатой и киркой, не восстановили дорогу.

Когда обвалы были расчищены, мы вновь тронулись в путь, но ненадолго: впереди образовалось новое препятствие из перекрывшего

Авария. Дорога на Дангару

дорогу пльвуна, Опять стояли до устранения появившейся преграды, принимая участие в расчистке. В конце концов всё же добрались до места, где предполагалось расположить центральную усадьбу. Горючее и семена, отправленные на верблюдах, были доставлены в совхоз одновременно с приходом тракторного отряда.

Тем временем в Душанбе продолжала прибывать техника для совхоза – плуга, культиваторы, сеялки, дисковые бороны и т.д. Однако начавшиеся дожди и талые воды вновь вызвали на дороге Душанбе – Кенгурт массовые обвалы, оползни и пльвуны. Дорога оказалась разрушенной на десятки километров. Всякое движение по ней было прекращено, и совхоз был отрезан от перевалочной базы.

Для ликвидации обвалов и выполнения аварийных работ, решением ЦК КП(б) и Совнаркома Таджикской ССР было мобилизовано население прилегающих к дороге кишлаков. Этим же решением меня назначили уполномоченным СНК по восстановлению дороги. Не считаясь с погодой и усталостью, то на автомашине, то верхом на лошади я метался между Душанбе и разными участками Кулябской дороги, принимая всевозможные меры к тому, чтобы ускорить восстановительные работы.

В первых числах марта, когда установилась хорошая погода, восстановительные работы на дороге подошли к концу.

3 марта 1930 г. транспорт, состоявший из 12 гусеничных тракторов «Катер-Пиллер» и 9 колёсных тракторов «Интернационал» с прицепами, загруженными сельскохозяйственными машинами и оборудованием, тронулся из Душанбе к совхозу. В Душанбе вновь пришлось подбирать трактористов: направленные после окончания курсов из Ташкента в наше распоряжение механизаторы разбежались, не доехав до места назначения».

«Колонна благополучно добралась до кишлака Локей-беки, где и заночевала. Ночью, когда все люди отдыхали, я на головном гусеничном тракторе в сопровождении верхового нарочного двинулся вперёд и благополучно добрался до Чермозаскского перевала. Отсюда я послал нарочного сообщить отряду, что колонна может двигаться вперёд.

На пути к Чермозаку, когда дорога шла на подъём, и на этот раз не обошлось без происшествий. Полотно дороги стало разрушаться тракторами и колёсами тяжело груженных тракторных тележек. Колёсные

тракторы буксовали в разбитом полотне дороги. Тракторные тележки застревали в глубокой колее. Не выдерживая тяжести, на выбоинах ломались спицы и втулки колёс. Пришлось применить буксиры, перегружать с поломанных тележек срочные грузы на другие, освобождая их от второстепенных грузов. Несколько раз целыми сутками задерживались перед плавунами и оползнями, где зачастую, не дожидаясь дорожных рабочих, своими силами расчищали дорогу и двигались дальше.

С трудом добрались до Дангаринской долины. Люди были измучены. Все тракторы требовали либо профилактического, либо текущего ремонта, а из трёх с лишком десятков тележек до совхоза дошло исправными всего несколько штук. Остальные вместе с грузом были разбросаны по дороге от Чермозака до Кенгурта.

Вся техника пришла в совхоз тогда, когда уже посев на богаре производить было нельзя. Первая же партия колёсных тракторов, прорвавшаяся в совхоз раньше, смогла произвести посев пшеницы только на площади в 600 га.

Людей в центральной усадьбе разместили в палатках и вагончиках, семейных поселили в кибитках, которые остались от небольшого хозяйства Наркомзёма. Оборудовали временные больницу и столовую».

«Геологическая разведка Дангаринской долины показала глубокое залегание грунтовых вод – свыше 600 м. Единственная надежда была на воду Дангаринского родника, расположенного неподалёку от кишлака Аксу. Чтобы развернуть строительство, надо было окончательно решить вопрос о выборе места для центральной усадьбы зерносовхоза. Специальная комиссия в составе уполномоченного Зернотреста из Ташкента, начальника стройконторы Зернотреста по Средней Азии из Самарканда, представителя Наркомзема Таджикской ССР и директора совхоза утвердила место под центральную усадьбу. Вода к ней должна была подаваться на расстояние 3 км самотёком по трубам из Дангаринского родника.

Одновременно эта же комиссия, учитывая большую отдалённость совхоза от стройконторы Зернотреста, расположенной в Самарканде, решила подчинить прораба строительства директору совхоза. Таким образом, на мои плечи, кроме обязанностей, связанных с организацией работы совхоза, легли не менее важные заботы по его строительству.

Развёртывание строительства упиралось в те же трудности: недостаток рабочих рук, плохое состояние дороги, что крайне затрудняло переброску по ней стройматериалов из Душанбе.

Таким же острым и неразрешённым оставался вопрос с подбором кадров. Специалисты, направляемые Зернотрестом из Москвы, наслушавшись по дороге рассказов о басмаческих бандах, жарком климате, малярии и отдалённости совхоза от железной дороги, либо не доезжали до Душанбе, либо, прибыв в совхоз, искали повод для выезда. Непомерные аппетиты некоторых товарищей к большим заработкам, никак не вязались со ставками или нормативными расценками, на основе которых составлялись строительные сметы. Да и таких людей становилось всё меньше: рабочая сила оседала в самом Душанбе и других городах, где в соответствии с пятилетним планом развернулось крупное промышленное и гражданское строительство» [14].

Здесь в рассказ П.М. Макеева неожиданно врываются басмачи. Так же неожиданно и бесцеремонно, как они врываются в Таджикистан и в деятельность тех, кто создавал совхоз «Дангара».

БАСМАЧИ

Басмáчество (от тюркского «басма» – *налёт* + суффикс *-чи*) – военно-политическое партизанское движение, возникшее в Средней Азии после революции 1917 года в России. Попытки называть басмачей «борцами за свободу и независимость» не выдерживают никакой критики. Это была гражданская война за власть, развязанная байством против советской власти и собственного народа, которому революция несла освобождение от векового угнетения и нищеты. Сами себя участники этих вооружённых формирований называли моджахедами, то есть участниками *джихада* – священной войны мусульман против *неверных* (немусульман) [16].

«Худшим годом для новых поселенцев и совхоза стал 1931. По ту сторону границы Таджикистана была создана хорошо вооруженная кавалерия басмачей (что значит «душителю») и передана под командование бывшего таджикского феодала Ибрагим-бека. В разгар весенней посевной

Ибрагим-бек и его «душители» вторглись на территорию Таджикистана в последней попытке вернуть власть эмиру Бухары. Однако вторжение Ибрагим-бека было обречено на провал, несмотря на его призывы к народу сплотиться под зелёным знаменем Пророка и террор, развязанный его отрядами. Всё население Таджикистана, в том числе соплеменники Ибрагим-бека, поднялось против басмачей. Повсюду крестьяне организовывали полувоенные подразделения, которые, вместе с регулярными частями Красной Армии, быстро покончили с бандитами. Одним из центров борьбы с басмачами был совхоз «Дангара». Он стал базой для бойцов крестьянской самообороны из соседних деревень. В течение нескольких лет после провала вторжения басмачей несколько небольших групп побеждённых «душителей» всё ещё бродили по окружающим горам и иногда отваживались заходить в долину. Когда их преследовали, они быстро пересекали границу по горным тропам. Тем не менее, совхозу всё ещё приходилось сражаться с этими бандами грабителей и убийц» [11].

Тактика басмачей состояла в том, чтобы, базируясь в труднодоступных горных и пустынных районах, совершать конные рейды в густонаселённые районы, убивать советских работников и сторонников Советской власти. Они избегали столкновений с крупными частями регулярных советских войск, предпочитали внезапно нападать на небольшие отряды, укрепления или населённые пункты, а затем быстро отходить. Более всего от рук басмачей страдало местное население, по отношению к которому проявлялось жестокое изуверство.

В конце 20-х – начале 30-х годов Таджикистан терзали банды Ибрагим-бека.

Ибрагим-бек Чекамбаев (1889-1932) – локаец (тюркский клан, возможно, монгольского происхождения, родственник эмиру Бухары), родом из байской семьи из кишлака Шаблон под Душанбе. О дружбе народов в тех краях тогда ещё не слышали. Воинственные узбеки – среднеазиатские тюрки – отгеснили родственных персам таджиков в предгорья Памира и Западного Тянь-Шаня и в заболоченные долины Вахша и Пянджа. Став беком своего племени, отличного от узбеков, Ибрагим-бек объединил половину всех басмачей региона и в борьбе против Советской власти одержал серию побед в окрестности Душанбе

и в Гиссаре. Осенью 1921 года был разгромлен в Восточной Бухаре и отступил в Афганистан. В 1924–1925 годах Ибрагим-бек организовал и возглавил новый поход отрядов басмачей, но к июню 1926 года был разгромлен и вынужден снова отступить в Афганистан. В конце 20-х – начале 30-х годов Среднюю Азию захлестнула новая волна басмаческих выступлений, и снова в Таджикистане их возглавил Ибрагим-бек.

Ибрагим-бек после пленения, 1932 г.

После активной подготовки с весны 1929 г. Ибрагим-бек в марте 1931 г. двинул свои основные силы – до 1000 вооруженных басмачей – на территорию Таджикистана. Прорвавшись через слабо защищенную границу, отряды Ибрагим-бека развернули массовый террор. В апреле 1931 года в сражении у кишлака Дангара банде Ибрагим-бека (600 сабель) было нанесено серьезное поражение. Басмачи в одиночку и группами начали добровольно сдаваться советским властям. 23 июня 1931 г. Ибрагим-бек был захвачен при попытке переправиться через реку Кафирниган в районе кишлака Бульбулон. Под конвоем он был доставлен в Ташкент, где предстал перед судом и расстрелян 31 августа 1932 г. [16].

По официальной версии, басмачество как организованная сила было ликвидировано в 1931–1932 гг., однако отдельные бои продолжались до 1942 года. Значительную роль в разгроме банд Ибрагим-

*Комбриг И.Е. Петров
во время службы в ТуркВО*

*Герой Советского Союза
генерал армии И.Е.Петров*

бека сыграла кавалерийская бригада под командованием Ивана Ефимовича Петрова, в годы Великой Отечественной войны ставшего генералом армии, Героем Советского Союза.

Разгром банды Ибрагим-бека по времени и месту совпал с организацией Дангаринского зерносовхоза. Вот как эти события описывает П.М. Макеев [14]:

«Обстановка в совхозе была тревожная. Трактористы, работавшие в поле, были вооружены винтовками и работали, не теряя друг друга из виду. Транспортные рабочие также были вооружены и отправлялись в путь по возможности группами.

Часто и в самой центральной усадьбе объявлялись тревоги в связи с появлением в ближайших кишлаках басмаческой банды.

Вооружённые рабочие и служащие зерносовхоза были объединены в добровольческий отряд, который возглавлялся мною. Я поддерживал связь с начальниками Кангуртского и Кызыл-Мазарского районных добротрядов, а также с активистами из местного населения, которые информировали меня о всех передвижениях басмаческих банд. Наши

отряды не пребывали в пассивном ожидании очередного налёта. Мы принимали активное участие в погонях и засадах, в поимке и ликвидации басмаческих банд.

Совхоз имел по штату 8 человек ведомственной милиции, которые охраняли в ночное время машинный парк, кассу совхоза, сопровождали кассира в банк и т.д.»

«В начале марта 1931 года мы договорились с председателем Совнаркома Ходжибаевым, что он заедет в совхоз на обратном пути из Пархара. Узнав, что Ходжибаев находится в Пархаре, я решил выехать туда. Грунтовая дорога в Пархар лежала через участок Алимтай. Прибыв в Алимтай, мы побеседовали с рабочими и направились далее в сторону Пархара.

Как выяснилось позднее, когда мы собирались уезжать, большая группа басмачей со стороны Пархара приблизилась к одному из посевных агрегатов, который находился на другом конце поля. Когда наша автомашина, зашумев, тронулась от полевого стана, курбаши, узнав от тракториста, что в автомашине находится директор зерносовхоза, выделил группу басмачей, приказав им захватить начальника. Догнать нас басмачам не удалось. В Пархаре нам объяснили, что через реку Пяндж из-за границы переправилась большая группа басмачей из банды Ибрагим-бека и направилась в сторону совхоза.

Через некоторое время стало известно, что преследовавшие банду пограничники погибли в бою. Басмачи напали на отделение совхоза Алимтай и убили там механика совхоза тов. Михайлова.

На просьбу прикрепить к совхозу до ликвидации банды небольшой воинский отряд Предсовнаркома и находившийся с ним представитель командования местных погранвойск категорически отказали, так как угрожающее положение создалось не только для совхоза. В истекшую ночь через Пяндж в другом месте вновь переправилась большая группа басмачей. У них присоединились мелкие шайки, до этого бродившие в горах.

Нависшая над совхозом угроза требовала моего обязательного присутствия на месте, среди рабочих. Возвращаться на автомашине было невозможно. Автомашину с шофёром оставили в Пархаре, а я со своим заместителем т. Нурмухамедовым выехали в совхоз верхами, через Кзыл-

Мазар. На каждом шагу была опасность встретиться с басмачами. Нами были приняты все меры предосторожности. Ехали через горы в объезд каждого кишлака. На третью ночь после своего выезда мы благополучно добрались до совхоза. Подъезжая к центральной усадьбе, мы были поражены темнотой, в которую был погружён весь посёлок. Оказалось, что все окна были закрыты одеялами в целях светомаскировки.

Жизнь совхоза была парализована. За день до нашего возвращения на центральной усадьбе был похоронен механик т. Михайлов, которого удалось перевезти из Алимантая. Постепенно собирались рабочие, разбежавшиеся с участка после налёта басмачей. На центральной усадьбе не ожидали нашего благополучного возвращения.

В создавшейся тревожной обстановке перед руководством совхоза встала весьма серьёзная и ответственная задача: во-первых, нужно было своими силами организовать оборону совхоза; во-вторых, возобновить прерванные работы, закончить сев и продолжать строительство.

Мы внимательно пересмотрели состав доброотряда, перераспределили винтовки, установили ночные дежурства. Выделили из отряда кавалерийскую группу, которая численно соответствовала количеству лошадей в совхозе. Сформированная группа была объединена с доброотрядом из местного населения, которым руководил работник районного ГПУ т. Куфельд.

В поле выставлялись дозоры. Были вооружены трактористы с прицепщиками. Через несколько дней сев был завершён. Мы не только выполнили, но и перевыполнили план. Мы с гордостью узнали, что совхоз занял одно из первых мест среди небольшого числа передовых зерносовхозов страны по срокам сева и выполнению плана.

Между тем количество басмаческих банд с каждым днём всё увеличивалось. Из-за кордона прорывались новые группы. Совхоз находился на трассе движения басмачей, вследствие чего он оказался со всех сторон окружённым басмаческими бандами. До прибытия регулярных войск охрана хозяйства осуществлялась силами доброотряда, который не раз отражал налёты отдельных вражеских групп.

В первое время появления басмачей местные органы власти недооценили их боеспособность. Но на этот раз басмачи были уже не те, что раньше. За границей они прошли известную подготовку и в

большинстве были вооружены новейшими винтовками иностранного образца.

Наконец, на территорию зерносовхоза прибыла кавалерийская бригада под командованием комбрига т. Петрова. Силами совхоза на её территории была подготовлена посадочная площадка для приданных бригаде самолётов. Всех женщин и детей рабочих и служащих совхоза на самолётах эвакуировали в Душанбе. В районе совхоза развернулись боевые действия по ликвидации басмаческих банд Ибрагим-бека.

Рабочие совхоза оказывали активную помощь красноармейцам. Когда в одном из боёв был повреждён самолёт и сделал в горах вынужденную посадку, работники совхоза вместе с лётчиками буксировали самолёт на тракторе и во многих местах перетаскивали его на руках. В совхозе слесари вместе с лётчиками быстро отремонтировали его, и вскоре экипаж мог продолжать боевые операции.

На полях совхоза валялись трупы убитых в боях басмаческих коней. Особенно много их было на участке Алимтай.

Басмачи оказывали сопротивление с отчаянием обречённых, проявляя при этом свойственную им жестокость. Ими был захвачен и зверски замучен один из политработников старшего политсостава, мой однофамилец т. Макеев. Его именем был назван кишлак, в котором погиб этот мужественный воин.

В июне 1931 г. банда Ибрагим-бека была разгромлена. Сам он был пленён отрядом краснопалочников и понёс заслуженную кару.

(Палочниками называли принудительно мобилизованных в боевые отряды мужчин-дехкан, вооружённых подручными сельхозорудиями (топорами, серпами, ножами, вилами), или даже простыми палками. Краснопалочники – вооружённые таким же образом дехкане, защищавшие Советскую власть или отряды местной самообороны – В.Ф.).

Совместная борьба с басмачеством таджикского, русского и других народов сблизила население ближайших к совхозу кишлаков с работниками совхоза».

«В разгар подготовки к уборочной кампании в совхоз приехали верхом из Душанбе литераторы Т.Л. Дубинская и С.П. Бородин, командированные из Москвы Союзом писателей. После нескольких бесед с рабочими

они отправились дальше через горы к южным границам Кулябского округа. Эти мужественные люди бесстрашно поехали в отдалённые кишлаки, где не была исключена возможность встречи с отдельными группами басмачей. Всюду по пути следования они рассказывали населению о задачах коллективизации, раскрепощения женщин и т.д. В газете «Коммунист Таджикистана» стали появляться их литературные заметки и очерки».

СОВХОЗ ДАЁТ ТОВАРНУЮ ПРОДУКЦИЮ

«С наступлением первых жарких дней дала знать о себе малярия. В совхозе в короткий срок заболевания приняли массовый характер. В небольшой временной больнице нехватало мест.

Выход был один – взять твёрдый курс на широкое вовлечение местного населения в строительство зерносовхоза. Конечно, кишлаки не могли обеспечить нас квалифицированной рабочей силой, в которой мы больше всего нуждались, но мы надеялись обучить людей и вырастить из них квалифицированные кадры.

Я не раз делал попытки пригласить декхан работать в совхозе. Приезжал в кишлак и вёл через переводчика беседы о целях организации совхоза. Тут же я приглашал их на работу в совхозе, вначале хотя бы на подсобных работах. Но в первое время мои усилия не приносили ощутимых результатов.

Несмотря на такую напряжённую обстановку, дела в совхозе шли своим чередом. Первый кирпич был заложен мною на фундаменте конторы зерносовхоза. Тогда же приступили к возведению больницы и жилых домов. На голой Дангаринской долине появились контуры будущего посёлка центральной усадьбы с обозначенными улицами и дорогами. Именно на строительство удалось, прежде всего, привлечь декханство из близлежащих кишлаков.

Мы решили тракторами совхоза подготовить под посев хлопка неосвоенные площади Пархарского района, оказать помощь новым колхозам, которые создавались из декхан – переселенцев с гор. Наш механизированный отряд раскорчевал, спланировал и распахал более 900 га заболоченных и поросших тугаем земель, расположенных по

берегу реки Пянж. Наш почин был большим событием как для декхан Пархарского района, так и для крестьян Афганистана, которые с большим интересом наблюдали за работой тракторов с той стороны Пянджа. Кроме того, наши 5 гусеничных тракторов выполнили большую работу по подготовке полей рисосовхоза близ Душанбе.

Зерносовхоз был подчинён непосредственно Зернотресту в Москве. Связь с трестом и его уполномоченным в Ташкенте была очень слабой. Добраться до совхоза было нелегко, и представители центра заглядывали к нам редко.

К середине лета 1930 г. с наступлением жаркой погоды прекратились плавучки на дороге Душанбе-Кангурт. Дортранс с помощью привлечённых на работу нескольких тысяч человек из окрестного населения закончил восстановление разрушенной дороги. Появилась возможность пустить по ней транспорт. Бездорожье было основным бичом и несчастьем совхоза. Оно парализовало и сковывало всю жизнь и работу.

Дангара. Горы

Ввиду того, что в совхозе была американская техника, у нас работали американские специалисты – представители тракторной фирмы «Катер-Пиллер». Хорошее впечатление оставил о себе инструктор Джемс Виргус. Он осуществлял техническое обслуживание находящихся в совхозе 18 тракторов фирмы. Использование американских специалистов дорого обходилось государству и не всегда оправдывало себя. Досконально изучив одну операцию, они не знали машины в целом. До приезда в СССР Джемс Виргус работал на заводе «Катер-Пиллер» на сборке задних мостов и слабо разбирался в моторе.

Как-то в поле застрял один трактор «Катер-Пиллер». Тракторист долго бился, но никак не мог его запустить. Вызвали американца, но и он не смог завести трактор. Он потребовал новое магнето. В это время около остановившейся машины оказался механик Виниченко, мастер на все руки. Он успел изучить секреты машины. Через несколько секунд мотор трактора заработал. Американский специалист не смог оказать нам существенную помощь и позднее, когда мы получили американские комбайны «Мак-Кормик» и «Холт». Он их тоже не знал.

К ремонту тракторов приступали, не имея запчастей. Приходилось с помощью автогена и токарных станков реставрировать изношенные части, изготавливать некоторые своими силами.

Наступление осени и периода дождей принесло нам и радости, и огорчение. Дождь был кстати для пахоты и осеннего сева, но никак не для неоконченного строительства и людей, разместившихся в палатках. Глиняная крыша во временной больнице набухла от дождей и в одну из ночей с треском обрушилась. К счастью, больные получили только небольшие ушибы, но все были испуганы и вымазаны грязью. Пришлось ещё больше форсировать строительство, которое и без того велось напряжёнными темпами.

Успешно завершив сев, мы сосредоточили всё наше внимание на том, чтобы подготовиться к уборке урожая. Особую тревогу вызывало состояние дороги в Душанбе. Дортранс едва успевал заниматься трудоёмкой расчисткой вновь появившихся обвалов и оползней.

Немного осталось времени и до уборки. Убрать хлеба предстояло на площади около 14 тысяч га, а зерносовхоз ещё не имел ни одного

комбайна и даже не знал, откуда он их получит, так как Зернотрест часто менял свои распоряжения. С попутным самолётом я вылетел в Ташкент. Связавшись по телефону с Москвой, мы с уполномоченным Зернотреста т. Сафоновым добились распоряжения о немедленной отгрузке в Душанбе 12 комбайнов из других совхозов. Из Ташкента я вылетел в совхоз Галля-Арал, где договорился о срочной отгрузке указанных комбайнов.

Вернувшись в Душанбе, попутными армейскими автомашинами я добрался до совхоза, где шла напряжённая работа по ремонту тракторов и автомашин. Мы остро нуждались в запчастях, которые Зернотрест получал из-за границы в ограниченном количестве и с перебоями.

В самый канун уборки урожая по железной дороге начали прибывать в собранном виде отправленные нам комбайны. В дороге с некоторых из них были похищены части. Да и совхозы постарались отгрузить комбайны похуже и без положенных к ним запчастей. Предстояла сложная перевозка этих громоздких машин по такой неблагоустроенной горной дороге. Как ни старались принять меры предосторожности, но при перевозке растеряли мелкие детали. Некоторые части были прогнуты и перекошены.

На месте сразу же надо было ремонтировать машины, но запчастей к ним не было. Зернотрест телеграфировал, что запчасти будут отправлены с нарочным из Новороссийска. Только благодаря находчивости и изобретательности инженера-механизатора совхоза З.Л. Фридлянского, который умело использовал слесарей, силами своей мастерской изготовлял вновь и реставрировал изношенные части, мы вышли из трудного положения.

Для работ на комбайнах были присланы 25 студентов сельскохозяйственного института, которые не имели никакого опыта работы комбайнёрами. Надо было срочно обучить их хотя бы элементарному обращению с машиной.

Договорились с Азияхлебом, что урожай будет сдаваться на месте в совхозе, где силами Азияхлеба будет налажено его хранение в бунтах. По мере необходимости зерно надо было выдавать по нарядам деканам-хлопкоробам.

В конце июня начали уборку. Комбайны, как и следовало ожидать, работали с перебоями. Ощущался острый недостаток сезонных рабочих. Приезжие рабочие требовали подённой оплаты не менее 15 руб. в день. Мы не могли удовлетворить их требования, и они быстро покидали совхоз. Поступившие к нам декхане совершенно не знали европейских сельскохозяйственных орудий.

С первых дней уборки была установлена жестокая борьба с потерями урожая. К нашему общему удовлетворению потери были сокращены до минимума. Это подтвердила комиссия под председательством представителя Средазбюро ЦК ВКП(б), которая ставила нас в пример другим среднеазиатским совхозам.

Летом 1931 года на землях зерносовхоза, которые по рельефу не могли использоваться на посевы, стал самостоятельно организовываться скотоводческий совхоз системы Акционерного общества «Скотовод».

Подходил к концу 1931 год – третий календарный год моего пребывания в Таджикистане. Постоянная тяжёлая болезнь тропической малярией, приступы которой я в большинстве случаев вынужден был переносить на ногах, окончательно подорвали и сломили моё здоровье. В последнее время, кроме малярии, я заболел желтухой. Мою супругу, которая жила со мной в совхозе с первых дней его организации, органы здравоохранения в санитарном вагоне вывезли в конце лета 1931 г. из Душанбе в центральную полосу России. К этому времени она совершенно слегла, тяжело болея пороком сердца и желтухой.

В декабре 1931 г. Зернотрест согласовал вопрос с ЦК ВКП(б) и ЦК Компартии Таджикистана о моём выезде из республики. Свой пост я должен был передать моему заместителю тов. Нурмухамедову».

В 1932 году Дангаринский совхоз уже относился к числу образцово-показательных. Он располагал несколькими тысячами гектаров плодородных земель, большим тракторным парком и немалыми средствами. В совхозе трудились более 600 русских и украинцев. Это были беженцы, спасавшиеся от голодной смерти. В Таджикистане всем находились работа и кусок хлеба. Советская власть вкладывала в развитие отсталой республики огромные средства, рабочих рук не хватало.

Владимир Луговской и его поэма «Дангара»

Советский поэт Владимир Александрович Луговской (1901-1957) весной 1932 г. побывал в Дангаре и других местах, где проходили бои с басмачами, и в 1933 г. написал о них поэму «Дангара», опубликованную в журнале «Знамя» № 7 за 1934 год.

Поэма, естественно, сразу же привлекла к себе внимание в зерносовхозе и была напечатана в только что начавшей выходить совхозной газете «Сталинец» (декабрь 1934 г.) и лишь потом вышла отдельным изданием:

Каким увидел В. Луговской Таджикистан в это смутное время⁶¹:

В окно вползает жаркий ветерок,
Листает книги, крутит занавеску;
Горят костры, устало бродят кони.
Аэроплан пронёс глухие гулы,
Четвёртый день сдаются басмачи.

Команда: – „в цепь!“ Потом приказ: – „Отставить!“
Храпящим шаром катится отряд: –
Стреляют в воздух, машут, вьются в седлах,
Визжат, как кошки, горячат коней.

⁶¹ Приведены выдержки из поэмы. В.Ф.

Толпа молчит. Передовой с размаха
Кидает об землю лёгкий карабин,
Срывает шашку, револьвер, подсумки,
Снимает выцветший английский френч,
И голый торс его блестит, как бронза.
Оружье поднимает рябоватый,
Костлявый тракторист в холщёвой куртке:
„Надень одежду. Нечего форсить», –
Спокойно говорит он. Пленный смотрит
И медленно влезает в рукава.

Толпа молчит. На ситцевых халатах
Цветут цветы и зеленеют листья.
Здесь старики с лиловыми висками,
Крутые животы сорокалетних,
Размётанные брови молодых,
Ступни крестьян, литые руки баев,
Доброотрядцы в порьжелых кепках,
Чекисты в запыхлённых сапогах.

...– „Смотри, Рахим! – кричит рябой механик –
И ты смотри, Таисья Николавна, –
Ведь это он Невежина убил!“ –
„Он!“ – отвечает горец, не колеблясь,
„Он!“ – повторяет женщина сурово.
А пленный кланяется, морщится, смеётся,
Ему везёт. Он очень хочет жить.

Доброотрядцы строятся в шеренгу,
Отряд крестьян с ножами и дрекольем
Уходит к югу. Близится закат.
– «Товарищ, – говорит Рахим, – земля устала
Носить убийц и хоронить героев.
Невежин отомщён. Идём в дозор!»

И я стою один. Я вижу вновь тебя,
Вишнёвая заря Таджикистана: –
Моря спокойного мерцающего света,
Оранжевые тучи над снегами,
Усталые кочёвки караванов,
Пастушеский костёр на дальнем склоне,
Седая одинокая звезда.

Приходит ночь. Свеча стоит в стакане,
Вокруг неё ползут и ходят тени,
На мягких крыльях вьются шелкопряды,
Сиреневеет папиросный дым.
Передо мной сидят четыре парня,
Мы все затянуты походными ремнями,
Мы все из племени тридцатилетних, –
Для нас во тьме, вздыхая, бродят кони
И кружатся военные костры.

...Встаём. Темно. Совхоз не спит. Коптилки
Мигают в окнах. Ходят часовые,
На кузнице звенит полночный молот,
...Мы одиноки. Женщины в домах
Тоскливо бродят, пребирают вещи.
К дверям припёрты хлипкие шкафы.
Мужья ушли давно на запад в горы.
И только возле глиняной больницы,
Где стынет мёртвый полевод Невежин, –
Шагает старенький, сутулый доктор,
Держа в руке старинный Смит-Вессон.
Я сорок раз встречаюсь с ним и снова
Иду дозором вдоль глухих барачков.
Полночный молот бьёт не умолкая
И млечный путь течёт из кувшина.

Одним из главных героев своей поэмы Луговской сделал Ибрагим-бека, который вёл войну на два фронта – против Советской власти и против правителя Афганистана. Его образ поэт рисует мрачными красками. Главный же герой поэмы – почти безликий, мощный таджикский народ. Рассказ идёт от лица одного из таджикских старейшин, тестя Ибрагима:

И вот гонец привёз приказ Эмира –
Мне быть советником, вождём Энверу – быть
А Ибрагиму – слушать нас обоих.
Эмир прислал отряды, пулемёты
И деньги. Ибрагим примчался,
Рыча от злобы, и свои войска
Увёл в Нарын, а мне, грозя, промолвил:
– «Смотри, отец, – пришла пора беде,
Два дурака останутся в Локае:
Я, слушавший тебя, ты – слушавший Энвера,
А он умён, да не для нас с тобой».
– „Чего ты хочешь? – я спросил. –
„Хочу Быть господином нашего народа
И больше ничего». И я сказал: – „Прощай!»

...Я встретил Ибрагима. Он сказал:
– „Мы все разбиты. Есть одна надежда –
Эмир Бухарский и английский царь.
Мы возвратимся золотой дорогой.
Идём в Кабул!
Я нагрузил верблюдов,
Согнал стада, собрал своё добро, –
На дальний юг легла страна изгнанья.

...И мы предстали вместе с Ибрагимом
Перед лицом эмира. Он сказал:
– „Нужна война“. И рядом с ним сидящий
Закрыв глаза, кивнул и закурил.
Я встал и молвил: – «Прикажи ответить

По справедливости. Большевики всесильны.
Народ устал. Ты не узнаешь царства,
В котором царствовал. И я, старик, считаю,
Что ложь стара, а правда молода,
Не надо войн, торгуй и жди событий».
А Ибрагим ответил: – «Драться трудно –
Я не пойму народа. Я согласен
На малые дела. Цена набега
В твоём кармане. Не забудь локайцев».
И человек в одежде полотняной
С усмешкой посмотрел в глаза эмиру.
Эмир вспотел и отпустил меня.

Я ни во что не верил, Ибрагима
Томила злость. Он задолжал индусам,
Он ждал удачи, и она пришла.
Её несли ладони англичан.
...Приблизив Ибрагима, повелел
Опять собрать локайские отряды
И покорить восставших хезаринцев⁶²
В нагорном Катагане⁶³.
Мы пошли.
Мы усмиряли, жгли и убивали
И, с божьей помощью, не покладая рук,
Завоевали царство Ибрагиму.
В Кайнер-булаке он сказал: – «Отец,
Я – господин народов Катагана».
Я отвечал: – «Ты только тень другого –
Мы все, как тени на большой стене,
Но человек уйдёт, и тень исчезнет».

⁶² В современной литературе их называют хазарейцами – ираноязычные шииты монгольского и иранского происхождения, населяющие центральный Афганистан.

⁶³ **Катаганы** — средневековое монгольское племя, родственное роду Чингис-хана, в период монгольского завоевания и ассимиляции с покорёнными тюркскими племенами сыграло свою роль в этногенезе современных казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков, бурятов, уйгур и др.

Он вышел к войску, злобный, как хорёк,
И дал локайцам сорок тысяч рупий.
...Для Ибрагима
Настала ночь. Он не хотел уйти:—
Отрава власти жгла его утробу.

Нас окружили. Женщины и дети
Обременяли нас. Стада брели
За нашим войском. На рассвете пушки
Ударили огнём. Мы помолились
И бросились вперёд.
...Тогда через афганские посты
Приехал человек, всегда решавший
Дела Эмира. Он привёз письмо,
Курил и говорил: – «Настало время,
На юге ждут вас пуля и верёвка,
На запад и восток дороги нет,
Но путь на север, как всегда свободен.
Локай готов для новых мятежей,
Таджики громко проклинают хлопок,
Узбекистан не сеет на полях,
При первом залпе встанут сотни тысяч,
Ворота Индии откроет первый залп,
Король пойдёт полки за перевалы
И то, чего хотел дурак Энвер,
Поднимет Ибрагим, басмач и воин,
Командующий армией Ислама,
Непобедимый, мудрый, непреклонный
И окружённый с четырёх сторон».

И я сказал: – «Назад дороги нет.
Мы только тени. Человек шагает
И мы шагаем. Прикажи афганцам
Не трогать женщин». Он заколебался
И вынул деньги. Ибрагим молчал.

На третий день мы отослали семьи
На вашу сторону. Потом в глухой ночи,
Надувши бурдюки, вцепившись в гривы,
Тремя отрядами мы переплыли Пяндж,
И бросились в поля Таджикистана!
Ты знаешь остальное. Ночь прошла.
Конец судьбы встречается с началом –
Я возвратился снова в Дангару,
Я очень стар, а ложь старее правды».

Издалека, всё ближе и яснее,
За кузницей, на площади и рядом,
Из-за угла, широким разворотом
Шли плугари, косцы и трактористы,
Шли конюха и пастухи нагорий,
Разноязычным, разноликим строем,
В халатах, гимнастёрках, тубетейках,
В шинелях и брезентовых плащах.
Народ шагал, тяжёлый и цветастый,
Вооружённый наспех, по тревоге.
Волна штыков и копий наплывала,
Ребята пели, раздувая глотки,
По-русски, по-локайски, по-таджикски,
Размахивали смуглыми руками
И жмурились от яростного солнца.
В пыли и пламени, на правом фланге
Шагал Рахим, стыдливо улыбаясь.
Багровый бинт упал ему на брови
И сгусток крови, словно червь медяный,
Тускнея, полз в тяжёлые усы.
Зрачки богатыря полиловели
От дикой силы и горячей раны,
Пошатываясь, он глядел в пространство;
Большая песня шла перед бойцами –
Дозоры возвращались в Дангару.

Главное Луговской подчеркнул: за спиной Ибрагим-бека стоял «человек в одежде полотняной, всегда решавший дела эмира», с английским кошельком.

МАЛЯРИЯ

Вахш берёт начало в горах Памира, где течёт с огромной скоростью. Выйдя на равнину Южного Таджикистана, он замедляет своё течение и до впадения в Пяндж становится уже относительно спокойной рекой с заболоченными берегами. Низовья Вахша и Пянджа поросли тростником и густым кустарником, там в изобилии встречались кабаны, водились фазаны, дикие утки, камышовые коты. Обитал там даже туранский тигр, теперь вымерший. Миллиарды комаров, живущих на этих болотах, разносили малярию, которой поголовно болело всё население. Лекарств не хватало. На чёрном рынке хинин стоил бешеных денег. Им лечили лишь самых ценных, с точки зрения советской власти, людей: рабочих, военных и хлопкоробов. Лекарство принимали в присутствии врача, чтобы больной не мог унести его домой и отдать больной жене или ребёнку [17].

По решению Совнаркома и президиума Академии наук СССР была организована Таджикская комплексная экспедиция. Руководил её подготовкой научный совет под председательством академика А.Е. Ферсмана. В совет входили учёные с мировым именем, такие, как Н.И. Вавилов. В составе экспедиции были 72 отряда – геологические, геохимические, метеорологические, гидроэнергетические, ботанические, зоологические, паразитологические, сейсмологические, этнографические. В ней участвовали 700 человек, включая 97 научных работников. По всей территории Таджикистана было организовано множество опорных баз, заготовлено продовольствие для сотрудников, фураж для лошадей. В её распоряжении были радиостанции, самолёты, автомобили. Паразитологическую группу возглавлял Е.Н. Павловский, будущий академик, будущий президент Географического общества СССР, основатель Тропического института в Таджикистане. В её составе для борьбы с малярией открыли специальные малярийные станции, на одной из них в совхозе «Дангара» в 1932 году трудился малярийным

разведчиком 20-летний Лев Гумилёв(1912-1992), единственный сын знаменитых поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилёва, будущий историк-этнолог, археолог, востоковед, писатель, переводчик, доктор двух наук – исторических и географических [17, 18].

Лев Николаевич Гумилёв, 1934 г.

Гумилёв был рядовым в бесконечной войне против малярии:

«Работа заключалась в том, что я находил болотца, где выводились комары, наносил их на план и затем отравлял воду „парижской зеленью“. Количество комаров при этом несколько уменьшалось, но уцелевших вполне хватило, чтобы заразить малярией не только меня, но и всё население района» [19].

Заметим, что малярию в Таджикистане победила не токсичная нерастворимая в воде «парижская зелень» а рыбка гамбузия, которая эффективно уничтожала личинок малярийного комара. К пятидесятым годам малярия в Таджикистане стала редкостью, но возродилась в годы гражданской войны, начавшейся после развала СССР.

И.С. Брагинский и газета Дангаринского зерносовхоза

С мая 1933 года Брагинский – зам. начальника политотдела совхоза «Дангара» по инструкторско-массовой работе.

В Дангару Брагинский приехал не один, а с женой.

Ханна Натановна Дриккер в 1925-1930 гг. училась на экономическом (колхозном) факультете Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в 1930-1933 гг. – в аспирантуре Всесоюзного научно-исследовательского колхозного института, по окончании которой получила звание старшего научного сотрудника в области экономики и организации колхозов. В те же годы участвовала в колхозном строительстве – в Орехово-Зуевском округе, в Западной Сибири, на Северном Кавказе. В Дангаринском совхозе она работала старшим агрономом, заведовала учебным комбинатом по подготовке местных кадров трактористов и животноводов. Была парторгом бригады и членом Дангаринского райкома партии.

Незадолго до приезда Брагинских в Дангару, весной 1933 года, в совхозе на фоне голода произошло массовое отравление рабочих совхоза хлебом, испечённым из протравленной пшеницы. По показаниям свидетелей и самих отравившихся, этот хлеб – горький на вкус, с тёмно-жёлтыми и синими вкраплениями величиной с булавочную головку. Зарегистрировано 250 отравившихся, из них 21 ребёнок. Умерло 119 человек, тяжело больных – 120, из них 12 – «безнадёжно больных» [20].

О работе в Дангаре И.С. Брагинский написал мало: «Всё время уходило на практическую работу по борьбе за урожай, ...за выполнение плана хлебозаготовок, ...за воспитание кадров. ...В партийной работе я участвовал как член Дангаринского райкома партии». О себе Брагинский скромно писал, что занимался «культурно-просветительской деятельностью, руководя местной газетой и создавая школу». Однако его роль в становлении совхоза не ограничивалась столь узкими рамками.

Период работы в Дангаре наименее всего исследован в биографии И.С. Брагинского. Подробности того, какую роль в развитии

Дангаринского совхоза играл Политотдел и лично И.С. Брагинский как один из его руководителей, в чём конкретно заключалась его деятельность в «борьбе за урожай, за выполнение плана хлебозаготовок и воспитание кадров», удалось восстановить из номеров газеты «Сталинец». Эта газета – орган Политотдела Дангаринского зерносовхоза была организована Брагинским. В архиве учёного была найдена потрепанная папка с частично переплетёнными, частично вложенными газетами – на ветхой, крошащейся пожелтевшей бумаге. Первые номера газеты – с октября 1934 по сентябрь 1935 года.

Мои попытки найти в Интернете какие-либо сведения об этой газете успеха не имели.

История газеты «Сталинец» началась 23 сентября 1934 г. с выпуска Бюллетеня «Вооружимся новым оружием самокритики. Организуем свою совхозную газету!» – экстренный выпуск, посвящённый чистке парторганизации Дангаринского зерносовхоза. Брагинский прошёл партчистку в совхозе самым первым.

Газета начала выходить 1 раз в 5 дней на русском и таджикском языках тиражом 250-300 экз. с многочисленными тематическими приложениями. Фотографий газета не печатала – необходимой для этого техники у неё не было. Из её выступлений становится ясным, на каком фоне и в каких условиях протекала деятельность Брагинского в совхозе.

Перед нами 1-я страница первого номера первой совхозной газеты:

В её передовице дана убийственная характеристика состояния совхоза:

«Сильная засорённость совхоза чуждым и рваческим элементом, массовое воровство, преступное отношение к делу самой дирекции и полная бездеятельность в прошлом совхозной парторганизации – привели совхоз к полному упадку.

Снижая из года в год хлебосдачу, наш совхоз сдал государству в 1933 году товарных излишков хлеба всего лишь 378 центнеров.

Политотдел поставил центральной задачей **поднять ответственность за дело совхоза** как отдельно каждого рабочего, так и самого руководства и **добиться скорейшего оздоровления совхоза**».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОСТРОИМ ПАМЯТНИК ЛЕНИНА

СТАЛИНЕЦ

Орган Политотдела Даггаринского зерносовхоза

№ 1

1 Октября 1934 г.

№ 1

И ОКТЯБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЕ!

На этот вызов Политотдела первыми откликнулись комсомол (собрали 100 р.) и 1-ое отделение (собрали 150 р.) На сегодня подписались всего на 3301 р. Из них: гараж 703 р., мехмастерские 670 р., ОГС 243 р., контора 275 руб. и разные лица на общем собрании 1210 р. На собрании был сделан вызов на 100 р. т.т. Биршеву, Соловей, Вязренкову, Редкену, Вавиличу, Осьмину и Шекуну. Ждем их ответа

ПО БОЛЬШЕВИСТСКИ БОРОТЬСЯ ЗА ОЗДОРОВЛЕНИЕ СОВХОЗА

НЕМЕДЛЕННО СДАТЬ ВСЕ ТОВАРНЫЕ ИЗЛИШКИ ХЛЕБА

ВСЕ СИЛЫ НА БОРЬБУ ЗА НОВЫЙ УРОЖАЙ

Цифры 6.000—30.000 должны знать все рабочие совхоза

Сильная засоренность совхоза чуждым и вредным элементом, массовое воровство, преступное отношение к делу самой дирекции и полная бездеятельность в прошлом совхозной парторганизации — привели совхоз к полному упадку.

Снижая из года в год хлебосдачу, наш совхоз сдал государству в 1933 году товарных излишков хлеба всего лишь 378 центнеров.

Политотдел поставил центральной задачей: поднять ответственность за дело совхоза, как отдельно каждого рабочего, так и самого руководителя и добиться скорейшего оздоровления совхоза.

В этом направлении шло бытие на сегодня некоторые сдвиги. В текущем году совхоз сможет обеспечить сдачу государству 6.000 центнеров.

Но к сожалению, и на сегодня далеко не все чувствуют должную ответственности за дело совхоза. В результате эта вполне выполнимая цифра может оказаться неосуществленной.

На сегодня сдано государству всего 3.730 центнеров. Затягивается и проходит с большими потерями уборка на Уртабозе. Там же и на 2-м отделении беззаботно относятся к сбору колосьев. Имеют место антигосударственные настроения: при-

держать хлеб, не спешить с хлебосдачей.

Все эти безобразия необходимо устранить немедленно. Нужно обеспечить сдачу государству товарным излишким полностью. Их же у нас должно быть не менее 6.000 центнеров.

В целях дальнейшего оздоровления совхоза необходимо в следующем году обеспечить сдачу государству хлеба не менее 30.000 центнеров.

Для этого необходимо посеять до 5.000 га и собрать с га урожай не менее 10 центнеров.

Политотдел считает эту задачу вполне возможной и выполнимой, если только этого захочет весь рабочий коллектив и по большевистски возьмется за дело.

Необходимы лишь — распорядительность, оперативность и поворотливость хозяйственного руководства и ударная дисциплинированная, добросовестная работа всех рабочих.

Между тем тревожные сигналы о которых сообщает сегодняшний № газеты говорят о полном отсутствии подготовки к севу; пропала паря, не отремонтирован прицепной инвентарь, нет паря и расенок, семена не подготовляются, горячее поле не засеивается.

Даже плавае по бригадам нет.

Вместо того, чтобы предупредить опасность прорыва, безпромедлительно навестить улушное, — кой кто пугается уже сейчас предпринять возможность невыполнения плана сева сельками на плохую работу старого хозяйственного руководства. За этим хотят спрятать свою бездеятельность и подготовку к севу.

Безобразная старая работа обязывает нас еще больше мобилизоваться на преодолении трудностей сегодня, на работу не воему, взяться за ручья рукава, за проведение сева.

Ликвидировать разбросанность совхоза и сконцентрировать все производственные силы вокруг центральной усадьбы.

Обеспечить возможному севу бесперебойное снабжение горючим и до закрытия дорог завести на весну запас горючего 150 тонн — вот центральная задача.

Развернуть, не медля ни минуты, всю подготовительную работу к севу — ремонт, сортировка и протравка семян, планы и главное — организация людей и строжайшая ответственность за качество работы.

Все силы на борьбу за высокий урожай, за обеспечение хлебосдачи — 6.000 центнеров в текущем году и 30.000 центнеров в будущем — 1935 году.

«Покончим с пассивностью!» – эту тему газета подняла уже во втором своём номере (6 октября 1934 г.).

Что за люди работали в совхозе, когда туда приехали работать Брагинский с женой, откуда взялся этот «чуждый и рваческий элемент»? Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях П.М. Макеев [14]:

«Брать людей на работу в совхоз, несмотря на острый недостаток кадров, приходилось очень осмотрительно. Среди людей, прибывших в республику из центральных областей страны, далеко не все были настроены трудиться честно. Тут можно было встретить «длиннорублёвников», которых привела сюда погоня за большими и лёгкими заработками. Ещё большую опасность представляли лица, бежавшие из центральных областей в связи с началом проведения там политики ликвидации кулачества как класса.

«Выход был один – взять твёрдый курс на широкое вовлечение местного населения в строительство зерносовхоза. Конечно, кишлаки не могли обеспечить нас квалифицированной рабочей силой, в которой мы как раз больше всего нуждались, но мы надеялись обучить людей и вырастить из них квалифицированные кадры».

«Большую роль в укреплении и оздоровлении кадров сыграло прибытие по призыву партии группы коммунистов – квалифицированных рабочих с крупных предприятий. ...Вместе с коммунистами приехали два комсомольца. Уполномоченный Зернотреста послал из Ташкента к нам на работу нескольких шоферов».

А это из сообщения [20] о массовом отравлении в начале 1933 г.:

«Все заболевшие и умершие от отравления являются исключительно европейцами, главным образом из раскулаченных и сбежавших кулаков».

Другая категория работников совхоза – декхане, которых удалось привлечь к работе и учёбе в совхозе.

Политотдел опирался в своей работе, в первую очередь, на специалистов, коммунистов, комсомольцев. Именно они возглавили соцсоревнование в совхозе.

Уже в №3 от 11 октября 1934 г. газета подняла важнейшую тему – «Вытравим великодержавный шовинизм в совхозе», явно инспирированную интернационалистом Брагинским:

«Наш совхоз расположен среди декханского населения таджиков и узбеков. Одна из основных политических задач совхоза состоит в том, чтобы выковать из местного трудящегося населения пролетарские кадры квалифицированных рабочих. С этим делом... обстоит ещё из рук вон плохо. ...Причина состоит в том, что ещё живуч в нашем совхозе великодержавный шовинизм. Враги рабочего класса и трудящихся стараются посеять рознь в рядах рабочих и трудящихся. Они пытаются внушить рабочим, что врагом рабочего класса являются не кулаки, спекулянты, бюрократы, лодыри и рвачи, а трудящиеся других национальностей. В частности, они пытаются так называемым «европейским» рабочим привить презрение к националам: таджикам и узбекам. Достигается это баснями о якобы лености и неспособности рабочих из местной национальности. Пускаются толки о том, что не нужно их допускать к квалифицированной работе, пускай, дескать, живут так, как жили раньше – в темноте и бедности».

В том же номере газеты помещены критические материалы о неправильном отношении в совхозе к «националам», призыв ребят из кишлака «Хотим быть трактористами».

Проблемы шовинизма одним выступлением газеты не решаются. Брагинский постоянно решительно выступал против любых проявлений как великодержавного шовинизма, так и местного национализма. В этой борьбе у него были не только победы, но и серьёзные потери, о чём, например, свидетельствует эпизод, рассказанный в семье Ханной Натановной Дриккер.

1934 или 1935 год. Выходной. И.С. Брагинского куда-то вызвали, и он уехал, оставив дома беременную на 6-м месяце жену. Предвидя целый день отдыха, она отдала свою лошадку, на которой верхом передвигалась в совхозе. Вдруг прибежали люди:

– Драка! Русские дерутся с таджиками!

Никого из начальства на месте нет, и она решает вмешаться, чтобы остановить драку. Выпросив другую лошадь, отправилась к месту происшествия. Но лошадь, не привыкшая к чужому седоку, понесла и сбросила её на свалке металлолома. Началось сильное кровотечение. Подобрали люди и, не надеясь на местных врачей, повезли её в Сталинабад. Дальняя, тяжёлая дорога закончилась потерей ребёнка.

В № 4 от 16 октября 1934 года газета поместила большой материал «Жулик с партбилетом в кармане разоблачён» о деятельности бывшего директора совхоза Свинцова, который довёл хозяйство совхоза до развала. Бесшабашное очковтирательство, разбазаривание общественной собственности, препятствие упорядочению учёта ценностей, бездушное отношение к нуждам рабочих, пьянство, спаивание подчинённых, коллективные попойки, разврат – основные обвинения, предъявленные Свинцову при партчистке. Грузы, как правило, отправлялись и принимались им без веса и без актов об их состоянии и сохранности. Безнаказанно происходило хищение грузов, потери и поломки машин и их частей. Бездушное, бюрократическое отношение к лучшим рабочим и специалистам привело к их уходу из совхоза. Газета призвала к избавлению партии от Свинцова и «свинцовщины».

27 декабря 1934 г. Брагинский публикует статью «Выявить пособников растрат (о финотчётности бывшего зампредрабочкома Калганова, арестованного за растраты)». Политотдел, принявшийся решительно бороться с безответственными руководителями, которые привели совхоз к упадку, включая директора, делал это открыто.

Страницы газеты буквально заполнены критическими материалами. Примеры заголовков заметок на её страницах: Над полями нависла угроза севу, ликвидируем её. За ушко да на солнышко (постоянная рубрика в газете). Довольно дармоедничать. Прокопович, проснись. Позор! Одёрнуть зарвавшегося бездельника.

Маленькая, но красноречивая деталь – заметка «Не запутывайте расчётов» о таких расчётах у националов, работающих в стройконторе, «в которых и грамотному человеку не разобраться». «Тов. Брагинский взялся разобрать эту путаницу, но так ничего и не сделал». Брагинский считал себя открытым для критики.

В феврале-марте газета почти ежедневно выпускала «Листовки посевной». В одной из них, 23 февраля, опубликована заметка тракториста Турсун Бобо, работавшего ночью, «Дайте свет»: «Факела не годятся: всё мелькает перед глазами. Нужно срочно отремонтировать динамки, а временно уж лучше дать фонари «летучая мышь».

Х.Н. Дриккер вспоминала в семье, как она сама работала ночью с таким фонарём. Тракторист должен видеть дорогу. Х.Н. становилась

в конце дороги с фонарём в руках и светила трактористу, чтобы он по прямой ехал на неё. А вокруг воют волки. Их останавливает только свет фонаря. Страшно! Узнав об этом, Абуш Козловский, муж сестры Брагинского, взял отпуск и отправился из Москвы в Дангару. Там он сопровождал Х.Н. в её ночной работе с фонарём.

Газета становится организатором многих полезных дел в совхозе. Вот примеры:

Все на отчет и перевыборы советов!

Пролетарии „Дангары“
покажите свою организованность.
ВОЗЬМЕМ РАБОТУ СОВЕТА
ПОД ОГОНЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ САМОКРИТИКИ!
Дадим в совет лучших представителей совхоза.

Сегодня в нашем совхозе намечается отчет и перевыборы советов. Будет заслушан отчет Дангарского РПК'а, затем будет проходить перевыбор делегатов в совет и выборы на районный съезд.

Не должны присутствовать на собрании лишь лишённые избирательных прав. Рабочие, служащие и ИТР совхоза должны все, как один — организованно выйти на отчетно-перевыборное собрание.

Вовремя и привести за собой остальную массу граждан проживающих на территории совхоза и имеющих избирательные права.

ЗА ОЗЕЛЕНЕНИЕ

Организуем культурно-бытовой поход
имени 7-го Всесоюзного съезда советов
ОЗНАМЕНУЕМ ВЫБОРЫ В СОВЕТ
ОЗЕЛЕНЕНИЕМ усадьбы СОВХОЗА

Товарищи!

Близятся выборы в совет по нашему району. Впервые за все время существования совхоза, рабочие и служащие совхоза будут избирать своих делегатов в совет. По всему Советскому Союзу трудящиеся встречают выборы новыми достижениями на фронте социалистического строительства, организацией похода к цели предстоящего в январе 7-го Всесоюзного Съезда Советов.

Организуем культурно-бытовой поход имени 7-го съезда. Используем сегодняшний выходной день — 7 декабря для проведения СМЪБОТНИКА по древесносаждению вокруг памятника ЛЕНИНА.

Пусть каждый работающий в совхозе и член семьи посадит не менее 10 деревьев.

Выходите все как один на субботник.

Мы должны посадить первые 1000 деревьев.

Полгода. Рабочим.

◆◆◆◆◆

Первые вызовы:

Решившиеся — будут посадить 15 деревьев. Вызывая Хашова.
Хашов — один пришло. Вызывая Хот Сайда и Бунчина.
Вызывая — будут посадить 17 деревьев. Вызывая Вешов.

Газета – организатор соцсоревнования:

Из газеты от 5 сентября 1935 г. следует, что в это время И.С. Брагинский возглавлял партком совхоза, оставаясь при этом заместителем начальника Политотдела.

Директор совхоза Свинцов, на совести которого был развал хозяйства совхоза, стал первым, кого коснулась чистка партийных рядов. И нет сомнений в том, что Политотдел совхоза и лично заместитель его начальника Брагинский были причастны к снятию с должности потерявшего авторитет директора.

Политотдел боролся за урожай и выполнение плана хлебозаготовок, прежде всего, гласностью. В газете регулярно печатались планы работ: что, когда, где, кто за что отвечает, как выполняется. Брагинский проводит партсобрания, где обсуждают выполнение планов. Разворачивают соцсоревнование.

По итогам соревнования трёх бригад механизаторов в 1934 году отмечается отставание 1-й бригады. Брагинский принимает на себя на период сева обязанности парторга этой бригады. Результат не за-

медлил сказаться: передовой бригада не стала, но из прорыва вышла и последнее место в соцсоревновании покинула.

29 июля 1935 г. газета выпустила экстренный выпуск по случаю ЧП на уборке – пожара:

«Случай с пожаром должен быть последним грозным предупреждением против халатного разгильдяйского отношения к противопожарным мероприятиям.

26 июля, примерно в 11 часов дня, от преступно-небрежного отношения с огнём Шакирова, курившего во время работы комбайна № 3250 (третья бригада) вспыхнул пожар на комбайне. ...Сгорело 15,5 га нескошенного хлеба. Сгорел комбайн. Нач. агрегата комбайнёр Бренин и тракторист Шакиров подвергнуты заключению в Аксуйский ДПЗ, и дело о них передано суду».

Брагинский взялся за существенное оживление работы комсомольской организации совхоза, о чём и свидетельствует страница газеты:

Уже следующий номер «Сталинца» вновь посвящён работе с молодёжью – об организации призыва в Красную Армию. «Дадим в ряды своей родной Красной Армии классово-выдержанных, беззаветно преданных большевистской партии, хорошо грамотных и физически крепких рабочих!» – под таким лозунгом проводился призыв. «На рабочих собраниях мы будем сегодня обсуждать каждую кандидатуру призывника, чтобы в Красную Армию не пролезли кулаки и подкулачники, лодыри и хулиганы» – пишет газета. Дни призыва начинаются собранием, 19 сентября – кино, 20-го – массовые игры, а 21-го – массовый субботник по переброске хлеба.

Об итогах призыва в газете от 28 сентября 1935 года пишет председатель Дангаринской районной призывной комиссии Смаглий:

«Своевременная и организованная явка на призыв обеспечена, благодаря... массово-разъяснительной работе в кишлаках и бригадах совхоза Дангара специально выделенными райкомом партии и политотделом совхоза уполномоченными. ...На призывном пункте была организована столовая, чайхана, ларёк с большим ассортиментом товаров и мануфактурой, обеды в столовой призывники получали бесплатно.

Массовая работа среди призывников проводилась в читальном зале клуба совхоза. В помещении клуба были организованы столы справок, игры в шашки, шахматы, проводились беседы, читки газет. На пункте в течение двух дней был оркестр национальной музыки».

Отмечались и недостатки. Если на призыв явились 100% европейцев, то местных – только 78%, значителен процент явки на призыв неграмотных призывников.

С самого первого номера газета повела агитацию за сбор средств на памятник В.И. Ленину и регулярно печатала списки лиц, подписавшихся на памятник. И.С. Брагинский и Х.Н. Дриккер были в числе первых, внесших по 100 р. Рядовые рабочие вносили по 5–10 р. И памятник был построен в срок.

Большое внимание газета уделяла пропаганде советской и классической литературы. Регулярные «Литературные странички» как приложение к газете – это, несомненно, дело рук И.С. Брагинского и Х.Н. Дриккер. Начало было положено в номерах от 10, 26 и

31 декабря 1934 г., в которых опубликована поэма Владимира Луговского «Дангара», перепечатанная из журнала «Знамя», № 7. За нею последовали, например: Н.А. Некрасов (из поэмы «Светоч» – «Много невзгод и кручины видел наш русский мужик»); Максим Горький (Песня о Буревестнике); Боевые песни Красной армии: «Конная Будённого» Н. Асеева, «Краснофлотская» Безыменского, «Всё выше» – Авиационный марш П. Германа («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью») – 23 февраля 1935 г. Партизанская песня («По долинам, по загорьям шла дивизия вперёд, чтобы с боем взять Приморье – Белой армии оплот»).

Приучая своих читателей к литературе, газета рекомендовала им, что читать в библиотеке-читальне совхоза.

Газета печатала сатирические «Дангаринские частушки»:

Не хочу я брать билета
На проезд в Сталинабад.
Дам Глухонину на водку –
Будет парень очень рад.

А 28 февраля 1935 г. Х.Н. Дриккер провела в зале клуба «Громкое чтение», о чём газета сообщила, публикуя Календарное расписание работы клуба на февраль 1935 года.

ЛИДЕР

Борьба шла и в самом Политотделе – далеко не всё гладко было во взаимоотношениях начальника Политотдела Бахарева и его заместителя Брагинского. Тем более тогда, когда Бахарев стал директором совхоза, а Брагинский возглавил Политотдел. Победу в этом противостоянии одержал Брагинский, которому удалось сплотить вокруг себя активных энтузиастов, увидевших в нём своего лидера.

Нам известно, что Бахарев писал доносы на Брагинского, разбирать которые приезжал представитель ЦК КП(б) Таджикистана. Одним из результатов этих разбирательств стал отзыв Брагинского в Сталинабад в феврале 1936 года, где он быстро пошёл на повышение. Разглядели

в энергичном 30-летнем политотделе работника не совхозного, а республиканского масштаба.

О судьбе Бахарева сообщила газета «Сталинец» от 15 августа 1936 года, опубликовавшая материал «Окончательно разоблачены антипартийные поступки Бахарева» – об общерайонном партсобрании 12 августа 1936 г.:

«Несмотря на неоднократные предупреждения Бахареву со стороны Районного Комитета Партии о прекращении непартийного метода работы, выразившейся в разное время (голое администрирование, грубое обращение с рабочими, ругань, избивание и половая распущенность и дискредитация следственных органов) и напоминание Партколлегии ЦК КП(б) Тадж. о непризнании и неисправлении своих прошлых ошибок, за что в своё время было наложено суровое партийное взыскание ЦК КП(б) Тадж. строгий выговор. Бахаревым до настоящего времени не сделано для себя соответствующих выводов, а стал на путь углубления своих ошибок, примером чего может служить то, что вопреки специального решения ЦК КП(б) Тадж. от 10 мая 1936 г. и решения Районного Комитета партии об уборочной кампании Бахарев не приняв надлежащих мер к улучшению организации уборки, встав на путь безответственного антипартийного отношения к работе, что привело совхоз к глубокому прорыву.

План уборки вместо 20 рабочих дней растянул на два с половиной месяца, сдача хлеба государству... проходит преступно медленно.

...Охрана социалистической собственности поставлена безобразно (хлеб на токах не охраняется) игнорирования противопожарных мероприятий неоднократно предлагаемых со стороны РО НКВД, привело к трем пожарам, в результате которых погибло пшеницы колхоза 317 га, колхозной 120 га и уничтожено пожаром комбайн и скотный двор.

Организация труда поставлена в разрез успешной работе совхоза. До настоящего дня нет учета расхода и экономии горючего... Заработная плата выплачивается нерегулярно вместо укрепления счетного аппарата, особо в данный период, последний оказался разогнанным.

Имеют место систематические простои автомашин, комбайнов, тракторов. Вместо сплоченной работы с парторганизациями стал на путь обмана, дискредитации последних...

...вокруг себя сгруппировал непроверенных людей... с которыми надеялся проводить работу в отрыве от парторганизации.

...факты характеризуют Бахарева человеком, проявившим на практике великодержавный шовинизм.

...В момент проверки фактов... Бахарев позорно самоустранился от работы, оставив совхоз без руководства.

...Партийное собрание постановляет: ...За систематическое не выполнение и игнорирование решений партий и невыполнение парт. поручений, за срыв и неоправдание высокого звания члена партии и дискредитацию парторганизаций исключить Бахарева. из рядов ВКП(б). Просить ЦК КП(б) Таджикистана о снятии Бахарева с работы директора совхоза». (Стиль и орфография сохранены).

Всё это было уже после отъезда Брагинского из Дангары. Участия в проверке деятельности Бахарева он не принимал, т.к. был заинтересован в непредвзятости расследования. Данное постановление перед его публикацией он наверняка не читал, иначе не допустил бы такого количества стилистических, грамматических и орфографических ошибок.

Трудно поверить в перерождение Бахарева при его переходе с должности начальника Политотдела в директорский кабинет. Скорее всего, заметное оживление деятельности совхоза и его Политотдела в 1934-1935 гг. связано с именем И.С. Брагинского, а его конфликт с Бахаревым был вызван разным пониманием этими людьми своего предназначения.

Можно лишь догадываться, какая борьба предшествовала созданию газеты. Кто из руководителей совхоза был заинтересован в **такой** газете – боевой, критикующей всех, без оглядки на должности? Уж точно не директор Свинцов, снятый с должности за развал совхоза. Вряд ли и начальник Политотдела Бахарев, пошедший по стопам Свинцова. Видимо, он писал доносы на Брагинского потому, что принципиальность и активность такого заместителя была ему, как кость в горле.

Фамилия Брагинского нечасто появляется в газете, в основном, как автора немногих заметок или как ответственного за те или иные мероприятия. Однако, если читать газету, исходя из понимания обстанов-

ки, сложившейся в совхозе, то видно, что Брагинского в газете очень много, почти вся она буквально наполнена его мироощущением, его энергией, его волей.

Общее направление выступлений газеты – никакой лакировки действительности, критика и самокритика, не глядя на должности, нацеленность на конечный результат – это Брагинский. Никакого подхалимства перед начальством – это Брагинский. Проведение в жизнь политики партии, интернационализм в любых вопросах, забота о трудящихся – это Брагинский. Настойчивая пропаганда литературных произведений – это Брагинский. Никакого самолюбования и самовосхваления – это тоже Брагинский. Ненавязчиво, исподволь, собственным примером он воспитывал окружающих как патриотов своей страны, своего народа, как честных и чистых людей.

Отмечая 110-летие со дня рождения Иосифа Самуиловича Брагинского, прозаик, драматург, журналист Мансур Суруш (Сайфиддинов Мансур Саидалиевич) (р. 1954) писал в статье «Словно первая любовь» [21]:

«После окончания Института востоковедения им. Наримана Нариманова в Москве, в 1933 году он приехал в Таджикистан и начал свою трудовую деятельность во вновь образованном Дангаринском районе в качестве заместителя начальника политотдела одноименного совхоза. Затем судьба предназначала ему другие пути-дороги, но где бы ни был он, воспоминания о раздольной Дангаре и друзьях молодости, которые пришлось на эту пору, жили, словно первая любовь, в его памяти и сердце.

По рассказам тех, кто знал Иосифа Брагинского, всякий раз, когда он приезжал в Душанбе, неодолимая тяга к необъятным дангаринским степям с дуновением ветерка со стороны бурных рек Вахш и Сурхоб, волнистым пшеничным полям, зелёным насаждениям на предгорьях неизменно пробуждалась в нём. И при первой возможности он, несмотря на время года и свои лета, спешил к дороге, ведущей к перевалам Чормагзак и Шар-шар».

И.С. Брагинский
Четверть века спустя: Возвращение
*в молодость*⁶⁴.

Решение было принято: сегодня Академия наук Таджикистана завершила свою годовичную сессию, и завтра, на рассвете, мне предстояло отправиться из Сталинабада (Душанбе) в Дангару, ту самую Дангару, где я был в последний раз в 1936 году и где провёл несколько бурных лет моей, тогда уже зрелой, молодости. Всю ночь перед поездкой я только и думал о том, что же мне предстоит там увидеть... Мне казалось, будто я отправляюсь в путь в Уэллсовской машине времени и, просто повернув рычажок, буду наблюдать два разных среза времени: то, что случилось двадцать пять лет назад и то, что происходит сейчас.

Я хорошо помню, как начинался совхоз. Какой трудной задачей было строительство крупного зерноводческого хозяйства на 63000 акров плоской равнины в самом сердце гор, где земля не нуждалась в орошении, поскольку долина получала достаточное количество осадков в зимний период. Земля долгое время простаивала, и крестьяне даже не думали о её обработке. Это была работа для крупной механизированной фермы. Но могла ли такая ферма с её механическими мастерскими, её административными и жилыми объектами быть создана в засушливых степях? Не утопия ли это?

В те дни между Сталинабадом (Душанбе) и Дангарой не было прямого сообщения. Чтобы добраться до Дангары, вам предстояло проехать 26 километров на поезде по однопутной железной дороге до деревни Янги-Базар, расположенной к югу от Сталинабада. Оттуда – ещё около 104-х километров через горы по узкой извилистой дороге, которая – примерно на полпути в Дангару – проходила через высокий горный перевал, носивший название Чормагзак. Как свидетельствует это название, перевал был покрыт густыми зарослями орешника. В зимнее время перевал скрывался под снегом и движение по нему прекращалось. Дальше дорога спускалась мимо деревеньки Нурек у входа в узкое,

⁶⁴ Перевод статьи И.С. Брагинского [11], выполненный профессором В.И. Брагинским. На русском языке публикуется впервые.

обрывистое ущелье, прорезанное рекой Вахш. Высоко над извилистой рекой ущелье пересекал мост Пули Сангин. Несмотря на название, которое означает «Каменный мост», Пули Сангин представлял собой довольно шаткое сооружение. Это место печально прославилось во время восстания таджикских крестьян в 1885 году, ставшего известным как восстание Восе. Восстание охватило районы, прилегающие к Дангаринской долине (Бальджуан, Нурек и другие). Повстанцам, вооруженным палками и серпами, удалось найти общий язык с местной администрацией. Однако, через Пули Сангин, единственное средство связи между отдалёнными районами и сердцем Бухарского ханства, пришли войска эмира, вооруженные «огнедышащими» мушкетами: солдаты беспощадно расправились с повстанцами. Их предводитель, Восе – «сокол своего времени», как его называли в народной балладе – был захвачен в плен. Его отвезли в Гисар, чтобы предать смерти, и в Нуреке, деревне на берегу реки Вахш, вам непременно покажут развалины каменной тюрьмы, где отважный горец провёл последнюю ночь перед казнью.

За Нуреком дорога спускается к Туткаулу. Она кажется бесконечной, но внезапно, за одним из поворотов, вы видите мощный поток Вахша, и дорога, по-прежнему полная изгибов и поворотов, наконец-то достигает Дангаринской долины. Именно по этой узкой дороге нам пришлось транспортировать необходимые машины, орудия, станки и строительные материалы! Это казалось невозможным и фантастическим, но это удалось сделать.

Колонну транспорта возглавили восемь мощных гусеничных тракторов, с прицепами. За ними следовало около двадцати грузовиков. Трейлеры и грузовики были загружены всем нашим оборудованием, материалами и топливом. Колонна пробивалась вперёд, расчищая дорогу, защищая её от оползней, расширяя и выравнивая с помощью грейдера. Весной 1930 года в землю упали первые семена первой регулярной посевной кампании. Тем временем мы построили основной посёлок с большой механической мастерской, топливным складом, семью большими жилыми домами, зданием конторы, клубом и столовой. Земля, обрабатываемая совхозом, была разделена на секторы культивации, определялась система посева. Производственный план

был выполнен. К удивлению местного населения, совхоз вырос как в сказке. Опрыскивая болота нефтью, нам удалось уничтожить район размножения комаров и положить конец малярии. С большими трудностями, преодолевая множество препятствий, нам удалось решить ситуацию с транспортом. Одна проблема тем не менее осталась. В долине не было пресной воды, и всю нашу воду приходилось в цистернах доставлять в посёлок из горного источника за десятки километров.

В те годы главной задачей, стоящей перед совхозом и особенно его отделом культуры и образования было привлечение и обучение квалифицированных рабочих из местного населения. До тех пор, пока рабочими и сотрудниками совхоза были русские и люди других неместных национальностей, совхоз не мог прочно укорениться в районе. Нам было необходимо набрать и обучить детей местных крестьян управлять тракторами и грузовиками. Проблема усугублялась тем, что местные жители не говорили по-русски, а мы, совхозные, по-таджикски. Как бы то ни было, инициатива должна была исходить от нас. Будучи выпускником, а затем доцентом Московского института востоковедения, я изучал и преподавал язык урду. Элементы фарси, которые так часто встречаются в урду, помогли мне быстрее научиться разговаривать с таджикскими крестьянами. Гораздо труднее было убедить патриархально настроенных родителей разрешить своим детям работать в совхозе и учиться управлять трактором, который фанатичные муллы называли «шайтан-арба», телега дьявола. Однако, после года напряжённой работы нам удалось организовать учебный центр и обучить несколько десятков таджикских юношей управлять и ремонтировать тракторы, уборочные комбайны, грузовые автомобили и станки. Удивительно было наблюдать за изменениями, которые произошли после этого в их образе жизни и взглядах. Постепенно они отказались от своих длинных халатов, мешавших работе, и с удовольствием переоделись в новенькие синие комбинезоны, хотя и по-прежнему носили тюбетейки. Научившись чтению и письму, они стали читать таджикские газеты и книги, романы Садриддина Айни. Вечерами, возвращаясь с работы домой, они пели хором – нечто прежде неслыханное в кишлаках. Как трогательно было слушать в сумерках слова “Марша свободы”, написанного Айни на мелодию

“Марсельезы”, и чувствовать, как некий мост словно бы перебрасывается через века в словах другой песни:

Мы, дети рабочих и крестьян,
Будем твёрдо идти вперёд по пути угнетённых классов.

Затем они начали писать короткие письма в газету, которую выпускал совхоз, и наивные, простенькие стихотворения. Как хорошо я помню праздничное настроение в тот день, когда мы устанавливали статую Ленина! Делалось это по инициативе рабочих совхоза и финансировалось за счёт их собственных взносов. Своими руками они построили фундамент, пьедестал и декоративный забор вокруг статуи, а сама она была доставлена в совхоз на грузовике по ухабистой Янги-Базарской дороге. Трогательно было видеть, с какой необычайной осторожностью эти внуки и правнуки Восе, «соколы нового времени», вели грузовик и как торжественно и радостно они подняли на пьедестал статую Ленина, указывавшего рукой на восток.

Отправляясь в Дангару, чтобы перелистать страницы летописи времени, я взял с собой свою «книжечку времени» – внушительный, переплетённый том, содержащий все выпуски совхозной газеты за 1934–1935 годы⁶⁵. Там я нашёл страницу с изображением памятника Ленину. В верхней части страницы было напечатано поздравление с успешным выполнением плана по уборке хлопка в Дангаринском районе, а в её левой части – статья, посвященная революции в Китае.

Всё это пронеслось в моём сознании накануне отъезда в Дангару весной 1961 года.

* * *

Наконец-то наступает утро. Я готов к отъезду. Решаю не останавливаться в пути, чтобы добраться до совхоза как можно раньше. Мы минуем бывший Янги-Базар, теперь крупный районный центр Орджоникидзеабад. Машина быстро проезжает через перевал Чормагзак. Крошечная деревня внизу заметно выросла, а на самом

⁶⁵ Это и есть та папка, которая осталась в архиве И.С. Брагинского, – изрядно потрепанная, со следами изъятия отдельных страниц. Видимо, учёный изымал их по мере надобности (В.Ф.).

перевале служба технического обслуживания дороги построила одну из своих станций. Мой водитель глядит на меня с недоверием, когда я рассказываю, что в прежние времена проезд здесь закрывался в зимний сезон. Ему едва исполнилось 25 лет, и поэтому я не могу его за это винить.

Нурек. Кто бы мог поверить, что когда-нибудь здесь построят одну из крупнейших гидроэлектростанций в мире и, обуздав бурные воды Вахша, станут использовать их для орошения Дангаринской долины и окрестных засушливых земель. Как я могу не остановиться здесь, где над руинами тюрьмы Восе строится гигантская электростанция с плотиной для орошения и производства электричества? Неожиданно я встречаю своего старого друга Джалилова. В 1920-е годы он одним из первых вступил в отряд добровольцев, сражавшихся с басмачами. Много позже он написал интересную книгу «Восстание Восе в народном искусстве», а во время Второй мировой войны командовал кавалерийским подразделением. Сегодня он председатель местного Совета в Нуреке. Мы не виделись множество лет. В некогда чёрных как смоль кудрях моего друга немало седых прядей. «Мне бы надо уйти на пенсию и писать мемуары, но, как видите, у меня ещё множество дел», – говорит он с виноватым видом и добавляет: «Но я храню историю гидроэлектростанции и – к тому же – обязательно опишу нашу встречу». Видя, что мне не терпится продолжить путешествие, он торопливо рассказывает о строительных работах, о своей жизни, своих внуках, а затем прощается и вдруг, будто только что вспомнив, кричит мне вслед: «Вы просто не узнаете Дангару!».

Туткаул. Чайная – чайхана – на крутом берегу Вахша. Разговор течёт, как река внизу, под берегом. Пустеют чайник за чайником зелёного чая – сегодня выходной. Мы с шофёром решаем ненадолго остановиться, чтобы напиться воды из Вахша. Я вспоминаю, как однажды, когда я впервые приехал в Таджикистан в составе научной экспедиции, мы, мучаясь в Курган-Тюбе от жажды, наполнили чашки вахшской водой, и она оказалась вкуснее лучших вин. Бородатый старик со смуглой кожей и тёмными глазами, чьи белые и поразительно хорошо сохранившиеся зубы были единственными белыми пятнами на его лице, сказал нам тогда: «Тот, кто когда-то попробовал воду из

Вахша, всегда будет возвращаться к этой реке!». Вскоре после этого я вернулся в Таджикистан, к Вахшу, чтобы проработать там долгие годы. Много лет спустя – а ведь, кажется, не так уж давно – когда я редактировал книгу «Притчи и изречения народов Востока», я узнал, что то же самое говорят египетские арабы о Ниле.

Я прошу дать мне чашку – пиалу, спускаюсь к реке, пью её животворную воду и возвращаюсь в чайную. Один из клиентов, скрывая в уголках глаз саркастическую улыбку, спрашивает с притворной озабоченностью: «Что это с Вами? Плохо себя чувствуете? Вода горькая?». Насколько же велика его простодушная радость, когда я показываю, что прекрасно понимаю его шутку, и рассказываю историю своей первой чашки воды из Вахша. Все собравшиеся слушают меня, и я становлюсь одним из них. Многие из посетителей чайной ещё не родились в 1930 году, а ведь они всегда должны проявлять уважение к землякам и старшим. Мне вовсе не хочется покидать новых гостеприимных знакомых, а они кричат мне: «Привет Дангара! Не забудьте повидать Назаршо, лошаdnика! Передайте ему привет от племянников, Турсуна и Ташмата из Туткаула! Пожалуйста, не забудьте!».

Наконец-то, Дангара! Даже с остановками поездка заняла всего четыре часа. В старые времена мы тоже добирались до Дангары на машине, но проводили в пути целый день. Предсказание Джалилова сбывается. Я, старожил Дангары, не могу узнать её. Как ни стараюсь, не могу найти два ряда знакомых, побеленных домов. Раньше такие дома были редкостью среди массы серых, саманных хижин, а теперь их здесь великое множество. С тех пор, как Дангара стала райцентром, она поразительно выросла, превратилась в настоящий город, и столь памятные мне приметы старого совхоза совершенно потерялись среди новых построек. В мои дангаринские годы нам удалось посадить деревья вокруг памятника Ленину, но теперь – деревья повсюду, и я не могу найти памятник. Раньше он, как и подобает, был здесь самым заметным ориентиром. А теперь? Да стоит ли он ещё? Я спрашиваю об этом прохожих. «Да вот он, направо, всего в 300 метрах отсюда», – отвечают мне и показывают дорогу. Я взволнован – да, памятник всё там же, и рука Ленина всё так же указывает на восток. Только вот деревья стали много выше, и через дорогу, напротив памятника, по-

строили школу. Меня окружают местные рабочие, школьники, просто любопытные. Я рассказываю им, как 25 лет назад мы устанавливали памятник. От этого рассказа раскрываются сердца, и люди, мгновение назад не имевшие понятия друг о друге становятся друзьями, серьёзные, задумываются. «Скажите, а нет ли среди вас тех, кто уже давно работает в совхозе?» – «Есть, конечно, есть». И всё же для меня они слишком молоды. Они работают в совхозе не более 10 или 15 лет, а я ищу тех, кто работал здесь последние 25 лет. – «Там, в этом доме, вы найдёте механика. Он родился в совхозе и, может быть, знает таких людей». Я отправляюсь к механику. – «Да, мои родители работали на ферме, – говорит он, – и я действительно родился здесь. Сейчас мне 26, но того, что было 25 лет назад, я, конечно же, не могу помнить». Я припоминаю его родителей, и спрашиваю, где они теперь? – «К сожалению, они скончались лет восемь назад».

К нам нерешительно подходит невысокий, пожилой человек. Мне объясняют, что он ночной сторож. Он пристально смотрит на меня и внезапно обращается ко мне по имени. Да, он узнал меня! Два или три вопроса, и я тоже узнаю, его. – «Скажите, мой дорогой Саид, живёт ли еще здесь кто-нибудь из старых рабочих, особенно выпускников учебного центра?» – «Конечно, и их немало. Прямо там, за углом, живет Маджид Рахим. Он всё ещё работает с тракторами, но уже не в поле, а в ремонтной мастерской». Я вспоминаю Маджида, который был одним из первых выпускников учебного центра. Он был инвалидом – страдал от привычного вывиха рук в результате детской болезни. Но он преодолел свою инвалидность и стал хорошим трактористом. Я листаю жёлтые страницы совхозной газеты⁶⁶. Вот рассказ, расхваливающий Маджида, вспахавшего первые борозды в начале весенней посевной 1935 года.

Как будто сойдя со страниц газеты, Маджид Рахим стоит передо мной – он в комбинезоне, руки перепачканы машинным маслом, которое он поспешно вытирает, чтобы пожать мне руку. Я замечаю, что вывих рук по-прежнему при нём. И он по-прежнему весёлый, как в дни юности, когда дружеская улыбка не сходила с его губ. Только теперь

⁶⁶ Приведённые здесь иллюстрации – из числа тех, которые мне удалось обнаружить в папке с газетами «Сталинец» Дангаринского зерносовхоза (В.Ф.).

Как работали бригады 1-го марта

1-я бригада — БЕЛЯКОВА

	Вспахано	В га	Расход горючего в магр.				
			Всего	На 1 га	Экономия	Пережог	
Турсун Бобо	днем	6,8	150	22,2	20	—	
Костычев А.	"	2,9	70	24,1	7,5	—	
Гапасов	"	простоял (замена нижн. ролика)				—	—
Алексеев	ночью	8,2	153	18,7	52	—	
Костычев С.	"	8,2	180	21,9	25	—	
Козырев	"	"	простоял из-за порчи света				—
Засеяно Худай Берды рядовым севом — 30 га.							

2-я бригада — КУРУШКИНА

Карев	днем	6,3	160	25,4	—	2,5
Совин	"	4,0	85	21,2	15	—
Каром Шайдо	"	3,2	100	28,6	—	12,5
Маджид	ночью	5,8	190	32,7	—	45
Расуль Садык	"	5,0	150	30,0	—	25
Хол Загир	"	4,8	150	31,2	—	30

он носит коротко подстриженную бородку, в которой невозможно не заметить пробивающееся серебро. Он узнает меня, но не понимает, откуда я взялся. Он неловко протягивает мне руку, и с вопросительной интонацией называет по имени: «Рафик Ибрагимский?». Он узнал меня! Таджикские трактористы прочитывали мою подпись «И. Брагинский» как «Ибрагимский», производя её от хорошо знакомого им имени Ибрагим. Маджид рассказывает о себе, о своей семье, в которой шестеро детей. Самый старший сын в следующем году заканчивает Сталинабадский университет, младшие пока ходят в школу или работают. — «Умеют ли они читать и писать?» — «Конечно, — смеётся он, — и намного лучше, чем их отец». — А где твой лучший друг, Каром Шайдо? Он тоже упоминается в газете. В выпуске от 25 февраля 1935 года я нахожу заметку, озаглавленную «Тракторам нужен свет» и подписанную Каромом Шайдо. Он был очень ответственным человеком, и когда ремонт динамо для тракторов был отложен, а тракторы не могли работать ночью без света, Каром укрепил обычный факел на своём тракторе и продолжал пахать. Ведь весной вспашка и сев не могут ждать! Но, «дуди чароги факила чаширо мегирад» («дым от факела попадает в глаза»), справедливо жаловался он, и электрический свет был тракторам действительно необходим. Как показывают напечатанные в газете цифры о прогрессе посевной, он убедил в этом руководство совхоза. А вот ещё одна заметка: «Каром Шайдо — пример для вас!» «Ну, так где же сейчас Каром Шайдо?». «Как где? Каром Шайдо всё ещё управляет трактором, он отлично работает, не стареет и живёт

неподалеку отсюда. Он, конечно, дома. Вы же знаете, что сегодня мы не работаем. Только я дежурю в ремонтной мастерской».

Az Karom Şajdo ibrat grid

Az traktorçijoni brigadi 2-m traktorci rañiq Karom Şajdo jeki az kadrhoji mahalli buda hardojim vazifahoji maovini traktorçigiro bo xubi dar vaqti xud içro mekard.

Soli guzařta dar kursi tajjori traktorçijon xonda bud lakin hec kas bovori nađořti ki u traktorro omuxta metavonad.

Taçriaahoji ki dar ma'rakaji řudgor guzaronida řud, bo traktorçijoni nav bisjor jordam hoji kaloni rařond. Cunonca bo traktori xubtarin zarbdor traktorçijoni sovxoz řarik kard a řud ki onon dar s'meni

duvvum roli traktorro va dasti xud grifta bo rondani řudgor davom kardand. Dar natija va rañiq Karom Şajdo jordanı xubtarin traktorci rañiq **Ařirov** ploni řudgorro bo xubi var zijoda içro kard.

Holo rañiq Karom Şajdo dar miqjosi sovxoz dar nomzodi mukořot grandagon meřtad.

Jake taçriaaji kori on in ast, ki dar vaqti xoli—bekori bo xubi nigohberi k rdani traktor va asvovhoji u meřořad.

Bojad digar traktorçijon az Karom Şajdo in at bigirand.

X. B.

шум выражают.

— А много ли зарабатывают ваши комбайнеры, помкомбайнеры и трактористы?

— Да, порядочно, если перевыполняют нормы. Вот примеры последних 2-х дней. **Болотин** за один день (4 августа) заработал 83 р. 70 коп. Помкомбайнеры—бывшие чернорабочие **Неймат Сали** и **Гани Таир** за тот же день заработали: первый 50 р. 22 к., а второй 31 р. 65 коп. Тракторист **Каром Шайдо** за 2 августа заработал 54 руб. 06 коп., а за 3 августа 63 руб. 53 коп.

Характер Карома Шайдо таков, что встреча с ним ещё более бурная, чем встреча с его другом. Сначала он внимательно смотрит на меня, а потом приходит в крайнее возбуждение – хлопает в ладоши, прыгает от радости и кричит: «Да, ай, ай! Вот так встреча!». Снова воспоминания и вопросы. – «А где Турсун-Бобо? (Турсун был лучшим трактористом из всех выпускников учебного центра, очень энергичным и решительным человеком)» – «О, Турсун-Бобо стал большим человеком! Он начальник гаража и отвечает за 50 автомобилей. А работает примерно в 19 километрах отсюда». У меня не хватает времени, чтобы навестить его, и я прошу друзей передать ему большой привет. – «А где Худой-Берды?» (Это был молодой узбек, красивый и талантливый парень, который быстро овладел искусством вождения трактора и которого все любили).

«Он был призван в армию, началась война, и наш Худой-Берды не вернулся домой. Он работал как герой, сражался как герой и умер как герой. Это огромная потеря». Мы задумываемся о всех других хороших и добрых людях, что погибли, сражаясь за родину. Возникает тихая, печальная пауза. Но такова уж жизнь, и мы возобновляем разговор о живых. В тот день мне удастся найти немало старых друзей.

Мы отправляемся в просторную, новую чайхану совхоза. В воскресный день она полна людей, чей вид снова удивляет меня. Я привык видеть в чайханах таджикских крестьян в длинных цветастых халатах и чалмах. Здесь же почти все посетители – рабочие, и почти все таджики. Они и одеты как рабочие в свободные блузы или пиджаки. Одни из них в галстуках, другие – без галстуков, третьи в спортивных шелковых рубашках. Темы разговоров тоже изменились. Конечно, как всегда, они говорят о семье и домашних делах, но не забывают также о новостях из газет, о международной обстановке. То, о чём в прежние времена можно было только мечтать – увидеть когда-нибудь хорошо образованный, технически мыслящий, высококвалифицированный таджикский рабочий класс – стало реальностью, которая здесь прямо перед твоими глазами! Среди посетителей чайханы пожилые рабочие с двадцати – двадцатипятилетним стажем и молодые люди, которые только что завершили обучение своему ремеслу.

В углу я замечаю старого знакомца, Ашура Гуля, сидящего за маленьким столиком. Кажется, он совсем не изменился и, несмотря на свои почти 40 лет, выглядит молодым человеком. Он был неплохим парнем, но ему не нравилась «грязная» работа на тракторе. За то время, что я провёл в совхозе, он успел сменить несколько профессий:

работал бухгалтером на животноводческой ферме, некоторое время был начальником почтового отделения и даже преподавал в начальных классах.

Ашур Гуль сразу узнаёт меня и, обнаруживая неплохое знание русского языка, начинает болтать. Ему почти удаётся устроить митинг в чайной. Он знакомит меня со всеми посетителями, восхваляет мою работу в совхозе и, конечно же, не забывает упомянуть о своих заслугах «в те трудные времена, когда ...». Утихомирить его нелегко. «Что нового с тобой, где ты сейчас работаешь?», — спрашиваю я. «Я стал профессионалом, обучился в Куйбышеве на маляра и плотника. Хожу из деревни в деревню, принимаю заказы, работаю и прилично зарабатываю. Но живу я здесь, в родной Дангаре.» — «А был ли ты на войне?» — «Я стремился пойти на войну, я старался изо всех сил, я сражался, чтобы попасть на поле битвы. Но они не взяли меня, сказали, что что-то не так с моим животом...». — «Ох, Ашур Гуль, ты совсем не изменился, всё такой же...». Он смеётся: «Вот и мой друг Файзулла говорит то же самое. Ты ведь помнишь Файзуллу?». Как мне его не помнить? Он до сих пор живёт в моей памяти, этот высокорослый горец: прямой, честный и безрассудно смелый знаток лошадей. Файзулла по-настоящему проявил свой характер, когда окрестности совхоза кишели басмачами. Человек невероятного мужества, вооруженный только охотничьим ружьём, он и один из местных милиционеров напали на бандитов. Меткий стрелок и замечательный наездник, он выходил невредимым из любых стычек. Однажды он захватил великолепную лошадь убитого им бандита и с тех пор никогда не расставался с ней, исполняя ответственный и опасный долг курьера, который, независимо от погоды, добирался в зимние месяцы до Сталинабада. — «А где теперь Файзулла? Жив ли он?» — «Я его тотчас приведу сюда!» — кричит Ашур

Гуль. Через четверть часа он возвращается, таща за собой упирающегося Файзуллу, которого он извлёк из постели, где тот наслаждался дневным сном. Файзулла не вполне уверен, не разыгрывает ли Ашур Гуль одну из своих шуток и не страдает ли от галлюцинаций. Но когда до него доходит, что моё появление через четверть века – это не плод фантазии Ашура, его радость не знает границ. Он тоже мало изменился, только его висячие усы стали гуще и внушительней. В отличие от своего друга Ашура, Файзулла неразговорчив. Он тоже знает русский язык и не прочь этим щегольнуть, но его рассказ о себе чрезвычайно прост: «Была война. Я вступил в армию. Я воевал. Я вернулся с фронта, был трижды ранен, привёз четыре ордена. Моя жена умерла, мне было жаль её, она была хорошей женщиной. Я оплакал жену и снова женился. Теперь у меня есть дети». Мне так и не удается узнать, за что именно он получил свои ордена. «Я сражался, как все остальные солдаты, – говорит он. – Никогда не показывал врагу спину».

Тем временем Ашур приносит несколько бутылок вина. Мы все собираемся вокруг его стола, мои старые друзья и кое-кто из новых. Ашур наливает вино в стаканы из толстого стекла и ставит по стакану перед каждым из нас, кроме Файзуллы. – «Почему?» – спрашиваю я. – «Разве ты не знаешь, что наш Файзулла, как русский поп. Он не пьёт вина». Я с удивлением выслушиваю это откровение о трезвости русских священников, но молчу, не желая разочаровывать Ашура. Файзулла внезапно серьёзнее, одёргивает рубашку и со значительностью говорит мне: «Помните, когда вы работали в совхозе, здесь был один татарин, прекрасный человек, который вместе с милиционерами воевал против басмачей. Его звали Хусейн Биришев», – и изображая татарский акцент, Файзулла говорит, – «Грех, батыр, грех; ты герой и, сражаясь с врагом, не должен затуманивать мозг даже каплей вина!». Я навсегда запомнил его слова и на войне даже не притрагивался к вину или водке. Я и сейчас не пью и уже никогда не стану. Вот это и озадачивает Ашура». Я вижу, что Файзулла остался тем же чистым и нравственным человеком, которым был всегда. Но как же он развился в культурном отношении!

Беседа течет, не умолкая, но вдруг Файзулла спохватывается: «Надо непременно дать знать Фазиеву – ведь старик обидится, если узнает,

что вы тут были и не повидались с ним. Помните, он всегда был туговат на ухо, а теперь ещё стал слаб глазами, но всё ещё, как и прежде, физически силён и продолжает работать». Я вспоминаю, что Фазиев первым из местных совхозовцев стал коммунистом.

Он научился читать и писать по-узбекски. Новая жизнь притягивала его. Порвав с патриархальными обычаями, он пошёл работать в совхоз и долгое время заведовал бензохранилищем: сам его охранял и сам же вёл всю бухгалтерию. Несколько глуховатый, он, тем не менее, всегда был настроже. В те дни «линия фронта» в нашей войне с басмачами проходила через бензохранилище. Бандиты не раз пытались поджечь его или, повредив бочки, выпустить из них бензин. Они даже пытались подкупить старого Фазиева – ведь в те годы бензин в этом районе Таджикистана был на вес золота. Но Фазиев нас ни разу не подвёл.

«А где он сейчас работает?». – «Он библиотекарь, живёт неподалеку отсюда». Мы отправляемся к старику, в его маленький, побеленный и чистый дом.

Сначала он не может меня узнать, но, когда узнает, не может прийти в себя от радости: «Вот это чудо! Господи, сколько лет прошло. Ты помнишь ...». Он очень взволнован и тронут. Наконец успокоившись, Фазиев приглашает всех садиться. Мы рассаживаемся кто где – на стульях, на диванах, на кровати. Жена Фазиева сбивается с ног, разнося чай, блины, яйца всмятку (вездесущий Ашур Гуль в момент раздобыл где-то дюжину яиц), печенье и неведомо что ещё.

– «Прежде чем ты что-нибудь скажешь, посмотри в это окно. Вон туда...», – показывает Фазиев. Я вижу магистральный канал. – «Да, мы и думать забыли о засухе. У нас в совхозе уже множество лет существует виадук. Воды в нём столько, что можно утонуть. Полным-полно воды для питья, для мытья, для полива, для того, чтобы поить крупный

рогатый скот». Теперь я, наконец, начинаю понимать, в чём секрет тех деревьев, в тени которых скрывается совхоз.

– «А теперь погляди-ка вон туда!». Я гляжу и не верю своим глазам – вот это чудо так чудо: пруд в Дангаре, а в пруду множество уток!

– «Сейчас совхоз стал многопрофильным. Он и зерновой, и животноводческий. Когда есть вода, можно делать всё – держать скот в хлевах, разводить домашнюю птицу. А когда мы получим воду из Нурека, мы даже сможем выращивать хлопок. Но самое важное – это, конечно, люди. Только взгляни на людей, которые выросли здесь. Какая у нас прекрасная молодежь! Ну, разве наша Дангара не изменилась? Прежде, когда ты впервые приехал сюда, её называли долиной смерти, помнишь? А теперь...». Старик не может подобрать достаточно выразительного названия и поспешно меняет тему разговора: «Не задавай бесконечных вопросов! Лучше расскажи о себе – ведь двадцать пять лет – это тебе не вчера».

– «Ну что мне рассказать о себе? Я повстречался здесь со своей молодостью. И пусть моя собственная молодость давно прошла, я встретился с бесконечной молодостью народа, воскрешённого революцией. Вот почему я не жалею об ушедших годах. Мне действительно нечего сказать о себе. Я хочу слушать вас и говорить о вас. Прежде всего, наверное, о нашей сегодняшней встрече – моей встрече с молодостью».

Вот и всё. Я постарался, как мог, рассказать историю этой замечательной встречи, историю нескольких часов в Дангаре, вернувших меня в моё прошлое.

Как Брагинский создавал историю Таджикистана

Профессор И.С. Брагинский не только изучал историю таджикского народа, не только формировал её как самостоятельную главу всемирной истории, он создавал эту историю – как практик, как государственный и общественный деятель.

Больше чем кому-либо я обязан при изучении таджикского языка бригадиру грузчиков, бальджуанскому⁶⁷ батраку в прошлом (ятим⁶⁸) Курбану Сафару, прекрасному знатоку фольклора и «Гургули», тому самому Сафару, о котором я писал в своих заметках о Таджикском народном эпосе. Это – мой первый учитель таджикского языка и фольклора. Этот человек умер (от болезни) в расцвете сил в 1935 году.

С конца 1935 г. я был переведён на работу в ЦК КП(б) Таджикистана. Сначала я работал разъездным инструктором ОРПО ЦК⁶⁹. Эта работа мне особенно много дала, я инструктировал районные парторганизации и посещал Каратегин⁷⁰, Дарваз⁷¹, Гиссарскую долину⁷², Вахшскую долину⁷³, северные районы. Много я научился у районных партийных и советских работников, самоотверженно работавших часто в очень тяжёлых условиях. Учился я также разным диалектам таджикского языка. Был некоторое время и и.о. зав. ОРПО, и редактором газеты «Коммунист Таджикистана» и др. (кстати тогда составил первую и, кажется, единственную за всё время фольклорную полосу в этой газете). В 1938-1939 годах, будучи членом ЦК КП(б) Таджикистана, работал зав. отделом пропаганды ЦК КП(б) Таджикистана и редактором журнала ЦК «Ба ёрии коркуни партияги» («В помощь партработнику»). На этой работе я тесно познакомился с таджикскими писателями и учёными, очень многому учился у моего

⁶⁷ **Бальджуан** – административный центр района, расположен на юге, в 190 км от Душанбе на высоте 2720 футов над уровнем моря.

⁶⁸ **Ятим** – по-таджикски «сирота».

⁶⁹ **ОРПО ЦК** – Отдел руководящих партийных органов ЦК.

⁷⁰ **Каратегин** («чёрные горы») – историческая область в Таджикистане, расположенная в горах по среднему течению р. Вахш (Сурхоб), правого притока Амударьи.

⁷¹ **Дарваз** – географическая и историческая область, территория которой в настоящее время разделена на две части, относящиеся к Таджикистану и к Афганистану.

⁷² **Гиссарская долина** – межгорная впадина на западе Таджикистана, на южной окраине Гиссарского хребта. В равнинных частях – посевы хлопчатника, на склонах окружающих гор до 1200–2000 м – зерновые и плодовые культуры, выше субальпийские и альпийские луга. В Гиссарской долине расположена столица Таджикистана – город Душанбе.

⁷³ **Вахшская долина** – межгорная впадина на юго-западе Таджикистана, по среднему и нижнему течению реки Вахш. На поливных землях выращивается длиноволокнистый хлопчатник. Население долины занимается также садоводством (персики, гранаты, хурма, инжир).

устода Садриддина Айни⁷⁴, у т.т. Дехоти⁷⁵, Турсун-заде⁷⁶, Улуг-заде⁷⁷, Абушукура Пирмухаммад-заде⁷⁸, Хилол Карима⁷⁹, Лутфулло Бузург-заде⁸⁰, Рахими⁸¹, Миршакара⁸² и др.

Много пришлось заниматься переводами. Я участвовал в переводе на таджикский язык и был ответственным редактором перевода «Вопросов ленинизма» (11-е издание) И.В. Сталина и «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938-1939 гг.).

⁷⁴ **Садриддин Айни**, настоящее имя Садриддин Саид-Муродзода (1878–1954) – таджикский советский писатель, общественный деятель и учёный. Основоположник таджикской советской литературы. Лауреат Сталинской премии второй степени (1950). Академик и первый президент Академии Наук Таджикской ССР (с 1951 г.). Депутат Верховного Совета СССР 3-4 созывов (с 1950 г.).

⁷⁵ **Абдусалом Пирмухаммад-заде Дехоти** (1911–1962) – таджикский советский писатель и поэт.

⁷⁶ **Мирзо Турсун-заде** (1911–1977) – таджикский советский поэт. Народный поэт Таджикской ССР (1961). Герой Социалистического Труда (1967). Лауреат Ленинской (1960) и Сталинской премии второй степени (1948). Писал на русском и таджикском языках. Перевёл на таджикский язык многие произведения русских писателей и писателей республик СССР: А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко, Н.А. Некрасова, Джамбула, Шота Руставели, Ш.Р. Рашидова, Зульфийи и других. Действительный член Академии наук Таджикской ССР (1951). Председатель правления Союза писателей Таджикской ССР (с 1946 г.). Депутат Верховного Совета СССР 2-9 созывов (с 1946 г.). Член ЦК КП Таджикистана.

⁷⁷ Сатым **Улуг-заде** (1911–1997) – таджикский советский писатель. С 1951 г. член-корреспондент АН Таджикской ССР. Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1944-1946 гг. возглавлял Союз писателей Таджикской ССР. Известен сценарием к фильму «Ибн-Сина» (Таджикская киностудия, 1956 г.) и драмой «Рудаки», по которой в 1959 г. был поставлен фильм «Судьба поэта», получивший в 1960 г. первую премию и медаль «Золотой Орёл» на втором кинофестивале стран Азии и Африки в Каире.

⁷⁸ **Абдушукр Пирмухаммад-заде** – талантливый таджикский драматург, член Союза писателей Таджикистана, погибший в Великой Отечественной войне

⁷⁹ **Хилол Карим** – известный таджикский педагог, автор «Букваря для малолетних», преподавал на факультете восточных языков Таджикского госуниверситета.

⁸⁰ **Лутфулло Бузург-заде** – плодовитый и многопрофильный таджикский учёный-литературовед, лингвист и фольклорист.

⁸¹ **Мухаммеджан Рахими** (1901–1968) – таджикский советский поэт. Перевёл на таджикский язык ряд произведений классиков русской и мировой поэзии, в том числе А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Ф. Шиллера.

⁸² **Мирсаид Миршакар (Миршакаров)** (1912–1993) – советский таджикский поэт, один из зачинателей таджикской детской литературы, писатель, драматург, редактор, сценарист, общественный и государственный деятель. Народный поэт Таджикской ССР (1962), член правления Союза писателей СССР, Председатель Верховного Совета Таджикской ССР (1961-1975).

Принимал активное участие в разработке вопросов сближения литературного и письменного таджикского языка (делал доклад на эту тему на совещании при ЦК КП(б) Таджикистана).

Вместе с Б. Гафуровым я начал в те годы изучение истории таджикского народа, которая до тех пор не изучалась как самостоятельная история народа (единственная заметка была сделана в статье В. Бартольда «Таджики» [22]). Первые результаты этого изучения, попытка осветить с марксистских позиций исторический процесс развития таджикского народа была сделана в статье, помещённой мною в 1939 г. в сборнике к 10-летию республики «Факты и цифры великих побед» [23]. Не всё в этой статье устарело, например, положение о том, что таджикский народ породил Фирдоуси и Ибн-Сину. Правильной была также попытка подчеркнуть значение борьбы таджикских народных масс в историческом развитии таджикского народа.

Совместно с коллективом таджикских писателей участвовал в подготовке и редактировании антологии «Намунаҳои адабиёти тоҷик», для которой по поручению Правления Союза писателей Таджикистана написал в 1939 г. предисловие⁸³. Тогда же написал статью «Таджикская литература» для Малой и Большой Советских Энциклопедий. Основные идеи предисловия были повторены в статье «Тысяча лет таджикской литературы» к декаде таджикского искусства и литературы 1941 г. [24].

После приёма участников декады в Кремле, благодаря выступлению товарища Сталина (которое я записал), точка зрения таджикской парторганизации и писательской общественности «О праве на наследство» победила. Сохранившиеся у меня некоторые документы свидетельствуют о перепетиях этой борьбы за наследие, где приходилось выступать и против академической точки зрения Е.Э. Бертельса⁸⁴, и против антинаучных выводов Л.И. Климовича⁸⁵.

⁸³ В архиве учёного имеется машинописный текст большой статьи И. Брагинского «За развитие таджикского языка» (1939 г.).

⁸⁴ **Евгений Эдуардович Бертельс** (1890–1957) – советский востоковед (иранист и тюрколог), профессор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР (1939), член-корреспондент Иранской АН (1944), Туркменской АН (1951), Арабской АН в Дамаске (1955). После Великой Отечественной войны жил в Москве. Один из авторов первого издания «Энциклопедии ислама».

⁸⁵ **Люциан Ипполитович Климович** (1907–1989) – советский востоковед и исламовед. Профессор (1933), член Союза писателей СССР (1949), заслуженный работник культуры

С 1938 г. я был депутатом Верховного Совета Таджикистана двух созывов от г. Ура-Тюбе.

Предвыборный плакат 1946 г. в Таджикистане

В 1940 г. защитил в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию «Народные движения в Бухарском ханстве на рубеже XIX-XX вв.» и получил степень кандидата исторических наук. Подготавливал антологию таджикской литературы (на русском языке), сдача которой в издательство была прервана войной. Приезжал систематически в Таджикистан и участвовал в разработке мероприятий по изучению таджикской литературы⁸⁶.

ры РСФСР (1982). Автор более 500 работ, один из авторов «Атеистического словаря». Главный редактор журнала «Наука и религия» О.Т. Брушлинская отмечает, что Климович, основательно громивший ислам, «очень стремился на страницы журнала. Но мы старались так редактировать его статьи, чтобы хотя бы не допускать оскорбления чувств верующих. Конечно, мы выполняли поставленную нам задачу – показывать преимущества научного мировоззрения. Но это не было дикое, воинствующее безбожие» [25].

⁸⁶ В архиве профессора имеется также Докладная записка И.С. Брагинского Секретарю ЦК КП(б) Таджикистана «Борьба за право таджикского народа на классическое литературное наследие» (1941 г.).

Уже в годы 1936-1940 я вёл курс марксизма-ленинизма (на русском и таджикском языках) на Высших курсах марксизма-ленинизма при ЦК КП(б) Таджикистана и в Педагогическом институте имени Шевченко и был утверждён ВАКом доцентом по кафедре марксизма-ленинизма.

Я не имел возможности в годы войны заниматься работами в области таджикской культуры⁸⁷, за исключением редактирования переводов на таджикский язык приказов И.В. Сталина⁸⁸. В редкие паузы, которые получались между работой, я всё же занимался теорией иранского стиха, в частности составлением практического ключа по арузу⁸⁹.

После окончания Великой Отечественной войны я посетил республику сначала на сессии Верховного Совета, потом на Втором съезде писателей Таджикистана, в котором принимал активное участие. Возобновил и научную работу по Таджикистану. Участвовал в подготовке и проведению Декады таджикской литературы в Москве к 20-летию республики⁹⁰. В 1951 году в Гослитиздате вышла «Антология таджикской поэзии», где я был одним из двух составителей (второй – С. Улуг-заде), членом редколлегии и автором вступительного очерка и комментариев.

⁸⁷ Однако это не означает, что он сумел полностью отключиться от литературоведения: в его архиве сохранилась толстенная, порядка 250 страниц, общая тетрадь, почти полностью заполненная заметками по литературе и литературоведению, написанными уже во время войны, в 1941-42 годах.

⁸⁸ В архиве И.С. Брагинского есть свидетельства его работы в качестве редактора агитматериалов на таджикском языке, издаваемых Главным политуправлением РККА, в частности лист с Сообщением Совинформбюро «Итоги летней кампании Красной Армии с 5 июля по 5 ноября 1943 года» на таджикском языке.

⁸⁹ **Аруз** – система стихосложения, основанная на чередовании долгих и кратких слогов, возникшая в арабской поэзии, и получившая распространение в персидской и тюркской поэзии. Заметки Брагинского по арузу, созданные на фронте под Сталинградом, выставлялись в экспозиции Красногорского музея антифашистов в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе.

⁹⁰ Эта Декада проходила в сентябре 1949 года.

В эти же годы мною были составлены два сборника переводов произведений таджикских советских поэтов.

С 1951 г. я стал работать в Институте востоковедения АН СССР, сначала по совместительству с работой в Советской Армии, а с 1953 г. – только в институте, в должности зав. отделом Ближнего и Среднего Востока.

В биографии И.С. Брагинского был эпизод, в литературе не отражённый. В 1937 или 1938 г. руководитель КГБ Таджикистана уведомил Первого секретаря ЦК КП Таджикистана Дмитрия Захаровича Протопопова о предстоящем аресте Брагинского. Тот немедленно отправил Брагинского в аэропорт для отлёта в Москву, запретив ему заезжать домой. Предусмотрительность была не лишней: в тот же день за ним пришли домой. Брагинский должен был привезти поручительства десяти известных коммунистов. Несмотря на то, что подобные поручительства были опасны для поручителей, Брагинскому удалось их собрать. Когда он вернулся с этими поручительствами, оказалось, что чекист, инициировавший его арест, сам арестован как «враг народа».

В архиве профессора Брагинского имеется множество материалов, свидетельствующих о его тесных связях с Таджикистаном, как научных, так и организационных – с 1946 года, когда он ещё оставался в рядах Советской Армии.

Сохранился номер газеты «Коммунист Таджикистана» за 15 апреля 1951 г. с сообщением об учреждении Академии наук Таджикской ССР. В изначальном составе Академии 11 действительных членов и 14 членов-корреспондентов, в числе которых И.С. Брагинский.

В его архиве – множество обращений к нему как к депутату Верховного Совета Таджикской ССР по мелким бытовым вопросам, просьбы коллег и учеников. Ни одно не оставлено без внимания. Своё «кредо» он изложил в письме коллеге – востоковеду Елене Абрамовне Давидович:

«Вы знаете, что, говоря «не могу жить вне «забот» о моих хороших товарищах», я говорю чистую правду и от всей души. Вероятно, я бы погиб от тоски, если бы вдруг был вынужден жить без этих «забот», это означало бы, что стал я полным стариком, таким маститым маразматиком, а мне этого, как ни удивительно, вовсе не хочется».

Литература ко 2-й части

[1]. И.С. Брагинский. Автобиография, датированная 1 июня 1955 г. – архив И.С. Брагинского.

[2]. Горские евреи во время революции и Гражданской войны на Кавказе – в книге: Горские евреи. История. Этнография. Культура. Составитель – Валерий Аронович Дымшиц, вступительная статья М.А. Членова. Иерусалим/ М.: «Даат/ Знание», 1999, 463 с. – http://www.istok.ru/library/jewish-education/history/highland/jews_9808.html

[3]. Николай Капченко. Обстоятельства приёма Еврейской партии в ВКП(б) в 23 г. – в книге: Политическая биография Сталина, <http://atrey.livejournal.com/1307783.html>.

[4]. В библиографии И.С. Брагинского (Душанбе: издательство Дониш, 1986, с. 27) значится: И. Израэли. Ленин (Штрихи) – Правда, 1924, 28 марта.

[5]. Профпросвещение на предприятии – М.: Труд и книга, 1928, 164 с. (без подписи).

[6]. Основы ленинского учения о профдвижении – Проф-пропагандист, 1931, № 9/10, с. 3-65.

[7]. Я.В. Васильков, А.М. Гришина, Ф.Ф. Перченко. Репрессированное востоковедение – ihst.ru/Репрессии ученых/113-124.pdf (1990).

[8]. Новодевичье кладбище. Эс-Хабиб-Вафа – novodevichye.com/vafa/.

[9]. И.С. Брагинский. «Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения (отв. ред. Д.С. Лихачёв) – М.: Наука, 1974, с. 460-472.

[10]. В.М. Алпатов. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования, 1993, № 4, с.271-288.

[11]. И.С. Брагинский. Youth re-visited (Встреча с молодостью) – New Orient, Prague, 1962, № 2, р. 44-48.

[12]. Зарре Абдуль Гасым – <http://www.ihst.ru/projects/sohist/repress/kom/1938/zarre.htm>.

[13]. Шор, Розалия Осиповна – Википедия ru.wikipedia.org Шор, Розалия Осиповна.

[14]. П.М. Макеев. По воле партии (Воспоминания), под редакцией кандидата исторических наук К.П. Марсакова – Институт истории АН Таджикской ССР, Душанбе, 1964; архив И.С. Брагинского.

[15]. Всё о Таджикистане (или почти всё) – tojiston.ucoz.ru

[16]. Басмачество – [https://ru.wikipedia.org/wiki. Басмачество](https://ru.wikipedia.org/wiki/Басмачество) – [https://ru.wikipedia.org/wiki.](https://ru.wikipedia.org/wiki/)

[17]. Лев Гумилёв, Таджикистан и ...Сталин – [dandorfman.livejournal.com 262122.html](http://dandorfman.livejournal.com/262122.html).

[18]. Сергей Беляков. Гумилёв сын Гумилёва. Самая полная биография Льва Гумилёва, М.: Астрель, 2012.

[19]. Лев Николаевич Гумилёв. Черная легенда – Хазар, 1989, № 1, 2. [ezobox.ru/Лев Гумилёв-Скачать книги/Черная легенда/3.html](http://ezobox.ru/Лев_Гумилёв_Скачать_книги_Черная_легенда_3.html).

[20]. Спецсообщение Экономического управления ОГПУ СССР об отравлении рабочих в совхозе «Дангара» Таджикской ССР – Центральный архив ФСБ России, Ф. 2, Оп. 11, Д. 288, Л. 11 – Архив Александра Яковлева, документ № 601.

[21]. Мансур Суруш. Словно первая любовь – <http://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20150604/slovpno-pervaya-lyubov> (2015)..

[22]. В. Бартольд. Таджики, исторический очерк – в сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925 г.

[23]. И.С. Брагинский. Прошлое и настоящее Таджикистана. Навстречу 10-летию ТаджССР – Коркуни партняги, 1939, № 9/10, с 41-64 г.

[24]. И.С. Брагинский. Тысяча лет таджикской литературы – Правда», 21 апреля 1941 г.

[25]. Люциан Ипполитович Климóвич – https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%9B%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BD_%D0%98%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Востоковед в шинели

«В 1939 г. И.С. Брагинского вызывают в Москву на военные сборы знатоков восточных языков, а затем как специалиста урду по линии главного разведывательного управления намечают на работу в Индию. Имея в виду такую перспективу, Иосиф Самуилович как-то заметил в кругу близких ему людей: «Какой из меня разведчик, если я всё забываю» (Е.А. Бродский [1]).

Представить себе его в роли разведчика я не могу: нужными для этого качествами он, действительно, не обладал. Да и сильная близорукость явно не способствовала такой деятельности. Однако время было такое, что востоковед не мог не надеть шинель.

«С личными делами участников тех военных сборов, – продолжает Е.А. Бродский, – как было принято тогда, знакомился сам начальник Главного политуправления Красной Армии Л.З. Мехлис, и его внимание привлекло досье Брагинского. Вскоре армейский комиссар 1-го ранга вызвал его на беседу, после чего последовал приказ о назначении Иосифа Самуиловича в 7-й отдел ГлавПУРа. Произошло это в мае 1941 года».

Так И.С. Брагинский оказался в рядах Красной Армии. Первая его должность – начальник отделения Ближнего востока 7-го отдела (контрпропаганды) Главного управления политпропаганды ГлавПУРа РККА в ранге батальонного комиссара.

Великая Отечественная – это была не только битва войск на полях сражений, война полководческих талантов, война экономик, война разведок, партизанская война, война идеологий. Была ещё и пропагандистская война, не менее ожесточённая. Война за умы людей, за их жизни. И в этой войне полковнику Брагинскому было суждено сыграть одну из ключевых ролей.

Первая листовка

Рассказ о первой листовке, написанной 22 июня 1941 года, опубликован в журнале ГДР [2]:

22-е июня 1941-го года. Воскресенье. Полковник Брагинский с женой собираются к детям на дачу.

Но тут раздаётся телефонный звонок:

– Немедленно в штаб! Чтобы через пять минут Вы были здесь!

Брагинский бегом преодолел все три километра. Кто знает, когда придёт следующий автобус.

Генерал Бурцев⁹¹, начальник Брагинского, встретил его словами:

– Всё! Началось!

Началась война.

– Руководить пропагандой среди немцев сможешь?

Он задумался. Знакомство с немецким языком у него было чисто книжное. Разговорным языком он владел слабо. Кое-чему он научился в гимназии, да ещё у отца. Но с тех пор прошло много лет.

Впоследствии, однако, он читал в оригинале Маркса и Либкнехта, а также газету «Роте фане» («Красное знамя»). И перевёл с немецкого на таджикский «Коммунистический манифест».

Он принял решение. И сформулировал свою задачу так: «сокрушить язык Гитлера и Геббельса языком Маркса и Энгельса!».

А сейчас полковник Брагинский вместе с бывшим своим сотрудником Берниковым сидят за этим самым простым деревянным столом в той самой комнате...

Здесь была написана первая листовка с обращением к немецким солдатам.

В основе её – только что опубликованное заявление советского правительства.

Через час листовка должна быть готова. Таков приказ генерала Бурцева, начальника VII отдела (по работе среди войск и населения противника), в составе которого отныне будет действовать «Немецкий отдел».

Написаны две-три фразы – и наступает заминка.

«Гитлеровская Германия, поправ пакт о ненападении, вероломно напала на Советский Союз».

Подполковник Берников ерошит свои редкие волосы:

– «Вероломно»? Как это по-немецки?

Полковник Брагинский сердито пожимает плечами. Нет словаря под рукой!

– Ты же преподаватель немецкого! Казалось бы, должен всё это знать!

В эту минуту раздался громкий, чуть хрипловатый женский голос:

⁹¹ Исправим неточность: в 1941 году и Бурцев, и Брагинский имели воинское звание полковой комиссар (полковник).

Фрида Абрамовна Рубинер

– О чем вы тут спорите?

Вошла Фрида Рубинер⁹², за ней – черноволосая девушка, Мария Ривкина⁹³. Обе работают в Издательстве иностранной литературы.

Предусмотрительный генерал Бурцев, предвидя возможные языковые проблемы, вызвал обеих в штаб.

– Скажите скорей, как по-немецки «вероломно»?

– «Treibrühig, treibrühig!»

Фрида Рубинер повернулась к своей спутнице:

⁹² **Фрида Абрамовна Рубинер** (урожд. Ицхоки, 1879 –1952) – уроженка Литвы, старейший член Компартии Германии (в 1918 году была в числе учредителей КПГ), журналист, редактор, писательница. В 1929 г. эмигрировала в СССР, работала в научном отделе Института Маркса и Энгельса в Москве, инструктором отдела массовой агитации ЦК ВКП(б), в отделе печати Исполкома Коминтерна, возглавляла отдел печати советского литературного агентства. В 1939–1941 годах работала редактором в «Издательстве иностранной литературы» в Москве. В 1941–1945 годах работала в 7-м отделе Политуправления РККА руководителем отдела переподготовки немецких военнопленных.

⁹³ **Мария Ривкина** – эмигрантка из Германии. Во время войны работала в «Немецком отделе» полковника Брагинского, после войны жила в ГДР. Брагинский много лет поддерживал с ней дружеские связи.

*Полковник И.С. Брагинский, подполковник Н.Н. Берников,
капитан В.В. Лосев и Мария Ривкина*

– Мария, детка, машинка у тебя с собой? Прекрасно! Начинаю диктовать!

Через 20 минут листовка была безупречно переведена на немецкий язык.

В последующие дни полковник Брагинский познакомился с десятками немецких коммунистов и антифашистов, которые, – с Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом во главе, – отныне сосредоточили свои силы на антигитлеровской пропаганде.

В то же время в большой статье «Определение основных типов и вопросов пропаганды», написанной более двух десятилетий после окончания войны и оставшейся в архиве И.С. Брагинского, указано: «Это были, пожалуй, самые слабые листовки из числа тех, которые созданы в период Великой Отечественной войны. Это отражало исходную позицию, с которой начиналась пропаганда среди войск противника: неопытность, слабое представление о психологии солдат противника, незрелость в продумывании доходчивых аргументов, отсутствие мастерства... Основным источником слабости наших пропагандистских позиций было наивное представление, будто удачно подобранными

словами и выражениями можно пробудить классовое самосознание солдат противника».

Альфред Курелла так описал в письме своей жене условия, в которых вынужден был работать Немецкий отдел Брагинского в начале войны:

«Работа у нас была сумасшедшей. Мы все сидели в воинском здании, в котором для нашего нового отдела была выделена одна комната, в ней работали два полковника, три подполковника, два капитана, двое «штатских» и две машинистки. ...При этом любая работа прерывалась мгновенно, если возникала необходимость срочно посоветоваться друг с другом, что-то проанализировать, послушать пластинки, отобрать фотографии, рассмотреть и оценить карикатуры. Поток материала, шедшего с фронта, не иссякал. Бесчисленные письма с фронта и на фронт, письма пленных, приходившие в сумках и мешках полевой почты, письма умерших, материалы, взятые в захваченных штабах. Словом, это было, как говорится, круглосуточное непрерывное производство».

Полковник Брагинский и операция «Согласие»

Чем ещё, кроме листовок занимался в первые месяцы войны полковник Брагинский можно только догадываться. Об одном эпизоде рассказал в своей книге Е.А. Бродский [1]:

В первых числах августа 1941 г. полковой комиссар Брагинский неожиданно для офицеров отдела «пропал», и в течение нескольких дней его подчинённые и товарищи не имели никакого представления, где он находится. Задавать вопросы по этому поводу, разумеется, было не принято. Вскоре тайное стало явным. «Исчезнувший» выполнял задание особой важности. Вместе с другими востоковедами он переводил на персидский обращение советского правительства. Оно адресовалось народу Ирана в связи с подготовляющимся вступлением советских войск в северный Иран, а британских – в южную часть страны для пресечения деятельности в ней немецкой агентуры и создания новых коммуникаций союзников по антигитлеровской коалиции».

Сам Е.А. Бродский был причастен к доставке в Иран пачек листовок с этим воззванием.

Об этой операции под кодовым наименованием «Операция «Согласие» известно мало. Некоторые публицисты пытаются создать миф о ведении Советским Союзом «захватнической войны» с целью оккупации Ирана и попытке присоединения азербайджанской части Ирана к Азербайджанской ССР. На самом деле всё было иначе [3]. В соответствии с Договором между Советской Россией и Ираном от 1921 года, СССР имел право в случае возникновения угрозы южным рубежам ввести войска в Персию в «целях самозащиты». После прихода к власти шаха Реза Пехлеви в 1925 году в результате дворцового переворота Иран наводнили немецкие спецслужбы, и политика Ирана стала ориентироваться на Германию. Гитлер планировал ударить по СССР с юга, чтобы завладеть азербайджанской нефтью, и об этом советскому правительству было известно. СССР вынужден был держать на границе с Ираном крупные силы, которые в 1941 году были очень нужны на Западном фронте.

Поскольку шах отклонил требования ввода советских войск, с 25 августа по 17 сентября 1941 года была осуществлена успешная военная операция совместно с союзнической Великобританией. О её успешности свидетельствуют быстротечность и небольшие потери: СССР потерял около 50 погибших и 1 тыс. раненых и больных, Британия – 64 убитых и раненых, Иран – около 1 тыс. убитых. Шах вынужден был отречься от престола в пользу своего сына, была осуществлена депортация граждан Германии и её союзников из Ирана, а СССР до конца войны обезопасил себя от удара с юга и угрозы потери бакинской нефти. Советские войска стояли в Иране до мая 1946 года.

От подступов к Москве до Победы

«Я особенно часто выезжал на длительное время на фронты, чтобы поближе увидеть, почувствовать, понять, изучить солдат противника и на практике испытать различные, всё новые и новые формы и методы спецпропаганды», – писал И.С. Брагинский в 1983 г. [4]. Особенное значение он придавал выступлениям немецких антифашистов.

В архиве Брагинского хранится документ – неполный перечень фронтов, в боях которых он участвовал, подписанный начальником управления ГПУ генерал-лейтенантом А.А. Шевченко:

- в декабре 1941 г. на Западном фронте, в районе действия 16-й армии, под Москвой;
- в сентябре-октябре 1942 г. на Сталинградском и Донском фронтах, в районе действия армий 21-й, 62-й и 64-й;
- в январе 1943 г. на Калининском фронте, в районе действия 4-й ударной армии (Велико-Лукская операция), за что был награжден орденом Красная Звезда;
- в феврале 1943 г. на Воронежском фронте, в районе действия 60-й армии (освобождение Курска);
- в январе-феврале 1944 г. на 1-м и 2-м Украинских фронтах (Корсунь-Шевченковская операция);
- в июне 1944 г. на 3-м Белорусском фронте (Витебско-Оршанская операция).

Многочисленный список, свидетельствующий о том, что И.С. Брагинский оказывался в самых горячих точках, где решался исход войны.

Рассмотрим, какие события происходили на фронтах в то время, когда их посещал полковник Брагинский.

Западный фронт, 16-я армия. Декабрь 1941 г.

16-я армия (командующий К.К. Рокоссовский) в составе Западного фронта (командующий Г.К. Жуков) в ноябре – начале декабря вела тяжёлые оборонительные бои на северных подступах к Москве, в

районе станции Крюково. Дважды герой Советского Союза Маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков в своей книге воспоминаний «На острие главного удара» пишет: «Немецко-фашистское командование придавало большое значение крюковскому плацдарму, ...очень выгодному для броска на Москву» [5]. На этом участке фронта и на участке Яхрома, Красная Поляна гитлеровцы в конце ноября 1941 года подошли на самое близкое расстояние от Москвы, находясь всего лишь в 27-40 километрах.

Наиболее боеспособной и хорошо подготовленной была 316-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, прославившаяся на весь мир в боях в районе Волоколамска. Здесь же в составе армии вёл бои 2-й кавалерийский корпус под командованием генерал-майора Л.М. Доватора, куда входили кавдивизия генерал-майора И.А. Плиева и дивизия под командованием комбрига К.С. Мельника. Армия занимала широкий фронт обороны, доходивший до 100 км. 16 ноября немецко-фашистские войска группы армий «Центр», возглавляемые генерал-фельдмаршалом фон Боком, на всём фронте в битве под Москвой перешли в наступление. На севере главный удар наносился в полосе 16-й армии. Тяжёлое

положение создано на рубежах обороны 316-й дивизии Панфилова. Именно в этот день у разъезда Дубосеково совершили свой всемирно известный подвиг двадцать восемь героев из панфиловской дивизии во главе с политруком Василием Клочковым. 18 ноября на своём наблюдательном пункте погиб генерал-майор И.В. Панфилов [5].

7 декабря 1941 г. 16-я армия перешла в наступление на Крюково и Истру.

8 декабря 1941 г. 16-я армия в результате ночной атаки разгромила крюковский гарнизон противника и к 10 часам утра 8 декабря полностью освободила Крюково.

15 декабря советские войска освободили Истру.

18 декабря завязали бои за город Волоколамск.

20 декабря после упорных боёв освободили Волоколамск [5].

Поражение под Москвой стало первым крупным поражением гитлеровских войск во Второй мировой войне. Главной задачей полковника Брагинского на этом этапе было создание и практическое осуществление системы пропагандистской работы в условиях военных успехов Красной Армии. Пропаганда была адресована не только немецким солдатам, но и населению на оккупированных территориях.

Ниже приведены примеры листовок, сохранившихся в архиве И.С. Брагинского:

Немецкий солдат!

Под Москвой начинается разгром гитлеровской армии. Вам обещали, что ещё до наступления зимы Москва будет покорена, и война кончится. Сейчас вы убедились, что на этот раз вас обманули. В битве под Москвой уже полегли сотни тысяч немецких солдат. Напрасно ждут их отцы, матери, жёны, осиротевшие дети.

Красная Армия перешла в наступление.

В боях под Тулой разгромлены войска генерал-полковника Гудериана. Такая же судьба постигла войска генерал-полковника Клейста под Ростовом. Под Наро-Фоминском эти соединения потерпели окончательное поражение. Ваши танки уничтожены или захвачены нами. Поле битвы покрыто трупами немецких солдат и офицеров. В Калининской обл., Сталиногорске и в ряде других прифронтовых областях немецкие войска большей частью окружены и бегут в панике, бросая оружие и замерзая в лесах.

Немецкие солдаты! От вас скрывают, что вы уже окружены и что на пятки вам наступает казачья кавалерия.

Дома вас ждут ваши семьи, жёны и дети. Если вы будете продолжать войну, то они не дождутся вас никогда. Вы сможете все погибнуть, но Москва не будет завоевана никем и никогда.

Силы Красной Армии растут с каждым днём. На фронт прибывают всё новые и новые резервные дивизии, сотни орудий и танков.

Без тёплой зимней одежды вы здесь погибнете. Даже при самых небольших морозах в лесах можно встретить сотни трупов замёрзших немецких солдат. Вы не знаете, что значит наша зима. Вас ждут страшные русские морозы и метели, от которых нет спасения.

Вы все погибнете! Если вы хотите остаться живыми и вернуться к своим семьям, то прекратите эту бессмысленную кровавую войну. Бросайте оружие! Спасайте себя и свои семьи!

Командование Красной Армии.

(Перевод Н.Л. Суслович. Приводится с небольшими сокращениями).

Lesen und an den Kameraden weitergeben!

Deutscher Soldat!

Vor Moskau beginnt die Zerschmetterung der Hitlerarmee

Man hat Euch versprochen, vor Anbruch des Winters Moskau zu erobern und den Krieg zu beenden. Nun habt Ihr Euch überzeugt, daß man Euch auch diesmal betrogen hat.

Im Kampfgebiet von Moskau sind bereits Hunderttausende deutscher Soldaten zugrunde gegangen. Vergeben werden Väter, Mütter, Frauen und verwaise Kinder auf sie warten.

Die Rote Armee ist zum Angriff übergegangen.

In den Kämpfen vor Tula wurden die Truppen des Generaloberst Guderian zerschmettert. Ihn hat dasselbe Schicksal ereilt wie die Truppen des Generaloberst von Kleist bei Rostow. Bei Narva-Ponomsck wurden Eure Truppen völlig geschlagen. Eure Panzer sind vernichtet oder von uns erbeutet. Das Schlachtfeld ist mit Haufen von erstarrten Leichen deutscher Soldaten und Offiziere besetzt.

Im Gebiet von Kalinin, Stalinojorsk und an vielen anderen Frontabschnitten sind die deutschen Truppen zum größten Teil umzingelt, die übrigen flüchten panikartig, unter Zurücklassung der Waffen, und finden ihren Tod durch den Frost in den Wäldern.

Deutsche Soldaten! Man verheimlicht Euch, daß Ihr umzingelt seid und daß in Eurem Rücken die Kosakenkavallerie in Aktion getreten ist.

Duheim erwarten Euch Eure Familien, Eure Frauen und Kinder. Wenn Ihr den Krieg gegen uns weiterführt, werdet Ihr nie mehr zu Hosen zurückkehren.

Ihr alle werdet zugrunde gehen, aber Moskau werdet Ihr nie und nimmer erblicken. Die Kräfte der Roten Armee wachsen mit jedem Tag. Immer neue und neue Divisionen, Tausende von Geschützen und Tanks rollen an die Front heran.

Ohne warme Winterkleidung werdet Ihr hier erfrieren. Schon nach den ersten, geringen Frösten haben wir Tausende von Leichen erfrorener deutscher Soldaten gefunden. Ihr kennt ja nicht unseren Winter. Es erwarten Euch noch grünlichere russische Fröste und Schneestürme, vor denen Ihr Euch nicht werdet retten können.

Ihr alle werdet umkommen!

Wenn Ihr am Leben bleiben und zu Euren Vätern, Müttern, Frauen und Kindern zurückkehren wollt — dann macht Schritt mit diesem sinnlosen, blutigen Krieg!

Streckt die Waffen!

Solange es nicht zu spät ist: gebt Euch gefangen! Rettet Euch selber und Eure Familie!

Das Kommando der Roten Armee

AUSWEIS Der deutsche Soldat, der die Schlüsselzeit eines weißen Winterstodes überleben hat, gibt sich der Roten Armee gefangen. Er weist diesem Ausweis vor, der ihm das Heil ist und die Erhaltung seines Lebens, auf Kost und ein warmes Quartier sicher. Jeder gefangene Soldat kann nach dem Krieg zu seiner Familie in die Heimat zurückkehren. Das Kommando der Roten Armee	ПРОВОДИС Немецкий солдат, имея возможность дальнейшего сопротивления, сдаётся в плен Красной Армии и представляет этот документ на право сохранения ему жизни, обеспечения его питания и тёплого помещения. Каждый пленный солдат после войны может вернуться к родным и семье. Командование Красной Армии
---	--

Прочитай и передай товарищу. Немецкий солдат! Под Москвой начинается разгром гитлеровской армии

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОКУПАНТАМ!

И СОВЕТСКИМ ГРАЖДАНАМ
ВРЕМЕННО ОКУПИРОВАННЫХ НЕМЕЦКИХ ОБЛАСТЕЙ

**КТО ПОЕДЕТ В ГЕРМАНИЮ —
ТОГО ЖДЕТ ГИБЕЛЬ**

Товарищи! Советские граждане!
Немецко-фашистские немцы предлагают вам, советским людям, поехать на работу в Германию. Фашисты сулят вам золотые горы и обещают множество всяких благ.

Не верьте, товарищи, ни одному слову немецких поджидов! Все, что они обещают, — обман, наглая и беспродовная ложь.

Почему фашисты зовут вас в Германию? За восемь месяцев войны немецкая армия потеряла не менее семи миллионов человек убитыми, ранеными и пленными. Германский фронт очень сильно поредел. Подосуду Гитлеру нужны новые солдаты, много кто разболелся, рязань восточна вылезла совсем оставшихся. В порежес, дуненного жидса гитлеровцы тянут по всей Германии. Они «забирают» в армию стариков, подростков, cripples, а также косные заводы.

Вместе с немцами рабочими, отправляемых на фронт, Гитлер гонит на работы преданных, полных, румын. Фашисты предлагают их в восточна работи: работат заставляють по 16 часов в день, выжиг отбросами, за мизерную зарплату жестоко эксплуатируют.

Тысячи иностранных рабочих, попавшие в каблуку в вывозу Гитлеру, умирают от голода и болезни. Зоболелых немцы убивают. Недавно в городе Ратенбург фашистские злугоныки похитили барак, в котором находились советские бойцы. В этот побегло триста итальянских и румынских рабочих.

Товарищи!
Если вы поедете в Германию, вас постигнет еще более тяжелая участь. Сами, то есть русские, украинцы, белоруссы, гитлеровцы не считают за людей. Они заданы целью истребить 30 миллионов советского населения. Фашистская гала открыто заявляют в своем виваж и гетелат, что чем больше погибнет русских, украинцев и белоруссов, тем будет лучше для немцев.

Запомните, товарищи!
Все, заманивают в Германию для того, чтобы вы делали старши и бомбы, которыми немцыне солдаты будут убиват влещи бойцы — бойцы и командиров Красной Армии, сражающихся за освобождение нас и влещи своей.

Все заманивают в Германию для того, чтобы вы делали самолеты, с которыми фашистские бомбеты будут бомбить наши города и села, убиват влещи советских женщин и детей.

Всякий, кто согласится поехать на работу в Германию, станет изменником и предателем своей родины.

Всякий, кто подпишет договор на поездку в Германию, тем самым подпишет смертный приговор себе.

В смысле клевет разна можно выдвинуть ослепца и слепца из фашистской каторги! Нет, на это недостачи таланта, Гибель от голода, смерть от болезни или от лупа немецкого злугоныкика — вот что ждет советского человека, попавшего в фашистскую Германию.

Товарищи!
Вам нужно знать, что немецко-фашистские немцы действуют не только путем хитрых обещаний. Они и насильно уводят влещи людей.

13 января 1942 года немцы «заставили» рабочих Харькова пойти на собрание. «Мы вам расскажем о порядке возобновления работы на харьковских заводах, обещали фашисты. А когда теисторые рабочие, доверив этим немцам, явились на собрание, гитлеровцы окружили их и насильно отправили в Германию.

Что же вам нужно делать, товарищи?
Не поддавайтесь никаким обещаниям фашистских злованов. Не верьте ни одному их слову.

Уклоняйтесь от всяких режистратур.

Крышитесь от немцев и жидов. Уклонитесь в партизаны. Включитесь в активную борьбу против оккупантов.

Помните, товарищи!
Уже недолго осталось немцам и ихсперт, заманивший иоб изменника людьми. Исполнил Командар Общаров товарищ Славя в своем виваже в 1941 году виважив Красной Армии злованов.

„Инициатива теперь в наших руках и потому разболтанной рязаной машины Гитлера не могут сдержать напор Красной армии. Не далее тот день, когда Красная армия своим могучим ударом отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Нарвлии, освободит советский Крым, и на всей Советской земле снова будут победы реять красные знамена“.

Так сказал товарищ Славян. Так они и будет.

Красная Армия вступит. Красная Армия идет к вам. Красная Армия освободит вас.

Античной борьбой против немомо-фашистских оккупантов пре-бавляется этот охестный жид!

Истребайте фашистских зерболонцов. Истребайте гитлеровских оккупантов. Давая добровольную инициативу — немомо-фашистским захватчицким! Смерть изменникам оккупантам!

ПРОЧИТАЙ, ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ!

Иванов Гаврило Валентинович
Красноармеец
Красной Армии.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОКУПАНТАМ!

И СОВЕТСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ
ВРЕМЕННО ЗАНЯТЫХ НЕМЕЦКИХ ОБЛАСТЕЙ

СЛЕДУЙТЕ ПРИМЕРУ ЭТИХ ЖЕНЩИН!

Одно из подразделений наших войск на Западном фронте освободило от фашистских захватчиков село Рождественское. Двое гитлеровских войск не успели бежать из села.

Три местные жительницы обнаружили гитлеровцев и отвели их в штаб нашего подразделения.

Следуйте примеру гражданок села Рождественское! Выдавайте спрятавшихся фашистов и доставляйте их в наши части.

Если гитлеровцы будут сопротивляться, — уничтожайте их!

Февраль 1942 г.

И.С. Брагинский внимательно следил за настроением солдата противника и учитывал его изменения в своей работе.

Настроения немецких солдат резко изменились (Июнь — декабрь 1941 г.)

Горькие, тяжелые мысли, мучащие — вот основные моменты тех, по истинности вымышленной армии, во всех ее подразделениях, в том числе и в армии в Гитлер.

Впервые в жизни немецкие солдаты так глубоко понимали значение Германии. Понимали, что они делают, какое значение имеют, несут ответственность за судьбу своей страны.

Именно эти чувства и настроения и являются основой нового движения в армии. Именно эти чувства и являются основой нового движения в армии. Именно эти чувства и являются основой нового движения в армии.

Впервые в жизни немецкие солдаты так глубоко понимали значение Германии. Понимали, что они делают, какое значение имеют, несут ответственность за судьбу своей страны.

Именно эти чувства и настроения и являются основой нового движения в армии. Именно эти чувства и являются основой нового движения в армии.

Впервые в жизни немецкие солдаты так глубоко понимали значение Германии. Понимали, что они делают, какое значение имеют, несут ответственность за судьбу своей страны.

Именно эти чувства и настроения и являются основой нового движения в армии. Именно эти чувства и являются основой нового движения в армии.

Чем дальше заигрывает война, тем острее и глубже становится национальное чувство. Это было в октябре 1941 года. Именно в этот момент было так много радости, было так много счастья, что с тех пор... а у меня нет даже предположения, что же может быть... почему бы не пойти... почему бы не пойти...

Летом прошлого года в конце июля — начале августа 1941 года. И вот теперь, когда перед нами... летом прошлого года в конце июля — начале августа 1941 года. И вот теперь, когда перед нами...

Почва немецко-фашистского нашествия. Когда в октябре 1941 года. И вот теперь, когда перед нами... летом прошлого года в конце июля — начале августа 1941 года. И вот теперь, когда перед нами...

Впервые в жизни немецкие солдаты так глубоко понимали значение Германии. Понимали, что они делают, какое значение имеют, несут ответственность за судьбу своей страны.

Именно эти чувства и настроения и являются основой нового движения в армии. Именно эти чувства и являются основой нового движения в армии.

Впервые в жизни немецкие солдаты так глубоко понимали значение Германии. Понимали, что они делают, какое значение имеют, несут ответственность за судьбу своей страны.

Именно эти чувства и настроения и являются основой нового движения в армии. Именно эти чувства и являются основой нового движения в армии.

Впервые в жизни немецкие солдаты так глубоко понимали значение Германии. Понимали, что они делают, какое значение имеют, несут ответственность за судьбу своей страны.

Именно эти чувства и настроения и являются основой нового движения в армии. Именно эти чувства и являются основой нового движения в армии.

Впервые в жизни немецкие солдаты так глубоко понимали значение Германии. Понимали, что они делают, какое значение имеют, несут ответственность за судьбу своей страны.

1942 г.

120 - год жизни
Иванов

Редактор батальонной комиссии М. Зина, Типография «Гудок», Москва, ул. Ступинская 7.

Статья полковника Брагинского, подписанная псевдонимом, в Бюллетене ГПУ РККА

СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ, 62-я и 64-я АРМИИ, 15 сентября — 15 октября 1942 г.

Фронты, участвовавшие в Сталинградской битве, дважды переименовывались, отдельные армии и подразделения передавались из одного фронта в другой, менялись их командующие. Для участия в Сталинградской битве были отправлены несколько групп политработников ГПУ РККА, в том числе оба заместителя М.И. Бурцева — И.С. Брагинский и А.А. Самойлов, и немцы эмигранты-антифашисты Вальтер Ульбрихт, Эрих Вайнерт, Артур Пик и другие. В силу сложности военной обстановки политработники вынужденно вторгались в сферу компетенции друг друга. К тому же недостатки в работе разведки привели к тому, что наши части не всегда хорошо знали и оценивали противника. Из-за этого в исторической литературе имеется немало путаницы, на которую, в частности, обращено внима-

ние в книге Исаева [6], дотошно опирающейся на многочисленные документы. Под Сталинградской битвой понимают бои не только в городе Сталинграде, но и на большом пространстве Сталинградской и Ростовской областей.

На фронт было направлено несколько групп агитаторов из числа немецких военнопленных, окончивших антифашистскую школу в Красногорском лагере военнопленных. Одну из них возглавил заместитель начальника 7-го отдела ГПУ РККА полковник А.А. Самойлов. Его группа, состоящая из трёх немецких офицеров-антифашистов, сумела убедить более 430 пленных немцев вернуться обратно в Сталинградский котёл для проведения агитации среди своих сослуживцев. Выполняя эту задачу, А.А. Самойлов погиб. В ночь на 26 января он выехал вместе с экипажем МГУ на рекогносцировку и опытную агитпередачу. Агитмашина проскочила метров на 200 в нейтральную зону, и фашисты открыли по ней огонь. Самойлов организовал круговую оборону и прикрывал отход экипажа МГУ. Когда подоспели бойцы боевого охранения, тяжело раненный в грудь полковник ещё отстреливался. Врачи бились за его жизнь полтора месяца, но спасти его не удалось [7].

Полковник Александр Афанасьевич Самойлов

Период работы полковника Брагинского в Сталинграде уточнён в его архиве – с 15 сентября по 15 октября 1942 года. Это – период оборонительных боёв Сталинградской битвы. Штурм города немецкими войсками начался 13 сентября и продолжался 75 дней и ночей. Сталинградским фронтом тогда командовал генерал-полковник А.И. Ерёменко. 62-я (генерал-лейтенант В.И. Чуйков) и 64-я армии (генерал-лейтенант М.С. Шумилов) в этот период оказались прижаты к Волге, удерживая водную переправу, снабжающую пополнением, оружием, боеприпасами и питанием. Враг превосходил в силах и средствах соединения этих армий примерно в 1,5–2 раза, а по танкам – в 6 раз [8].

Эрих Вайнерт описал свою работу в декабре – январе в близлежащих посёлках Сталинградской области Средняя Ахтуба, Райгород, Сарепта и других, а также в более отдалённых – Карповка (недалеко от Прудбоя, между Сталинградом и Калачом), Ильевка (9 км. от Калача). В том числе сообщил любопытные подробности о том, как заставляли окружённых слушать свои передачи [8].

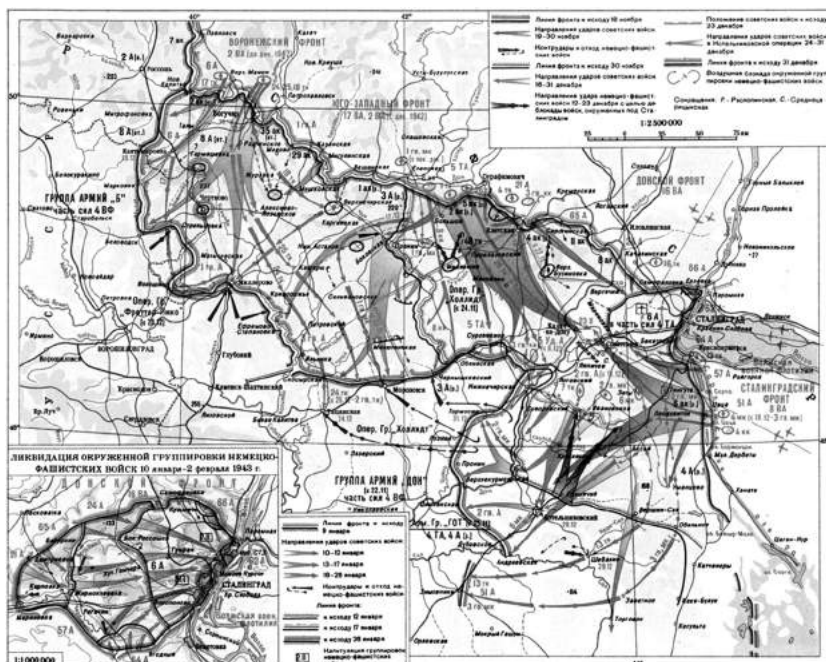
«Даже во время передачи последних известий стрельба не прекращалась. Лишь вскоре после того, как Вальтер (Ульбрихт) начал передачу и громко произнёс: «Тот, кто там стреляет, боится, видимо, услышать правду!» – стрельба, как по команде, прекратилась. Наступила полная тишина. Когда я затем обратился к офицерам, тишина снова была нарушена. Теперь немцы стали молотить нас из миномётов. Стрельба велась отовсюду.

Когда стрельба на какой-то момент стихла, наш диктор прогремел в микрофон: «Прошу тишины! Если вы не прекратите эту проклятую трескотню, если вы бросите ещё хоть одну мину, то мы обрушим на вас артиллерию большого калибра, и вы не увидите света божьего!». Стрельба прекратилась моментально. Окончание передачи прошло без помех.

По воспоминаниям Л.И. Брагинской, отец рассказывал, что был там вместе с Артуром Пиком, сыном Вильгельма Пика, позднее первого руководителя ГДР. Артур, активно проводивший звукопередачи на противника, запомнился не только своей работоспособностью, но и тем, что тщательно следил за своим внешним видом. В частности, он возил с собой спиртовку, на которой согревал воду и ежедневно брился в любых условиях.

Донский фронт, 21-я армия, ноябрь 1942 г.

Эта дата в списке, подписанном А.А. Шевченко, не значится. Однако в статье И.С. Брагинского «Как на войне впервые пленного отпустили» [9] указано: «В ноябре 1942 года отправляюсь на Сталинградский фронт...» и «Уже началось наше общее наступление на Сталинградском фронте». Указанное наступление начато 19 ноября 1942 года, а Сталинградский фронт 28 сентября 1942 года был переименован в Донской (генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский). 21-я армия (генерал-лейтенант И.М. Чистяков) находилась в составе этого фронта и занимала позиции северо-западнее Сталинграда, в районе Клевветская – Серафимович на северном берегу Дона против 4-й и 5-й румынских армий. Кстати, это шолоховские места – совсем рядом станция Вёшенская, где разворачивались события «Тихого Дона».

Сталинградская битва. Контрнаступление советских войск.
19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.

Предоставим слово полковнику Брагинскому [9]:

Я загорелся идеей отпуска распропагандированных пленных. В условиях первых лет войны руководство ГлавПУРКА запретило отпуск военнопленных. В ноябре 1942 г. отправляюсь на Сталинградский фронт и делюсь с Дмитрием Захаровичем (Мануильским) своей «идеей» (в связи с изменившейся обстановкой на фронтах в нашу пользу). «На месте смотрите, не бойтесь риска, но осмысленного, ищите, решайте сами, желаю удачи!». Так напутствовал меня наш любимый учитель.

Прибыв на фронт, я через несколько дней отправился в полк, против которого стояли румынские части. Уже начиналось наше общее наступление на Сталинградском фронте. Командиру полка был дан приказ – к утру следующего дня занять противостоящую высоту, которая преграждала путь предстоящему наступлению дивизии. В 13 часов командир полка дал приказ передовой роте атаковать и занять высоту. На ней окопался румынский пулемётный расчёт. Находясь всё время на КП полка, я наблюдал, как выполнялся приказ командира полка. Рота начала наступление на высоту, сначала ползком, потом в полроста – вперёд! Но тут начал трещать румынский пулемёт. Один за другим падают наши солдаты, и атака захлебнулась. Час спустя командир полка возобновил её – тот же трагический результат.

Пробую «научить» комполка: нельзя ли подавить расчёт противника артиллерийским снарядом или авиабомбой? Комполка справедливо сердится и говорит: «Сам знаю, но ничего этого нет, а высоту нужно освободить к утру и всё тут». Предлагаю ему поручить смелым ребятам после наступления темноты достать румынского «языка», а дальше вид-но будет. Я отвечаю! Согласился.

Темнело тогда рано. В 20 ч. ко мне приводят «языка» – пожилого румынского солдата. Нужно его распропагандировать, а я не знаю ни слова по-румынски, кроме случайно известных двух слов: «бояр» – «помещик», «золдат» – «солдат». Помогла моя литературоведческая специальность: вспомнил, как в повести Иванова «Бронепоезд № 1469» разагитировали английского военнопленного солдата с помощью картинки в Библии. Решил: а я сделаю по-своему, с помощью красноармейской фуражки. Получил разрешение командира полка приступить к делу, распоряжаться и приказывать.

Распорядился: «Получше накормить пленного, не пожалеть рюмочки и потом привести ко мне». Всё выполнили, и явно развеселившийся пленный предстаёт предо мной. Дружественно похлопываю его по животу – дескать сытно перекусил? Он понял и отвечает единственным известным ему русским словом – «карашо». Тычу его в грудь – «ты – золдат», себя в грудь – «я – золдат». Тот поправляет – «офисир». Пожимая ему руку, поправляю: «ты золдат, я золдат». Понял, одобрительно ухмыляется. Продолжаю, показывая на гербе красноармейской фуражки «Серп – ты?» Отвечает: «таран» (догадываюсь: «крестьянин»). Я показываю «молот» – кричит радостно: «Ковач!» Понимаю – «кузнец». Показываю на других товарищей, имитируя движения кузнеца, портного, слесаря и кричу (зная, что есть сходство у румынского с французским) «увриер». Тот догадывается и кричит: «А! Мунитор» (т.е., соображаю, «рабочий»). Два слова у меня уже имеются. Жестом, пожимая одной рукой другую, объясняю ему, что «таран» и «мунитор» – друзья, братья. Соглашается. Тогда таким же путем разъясняю: «рус таран мунитор – роман (румынский) таран мунитор – братья, друзья». Сопровождая усиленной мимикой, рукопожатием. Вижу: понял и готов брататься. Дальше: «рус – роман таран – мунитор – корошо». Согласен и кричит: «бун» (догадываюсь, что это – как французское «бон», означает «хорошо»). Тогда иду дальше: «рус – роман бояр – плохо». Понимает и кричит – «реул», показывая жестом, что это значит «плохо». Дальше после приобретения нескольких румынских слов, пошло лучше. Жестами, мимикой, несколькими словами разъясняю ему, что наши общие враги – это помещики (бояр), а мы, русские и румынские рабочие и крестьяне, друзья. Он с воодушевлением соглашается. Тогда даю ему понять, чтобы он вернулся к своему пулемётному расчёту и уговорил румынских солдат, поскольку их положение безнадежно, перейти к нам в плен, а мы их накормим как братьев, для них война закончится, и они останутся живы и здоровы. Всё понял и дал согласие.

В 23 часа готовились его отпустить. Неожиданно перед самой отправкой подходит ко мне и показывает, что его солдатские полотняные сапоги основательно поизносились. Недолго думая, снимаю с себя офицерские, кожаные, хорошие сапоги и протягиваю ему. Он вначале не верит глазам своим, потом примеряет – оказывается, прекрасно подхо-

дят. Он горячо благодарит меня, я хлопаю его по плечу, как давнишнего друга: «Иди, выполняй!». Даём ему провожатых, и он уходит.

Проходит томительный час, другой, третий... Не знаю, что и думать. Вдруг в сопровождении нашего конвоя приходит весь румынский расчёт – шесть солдат. Тянут пулемёт и... приводят связанным седьмого своего офицера. Который не согласился и пытался их удержать. Первым долгом отдаю приказ: «Накормить посытнее, не пожалеть по рюмочке». Пока они с жадностью поглощают всё то, что им щедро отпустил наш повар, наш взвод без единого выстрела занимает опустевшую высоту. После ужина ко мне подходят двое военнопленных и, показывая на офицерские сапоги, в которые обулся первый военнопленный, а затем на свои рваные, делают знаки, что и они не прочь переобуться. Завхоз даёт каждому из них по паре кирзовых солдатских сапог. Радости военнопленных нет предела. Но, конечно, больше всех радуется комполка, выполнивший приказ.

Рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, они не станут биться за чужие интересы против страны Советов – именно так в начале войны представляло себе своего противника советское руководство. Именно такой взгляд насаждался нашим пропагандистам. Он и сработал, когда противником оказались румыны. С немцами было сложнее: этот взгляд не учитывал того, что Гитлер успел воспитать поколение молодёжи, заражённое идеями нацизма.

Первый опыт отпуска пленных для агитации среди своих широко использовался уже в ходе операции «Уран» – части Сталинградской битвы, закончившейся окружением 6-й немецкой армии. Оказавшись в безвыходном положении, окружённые немцы, голодные и обмороженные, гибели предпочитали плен.

Некоторые детали спецпропаганды в районе действия 21-й армии в этот период раскрыл сотрудник Брагинского подполковник Н.Н. Берников [10]:

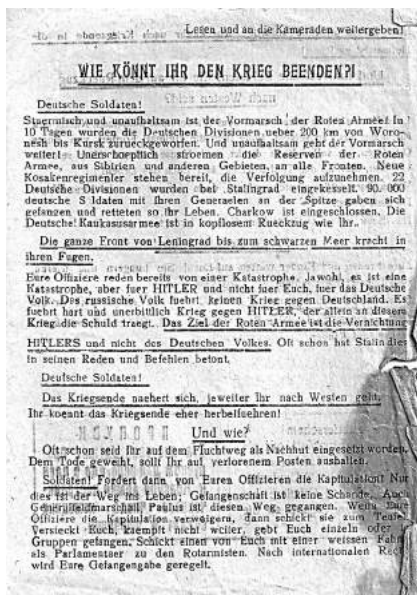
Опыт политической работы среди войск противника в период битвы на Волге показал, что не следует расплывать пропагандистские силы и технические средства пропаганды по всему фронту, а необходимо сосре-

дотачивать их на решающих направлениях и уязвимых в политико-моральном отношении частях и соединениях противника.

Политуправление Юго-Западного фронта направило в политотдел 21-й армии, которая находилась на направлении главного удара наших войск, оперативную группу с походной типографией и мощной громкоговорящей установкой. Перед фронтом 21-й армии занимали оборону 6-я и 13-я пехотные дивизии румын. Наиболее слабым звеном была 13-я дивизия, сильно потрепанная во время боёв за плацдармы на правом берегу Дона. Известно также было, что на настроении солдат сказывались и перебои с доставкой продовольствия. Поэтому командование 21-й армии решило сосредоточить силы и средства спецпропаганды на этом участке. Незадолго до наступления было издано шесть листовок, адресованных солдатам и офицерам 13-й дивизии. В них содержались материалы о потерях дивизии, призывы к групповой и индивидуальной сдаче в плен.

Со 2 по 19 ноября перед фронтом 7-го пехотного полка этой дивизии систематически проводились передачи через окопные громкоговорящие установки, в которых участвовали военнопленные румыны из этого же полка. Регулярно проводили короткие передачи 17 рупористов. Перед подразделениями 991-го батальона румын через ОГУ был передан митинг шести военнопленных у микрофона. За месяц, предшествовавший контрнаступлению, румынские военнопленные выступили перед громкоговорящими установками более 400 раз. На участке, занятом 21-й армией, было выставлено 18 плакатов, призывающих румын сдаваться в плен. ... Число перебежчиков росло изо дня в день.

Общие потери врага в Сталинградской битве убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести составили около 1,5 млн. человек, в связи с чем в Германии впервые за годы войны был объявлен национальный траур. Потери Красной Армии составили около 1130 тыс. человек (из которых около 480 тыс. безвозвратные) [11].

*Как вы можете прекратить войну?!
Листовка из архива И.С. Брагинского*

Прочсть и передать товарищам.

Немецкие солдаты!

За 10 дней немецкие войска отброшены на 200 км от Воронежа и Курска, и наступление продолжается. На помощь всем фронтам подтягивают резервные полки из Сибири и других областей. Готовы к боям новые казацьи подразделения. Под Сталинградом в окружение попали 22 немецкие дивизии. В плен были захвачены 90 тыс. немецких солдат и генералов, стоявших во главе немецких полков и дивизий, им сохранили жизнь. Харьков окружён. Немецкие войска кавказского направления, оставшиеся без руководства, отступают так же, как и вы. Весь немецкий фронт от Ленинграда и до Чёрного моря трещит по швам. Ваши офицеры уже говорят о катастрофе. Конечно, это и есть катастрофа, но не только для Гитлера и вас, но и для всего немецко-го народа. Русский народ не воюет с германским народом. Он ведёт

твёрдую и неумолимую войну против Гитлера, который один виноват в развязывании этой войны. Цель Красной Армии – уничтожить Гитлера, а не немецкий народ. На этой мысли делает упор Сталин в своих выступлениях и приказах.

Немецкие солдаты!

Конец войны близится, и вы можете сделать его совсем близким. Но как? Часто бывает так, что при отступлении вы оказываетесь в задних рядах. Во избежание гибели занимайте покинутые позиции.

Солдаты! Призывайте ваших офицеров к капитуляции. Только капитуляция – залог вашей жизни. Плен – это не позор. Вот пример: в плену оказался фельдмаршал Паулюс. Если ваши офицеры отказываются капитулировать, то этим самым они посылают вас к чёрту! Скрывайтесь, прекращайте войну, сдавайтесь в плен поодиночке или целыми группами. Отправляйте на встречу с красноармейцами в качестве парламентёра человека с белым флагом. В соответствии с международным правом, таким образом оформляется сдача в плен. Вам гарантируется сохранение жизни и возвращение домой после конца войны.

А что будет с солдатами, которые захотят вернуться на Запад? Перестаньте подстрекать их к бесполезному сопротивлению. Возвращайтесь, ведь вас ждёт Родина. Требуйте, чтобы ваши офицеры вели вас домой, на Родину. Здесь вас ненавидят, здесь вас ждёт смерть! Там – для вас Жизнь! Если ваши офицеры станут отказываться сдаваться, бросайте их на дороге, сдавайтесь сами! Судьба немецкого народа зависит от вас!

Пароль – слово Родина!

Ваши жёны и дети ждут вас! Вы голодаете и мёрзнете только потому, что не можете поднять руки вверх!

Создавайте солдатские комитеты. Вы сами должны обеспечить себе возвращение на Родину. Тот, кто препятствует вам в этом деле, – враг ваш, ваших жён и детей!

Перевод с немецкого Н.Л. Суслович

В создании пропагандистских листовок активно участвовали известные художники-карикатуристы Кукрыниксы, Борис Ефимов и другие.

Листовка с карикатурой Б. Ефимова

Смерть немцам оккупантам!

ВСТАВАЙТЕ ЛЮДИ РУССКИЕ!

**БРАТЬЯ И СЕСТРЫ ВО ВРЕМЕННО ЗАХВАЧЕННЫХ
НЕМЦАМИ РАЙОНАХ!**

Дово ли гвалтались немецкие захватчики, что дескать „Русские — капут“. Напуг то пришел, но только не русскому народу, а немцам.

Доблестная КРАСНАЯ АРМИЯ под водительством тов. СТАЛИНА громит великие войска и гонит их на запад. Тут то и оказалось, что немецкие солдаты воевать умеют, а против холода совсем никак. Немецкие солдаты пылали в оружии, но не выдержали под нашими безоружными истребителями. А вот сейчас, когда КРАСНАЯ АРМИЯ, вооруженная по последнему слову техники, ударил по немцам, они стали улетопылять что как может. Вы сами убеждаетесь в этом из последних известий с фронта.

От Воронежа до Курска КРАСНАЯ АРМИЯ прошла с боями, расстояние в 250 километров всего лишь за 10—12 дней.

За два месяца своего наступления КРАСНАЯ АРМИЯ уничтожила свыше 100 немецких дивизий, взяла в плен 200.000 немецких солдат и офицеров, в том числе несколько дюжинов генералов во главе с генерал-фельдмаршалом фон Паулюсом. Уже освобождены крупнейшие города и области. Успешно идет вперед освобождение Украины. Победоносное наступление КРАСНОЙ АРМИИ продолжается.

Как израненные волки, немцы пытаются еще оказать сопротивление, собирая последние силы, жгут и уничтожат все на своем пути. Но несомненно их участь. Все до единого будут уничтожены немецкие оккупанты, заброшенные в нашу страну.

В бесцельной злобе хотят немцы потянуть за собой и нашу русскую советскую население. Они пугают подлые слухи о том, что КРАСНАЯ АРМИЯ будет, якобы, выжигать тех граждан, которые ждали и работали под немецкой властью.

Не верьте этому немецкому обману! КРАСНАЯ АРМИЯ имеет каковы мучения подвергается население под немецким ярмом. Не наказывать, а спасать вас идет КРАСНАЯ АРМИЯ.

Русские люди Советские граждане! Пришел час освобождения! Сейчас-то и время каждому из вас показать свою готовность послужить русскому народу, нашей великой Советской родине.

Не бойтесь немцев: у немецкого волка уже выбиты клыки и скоро он будет добит до смерти.

Не давайте немцам уволить с собой наше население, угонять нашу молодежь на работу в Германию. КТО С НЕМЦАМИ ПОЙДЕТ — ТОТ ПРОПАДЕТ.

Не давайте немцам уничтожать наше добро, сжигать здания и склады, уволить с собою хлеб и другое народное достояние.

Организуйте отряды самообороны и партизанские группы! Нападайте на немецкие обозы! Нарушайте их связи! Пускайте под откос немецкие шпалы!

БЕЙТЕ НЕМЦЕВ ВСЮДУ, ГДЕ ПРИДЕТСЯ!

Убеждайте русских людей, которых немцы вывели с себя на службу, как „добровольцев“, что сейчас они могут послужить свою родную родину. Пусть оружие, полученное ими у немцев, обратят они против немецких разбойников.

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! СОЕДИНЯЙТЕСЬ В ОДНУ НЕСОКРУШИМУЮ СИЛУ ПРОТИВ ЗАБЫШЕГО ВРАГА НАШЕГО — НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ!

**ВСТАВАЙТЕ, ЛЮДИ РУССКИЕ,
НА СЛАВНЫЙ БОИ С ВРАГОМ!**

Людмила Комарова Милос ИР

После Сталинграда. Автор листовки полковник Брагинский.
Из архива И.С. Брагинского

Конечно, автор этой листовки полковник Брагинский не предполагал, что очень скоро «немецкий обман» станет реальностью: советские власти будут преследовать тех, кто работал на немцев, а само пребывание на временно оккупированных территориях превратится в несмыслаемое пятно в биографии даже ни в чём не повинных людей. Это – отдельная тема в истории сталинизма.

Пропаганда среди населения временно оккупированных территорий не входила в прямые обязанности отдела И.С. Брагинского, однако потребность в ней была настолько велика, что приходилось заниматься и ею.

После окончания Сталинградской битвы полковник Брагинский организовывал политико-воспитательную работу с немецкими военнопленными. Самым именитым из тех, с кем он вплотную работал, стал бывший командующий немецкими войсками в Сталинграде генерал-фельдмаршал Паулюс.

Судьба автора этих строк сложилась так, что мне довелось трижды побывать в местах сталинградских сражений. До их начала, в октябре 1941 года, во время эвакуации пришлось неделю жить в Зимовниках, районном центре Ростовской области на границе со Сталинградской областью, добираться до Сталинграда, а затем под бомбёжками плыть вверх по Волге на переполненной барже. В июле 1952 года – студентом в военных лагерях Прудбой под Сталинградом, около только что построенного Волго-Донского канала. Из лагерей ехал в Сталинград на полуторке, бродил по городу-герою. Летом 1953 года я был в Сталинграде на экскурсии, осматривал ещё не полностью восстановленный город, плавал в Волге. 4 раза плыл на теплоходе по Волге, Волго-Донскому каналу и Дону. Увидеть собственными глазами места недавних исторических боёв – впечатления незабываемые!

Калининский фронт, 4-я Ударная армия.

Великолукская пропагандистская операция, январь 1943 г.

Великолукская наступательная операция была задумана ради того, чтобы немцы не смогли перебросить силы под Сталинград на помощь своим окружённым войскам. Свою задачу она выполнила.

Великолукская пропагандистская операция, которой руководил полковник Брагинский, была составной частью этой операции.

Наступательная операция в Великих Луках

На западных рубежах России стоит древний русский город Великие Луки [12]. Впервые упомянут как селение Луки на Ловати в Новгородской летописи в 1166 г. Если считать по дорогам, то 478 км от Москвы, 240 км от Смоленска. По старым меркам – большой город, потому его и стали именовать Великие Луки (с 1478 г.). Теперь – небольшой провинциальный с населением 96500 человек (2014 г.). Становился на пути захватчиков, идущих с запада на Москву. Дважды за свою историю был полностью разрушен – в 1611 году и в Великую Отечественную. Был оккупирован немецко-фашистскими войсками 19 июля 1941 г., освобождён 21 июля 1941 г. Вторично оккупирован 25 августа 1941 г. Окончательно освобождён 17 января 1943 г.

Река Ловать и обелиск павшим воинам в Великих Луках

войсками Калининского фронта в ходе Великолукской операции. Из достопримечательностей – земляная крепость, сооружённая в 1704–1708 гг. по приказу Петра I, памятники маршалу К.К. Рокоссовскому, в детские годы жившему в Великих Луках, и Александру Матросову, который совершил свой подвиг в феврале 1943 г. неподалёку, в деревне Чернушки. Город воинской славы (2008 г.). В центре Великих Лук, на левом берегу реки Ловать, установлен обелиск советским воинам, погибшим при освобождении города.

Что за крепость Великие Луки обороняли немецкие войска под командованием подполковника фон Засса?

«Неуязвимость Великолукской крепости была в её шестнадцатиметровом валу. У подошвы он достигал толщины тридцати пяти метров. По валу проходили траншеи. Перед ними – остатки другого крепостного вала, задутого снегом. За основным валом – контрэскарпы, оборудованные по всем правилам инженерной науки, противотанковые рвы. За ними проволочные заграждения, подвалы-дзоты. В опорные пункты превращены тюрьма, церковь и две казармы. К северо-западу крепость имела с вала три водосточные трубы, а также проход – остатки бывших ворот. Все подступы к крепости находились под фланговым огнём пулемётов, установленных на угловых выступах. С внешней стороны вал имел обледенелые скаты, каждую ночь поливаемые водой» [13].

В Великолукской наступательной операции принимали участие 13 стрелковых дивизий, 2 стрелковые, 3 механизированные, 3 танковые бригады, несколько танковых и артиллерийских частей армейского подчинения. После упорных боёв город был окружён. Общая численность окружённого гарнизона составляла 8–9 тысяч человек, 100–120 артиллерийских орудий, 10–15 танков. Яростные попытки немцев прорвать окружение снаружи и изнутри успеха не имели. Безвозвратные потери Советских войск в этой операции составили 31674, санитарные потери – 72348 человек [14]. Этих потерь было бы больше, если бы не большая пропагандистская работа среди войск противника, которую проводили сотрудники 7-го отдела Главного политического управления Красной Армии [1, 7, 15].

Поскольку в разных публикациях существуют существенные различия в описании финиша Великолукской наступательной операции, остановимся на пропагандистской операции в Великих Луках, опираясь на первоисточник – свидетельство её руководителя полковника Брагинского.

И.С. Брагинский пишет [15]:

«В первых числах января 1943 г. Д.З. Мануильский вызвал меня... и сказал:

– Из-за незначительных ещё успехов нашей спецпропаганды у многих командиров и политработников существует неверие в возможности нашего пропагандистского воздействия на солдат противника. Окружение вражеских войск увеличивает возможности эффективной пропаганды. ...Предлагаю Вам выехать на Калининский фронт и возглавить пропагандистскую бригаду, укомплектованную по Вашему выбору сотрудничающими с нами немецкими коммунистами и выпускниками Центральной антифашистской школы для военнопленных. Придумывайте, изобретайте различные методы воздействия в боевой обстановке, но во что бы то ни стало добейтесь успеха.

...В бригаду вошли немецкий писатель-коммунист Альфред Курелла и четверо военнопленных: ... Фридрих Аугустин, Франц Гольд, Гейнц Кесслер и Рудольф Цвифельгофер⁹⁴.

...Кесслер и Цвифельгофер стали активно участвовать в устной агитации, обращённой к солдатам окружённой дивизии. С риском для жизни они вещали через ручные рупоры в непосредственной близости от окопов противника. ...Характерно, что, несмотря на приказы немецкого командования, солдаты не стреляли в наших антифашистских агитаторов».

В эту бригаду вошли также 23-летний капитан Юрий Андреевич Жданов (впоследствии ректор Ростовского университета, с которым Брагинского связывала многолетняя дружба [16]), немецкий писа-

⁹⁴ Рудольф Цвифельгофер – один из первых немецких военнопленных, активный участник первой пресс-конференции, состоявшейся в начале октября 1941 г. О ней писали газеты «Известия» и «Красная Звезда» от 12 ноября 1941 г.

тель-эмигрант Альфред Курелла, на месте к ним присоединились сотрудники 7-го отделения Калининского фронта подполковник В.И. Немчинов, капитан В.Г. Шейнцвит и другие.

*Капитан Ю.А. Жданов и полковник И.С. Брагинский.
Великие Луки, январь 1943 г.*

М.И. Бурцев добавляет [7]:

«Пропагандистская бригада начала с того, что усилила устную агитацию – каждую ночь в передачах по громкоговорящим установкам выступало не менее 40 пленных немцев. Всего же в агитоперации участвовало 80 агитаторов. Одновременно в окружённый гарнизон были посланы прибывшие из Москвы антифашисты, а также добровольцы из числа пленных. Они склоняли немецких солдат к капитуляции. Посланцы имели при себе письма и обращения от немецких пленных в СССР. И такой массированный агитштурм, как показали новые пленные, сильно взбудоражил солдат и офицеров гарнизона, расколов их на противников и сторонников капитуляции».

Рейд в логово фон Засса

12 января 1943 г. состоялся дерзкий рейд группы, возглавляемый Аугустином и Гольдом. Его описали в своих публикациях полковник И.С. Брагинский [15] и генерал М.И. Бурцев [7]. Были опубликованы и рассказы советских солдат, участвовавших в этом рейде [17, 18]. Они различаются в мелких деталях, однако в целом более подробны, чем рассказы Брагинского и Бурцева, хотя их авторы не были осведомле-

ны, кто и с какой целью задумал рейд. В них названы имена участников рейда. По версии, опубликованной Героем Советского Союза полковником В. Филимоненковым [17], это происходило следующим образом:

«Поступил приказ: под видом немецкого подкрепления забросить в логово врага диверсионную группу. Разведчики роты, переодетые в военную форму немецкой армии, должны были проникнуть в окружённый гарнизон со «специальным пакетом», дойдя до штаба гарнизона, уничтожить фон Засса, разгромить его штаб, тем самым парализовать управление гарнизоном и принудить гитлеровских солдат и офицеров сдаться в плен. Для сопровождения группы были выделены два немца-антифашиста: бывший лётчик оберлейтенант Аугустин Фридрих и бывший обер-ефрейтор Гольд Франц.

В составе группы были собраны самые смелые и опытные разведчики роты – коммунисты Иван Дмитриевич Капустин, Кутеш Кабулович Кабулов, кандидаты в члены партии Степан Минович Киселёв и Михаил Иванович Никонов, комсомолец Николай Ефремович Бердинских, беспартийные Андрей Петрович Буданов, Георгий Андреевич Воронов, Николай Андреевич Горячёв, Виссарион Алексеевич Ерёмин, Алексей Моисеевич Захирко, Николай Павлович Погорелов.

Группу возглавил старший сержант Иван Капустин – смелый, грамотный и опытный разведчик. Он удовлетворительно знал немецкий язык. План операции был тщательно нами разработан. Привезли форму немецких авиадесантных войск – тёмносиние комбинезоны. Ремни с надписью на бляхах «С нами бог». меховые шлемы. Немецкие автоматы, гранаты, ножи.

В двадцать один час десятого января мы прибыли в расположение стрелкового батальона капитана Ивана Мироновича Балацкого, откуда должны начать свой путь. С наступлением полной темноты на правом фланге 948-го стрелкового полка, в состав которого входил батальон Балацкого, мы провели специально подготовленными группами ложный бой, а затем по радио открытым текстом передали в эфир информацию о том, что около пехотной роты гитлеровцев, выброшенных с

самолётов на парашютах, прорывается в окружённый гарнизон. Этой информации противник поверил. Наша разведывательная группа двинулась в сторону переднего края. Приблизившись вплотную к линии вражеской обороны громко крикнули по-немецки:

– Не стрелять! Свои...

О том, как происходили события дальше, рассказали нам уцелевшие разведчики. Когда стали подползать к дзоту, немцы скомандовали:

– Хенде хох!

Фридрих, лишь чуть приподняв руки, уверенно пошёл на голос. Мы за ним. Миновали окоп, завернули за угол разбитого здания и оказались в стане врага.

– С личным посланием фюрера к фон Зассу, – чётко и строго сказал Фридрих стоявшему перед ним командиру.

– С каких пор офицеры армии фюрера так развязно разговаривают со старшими?! Немедленно укажите путь к фон Зассу или я в клочья разнесу всю вашу захудалую команду. Вы что не видели и не слышали, как мы вели бой с русскими и пробивались сюда, вы что были слепые и глухие?

Ротный офицер, вытянувшись, пролепетал что-то об инструкции и выговорил дрожащим голосом:

– Я могу провести вас к командиру батальона, он отсюда находится недалеко.

– Ведите! – отрывисто приказал Фридрих.

Пока шёл разговор, нас окружили десятка два гитлеровских солдат. Мы тронулись, и они с нами. Идут по сторонам улицы шагах в десяти, не сводя с нас глаз и спотыкаясь о кирпичи. Наш отряд движется стройной колонной. Фридрих впереди, за ним Иван Капустин и мы, не обращая внимания на рядом следовавших немцев, которых становится больше.

Вышли к блиндажу, выступающему из-под угла здания. Фридрих подал команду, и разведчики остановились. Командир роты доложил старшему офицеру, что из Германии лично от фюрера прибыл десант парашютистов с важным посланием начальнику гарнизона. Офицер стал требовать дать ему пакет.

– Не забывайте, что вы говорите с представителем фюрера! – угрожающе прервал офицера Фридрих. Волей фюрера я должен передать

его письмо в руки фон Засса и никого другого! Фридрих вытащил из планшета увесистый пакет с множеством сургучных печатей и резко взмахнул им в воздухе.

– Яволь! – сказал офицер, показывая знаком следовать за ним.

Мы шли ещё минут двадцать, петляя между завалами кирпича ихлама. Наконец, остановились. Недалеко выделялся бугор, запорошённый снегом. Под ним, внизу, в глубоком подземелье, и находился фон Засс. Бункер фон Засса сильно охранялся. Вокруг него – площадки с пулемётами и миномётами, несколько ходов сообщения.

Офицер взволнованным голосом передал что-то часовым, и они его пропустили. А вскоре этот же офицер возвратился обратно, громко объявив:

– Фон Засс просит господина майора, личного представителя фюрера к себе.

– Со мной пойдёт вот этот солдат, – заявил Фридрих.

– Нет, не пойдёт, – ответил офицер, и нам пришлось остаться на месте.

Упругим военным шагом Фридрих пошёл вслед за офицером. У нас невольно вырвался глубокий вздох. Наступила решающая минута. При встрече с фон Зассом Фридрих должен сразить его точным выстрелом и, отстреливаясь от преследования охраны, бежать наверх. Его очереди были бы сигналом для наших действий. В ближнем бою мы уничтожаем фашистов и, когда Фридрих поднимается из блиндажа, выходим на пункт сбора. Такой план действий Фридрих предложил ещё на тренировках перед выходом на задание. А как это произошло на самом деле, рассказал потом Фридрих:

– Когда я подошёл к лестнице, ведущий вниз, от меня потребовали сдать оружие. Я стал возражать и возмущаться, потом начал медленно снимать автомат с плеча. Внезапно, перекинув ремень через голову, открыл огонь по гитлеровцам. Затем, выхватил из-за пояса гранату и бросил её на лестницу, где тоже находились офицеры и солдаты. Продолжая вести огонь из автомата, я не давал возможности фашистским офицерам выскочить из бункера.

Некоторые детали уточнил Франц Гольд в докладе полковнику Брагинскому:

Конечно, риск был велик. Всё зависело от того, сумеем ли мы быстро подойти к штабу фон Засса. Ведь у того была радиосвязь с гитлеровским командованием, и ему ничего не стоило выяснить, действительно ли засылался в котёл наш «десант». ...Я, оглянувшись, успел, несмотря на темень, заметить, что за нами на некотором расстоянии следует группа вражеских солдат с оружием наизготовку, Это был первый признак того, что не всё в нашей операции идёт по плану и что мы – на подозрении.

Опасения подтвердились, как только мы подошли к расположению штаба. Рядом с входом в бункер виднелись пулемётные гнёзда. Неподалёку, в траншеях, рассредоточились солдаты охраны.

Об Аугустине Гольд высказался так: «Не могу сказать, что я ему не доверял. И всё же... Попробуйте поставить себя на моё место. Ведь я познакомился с ним лишь незадолго до операции. И у меня из головы не выходило, что в недалёком прошлом он был нацистским офицером.

Далее рассказ продолжили разведчики:

– Когда мы услышали автоматные очереди и взрыв гранаты, мгновенно открыли огонь по фашистам. На помощь Аугустину бросились Капустин и Горячёв. Но тут же они упали, сражённые автоматными очередями гитлеровцев. Захирко и Кабулов под прикрытием огня товарищей подползли к убитым и оттащили от места боя, но сами были тяжело ранены. Для оказания помощи им пополз Буданов, а остальные продолжали вести бой. Аугустин, пользуясь паникой немцев и темнотой, перескакивая через убитых и раненых гитлеровских офицеров, присоединился к разведчикам. Гитлеровцы, не разобрав, где свои, где чужие, начали стрелять в друг друга. Поднялась паника, раненые кричали, офицеры, оставшиеся в живых, подавали громкие команды, перебегая по окопам от одной группы солдат к другой. Воспользовавшись этим, наши разведчики, где ползком, где перебежками, забрав своих товарищей, оторвались от места боя, который у бункера ещё продолжался. К утру они возвратились в расположение своих войск. Эффект операции был большим. Он вызвал растерянность во всём осаждённом вражеском гарнизоне, ухудшил гитлеровскому командованию управление войсками.

Эта дерзкая операция облегчила действия наших частей и подразделений при окончательном освобождении города Великие Луки».

В статье Г. Шулаева [18] приведены фамилии погибших разведчиков: И. Капустин, Н. Горячёв, А. Захирко, К. Кабулов, А. Буданов. Раненого в ногу Г. Воронова вынес Франц Гольд. И.С. Брагинский сообщает [15] о двух погибших, но, видимо, сведения разведчиков точнее.

Конечно, рассказчик не мог знать, что операцию проводит полковник Брагинский совместно с армейским командованием, что не два немца-антифашиста приданы группе, а, наоборот, группа – антифашистам, что командует ею не Капустин, а Аугустин, что задача группы – не уничтожить фон Засса, а понудить его дать приказ о капитуляции. И беседы, которые вели Аугустин и Гольд с немецкими солдатами и офицерами, остались за кадром. Как, например, беседа Аугустина с командиром батальона майором Клаусом, оказавшимся его земляком.

Результат пропагандистской операции

Солдаты не могли знать, что пропагандистская операция на этом не закончилась. О том, что было дальше, рассказывает полковник Брагинский [15]:

Перед боевыми порядками окружённой дивизии установили Мощную громкоговорящую установку, по которой тем же утром выступили Аугустин и другие немецкие военнопленные. «Капитан» рассказал о коварстве фон Засса по отношению к немецкому десанту, прибывшему с целью осуществить почётную капитуляцию, чтобы сохранить жизнь окружённым солдатам. Он обратился также к своему земляку майору Клаусу, напомнив ему об их беседе, о надежде, что дивизия будет спасена от уничтожения. ...Говорил о том, что вынужден был со всем десантом сдаться в плен к русским.

«Что же получилось?! – восклицал «капитан». – Свои в нас стреляли, а русские нас хорошо приняли; нам обещана жизнь и возвращение живыми домой после окончания войны». Аугустин сказал далее, что ему удалось ближе увидеть положение окружённых немецких частей: оно

безнадёжно в военном отношении, а у русских явное превосходство. Если дивизия не капитулирует, она будет в ближайшие дни полностью уничтожена.

«Вы должны действовать... как дисциплинированные солдаты! Как немецкий офицер, утверждаю: вы свободны от выполнения приказов фон Засса. Офицеры, отказывайтесь ему повиноваться, выполняйте переданный мною приказ: во главе подчинённых вам подразделений... с белыми флагами в руках переходите в плен».

Не прошло и часа, как стали появляться первые сдавшиеся одиночки и группы в 5-10 человек. ...Пленных отводили на сборный пункт и первым делом кормили.

Поев и придя в себя, удивлённые тем, как хорошо их приняли (а уж мы постарались, чтобы в этом отношении всё было в порядке), многие из пленных пожелали сообщить о себе через Мощную громкоговорящую установку (МГУ).

Один из новых пленных, австриец, назвал свою фамилию, показавшуюся красноармейцам занятной и смешной, – Пумперникель (по немецки «ржаная коврижка»), привёл с собой около десяти солдат. Он сказал: «Русские разрешили всем желающим перейти в плен со словом Пумперникель – и вас дружелюбно примут».

...Затем стали приходить и целые подразделения во главе со своими командирами. Одним из первых привёл свой батальон майор Клаус – земляк «капитана».

...Буквально на наших глазах за 3-4 дня произошёл распад вражеской дивизии, в плен перешло более 2500 солдат и офицеров.

В завершение операции специальный отряд 249-й дивизии из 30 человек под командованием майора Э. Лемминга ворвался в подвал и захватил в плен 52 немецких солдата и офицера, включая самого Э. фон Засса [19]. Было решено на крыше подвала установить два мощных заряда взрывчатки, которые один за другим были подорваны в 15 часов 30 минут. Только после этого остатки немецкого гарнизона Великих Лук капитулировали. Из полуразрушенного подвала было извлечено 52 оглушённых и раненых солдата и офицера во главе с комендантом фон Зассом [20].

За Великолукскую пропагандистскую операцию полковник Брагинский и Франц Гольд были награждены орденами Красной Звезды, Фридрих Аугустин – медалью «За боевые заслуги». Это были первые немецкие военнопленные, удостоенные советских наград. Все разведчики, участвовавшие в рейде, награждены медалью «За отвагу».

Прошли годы. В стране отмечали 25-летие Великолукской операции. В прессе вспоминали о былом и... даже не упомянули о пропагандистской операции в Великих Луках. Профессор И.С. Брагинский решил напомнить о ней.

Москва, 21 января 1968

Искренний председатель
Великолукского Горсовета.

С большим интересом и радостью прочитал газету "Правда" корреспонденцию: "Флоти над Ловиной".

Для меня, кто у меня с освобождением Великих Лук связано воспоминание о специальной пропагандистской операции, проводившейся в дивизии, освобождавшей город, под командованием генерала А.В. Савельева. Помню, что в это время раскаты и т.д.

В целях разложения немецкого фронта, освобождения Великих Лук, мы, работавший тогда в штабе в Див. Дурект, был на фронте командиром в штабе Захарова Маму. Искренне командиром с группой немецких военнопленных (немцы) и с немецким командиром А. Куралов в штаб дивизии под командованием генерала А.В. Савельева, цель этой операции была связана с освобождением Великих Лук командиром.

Часть черновика письма профессора И.С. Брагинского
председателю Великолукского горсовета

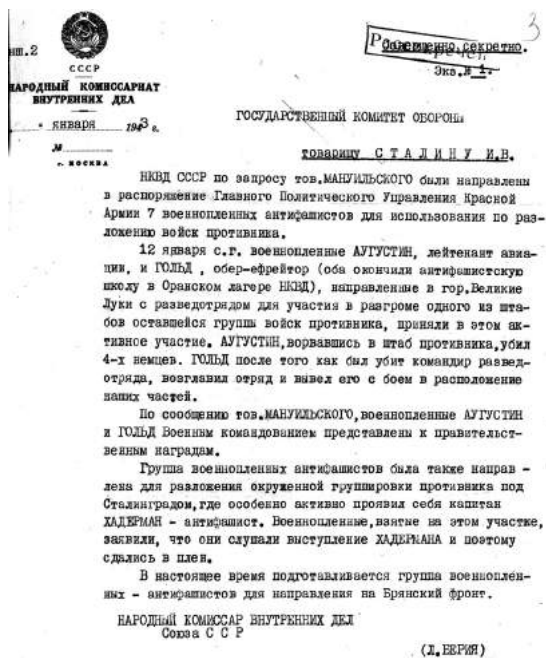
Поздравив великолукцев с 25-летием освобождения города и сообщив данные о себе, профессор Брагинский пишет:

«...у меня с освобождением Великих Лук связано воспоминание о специальной пропагандистской операции, проведённой мною в дивизии,

освобождавшей город, под командованием генерала А.А. Дьяконова. Полагаю, что Вам следует рассказать об этом. ...Вся эта операция и её значение не только военное, но и политическое. Оно освещено в некоторых книгах, вышедших в ГДР. Если это интересно Вам, поскольку эта операция связана с освобождением Вашего города, то смогу уточнить данные об освещении операции (так и называвшейся «Великолукская») в печатных изданиях».

Однако его письмо председателю Великолукского горсовета осталось без ответа. И в книге [20] нет упоминания о Великолукской пропагандистской операции. Видимо, не все у нас готовы были признать, что Победу ковали не только танками и автоматами, но и **словом**. И это **слово** било порой эффективнее автоматов.

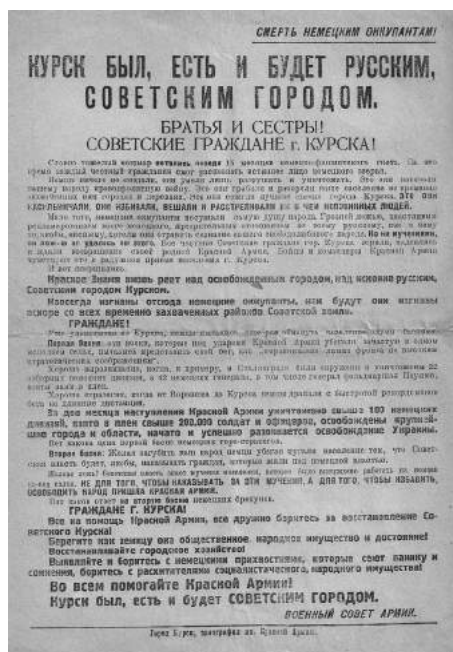
Какое значение имела эта операция следует из любопытного документа (фонд №1п, опись №9а, дело №24, лист №3), полученного мною из Российского государственного военного архива (РГВА) в апреле 2017 г.: Берия докладывает о ней Сталину.

Воронежский фронт, 60-я армия, освобождение Курска. Февраль 1943 г.

Операция «Звезда» по освобождению Курска началась 2 февраля 1943 года. Курск был освобождён 8-9 февраля 1943 года войсками 60-й армии (генерал-майор И.Д. Черняховский), действовавшей в составе Воронежского фронта (генерал-полковник Ф. И. Голиков). За успешное проведение этой операции И.Д. Черняховский был награждён орденом Суворова 1-й степени, и ему было присвоено очередное звание генерал-лейтенанта. В боях под Курском потери немцев составили 8 тыс. солдат и офицеров убитыми и пленными [21].

После освобождения Курска части Красной Армии провели с 11 февраля по 11 марта 1943 года Льговско-Рыльскую операцию, в ходе которой было освобождено 476 населённых пунктов, в том числе город Льгов [22].

Листовка из архива И.С. Брагинского

ПЕРВОЕ ВСЕАРМЕЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПОЛИТРАБОТНИКОВ ПО СПЕЦПРОПАГАНДЕ, МОСКВА, 15-16 АПРЕЛЯ 1943 Г.

В Центральном Доме Красной Армии встречали боевых друзей – начальников седьмых отделов политуправлений фронтов, начальников седьмых отделений политотделов ряда армий, наиболее отличившихся старших инструкторов политотделов некоторых дивизий. Были приглашены и начальники политуправлений некоторых фронтов.

Минутой молчания собравшиеся почтили память товарищей по оружию: незадолго до совещания скончался от ран, полученных под Сталинградом, полковник Самойлов; под Новгородом в бою погибли все сотрудники седьмого отделения политотдела 2-й Ударной армии во главе с полковым комиссаром Шабловским, под Киевом – весь

*Президиум Всеармейского совещания политработников
по спецпропаганде, 1943 г.*

Справа налево: зам. нач. управления ГПУ РККА полковник Борис Григорьевич Сапожников (1907-1986), зам. нач. ГПУ РККА генерал-майор Иосиф Васильевич Шикин (1906-1973), Дмитрий Захарович Мануильский, полковник М.И. Бурцев, крайний слева полковник И.С. Брагинский.

седьмой отдел политуправления фронта, возглавляемый батальонным комиссаром Рябошапко; в тех же краях на Днестре – майоры Гельбрас и Изакович, на Северо-Западном фронте – пропагандисты Мишкин-Яблонский, в своё время бывший личным секретарём Эрнста Тельмана, и Гершензон [7].

Д.З. Мануильский пригласил на совещание также немецких, румынских, итальянских и венгерских товарищей, выезжавших на фронты южного направления в составе бригад ГлавПУ РККА и проводивших там свою пропаганду среди войск противника.

В ходе совещания был обобщён опыт, накопленный органами спецпропаганды Юго-Западного, Сталинградского, Донского и Закавказского фронтов в 1942-1943 гг. за время боёв на Волге и на Северном Кавказе, рассмотрены недостатки, присущие деятельности политорганов. Были подробно обсуждены и намечены стратегические цели, основные задачи военно-политической пропаганды на весну и лето 1943 года. Всего за два дня на Всеармейском совещании выступило свыше 60 армейских политработников и политэмигрантов-антифашистов [23].

Был проведён анализ сталинградского опыта: в результате каких именно пропагандистских акций сдавались в плен десятки тысяч вражеских солдат и офицеров. Начальник седьмого отдела политуправления Донского фронта полковник И.П. Мельников выделил главное – умение найти аргументы, которые заставили бы солдат и офицеров противника преодолеть психологический барьер и капитулировать.

Действенным средством стала пропаганда изнутри. К этому выводу пришли также В. Ульбрихт и Э. Вайнерт, много сделавшие для того, чтобы с помощью военнопленных – антифашистов устанавливать постоянную живую связь с окружёнными вражескими частями. «Засылка новых идей и нового духа» – так метко, назвал Э. Вайнерт агитацию пленных-антифашистов в своих частях. Нашим агитаторам не доставало знания того, что происходит в стане противника, и это не позволяло находить наиболее сильные аргументы в пропаганде. В. Ульбрихт, например, рассказал о таком курьёзе: однажды он сделал подряд пять агитпередач, адресованных немцам, а в ответ пришли сдаваться румыны – немцев на этом участке не было. В. Ульбрихт

отметил, что пропагандисты не всегда отвечали на контраргументы противника. В частности, утверждение гитлеровцев о том, что «за декабрём придёт май», то есть после поражения под Сталинградом придёт успех весной, осталось без опровержения, а ведь этот аргумент укреплял упавший дух врага [7].

СОВЕЩАНИЕ ПОЛИТРАБОТНИКОВ ПО СПЕЦПРОПАГАНДЕ
НА III УКРАИНСКОМ ФРОНТЕ. ЗАПОРОЖЬЕ, ОКТЯБРЬ 1943 Г.

Участники совещания политработников по спецпропаганде на III Украинском фронте. Запорожье, октябрь 1943 г. Третий слева полковник И.С. Брагинский, третий справа подполковник А.Д. Питерский – начальник 7 отдела политуправления III Украинского фронта. Фотография из архива И.С. Брагинского выставлялась в Музее Великой Отечественной войны

Запорожье освобождён 14 октября 1943 г. 3-й Украинский фронт (командующий генерал армии Р.Я. Малиновский) был образован 20 октября 1943 года. С 23 октября по 23 декабря 1943 года проводилась Днепропетровская наступательная операция, в результате которой 25 октября были освобождены крупные промышленные

центры Днепропетровск и Днепродзержинск. Дальнейшее наступление против криворожской и никопольской группировок врага успеха не имело [24].

I и II Украинские фронты. Корсунь-Шевченковская операция (Черкасский котёл). Январь-февраль 1944 г.

Корсунь-Шевченковская операция 1944 г. – наступательная операция 1-го (командующий генерал армии Н.Ф. Ватутин) и 2-го (командующий генерал армии И.С. Конев) Украинских фронтов 24 января – 17 февраля 1944 г.

Войска 1-го Украинского 26 января начали наступление и 28 января в районе Звенигородки соединились с войсками 2-го Украинского

Участники кустового совещания политработников (по спецпропаганде), 1944 г.

В первом ряду слева направо: полковники Мельников, Соколов М.П., Брагинский И.С., Никитин А.С., Бурцев М.И., Сапожников Б.Г. Фотография из архива И.С. Брагинского выставлялась в Музее Великой Отечественной войны

фронта. В окружении оказались до 10 немецко-фашистских дивизий и 1 бригада общей численностью около 80 тыс. человек. 8 февраля командованию немецкой группировки был предъявлен ультиматум за подписями заместителя Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова и командующих Украинских фронтов Н.Ф. Ватутина и И.С. Конева, в котором во избежание напрасного кровопролития требовалось сложить оружие. Ультиматум был отвергнут. В ночь на 17 февраля противник тремя колоннами двинулся из Шендеровки на прорыв кольца окружения, но лишь небольшой группе танков и бронетранспортёров удалось прорваться к своим войскам.

В результате Корсунь-Шевченковской операции было убито и ранено около 55 тыс. и взято в плен свыше 18 тыс. вражеских солдат и офицеров. Ликвидация Корсунь-Шевченковской группировки противника создала условия для окончательного освобождения Правобережной Украины [25].

М.И. Бурцев так охарактеризовал особенности пропагандистской работы на этом этапе [7]:

В полную силу действовали печатные и устные средства пропаганды – одних только листовок было издано и распространено свыше 2 миллионов экземпляров, проведено более тысячи агитпередач. Сотни распропагандированных пленных уходили в котёл для того, чтобы воздействовать на противника изнутри. Политорганы проявили немало инициативы. Наряду с «Памяткой немецкому солдату о русском плене» они издали листовку о жизни в плену немецких генералов и офицеров. Опыт учил, что, пока в гитлеровской армии нет антивоенного, а тем более революционного движения, массовая организованная капитуляция, которой, собственно, и добивались командиры и политорганы Красной Армии, была более вероятна с участием и по приказу генералов и высших офицеров. Воздействовать на них – эту задачу и преследовали листовки политорганов 1-го и 2-го Украинских фронтов. ...На первое место были поставлены генералы и офицеры, а не солдаты, как это делалось обычно. ...«Сталинград», о котором на фронте знал каждый немецкий солдат и генерал, становился явью для окружённых у Корсунь-Шевченковского. Перед каждым из них стоял один и тот же вопрос: «Жить или не жить?».

Самый убедительный ответ – пример Сталинграда: смерть или жизнь – оказаться в числе убитых или пленных. Опыт – лучший учитель!

Ещё в тот день, когда солдаты и офицеры группы армий «Юг» начали сдаваться в плен большими группами, сотрудники нашего отдела собрались у Д.З. Мануильского, чтобы подвести итоги пропагандистской работы в этой операции. Тогда и были написаны две листовки: «После Сталинграда — Корсунь-Шевченковский» и «Правда о новом преступлении Гитлера», в которых мы разъясняли немцам на фронте и в тылу, почему погибли ещё 55 тысяч их соотечественников. «Гитлер обманул немецкие войска, гарантируя им спасение извне... После провала попыток освобождения извне он продолжал их обманывать, приказав прорываться собственными силами... И в последнюю минуту он обманывал обречённую группировку, отдав приказ пожертвовать собой, кончать самоубийством... Не только два немецких армейских корпуса западнее Черкасс, но и всю немецкую армию на Востоке Гитлер превращает в армию смертников и самоубийц. Но самоубийство – это выход для Гитлера и его обанкротившейся клики. Для немецких солдат и офицеров есть другой выход из проигранной войны... Этот выход указали 18200 солдат и офицеров, которые перестали верить Гитлеру, порвали с ним и сложили оружие».

И ещё один достоверный факт: повышенный интерес в немецкой армии к советским листовкам и агитпередачам, и это – несмотря на самые строгие меры наказания, вплоть до расстрела. Прошло то время, когда немецкий солдат каблуком втапывал в землю эти листовки или сдавал их по указанию офицеров в штаб, делая на них надпись: «Файндпропаганда» («Вражеская пропаганда»). «Теперь, когда мы по горло сыты войной, – читали мы в дневнике убитого старшего врача из 27-й пехотной дивизии Германа Шнайдера, – никто не думает о победе, у каждого только и есть на душе, чтобы уцелеть, выбраться из этого ада, выжить. Теперь солдаты всё чаще вспоминают листовки 1941-1942 годов, которые предупреждали, что Германия будет разбита. Раньше мы этому не верили. Теперь каждый видит, что русская пропаганда говорит правду. Её листовки – это капли, долбящие гранит. Они научили нас немножко заглядывать в будущее и критически относиться к своим правителям». Пленный – рядовой 5-й роты 31-го пехотного

полка на допросе показал: «Перед отправкой на фронт майор из штаба 24-й пехотной дивизии предупреждал нас: опасаться надо не пуль и не снарядов, а вражеских листовок, «поражающих дух солдата».

В своей книге [26] один из руководителей «Союза немецких офицеров» полковник Луитпольд Штайдле приводит отчёт делегации НКСТ о Корсунском котле:

Фронт, 10 марта 1944 года.

28 января 1944 года в районе Корсуня были окружены 10 немецких дивизий. С помощью штаба 2-го Украинского фронта мы могли сразу же организовать нашу пропаганду на эти окруженные дивизии, чтобы побудить их капитулировать и присоединиться к освободительному движению.

Чтобы согласовать пропаганду Национального комитета «Свободная Германия» с пропагандой Красной Армии, 7 февраля полковник Штайдле дал всем уполномоченным Национального комитета указания по ведению пропаганды через громкоговорящие установки и по радио. Ввиду наступления распутицы пропаганда через мощные установки не могла быть осуществлена.

На основании оценки положения немецких войск, составленной письменно полковником Штайдле 9 февраля 1944 года, мы обратились к окружённым офицерам и солдатам с листовками. Кроме того, полковник Штайдле написал открытое письмо генерал-лейтенанту Крузе, командиру 389-й пехотной дивизии. Это письмо вместе с письмом генерал-майора Латзмана было передано генералу Крузе ефрейтором Гельмутом Якобом из 11-й роты 544-го гренадерского полка 389-й пехотной дивизии. Нас очень обрадовало, что Красная Армия в одной из своих листовок поименно упомянула нас, офицеров – участников немецкого освободительного движения.

18 февраля в результате концентрированного наступления Красной Армии котёл был ликвидирован. До прибытия первых пленных были составлены новые листовки к немецким войскам, находившимся вне котла.

Наши встречи с военнопленными.

1. Наблюдался стихийный подъём среди пленных с демонстративным выражением одобрения, когда мы впервые представились им. Мы сами удивлены столь открытому одобрению солдат.

2. Наблюдалось воодушевление, когда мы обменивались мнениями и беседовали в больших группах военнопленных.

После речи полковника Штайдле, обращенной ко всему лагерю, и заключительных слов лейтенанта Бюрка весь лагерь, включая офицеров, присоединился к освободительному движению, что было скреплено более чем 1200 подписями и снятием эмблем немецких вооруженных сил.

Идея немецкого освободительного движения оказывала в котле большое воздействие. Письма к ведущим генералам, пропаганда с помощью листовок, радиопередачи, появление посланных назад солдат, агитировавших в пользу освободительного движения, – все это будоражило офицеров и солдат. Немецкая контрпропаганда была поколеблена. Нашей пропагандой было охвачено около 60 процентов всех окружённых солдат. Так была подготовлена почва для того, чтобы, например, 100 процентов военнопленных в лагере «Смела» без всякой особой агитации присоединились к немецкому освободительному движению.

Штайдле: Товарищи по оружию! Отказывайтесь повиноваться таким командирам, так как они и дальше будут бросать вас в безнадежные бои и, когда дело дойдёт до конца, оставят вас на произвол судьбы.

Вы, наверное, будете удивляться тому, что немецкие офицеры требуют от вас «неповиновения». Поверьте, что мы требуем этого с чувством глубочайшей ответственности, так как мы увидели, к какой военной и политической пропасти Гитлер бессовестным образом подвёл наш народ. Мы лично пережили это в Сталинграде, где нас бессмысленно гнали в безнадежные бои. Теперь это полностью повторилось в Тарнополе. Но в Сталинграде у нас хватило мужества отказаться выполнять приказы Гитлера, и благодаря этому десятки тысяч товарищей по оружию были спасены для новой Германии. Вас ожидают теперь такие же безнадежные бои, потому что вы упрямо и покорно продолжаете выполнять приказы Гитлера. Не увиливайте трусливо от единственно возможного решения, которое ещё остаётся немцу. Рвите с Гитлером!

Решающим в этом не должна быть ни ваша должность, ни ваше звание. Решает только, действительно ли вы любите наш народ, а также

ваше личное мужество. Наше немецкое освободительное движение, сотни тысяч товарищей, которые борются в его рядах, зовут вас, зовут тебя! Объединяйтесь и создавайте в войсках группы нашего движения! Распространяйте наши боевые лозунги! Совершенно открыто говорите со своими офицерами о нашей освободительной борьбе.

Роль полковника Брагинского в Корсунь-Шевченковской операции отражена не только в исторической, но и в художественной литературе. Роман «Ультиматум» немецкого писателя Гюнтера Штайна (1900-1961) дважды издан на русском языке – в 1978 и 1999 гг. Он повествует о пропагандистской акции полковника Брагинского с участием членов НКСГ. Их автор – фигура весьма колоритная: коммунист, советский разведчик, соратник Рихарда Зорге. В 1943 году был арестован японцами, подвергнут жестоким пыткам, но никого не выдал. Освобождён в апреле 1945 г. американцами, лечился в СССР, с конца 1946 г. работал в Восточной Германии в полиции и издательстве, сотрудник Штази, с 1954 года на инвалидности.

Роман описывает подлинные события. Многие его герои носят собственные фамилии: маршал Жуков, генерал-полковник Щербаков, генералы армии Конев и Ватутин, генерал-майор Шикин, генерал НКВД Петров, комиссар госбезопасности генерал-лейтенант Бабич, «ленинградский профессор-историк»⁹⁵ полковник Брагинский, который великолепно владеет немецким языком», бывшие немецкие военачальники, а ныне представители НКСГ генералы Зайдлиц и Корфес, Хадерман, майор Леверенц, командиры окружённых немецких корпусов генералы Либ и Штеммерман и другие.

Небольшой эпизод романа «Ультиматум»: подъезжая в поезде к месту назначения, герои узнают, что вокруг немецкой группировки захлопнулся котёл.

Спустя несколько минут заговорил генерал-лейтенант Бабич. Вид у него был довольный.

– Господа, если я не ошибаюсь, то все вы, правильно оценив создавшееся положение, единодушно пришли к решению продолжать

⁹⁵ Одна из немногих вольностей, которые позволил себе автор.

свою поездку по фронту, чтобы помочь там уже действующим членам Национального комитета «Свободная Германия» личным участием.

– Совершенно верно, помочь своим личным участием, – заметил Зайдлиц, который, как и раньше, считал, что его генеральское звание и хорошо известная на родине фамилия окажут на попавших в котёл солдат большее влияние, чем воззвания неизвестных им солдат.

– Я предлагаю не терять попусту времени, – повернулся Бабич к генералу Петрову. – Разрешите ещё раз посмотреть списки с фамилиями командиров частей, попавших в окружение.

Генерал Петров протянул ему папку, и Бабич передал её Зайдлицу.

– Вы кого-нибудь знаете из этих командиров? – с любопытством спросил генерала полковник Брагинский.

– Разумеется!

– Возможно, вы с кем-нибудь из них были в дружеских отношениях?

– Это уже слишком. С одним из них я, скорее, враждую.

– Жаль! – Брагинский сокрушённо покачал головой. – Можно поинтересоваться, с кем именно?

– С генерал-лейтенантом Либом. У меня с ним было столкновение по службе, давно только, правда.

– Слишком давно, чтобы помнить о нём?

– Для меня – да.

Брагинский рассмеялся и заметил:

– Разумно. В данной ситуации, разумеется. Господа, мы не будем вам мешать; если понадобится, вы найдёте нас в купе.

ВТОРОЕ ВСЕАРМЕЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПОЛИТРАБОТНИКОВ ПО СПЕЦПРОПАГАНДЕ, МОСКВА, 15-18 МАЯ 1944 Г.

На совещании в Центральном Доме Красной Армии были обсуждены следующие вопросы: работа среди войск противника на различных этапах наступательных операций: прорыв, окружение, преследование (доклады начальников седьмых отделов политуправлений 1-го и 2-го Украинских фронтов); практика взаимодействия политорганов с НКСГ на фронтах (доклады начальников седьмых отделов политуправлений 3-го и 4-го Украинских фронтов); основные недостатки устной

и печатной агитации на фронте среди войск противника и задачи улучшения её содержания и повышения мобильности (полковник И.С. Брагинский); новые формы и средства политработы среди войск и населения противника и их применение в конкретных условиях (полковник М.И. Бурцев).

Группа участников Второго Всеармейского совещания политработников по спецпропаганде.

Сидят во втором ряду: 3-й слева И.С. Брагинский, 5-й справа М.И. Бурцев, 6-й справа Б.Г. Сапожников.

Фото из книги М.И. Бурцева «Прозрение» [7]

В войска заранее были посланы инспекторы Главного политического управления, которые изучали положение дел на месте, помогали готовить доклады, выводы, предложения и рекомендации.

19 мая участников совещания принял начальник ГПУ РККА А.С. Щербаков. Он отметил, что немецкое командование, внимательно изучая наши листовки, разрабатывает контрмеры. Следовательно, враг признаёт силу и действенность нашей пропаганды. Политорганы Красной Армии должны сосредоточить своё внимание на том, чтобы: а) убеждать солдат и офицеров противника в том, что положение германской армии безнадежно. Войну она проиграла, поэтому бес-

смысленно продолжать её. «Сдавайтесь в плен!» – основной лозунг нашей пропаганды. И с этой целью надо широко пропагандировать среди немцев условия жизни военнопленных и их труда в плену; б) показывать войскам противника мощь Красной Армии, превосходство советского оружия над немецким, устрашать этим превосходством. Не надо запугивать солдат ответственностью за преступления, совершённые войсками, особенно эсэсовскими, – именно этим запугивает солдат фашистская пропаганда; в) использовать обостряющиеся противоречия между странами и армиями гитлеровского блока, между сателлитами и Германией, между самими сателлитами [7].

III БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ. ВИТЕБСКО-ОРШАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ. 22-24 июня 1944 г.

Витебско-Оршанская операция в Восточной Белоруссии с целью обрушения обороны правого фланга группы армий «Центр» была составной частью Белорусской операции (операции «Багратион»). Она осуществлялась силами 1-го Прибалтийского (командующий генерал армии И.Х. Баграмян) и 3-го Белорусского (командующий генерал-полковник И.Д. Черняховский) фронтов. Общую координацию действий обоих фронтов в операции осуществлял представитель Ставки Верховного главнокомандования маршал Советского Союза А.М. Василевский [27].

Во время Витебско-Оршанской операции спецпропаганда пополнилась новым опытом. К этому времени советские войска на юге вышли к государственной границе и освободили часть Румынии. Среди румынских пленных оказались выходцы из освобождённых мест. Их привезли в родные места, дали возможность встретиться с родными и земляками, обменяться письмами. Эти пленные и эти письма стали серьёзным козырем в руках спецпропагандистов. Их рассказы в листовках и звуковых передачах оказали большое влияние на противника, особенно находившегося в окружении [28].

Схема Витебско-Оршанской наступательной операции
23–28 июня 1944 г.

Из воспоминаний одного из сотрудников 7-го отдела подполковника в отставке Г.П. Солюса [29]:

22 июня 1944 г. Перед началом операции выезжаю из политуправления 3-го Белорусского фронта в 11-ю гвардейскую армию вместе с начальником отдела спецпропаганды полковником И.И. Никифоровым. Следом прибудет и пленный немецкий антифашист Отто, присланный из НКСГ.

27 июня 1944 г. Ещё ночью я начал готовить группу военнопленных для заброски их в расположение противника с задачей организовать групповую сдачу в плен. Сначала с ними решил поговорить Отто. Выстроили около 300 человек. Отто обратился к ним от имени Национального комитета «Свободная Германия» с речью, в которой разъяснил преступную политику Гитлера, цели антифашистского движения. Окончив речь, спросил: «Кто согласен со мной? Поднимите руки!». Подняли руки все 300 человек. Отто смущённо обернулся ко мне. Я сказал пленным по-немецки: «Кто считает себя антифашистом, шаг вперёд!». Шагнули все. Мы рассмеялись. Тогда Отто сказал: «Очень хорошо, что вы все против Гитлера, что вы все антифашисты. Кто из вас хочет помочь своим товарищам, оставшимся в котле? Там несколько тысяч человек. Их ждёт смерть, если они не сдадутся. Кто из вас пойдёт туда и объяснит, что их положение безнадежно, что русские всем, кто

сдаётся в плен, гарантируют жизнь? Русские разведчики проводят вас до переднего края, и вы совершенно безопасно перейдёте линию фронта». На этот горячий призыв никто не откликнулся. Тогда выступил я, затем снова Отто. Вышло пять человек, а я намечал восемь. Но никакие убеждения больше не действовали. Желających больше не было. Нужно было торопиться переправить их в котёл до рассвета. Для пленных принесли хлеб, консервы, чай.

Пленные, естественно, боялись. Боялись в плену выглядеть фашистами. А возвращение к своим для агитации вообще было героическим поступком, за который некоторые расплачивались жизнью. И решались на него немногие.

Ещё одной новинкой спецпропаганды во время Витебско-Оршанской операции была пропаганда приказов немецких генералов о прекращении сопротивления. 27 июня 1944 года командир блокированной 206-й немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Хиттер принял ультиматум нашего командования и прибыл с белым флагом в распоряжение наших войск. Его приказ о прекращении сопротивления и организованной сдаче в плен был доставлен в окружённую группировку средствами спецпропаганды и ускорил капитуляцию дивизии [10].

Полковник И.С. Брагинский (сидит третий справа) проводит на 3-м Белорусском фронте совещание политработников спецпропаганды. Июнь 1944 г.

Фотография из архива И.С. Брагинского выставлялась в Музее Великой Отечественной войны [28]

В районе между Березиной и Минском были окружены остатки 24-х немецких дивизий. Политуправление 2-го Белорусского фронта распространило среди окружённых листовки с ультиматумом, подписанным командующим фронтом. Исполняющий обязанности командующего 4-й немецкой армией генерал-лейтенант Мюллер, в чьём подчинении были окружённые войска, издал приказ о прекращении бессмысленного сопротивления. Наши спецпропагандисты распространили его в виде листовок и звуковых передач, инициировав массовую сдачу в плен немцев [30].

За шесть дней наступательной операции линия фронта переместилась на запад на 150 км. Рухнула вся вражеская оборона между Западной Двиной и Днепром. Был практически полностью уничтожен 53-й армейский корпус, разгромлены части 6-го армейского корпуса и корпусная группа D. Были освобождены Витебск и Орша. Потери вермахта превосходили 40 тысяч погибшими и 17 тысяч пленными. Северный фланг группы армий «Центр» оказался сметён [31].

Представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза А.М. Василевский и командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковник И.Д. Черняховский допрашивают командира 53-го армейского корпуса генерала пехоты Ф. Гольвитцера и командира 206-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта А. Хиттера. Район Витебска, 1944 г. [27].

Колонны немецких пленных, захваченных в Белоруссии, на улицах Москвы. 17 июля 1944 г. [31]

ЛЕНИНГРАДСКИЙ, 3-Й, 2-Й И 1-Й ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТЫ.
АВГУСТ 1944 Г.

Мы бы и не узнали об участии И.С. Брагинского в этой фронтовой пропагандистской операции, если бы её не описал генерал М.И. Бурцев в книге «Прозрение» (с. 259-261) [7]:

Немецкая группа армий «Север», занимавшая 1000-километровую оборону от Финского залива до Немана, насчитывала до 700 тысяч солдат и офицеров. Войска Ленинградского, 3, 2 и 1-го Прибалтийских фронтов при поддержке Балтийского флота должны были прорвать вражескую оборону и освободить советские прибалтийские республики. Массированное идеологическое воздействие на противника началось с середины августа, заблаговременно. К печатной и устной пропаганде подключились передачи специальной радиостанции «Балтикум». На двух волнах ежедневно транслировались письма и обращения пленных солдат и офицеров, а также их личные выступления, содержавшие не только рассказы о жизни в плену или перечисление льгот для перебежчиков, но и призыв к своевременной капитуляции. В помощь фронтовым политоргам Главное политическое управление направило пропагандистскую бригаду во главе с полковником И.С. Брагинским.

Наши товарищи должны были: координировать работу спецпропагандистов четырёх фронтов; подготовить и довести до немецких войск обращение советского командования; наладить издание ежедневного информационного бюллетеня, предназначенного для немецких солдат и офицеров; участвовать в распропагандировании пленных для агитработы в отсечённых немецких частях; готовить и издавать совместно с политорганами фронтов листовки и обращения; наконец, координировать спецпропаганду всех четырёх фронтов с деятельностью уполномоченных НКСГ и СНО.

Кроме того, бригаде Брагинского предстояло решить ещё одну нелёгкую задачу. Дело в том, что руководство НКСГ предложило, а наше командование одобрило план так называемой персональной агитации. Десять генералов-антифашистов написали личные письма командующему группой армий «Север», командующим армиями, командирам корпусов и дивизий, в которых предлагали им вместе с войсками перейти на сторону НКСГ – это сохранило бы для будущей Германии несколько десятков тысяч немецких жизней. Всего было подготовлено 65 писем, в том числе и письмо генерал-фельдмаршала Паулюса командующему группой армий «Север» генерал-полковнику Шернеру.

17 августа эти послания были доставлены самолётами в политуправления четырёх фронтов с заданием «забросить и доставить адресатам незамедлительно». Две недели прошли в чрезвычайных хлопотах. Начальники отделов спецпропаганды полковник Г.Ф. Заставенко (до перевода в Главное политическое управление), подполковники Е.А. Бродский, Н.С. Подкаминер и М.Т. Турин ежедневно докладывали мне о ходе выполнения задания. К 3 сентября почти все письма генералов-антифашистов были доставлены по назначению. 25 из них – антифашистами, переходившими для этого линию фронта, 24 – партизанами со своих баз, 5 – лётчиками, сбросившими почту с трофейного самолёта, и 11 – фронтовыми разведчиками.

В доставке писем адресатам участвовали 55 распропагандированных пленных солдат и офицеров: один из них, лейтенант Штушман, был убит гитлеровцами при переходе линии фронта; двое вернулись, не выполнив задания, они чистосердечно признались, что струсили в последний момент. Все остальные с заданием справились. Некоторые

вернулись даже с расписками немецких штабов о принятии пакетов. Двое антифашистов были задержаны гитлеровцами, но с помощью солдат им удалось бежать, и они благополучно возвратились к нам. Все антифашисты, как один, рассказывали о том резонансе, который вызвали письма генералов-антифашистов в немецких частях, особенно в штабах. Среди офицеров начались аресты. Тех, кто солидаризировался с письмами, отправляли в штрафные батальоны. И хотя ожидаемых результатов – непосредственного перехода немецких частей на сторону НКСГ – не последовало, операция эта способствовала росту пораженческих настроений, ослаблению воинской дисциплины, особенно в отсечённой Курляндской группировке».

Среди правительственных наград И.С. Брагинского значится медаль «За победу над Японией». Подробностями его участия «в обеспечении боевых действий советских войск против Японии» я не располагаю. Н.И. Бурцев в своих воспоминаниях [7] скупко упоминает об участии 7-го отдела ГПУ РККА в обеспечении победы над Японией. Однако вывод однозначен: активная работа полковника Брагинского на фронтах продолжалась и в 1945 году – вплоть до полной победы.

Определённые предположения можно делать из сообщений о деятельности ближайших сотрудников полковника. Так, майор Ю.А. Жданов в 1944-45 гг. работал в Прибалтике, Дебрецене,

Будапеште, венгерских городах Сомбатель и Секешфехервар, Вене и Белграде [16]. Е.А. Бродский в своей книге [1] (с. 230-241) рассказывает о пропагандистских операциях в феврале-марте 1945 г. под Кёнигсбергом с участием капитана В.В. Лосева.

Полковник И.С. Брагинский прошёл славный боевой путь. Именно он был в Главном политическом управлении РККА основным генератором и синтезатором идей, направленных на усиление эффективности пропаганды среди войск противника.

В статье «Определение основных типов и вопросов пропаганды» [32] Брагинский пишет:

«С первых же дней, точнее, даже с первых часов Великой Отечественной войны коллективная мысль работников аппарата по пропаганде среди войск противника настойчиво и страстно искала наиболее верного пути к душе немецкого солдата, тогда ещё послушного орудия фашизма. ...В сознании работников... происходили колебания в отношении к своей работе. Амплитуда этих колебаний была невероятной: от наивной веры в силу классовых лозунгов к полному отрицанию самой необходимости пропаганды среди «насильников, грабителей, мучителей людей», которым нужно лишь «загонять пулю в лоб». Сквозь эти колебания всё более созревали правильные решения о характере и содержании пропаганды. ...Нужно изобретать, выдумывать: чем можно воздействовать на автоматически настроенных, вымуштрованных солдат противника, чем их прошибить? ... Как повлиять на них средствами слова? А если никак, то кому мы нужны? Иначе нужно всё бросить, если ни до чего не додумаешься, и идти воевать на фронт. ...Коллективу пропагандистов было ясно, что принципиальной основой пропаганды должна быть **большевистская правда** о войне.

...Среди военно-политических пропагандистов утвердился образный термин о нашей пропаганде как о «бомбе замедленного действия», то есть результаты пропаганды будут обязательно сказываться, если она будет принципиальной, теоретически правильной пропагандой, но только спустя длительное время, через год, два, и может даже к концу или после войны.

Однако с оперативно-тактической точки зрения определение нашей пропаганды как «бомбы замедленного действия» таило большую опас-

ность: самоуспокоение, забвение задачи добиться с помощью пропаганды хоть небольшого, но немедленного эффекта, который помогал бы успешности самих боевых действий Советской армии. Вот поэтому должны быть дифференцированы два типа пропаганды: первый, стратегический тип, рассчитанный на коренное, но медлительное, более позднее воздействие на немецких солдат, и второй, оперативно-тактический тип, рассчитанный на полиативный, частичный, но немедленный эффект.

...Принципиальным положением, которое легло в основу пропаганды, было учение Ленина о справедливой и несправедливой войне. ...Были определены четыре центральных вопроса пропаганды:

1. Война, развязанная Гитлером, – несправедлива и обречена на провал; война, которую ведёт советский народ, – справедлива и приведёт его к победе.

2. Поражение Гитлера – неотвратимо, но поражение Гитлера и ликвидация его режима означает победу немецкого народа.

3. Немецкая армия едина только с виду, на самом деле она раздирается противоречиями между гитлеровскими офицерами и эсесовцами, с одной стороны, и рядовыми солдатами и честными военнослужащими, с другой, между империалистической кликой и трудящимся народом.

4. Немецкий солдат не должен гибнуть ради гитлеровской клики, он должен и может сохранить свою жизнь в советском плену для своей семьи и своего народа – когда будет закончена война крахом Гитлера».

Роль полковника Брагинского не ограничивалась теоретизированием. Он не отсиживался в Москве, давая оттуда руководящие указания. Сам подолгу бывал на тех фронтах, где решалась судьба войны, сам организовывал и проводил пропагандистские операции, анализировал их результаты, учился сам и учил других.

Когда в июле 1942 г. для непосредственного руководства идеологической борьбой с противником по решению ЦК ВКП(б) к Главному политическому управлению был прикомандирован член ЦК партии Дмитрий Захарович Мануильский, он собрал «полковничий триумvirат» – так он называл начальника седьмого отдела М.И. Бурцева и двух его заместителей – И.С. Брагинского и А.А. Самойлова.

Один из самых авторитетных исследователей антигитлеровского движения Б.Л. Хавкин пишет [33]: «Практической работой по созданию НКСГ занимались... И.С. Брагинский, Г.М. Димитров, С.А. Лозовский, Д.З. Мануильский, Н.Д. Мельников, И.А. Петров, В. Пик, А.С. Щербаков». Заметим: в числе очень больших деятелей Брагинский назван первым. Он же стал связующим звеном между Национальным Комитетом «Свободная Германия» (НКСГ) и ГПУ РККА. Видимо, утверждение С.А. Тархановой, что именно Брагинский «придумал НКСГ» [34], не является слишком большим преувеличением. Не исключено, что идея Брагинского была подхвачена в верхах и окончательно сформировалась на уровне Сталина.

Совет ветеранов Великой Отечественной войны Института востоковедения АН СССР 18 июня 1980 г. отметил заслуги И.С. Брагинского «в военно-педагогической деятельности по подготовке ценных кадров наших вооружённых сил и кадров антифашистов из среды военнопленных».

В своих автобиографиях И.С. Брагинский писал, что во время войны он не имел возможности что-либо делать по своей мирной специальности. В библиографии его трудов 1942-1945 гг. пропущены. И всё же... как заставить себя даже в самые трудные годы отрешиться от того, что составляло смысл его жизни? В его архиве есть запись: Карманная «антология» – составлена «для души» на фронте в 1941-42 гг.

Фото 1944 г. из удостоверения сотрудника НИИ № 99

Скромный человек, И.С. Брагинский никогда не подчёркивал своих заслуг и, тем более, ничего не предпринимал для того, чтобы они были достойно вознаграждены. «Неутомимый труженик и человек неиссякаемого оптимизма, он был образцом подлинной, не афишируемой скромности. И как семьянин И.С. Брагинский служил примером для всех, кто его знал» – так написал о своём начальнике Е.А. Бродский [1].

Литература к 3-й части

[1]. Е.А. Бродский. Это известно немногим – г. Красногорск: Мемор. музей нем. антифашистов, 1996 – 392 с.

[2]. Ф. Ян, А. Пасковьяк. Полковник *humanitatis causa* – журнал ГДР «Freie Welt», 1970, № 20. Перевод с немецкого С.А. Тархановой – архив И.С. Брагинского.

[3]. Александр Самсонов. Операция «Согласие». Ввод советских войск в Иран в 1941 году – <https://topwar.ru/11507-operaciya-soglasie.html> (20.02.2012).

[4]. И.С. Брагинский. Автобиография, датированная 1 июня 1955 г. – архив И.С. Брагинского.

[5]. М.Е. Катуков. На острие главного удара. Литературная запись В.И. Титова, 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1985, 432 с.

[6]. Алексей Исаев. Неизвестный Сталинград. Как перевирают историю. М.: Изд-во Яуза, Эксмо, 2012, 480 с.

[7]. Н.И. Бурцев. Прозрение – М.: Воениздат, 1981, 320 с.

[8]. Сергей Аптрейкин. Сталинградская битва – <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11333818%40cmsArticle>.

[9]. И.С. Брагинский. Как на войне впервые пленного отпустили – архив И.С. Брагинского. Опубликовано в книге: А. Сайфуллаева. И.С. Брагинский – исследователь персидско-таджикской литературы – Душанбе: Шарки озод, 2016, с. 328-334.

[10]. Н.Н. Берников. О содержании спецпропаганды во время Великой Отечественной войны – lektcii.com/5-5859.html. Н.Н. Берников. Политическая работа среди войск и населения противника.

В сб.: Партийно-политическая работа в советских вооружённых силах в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1963, с. 497-498.

[11]. Значение победы СССР под Сталинградом для всей второй мировой войны – <http://www.protown.ru/information/hidden/5137.html>.

[12]. Великие Луки, Российский форпост на Западном порубежье – <http://asonov.com/goroda-i-strany/velikie-luki-rossijskij-forpost-na-zapadnom-porubezhe.html>.

[13]. М.А. Лямин. Четыре года в шинелях. Повесть о родной дивизии – Ижевск: издательство «Удмуртия», 1994. – http://modernlib.ru/books/lyamin_mihail/chetire_goda_v_shinelyah/read_12/.

[14]. 70 лет назад началась Великолукская наступательная операция – <http://www.region-60.ru/novosti/kultura/6204/>.

[15]. И.С. Брагинский. Великолукская агитоперация – в сб. «Особый фронт», под общей редакцией генерал-майора в отставке М.И. Бурцева – М.: Военное издательство, 1986, с. 34-45.

[16]. Виктор Файн. Полковник И.С. Брагинский и майор Ю.А. Жданов. Дружба, скреплённая войной – Портал электронных ресурсов Южного федерального университета http://hub.sfedu.ru/zhdanov_braginsky/ (сентябрь 2016).

[17]. В. Филимоненков. Налёт на штаб фон Засса – http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:IywKlhqCJLYJ:old.eduvluki.ru/ch/upr/detail.php%3Fpubl_id%3D51058%26publ_catid%3D587%26sch_id%3D12+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (17 декабря 2013 г.).

[18]. В. Шулаев. Разведчики идут в логово врага – газета «Красная Звезда», 5 июля 1966 г.

[19]. Освободительные бои за Великие Луки. Историческая реконструкция – <http://dervishv.livejournal.com/426880.html>.

[20]. Валентин Александрович Рунов. Штурмы Великой Отечественной. Городской бой, он трудный самый. Штурм Великих Лук – <http://e-libra.ru/read/350243-shturmi-velikoj-otechestvennoj-gorodskoj-boj-on-trudnij-samij.html>.

[21]. Освобождение Курска – <http://kurskmetr.ru/articles/98-osvobozhdenie-kurska.html>.

[22]. В.А. Просецкий. Рылск. В годы Великой Отечественной войны – kursk.ru/book/rylsk/rylsk008.html.

[23]. Особенности организации и ведения спецпропаганды политорганами Красной Армии в период Сталинградской битвы – <http://leksii.com/5-5858.html>.

[24]. Днепропетровская операция – Википедия, ru.wikipedia.org.

[25]. А.Н. Грылёв. Днепр – Карпаты – Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. – М.: Наука, 1970.

[26]. Луитпольд Штейдле. От Волги до Веймара – http://modernlib.ru/books/shteydle_luitpold/ot_volgi_do_veymara/read.

[27]. Александр Самсонов. Военное обозрение. Операция «Багратион». Витебско-Оршанская наступательная операция – <http://topwar.ru/52818-pyatyu-stalinskiy-udar-chast-2-vitebsko-orshanskaya-nastupatel'naya-operaciya.html>.

[28]. Виктор Файн. Неизвестная страница истории освобождения Орши. О чём рассказала фотография из архива полковника Брагинского – <http://orshatut.by/obshhestvo/neizvestnaya-stranica-istorii-osvobozhdeniya-orshi/> (02.06.16).

[29]. Г.П. Солюс. Заметки спецпропагандиста. В сб.: Особый фронт, под общей редакцией генерал-майора в отставке М.И. Бурцева – М.: Военное издательство, 1986, с. 185-186.

[30]. Особенности Витебско-Оршанской операции 1944 года – <http://knowledge.allbest.ru/search.html>.

[31]. Белорусская государственная академия связи. К 70-летию освобождения Беларуси. Витебско-Оршанская операция, 1944 год – http://vfvfgks.vitebsk.by/index.php?id=655:-70-1944-&Itemid=5&option=com_content&view=article.

[32]. И.С. Брагинский. Определение основных типов и вопросов пропаганды – архив И.С. Брагинского.

[33]. Б.Л. Хавкин. Немецкое антигитлеровское Сопротивление 1933–1945 гг. как фактор международных отношений – диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 2016.

[34]. С.А. Тарханова. Воспоминания о воспоминаниях – М.: издательство Триумф, 2016, с. 180.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Соратники

Занимая высокий пост начальника немецкого отдела ГПУ РККА, полковник Брагинский взаимодействовал с огромным количеством людей. Естественно, в рамках настоящей книги написать обо всех невозможно. Эта книга написана по материалам личного архива И.С. Брагинского, это и предопределило выбор её персонажей.

«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Впервые эта мысль прозвучала у древнегреческого драматурга и поэта Еврипида (480–406 до н. э.). В виде широко известного афоризма она стала популярной благодаря роману «Дон Кихот» испанского писателя Сервантеса (1547–1616). Рассказы о друзьях – советских и немецких [1], о немецких военнопленных – подопечных Брагинского добавят новые черты к облику героя моего повествования.

ХАННА ДРИККЕР, ЖЕНА ИОСИФА БРАГИНСКОГО

Не просто жена – боевая подруга, соратник. Она имела прямое отношение ко многим делам, которыми занимался её муж.

Чтобы понять сущность человека, нужно знать, в каких условиях он формировался.

Хая Ханна Дриккер родилась 13 января 1904 г. в Бердичеве (тогда – Киевской губернии, в 40 километрах южнее Житомира). Семья её родителей, выходцев из Киева, была многодетной – 6 детей. Выжили

четверо – 3 сына и единственная дочь, вторая по старшинству. Её сестра-близнец умерла в младенчестве. У их мамы не хватало молока, чтобы прокормить одновременно двоих. Сестрѐнку носили кормилице – не выжила.

Двойное имя было и у её отца – Нута Натан. По документам она Хая Нутовна, для окружающих – Ханна Натановна.

Бердичев – малая родина Дриккеров – слыл еврейской столицей Украины. До революции из 78 тысяч его жителей 80% были евреями, 18% поляками и лишь 2% – русскими. «Волынский Иерусалим», Касриловка, которую воспел классик еврейской литературы Шолом-Алейхем, – это Бердичев, где он жил в 80-х годах XIX века.

Перед первой мировой войной подавляющее большинство еврейских семейств Бердичева ютилось в жалких лачугах и ветхих домишках. 20% еврейского населения жило за счёт благотворительности [2]. Дриккеры жили относительно благополучно – отец служил приказчиком у богатого владельца лавки. Ханна делала бутерброды с повидлом и раздавала их бедным детям.

Своих воспоминаний о детстве Ханна Натановна не оставила, но рассказывала о нём своим дочкам. Семья жила в большой квартире на втором этаже. Топили углем, и большую гору угля сгружали прямо под окнами. Однажды мама Лия куда-то ушла, оставив двухлетнюю Ханну на попечение 6-летнего Лёвы. Тот не доглядел, и Ханна выпала из окна. Приземление на гору угля, к счастью, обошлось без серьёзных последствий.

Мама Лия зарабатывала стиркой, и её руки постоянно оставались воспалёнными. Уборка квартиры стала обязанностью совсем ещё маленькой Ханны. Вернувшийся с работы отец похвалил её, и она с удвоенным старанием бралась за уборку.

В семье говорили на идиш. Красивую девочку Ханну любили окружающие, и дочери работодателя отца обучили её русскому языку. Они же научили её читать. Едва научившись сама, она стала учить детей бедноты за нищенскую плату. Селѐдку, купленную на свой первый гонорар, принесла в семью.

В начале XX века в Бердичеве было немногим более 18 тысяч грамотных евреев, т.е. всего 44% еврейского населения. Вне школы оставалось 4700 детей или 90% еврейской детворы. У Дриккеров не

было денег на оплату регулярного школьного обучения детей, и Ханна училась заочно. Прогрессивно настроенный учитель словесности Константин Аркадьевич Томилин привил ей любовь к русской литературе. Ханна много читала и запоминала большие тексты Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Горького, что в лихую годину спасло её от больших неприятностей, но об этом – чуть позже.

Безмятежное детство закончилось быстро: Ханне было 10 лет, когда началась Первая мировая война. В 1915-1916 годах в Бердичеве располагался штаб Юго-Западного фронта Русской армии. Затем две революции, Гражданская война, интервенция. Во времена царизма погромы миновали Бердичев, но 5-6 января 1919 года здесь произошёл один из первых еврейских погромов на Украине, находившейся под властью Директории. 17 человек были убиты, 40 – ранены, многие сотни ограблены и избиты [2].

В первый период польско-русской войны 1919-1920 гг. поляки овладели Киевом. Польскими войсками был занят и Бердичев, там находился лагерь пленных красноармейцев. Пленных содержали в ужасных условиях, они голодали. Ханна с группой бундовцев носили им еду, а польские охранники их отгоняли. Один из них прикладом выбил Ханне зубы. Освободив Бердичев и Житомир, войска Будённого вызволили из этого лагеря 5 тысяч пленных [3].

Власть большевиков в Бердичеве окончательно утвердилась в 1922 году.

Трудовая биография Ханны Дриккер началась именно в это смутное время, в 1920 году, когда ей было 16 лет. Она заведовала клубом рабочей молодёжи и преподавала в школе взрослых в Бердичеве. В том же году она уехала в Харьков, чтобы начать самостоятельную жизнь. Какой волей должна была обладать эта маленькая хрупкая девушка, чтобы одна отправиться в дорогу, когда всюду бесчинствовали банды самозванных атаманов?! Рассказывала, что с трудом втиснулась в заполненный товарный вагон, а там парни собрались поиздеваться над красивой жидовочкой. Она встала и начала читать по памяти Горького, Некрасова, Пушкина. Ошарашенные полуграмотные парни слушали её, раскрыв рты, а по приезде вызвались проводить, «чтобы, не дай Бог, к ней никто не пристал».

Из Харькова Ханна отправилась в Москву, где руководила школой ликбеза. Комсомол командировал её на работу в Минск, там она преподавала историю партии в Совпартшколе Минского горкома партии, была членом бюро Минского горкома комсомола. Перевезла в Минск всю свою семью – отца, мать, братьев.

Иосиф и Ханна познакомились в 1921 году на комсомольской конференции на Украине. Иосиф отправился вслед за ней в Минск, работал рабочим на кожевенном заводе. Свою семью они создали в Москве в 1924-м. В 1926-м родился их первенец – Станислав.

Иосиф Брагинский и Ханна Дриккер с друзьями – Эшка (слева) и Абуш Козловский, будущий муж Суламифи Брагинской. Минск, 1922 г.

Мы не знаем, кого из потом репрессированных вырезали из этой групповой фотографии, чтобы уберечься от возможных преследований за связи с «врагами народа».

О ближайших родственниках жены И.С. Брагинский сообщил в своей автобиографии, написанной 29 января 1951 года:

Родители жены: отец Натан Абрамович, родился в Киеве примерно в 1869 г., еврей, служащий, работал на чёрной работе в торговом заведении и в кооперации, под советским судом не был (при царизме был

арестован за участие в стачке), избирательных прав не лишился, был членом Бердичевского Совета, беспартийный, в старой армии служил рядовым, малограмотный, последние годы по старости находился на моём иждивении и проживал со мною, на территории противника не находился, умер в 1944 г. в Москве.

Мать жены Дриккер Лия Аншелевна, родилась в Киеве примерно в 1873 г., еврейка, портниха-надомница, домохозяйка, неграмотная, под судом не состояла, избирательных прав не лишалась, беспартийная, на территории противника не проживала. По старости находится на моём иждивении, проживает со мною.

Брат жены Дриккер Лев Натанович, родился в Бердичеве в 1900 г., еврей, служащий, конторщик-бухгалтер, беспартийный, образование низшее, под судом не был, избирательных прав не лишился, на территории, занятой противником, не был, в армии не служил (по болезни), работает бухгалтером в г. Орск. Жена его Дриккер Ида – портниха, проживает с ним. Ничего компрометирующего нет.

Брат жены Дриккер Фризел Натанович, родился в Бердичеве в 1910 г., еврей, рабочий-сивкар, образование низшее, под судом не был, избирательных прав не лишился, на территории, занятой противником, не был, член ВКП(б), работал механиком и секретарём парторганизации в Минске на швейной фабрике. В Красной Армии служил, участвовал в боях против белофиннов и во время Великой Отечественной войны, командовал ротой, орденноносец, погиб в борьбе за Родину в боях за освобождение Витебска в 1944 г. Его жена (вдова) Дриккер М., белоруска, член ВКП(б), работает в Минске.

Брат жены Дриккер Абрам Натанович, родился в Бердичеве в 1912 г., еврей, рабочий-слесарь, образование низшее, член ВКП(б), работает в Минске на Тракторострое, под судом не был, избирательных прав не лишился, на территории, занятой противником, не был. В Красной Армии служил, участвовал в боях против белофиннов и в освободительном походе в Зап. Белоруссию и Зап. Украину, партвызванный нет. Жена его домохозяйка, ничего компрометирующего нет.

У современного читателя этот текст вызывает недоумение: зачем обо всём этом писать, да ещё в такой форме? Словно предвидя этот

вопрос, Брагинский приложил к черновику автобиографии инструкцию, в соответствии с которой он её писал:

Составляется собственноручно, без помарок и исправлений с освещением вопросов в порядке их очереди.

1. Время и место рождения (по новому административному делению: село, район, область, край). Национальность и гражданство. Социальное происхождение и положение. Время вступления в члены ВКП(б), кандидаты или ВАКСМ, какой организацией принят и номер членского билета или кандидатской карточки. Подвергался ли партизанским, партизанской, какой, когда, за что и какой партизанской. Если да, то когда и какой партизанской. Какую вел партийную и общественную работу. Состоял ли ранее в ВКП(б) или в ВАКСМ — причина выбытия. Образование: общее — перечислить все учебные заведения, где и когда окончил, а если нет, то с какого класса или курса выбыл; военное и политическое образование — указать, когда, где и какое учебное заведение окончил. С какого времени начал работать самостоятельно, сколько времени работал и где до момента вступления в Советскую Армию. Время и место (каким РКВ или ГВК) вступления в Советскую Армию (по мобилизации, призыву или добровольно). Когда, в каких частях или учреждениях, округ, фронт — служил, какие занимал должности. Участвовал ли в гражданской войне или Отечественной войне — с какого и по какое время, в составе какой части и на каком фронте. Имеет ли ранения, контузии (легкое, тяжелое, куда ранен, в районе какого населенного пункта). Награды: когда, чем и кем награжден. Служил ли в других армиях. Был ли в плену, когда и при каких обстоятельствах был освобожден из плена. Был ли в окружении — где, когда. Проживал ли на территории, занятой противником (точно указать, где и чем занимался). Был ли за границей (когда, где и чем занимался). Проживает ли кто из родственников за границей, имеет ли Вы с ними связь и в чем она выражается. Был ли осужден органами Советской власти, когда и за что. Ваше семейное положение. Адрес местожительства и № телефона.

2. Данные о родных: Ваши родители, братья, сестры, жена и родители жены (мужа), а также братья и сестры жены (мужа), писать в отдельности на каждого с обязательным освещением следующих вопросов: Фамилия, имя, отчество. Время и место рождения (по новому административному делению). Национальность. Социальное положение. Чем, где занимался до и после Октябрьской революции. Находился ли под судом или следствием (когда, за что и мера наказания). Лишился ли избирательных прав (за что, когда и где). Служил ли в старой армии или в Советской Армии (где, когда, последний чин, воинское звание). Партийность и стаж. Подвергался ли партизанским. Образование (перечислить все учебные заведения с указанием времени окончания). Проживал ли на территории, оккупированной противником (где, когда, чем занимался и на какие средства существовал). Угонялся ли противником в свою или другие страны. Где работает, чем занимается в настоящее время (если умер или погиб на фронте, то указать, где и в каком году, где работал или служил последнее время). Адрес местожительства или номер войсковой части. Что желаете дополнительно указать о своих родственниках или родственниках жены (мужа).

При подписи указывается должность и дата составления.

Автобиография как автодонос. Если при проверке сведений окажется, что человек что-то упустил, это может быть расценено, как сокрытие компрометирующих данных — со всеми вытекающими из этого последствиями. Такое время было...

Ханна Дриккер, 1925 г.

В комсомоле с 1922 по 1928 г., кандидат в члены партии с 1922 г., член ВКП(б) с 1925 г.

В 1925-1930 гг. Ханна училась на экономическом (колхозном) факультете Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в 1930-1933 гг. – в аспирантуре Всесоюзного научно-исследовательского колхозного института, по окончании которой получила звание старшего научного сотрудника в области экономики и организации колхозов. В те же годы участвовала в колхозном строительстве – в Орехово-Зуевском округе, в Западной Сибири, на Северном Кавказе.

1933 г. Фото из удостоверения об окончании аспирантуры

1927-1933 гг. вошли в историю СССР как «великий перелом» – коллективизация сельского хозяйства. Один из самых трудных и неоднозначных периодов: создание колхозов и совхозов, ликвидация кулачества как класса, репрессии семей кулаков и «подкулачников», продажа зерна за границу как форма получения средств для индустриализации страны, голод начала 30-х годов. Для проведения коллективизации нужны были кадры, и партия направила Ханну Дриккер на учёбу. Верный солдат революции, она исправно выполнила это партийное поручение. За перегибы, приведшие к разрушению многих семей и голоду, спрос, конечно, не с солдат.

В 1933-1936 гг. по командировке ЦК ВКП(б) Х. Дриккер работала в Дангаринском совхозе Таджикистана – старшим агрономом, заведовала учебным комбинатом по подготовке местных кадров трактористов и животноводов. Была парторгом бригады и чле-

ном Дангаринского райкома партии. Вслед за мужем перебралась в Сталинабад: в 1936-1938 гг. – зав. отделом вузов и техникумов Наркомзема Таджикской ССР, в 1938-1939 гг. – освобождённый секретарь парторганизации Наркомзема, в 1939-1940 гг. – зав. отделом пропаганды и агитации Железнодорожного райкома партии Сталинабада. В 1939 г. награждена Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Таджикской ССР «За заслуги в области социалистического строительства». Годы напряжённого труда и... массовых репрессий, едва не сломавших её семью. Дочерей ездила рожать в Москву – Майю в 1936, Лену в 1938 г., возвращаясь с ними в Таджикистан.

С 1940 г. Х.Н. Дриккер в Москве, повышала свою сельскохозяйственную квалификацию в аспирантуре Всесоюзного НИИ удобрений, агротехники и агропочвоведения (ВИУАА) им. Н.К. Гедройца. Война прервала учёбу. Распоряжением ГПУ РККА она была направлена в Воениздат начальником группы по изданию листовок для фронта. В 1944 г. награждена орденом «Знак почёта», в 1945 г – медалью «За победу над Германией».

Невзрачные листочки плохой бумаги, нередко наспех отпечатанные огромными тиражами, они стали действенным оружием в борьбе с оккупантами. Они били не формой, не красочным оформлением, они били словами правды, доходившей до сердца. Они помогли нашему народу выиграть ту кровавую битву.

Вспоминает Ленина Иосифовна Брагинская:

«Мама рассказывала, как в октябре 1941 года она везла на машине листовки в типографию, а в это время объявили воздушную тревогу с требованием прятаться в бомбоубежищах. Шофёр подвёз к ближайшему бомбоубежищу и сказал, что будет спускаться в него. Мама очень боялась бомбёжки, но листовки нужно было срочно доставить в типографию. Она вышла из машины и пошла пешком. Шла недолго – машина её догнала: шофёру стало стыдно».

Глядя на эту маленькую женщину, один из знакомых восклицал:
– И это – директор типографии? Это же гимназистка!

1945 г.

У «гимназистки» тогда уже было трое детей. Вместе с родителями Х.Н. Дриккер их отправили в эвакуацию в Свердловскую область.

Труд практически без отдыха, на износ. И постоянная тревога – за мужа, выезжавшего на фронт, за детей и родителей в эвакуации, куда, недоедая, они отправляли посылки с продовольствием. В тот день, когда пришла ошибочная похоронка на мужа, Ханна Натановна поседела.

В 1945-1953 гг. Х.Н. Дриккер работала в Воениздате редактором военно-политической литературы. 1953 год. Разгул борьбы с «безродными космополитами». В Воениздате трудились два еврея – по тем временам значительный перебор.

– Ханна Натановна, у Вас есть муж, который может содержать семью. Тот, второй – единственный кормилец семьи.

Ханну Натановну вынудили уволиться из Воениздата – после многочисленных благодарностей «за отличные показатели в работе». Её *прикрепили* к Институту истории АН Таджикистана, где она на общественных началах участвовала в работе по изучению истории

колхозного движения. Защитила кандидатскую диссертацию, опубликовала три монографии по этой тематике (1956, 1959, 1973 гг.). В связи с тяжёлой болезнью в 1958 г. ушла на пенсию, но продолжила работать на общественных началах – читала спецкурс по истории коллективизации в Таджикском госуниверситете, участвовала как автор в коллективной монографии Института истории АН Таджикистана об истории коллективизации в Таджикистане. С 1960 г. участвовала в работе сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства Института истории АН СССР. Опять-таки на общественных началах. Награждена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970 г.), «Участнику Великой Отечественной войны» (1975 г.) и другими, получала почётные грамоты и благодарности Черёмушкинского райкома партии за пропагандистскую работу в сети партийного просвещения.

В.Я. Файн с дочерью Светланой, И.С. Брагинский и Х.Н. Дриккер, 1971 г. Фото Л.И. Брагинской

В поздравлении Академии наук Таджикской ССР с 70-летием со дня рождения и 50-летием трудовой деятельности, подписанным членом Президиума Академии наук, академиком С.А. Раджабовым, говорится: «Научная общественность Таджикистана знает и ценит Вас как одного из ветеранов социалистического строительства в республике. Мы знаем Вас как крупного исследователя советской исторической науки. Ваши научные труды, посвящённые колхозному строительству и вопросам некапиталистического пути развития Таджикистана являются ценным вкладом в развитие нашей исторической науки».

Всю свою жизнь Иосиф Самойлович трогательно заботился о своей жене. Идеальный сторонник женского равноправия, он всегда и во всём подчёркивал её равноправное положение. Именно он настоял на том, чтобы их дети носили фамилии матери и отца. Старшего сына при рождении зарегистрировали как Дриккера, Майя получила фамилию Брагинская, Лена – Дриккер, Володя – Брагинский. Родителям казалось, что это подчёркивало их собственное равноправие в семье. Однако выросшим из пелёнок детям это создавало определённые неудобства в жизни, и Дриккеры стали Брагинскими. Аттестат зрелости Лена получила уже как Брагинская, но потом ей пришлось доказывать, что Лена Дриккер, отправленная в эвакуацию во время войны, это она и есть.

Ханна Натановна ушла из жизни 22 февраля 1993 г., 89 лет, на 3.5 года пережив мужа.

Дом на Садово-Кудринской

Дом для военнослужащих, в котором полковник Брагинский получил квартиру, находился на Садово-Кудринской – дом 26, квартира 47. Собственно, факт, что ему выделили квартиру, а не две комнаты в коммуналке, выяснился много позже. Разбираться и «качать права» полковник не стал.

Дом описала старшая дочь Брагинских Майя в книге «Брагинский метеорит» [4]. Это воспоминание относится к концу 1943 года, когда полковник вернул свою семью из эвакуации.

Пионерские пруды – Патриаршие – Патрики... В соседний дом попала бомба, и от него остались подвалы с перегородками, где мы находили фарфоровые черепки и прочие сокровища. ...Мы жили в коммунальной квартире на пятом этаже. Устроена наша квартира была так: вход с лестничной площадки в коридор собственно нашей квартиры и ещё одно ответвление – коридор за отдельной дверью, там была квартира военного толстого дядьки... У нас две длинные комнаты (вдоль стен кровати), и каждая завершается окном. Оба окна выходят на Садово-Кудринскую, которая гудит, скрежещет тормозами, сигналит, «гремит и грохочет», и летает тополиный пух. А ночью только шины шуршат и тени оббегают стены. В первой комнате у родителей большой замечательный стол с зелёным сукном, под ним мы с Леной играли в куклы. А на столе мраморный письменный прибор и в тяжёлом стакане среди всякого скрепчного хлама «отребье человечества» – эсэсовский череп со скрещёнными костями, папин трофей. В детстве всё большое. Два огромных тополя у нас во дворе. Я там была недавно, они и вправду оказались удивительно маленькими.

Звонить нам надо было 3 звонка, открывает бабушка. Прямо напротив двери живут Романовы. Глава семьи, Николай Романов, всё время говорит по телефону о скачках (вся стенка вокруг телефона исписана карандашом, который висит рядом на верёвочке). Общие туалет, ванна с газовой колонкой и кухня с керогазами и примусами, подобное не раз описано. Нет, газовой колонка стала потом, когда керогаз переехал на дачу. Эта ванна была зоной конфликтов. Помню, кричит на меня коротенькая Марь Михаловна, что мы всю стену порошком забрызгали.

– Ну почему мы?– отбиваюсь я, – а может это ваши.

– Наши? Да мы сроду зубов не чистим. Отмывай сейчас же.

В общем купаться там было скучно, и мама по большим праздникам водила нас в Сандуновские бани, в отдельный «номер», мраморный и зеркальный.

...Мы боялись банду «Чёрная кошка». Это был главный источник страхов и ужасных историй про котлеты из детей и проникновения в дом под видом почты. Однажды к нам в дверь постучал почтальон. Мы были одни дома, но мы не поддались панике, мы подтащили к двери буфет, на буфет взвалили матрас и стулья и укрылись за баррикадой

с папиным трофейным кинжалом, громко крича почтальону, чтоб он приходил вечером. А вечером родители убеждали нас, что никакой банды «Чёрная кошка» нет и быть в нашей солнечной стране не может.

А вот как о Брагинском-человеке вспоминает С.А. Тарханова [5]:

Пятый этаж без лифта... Коммуналка... Много ли полковников так жили? Даже в войну? Тем более человек, занимавший такой важный пост?

Я думаю, что причиной всего этого была феноменальная скромность Иосифа Самойловича. Он сам рассказывал мне, что ему несколько раз предлагали приличные отдельные квартиры, но он всякий раз уступал их коллегам или подчинённым, которых очень жалел из-за их бытовой неустроенности. Сделали бы они то же самое для него?

...Мы вошли в брагинские покои. Мне всегда казалось – и тогда, и, особенно, в последующие годы, что у Брагинских была только одна-единственная, пусть большая, комната, и она, наподобие деления клетки, которое мы проходили на уроках биологии в 6-м классе средней школы, периодически делилась, распадаясь на половинки, а затем и на четвертушки. Хозяева, как могли, изолировали и те, и другие. Сколько выдержки и терпения, да и просто – героизма, требовалось, чтобы в таких условиях жить напряжённо работающим людям и любовно воспитывать детей!

В беспрерывно делившейся комнате жили 8 человек...

Не помню уже, в каком году Иосиф Самойлович решил оборудовать себе рабочий кабинет в передней комнате – для научной работы. Весь «кабинет» поместился в... стенном шкафу, – другого места ведь не было.

Страшно было смотреть, как Иосиф Самойлович, подобно какому-нибудь мудрецу-монаху в средневековой келье, восседает в этом шкафу. Впрочем, кельи, само собой, были просторнее. Казалось, в шкафу можно задохнуться.

Но скромность и терпение Иосифа Самойловича были безграничны.

Образ учёного в стенном шкафу навсегда врезался в мою память.

1956-й год. Иосиф Самойлович с энтузиазмом работает в комиссии по реабилитации несправедливо репрессированных в годы сталинизма. Он борется за каждого человека и с упоением рассказывает об этом мне.

Не знаю, какой год, из шестидесятых... Мы с Иосифом Самойловичем в буфете «Литературной газеты». Он едет в Париж на конгресс ориенталистов, и я поспешно покупаю у буфетчицы Лизы огромную банку чёрной икры – хочу отблагодарить основоположницу Новой Волны во французской литературе, писательницу Натали Саррот, щедро приславшую по моей просьбе дорогое спасительное лекарство для больной переводчицы Митиной.

Иосиф Самойлович любезно согласился отвезти писательнице банку. А от неё он привёз роман «Marteau» с несколькими словами привета.

Свой рассказ о Париже он закончил так:

– На кладбище Пер-Лашез я опустился на колени и поцеловал землю... Ведь здесь похоронены коммунары...

У любого другого я сочла бы подобный жест аффектацией. Но Иосиф Самойлович был всегда искренен.

Понадобилось обращение директора Института востоковедения Б. Гафурова к секретарю ЦК КПСС Н.Н. Поспелову в ноябре 1957 г., чтобы решить квартирный вопрос профессора Брагинского. «В жилищном отношении т. Брагинский находится в невыносимых условиях, что особенно усугубляется его возрастом и состоянием здоровья: квартира площадью в 33 кв.м. при шести членах семьи находится на 5 этаже с крутой лестницей без лифта. В настоящее время в связи с резким ухудшением зрения подъём на такую высоту сопряжён с прямой угрозой зрению». Лишь в 1958 году И.С. Брагинский вселился в типовую трёхкомнатную квартиру в новом доме на Кутузовском проспекте, где и прожил до конца своих дней⁹⁶.

И.С. Брагинский и Ю.А. Жданов

Юрий Андреевич Жданов (1919-2006) был одним из самых близких соратников И.С. Брагинского [1, 6]. Особенно сблизила их Великолукская пропагандистская операция. Сын секретаря ЦК ВКП(б)

⁹⁶ В это время в квартире жили И.С. Брагинский, Ханна Натановна, ее мать Лея Аншелевна и дети Майя, Лена и Владимир. Станислав с семьёй уже жил отдельно.

А.А. Жданова и зять И.В. Сталина, Юрий Андреевич был человеком скромным и лояльным, а Иосиф Самойлович не был приучен лебезить перед высокопоставленными лицами, так что их дружба была вполне искренней.

Ю.А. Жданов родился в Твери в семье профессиональных революционеров, школу окончил в 1937 г., учился на химфаке МГУ, на кафедре органической химии, которую досрочно окончил в сентябре 1941 г.

«Для нас, химиков-органиков, – вспоминает Ю.А. Жданов, – это была школа академика Н.Д. Зелинского. К химической теории нас приобщали Александр Николаевич Несмеянов, Александр Петрович Терентьев, Пётр Александрович Ребиндер, Мария Моисеевна Ботвинник. Высшую математику нам читал Виктор Владимирович Немецкий. Под влиянием этих и других учёных формировались я и мои друзья, позже члены Академии наук СССР Олег Александрович Реутов, Николай Константинович Кочетков, Ирина Петровна Белецкая» [7].

Во время войны Ю.А. Жданов служил в Немецком отделе ГПУ РККА под началом полковника Брагинского инструктором, затем пропаган-

Капитан Ю.А. Жданов и полковник И.С. Брагинский.

Великие Луки, январь 1943 г.

Фотография из семейного альбома профессора И.С. Брагинского

дистом-литератором. Как и все офицеры этого отдела, много времени провёл на фронтах – в Ленинграде, Днепропетровске, Харькове, Мелитополе, Никопольском плацдарме, Великих Луках, Прибалтике, Венгрии, Австрии, Югославии. Победу встретил в Вене в звании майора. Награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, боевыми медалями.

В процессе своей пропагандистской деятельности Ю.А. Жданов изучал нацистскую идеологию – читал в подлиннике Гитлера, Розенберга, Гимmlера. Это помогало ему профессионально развенчивать расистские бредни, которыми нацисты забивали головы немцев. В своей борьбе с нацизмом и фашизмом Жданов выступал с позиций учёного-философа, коммуниста. Он писал не только пропагандистские листовки, но и серьёзные научные работы, примером которых может служить статья «Нацизм». Сущность нацизма он видел не только в расизме, но и в злобном антикоммунизме. В качестве одной из причин неизбежного поражения гитлеризма Жданов рассматривал

*Полковник И.С. Брагинский, Х.Н. Дриккер,
майор Ю.А. Жданов и С.А. Тарханова. 1945 г.*

обострение противоречий в гитлеровской армии, в немецком тылу, между армией фашистской Германии и армиями её союзников.

Начальник отдела интеллигентнейший и мудрейший И.С. Брагинский, внушил такую мысль: «Никогда не критикуй чужой национализм. Но старайся сам не быть националистом» [8].

Сам Брагинский, убеждённый интернационалист, позволял себе критиковать лишь сионизм – за еврейский национализм.

После окончания войны Ю.А. Жданов работал в 1945 г. ассистентом в МГУ под руководством академика А.Н. Несмеянова, одновременно учился в аспирантуре Института философии АН СССР под руководством академика Б.М. Кедрова, в 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии «Понятие гомологии в органической химии». В 1947-1953 гг. Ю.А. Жданов был помощником руководителя Отдела международной информации ЦК ВКП(б) Георгия Димитрова, работал в аппарате ЦК КПСС зав. отделом науки. В это время Ю.А. Жданов сыграл значительную роль в строительстве нового комплекса зданий МГУ и в назначении ректором университета академика А.Н. Несмеянова. Вручая в 2003 г. Ю.А. Жданову диплом и медаль «Почётный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова», ректор МГУ академик В.А. Садовничий отметил, что такого звания удостоиваются лишь выдающиеся учёные современности.

После ареста Л.П. Берии в 1953 г. в его сейфе обнаружили списки сотен лиц, которых он планировал объявить вне закона. Среди них под № 1172 оказалась и фамилия Ю.А. Жданова.

В апреле 1949 года Ю.А. Жданов женился на дочери И.В. Сталина Светлане Аллилуевой, от их брака родилась дочь Екатерина. Этот брак длился до осени 1952 года [9].

После смерти Сталина, в 1953 г., Ю.А. Жданова отправили в «дивную ростовскую депортацию» (как написал он в своей книге «Взгляд в прошлое» [10]), ставшей благом не только для него самого, но и для Ростова-на-Дону, где он занял должность зав. отделом науки и культуры обкома партии. И, главное, сразу же пришёл на кафедру органической химии Ростовского университета ассистентом.

Моё знакомство с Юрием Андреевичем относится именно к этому периоду.

Я учился на химфаке РГУ в 1950-1955 гг. и был одним из самых общественно активных студентов: редактировал факультетскую стенгазету, которая два года выходила ежедневно(!), был заместителем секретаря комсомольского бюро химфака (секретарём был будущий аспирант Жданова Геннадий Дорофеенко, позже выдвинутый на пост директора созданного Ждановым Института физической органической химии), вёл научно-исследовательскую работу, выступал на конференциях и при этом умудрялся ещё и отлично учиться. Конечно, Ю.А. Жданов не мог не заметить такого студента. На 4-м курсе он читал нам курс теории строения органических соединений. Я сдавал ему экзамен и получил пятёрку. Экзаменатором он был в меру строгим, справедливым и каким-то лёгким – перед ним не дрожали. Эти лекции посещали не только студенты других курсов, но и преподаватели, до такой степени это было интересно, а его публичные лекции о науке и культуре собирали битком набитые залы.

В нашей студенческой группе на кафедре органической химии были только два парня – я и Олег Шелепин, с которым я учился ещё в школе в параллельных классах. Остальные – девушки. Мне советовали выбрать Жданова руководителем своей дипломной работы. Однако я давно уже вёл исследовательскую работу под руководством ассистента Николая Захаровича Руденко и посчитал неэтичным менять руководителя. Дипломантом, а потом и аспирантом Жданова стал Олег Шелепин. Но это не помешало мне поддерживать тесные контакты с Юрием Андреевичем. После окончания университета я уехал на работу сначала в Гуково (тогда Каменской области), затем в Рубежное Луганской области. Приезжая в Ростов к родителям, я обязательно приходил к ректору РГУ Ю.А. Жданову пообщаться. Он тепло меня принимал, расспрашивал о моих делах. Тогда я ещё не знал, что Юрий Андреевич служил во время войны вместе с моей двоюродной сестрой Софьей Тархановой, а он не знал, что я – её брат.

Он был отличным пианистом, писал стихи, прозаические эссе, неплохо пел. Любовь к классической музыке он унаследовал от бабушки – матери отца Екатерины Павловны Горской – дочери профессора

еврейского языка и библейской археологии, прекрасной пианистки [11]. О нём говорили: «учёный с душой поэта».

С коллективом университета 9 мая, конец 60-х годов [10].

В 1957 г. Ю.А. Жданов защитил вторую кандидатскую диссертацию – по органической химии, а в 1960 г. – докторскую. Синтезируя науки, он выступал как философ, химик, историк, популяризатор и организатор науки. В 1957-1988 гг. был ректором Ростовского университета, а с 1970 г. – Председателем Совета Северокавказского научного центра высшей школы, им организованного. Член-корр. Академии наук СССР, потом РФ, действительный член Российской Академии естественных наук, Российской экологической академии, Инженерной академии, Международной академии наук высшей школы, главный редактор журнала «Известия Северокавказского научного центра высшей школы». Заслуженный профессор Ростовского, Ставропольского и Калмыцкого государственных университетов. Почётный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Таганрогского государственного радиотехнического и Южного Федерального университетов. Почётный доктор Силезского университета (Польша).

За послевоенный труд Ю.А. Жданов награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов, «Знак Почёта», медалями Г.К. Жукова, им. Н.К. Крупской и др. Лауреат Государственной премии

СССР в области науки за работу «Создание математической имитационной модели экосистемы Азовского моря» (1983).

Ю.А. Жданов пользуется огромным уважением не только в Ростове-на-Дону, но и на всём Северном Кавказе. Почётный гражданин г. Ростова-на-Дону, награждённый орденом имени М.А. Шолохова. 18 сентября 2010 года в Ростове-на-Дону состоялась торжественная церемония закладки именной «Звезды» Юрию Андреевичу Жданову. Зональная научная библиотека ЮФУ носит имя Ю.А. Жданова, перед входом в библиотеку установлен его бюст. На зданиях, где работал и жил Жданов, а также на здании библиотеки – установлены мемориальные доски.

Вот какими словами характеризовали Ю.А. Жданова на открытии его памятника у научной библиотеки ЮФУ [12]:

«Самым важным событием XX века для Ростова был приезд Жданова. Когда он стал ректором, университет, бывший провинциальным незаметным вузом, поднялся на невероятную высоту. И всё, что сейчас имеет ЮФУ, во многом является отголосками тех благих дел, что свершались рукой этого великого человека» (А.В. Белоконь, сменивший Ю.А. Жданова на посту ректора).

«Здесь неподалеку, на Университетском проспекте стоит памятник А.В. Суворову. Современники говорили о нём: у Суворова было много врагов, но соперников у него не было. Не знаю, были ли враги у Жданова,

недоброжелателей было немало, но соперников Юрий Андреевич совершенно точно не имел» (ректор ЮФУ В.Г. Захаревич).

«Сегодня мы открываем памятник человеку планетарного уровня. Это событие важно и скромно, как и Жданов, могучий мыслитель и простой интеллигент» (депутат законодательного собрания В.И. Бессонов).

«Нет большего счастья, чем стать достойным учеником великого человека. Он – любимец столь любимого им Кавказа, потому что наука и образование этого региона – абсолютная заслуга Жданова (ректор Адыгейского государственного университета Р.Д. Хунагов, ученик Жданова).

«Не каждому встречается на жизненном пути такой Человек с большой буквы» (А.М. Шолохов, директор государственного музея-заповедника им. М.А. Шолохова).

А это – строки из статьи «Человек–эпоха», опубликованной в электронной версии главной ростовской газеты «Молот» в 2004 году [8]:

«Что было бы, если бы в Ростов не был он «сослан» тогда в 50-е годы? ... Куда беднее оказалась бы тогда сегодняшняя ростовская наука. Ведь она вся (вся!) в той или иной мере, так или иначе, произрастает от Жданова. В этой связи ростовская академическая интеллигенция может сказать: «Все мы дети Жданова».

Или такие строки:

«Он был не просто известным учёным-химиком, философом, организатором науки, неформальным лидером научного общества в регионе, а яркой, харизматической, системообразующей личностью, настоящим Донским Просветителем» [9].

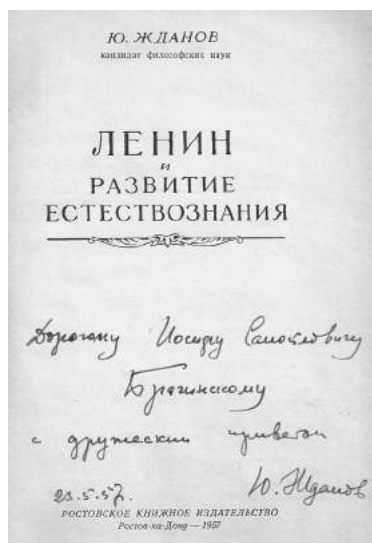
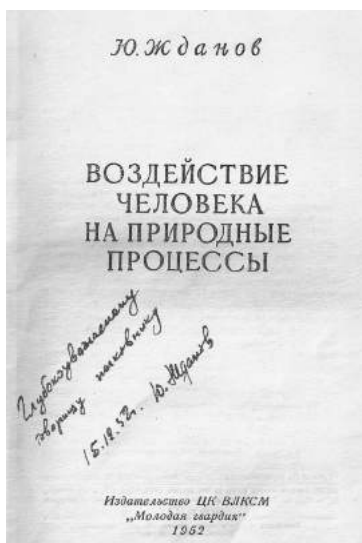
Человек, всесторонне одорённый, Юрий Андреевич писал стихи.

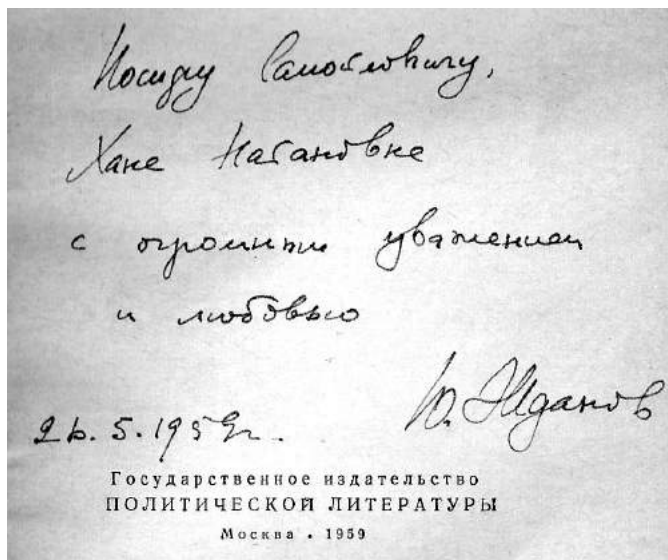
Отдай себя духу,
Сожги себя делом,
Дари себя другу –

Душою и телом.
Смелее подаришь –
Щедрее получишь.
Лишь так ты воспрянешь,
Лишь так ты пребудешь.
Раздай всё, что знаешь,
Умеешь и смеешь.
В другом уцелеешь.

Это стихотворение опубликовано в поэтическом сборнике преподавателей и сотрудников РГУ «Спектр» [13]. Оно в равной мере относится к ним обоим – и к Юрию Жданову, и к его старшему фронтовому другу Иосифу Брагинскому. По существу, они были не только людьми с родственными душами, они были дважды коллегами – и в военной, и в мирной деятельности: оба деятели культуры, пропагандисты, коммунисты. Общась, они не только вспоминали пережитое в лихую годину, но и «сверяли часы» – обсуждали работы друг друга.

В огромной библиотеке профессора Брагинского хранятся книги Ю.А. Жданова с его дарственными надписями. С каждым годом эти надписи становились всё теплее и сердечнее.

Иосиф Самойлович читал труды Ю.А. Жданова, они обсуждали их при встречах. А Юрий Андреевич следил за научными и педагогическими успехами профессора Брагинского. Жданов делился с Брагинским своими новостями, а по ряду вопросов видел в нём своего советчика и рецензента (см. письма Ю.А. Жданова И.С. Брагинскому в приложении).

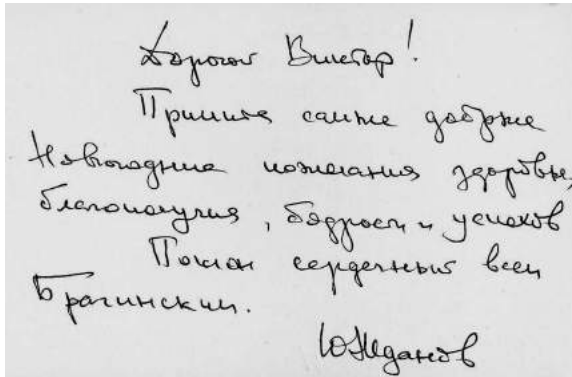
Довольно часто бывая в Москве, Жданов неизменно встречался с Брагинским. В 1979 году И.С. Брагинский ездил в Ростов на 60-летний юбилей Ю.А. Жданова. Их дружба продолжалась до 1989 года, когда ушёл из жизни Иосиф Самойлович.

Телеграмма из Ростова 27.07.1989. Дриккер Ханне Натановне:

«Глубоко скорблю связи кончиной Иосифа Самойловича тчк Всегда буду чтить в нём учёного зпт солдата революции зпт воина зпт учителя тчк Шлю соболезнование всей семье тчк Ваш Юрий Жданов».

После кончины Иосифа Самойловича мы с Ю.А. Ждановым поддерживали периодическую связь: во мне он видел не только зятя Брагинского, но и своего ученика – интересовался судьбой семьи

Брагинских и моими успехами. Я дарил ему свои монографии, мы обменивались поздравлениями.

Софья Тарханова и Владимир Шейнцвит

Полковник Брагинский обладал счастливой способностью привлекать к себе хороших людей и выстраивать с ними добрые, доверительные отношения. Расскажу о двоих из них, из числа более молодых его друзей.

Софья Тарханова

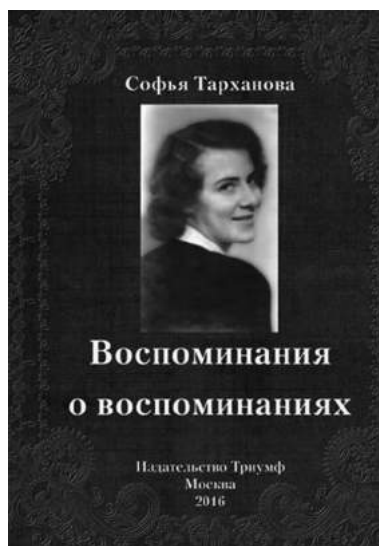
У Софьи Аркадьевны Тархановой (1923–2013) было необычное детство, которое своей необычностью предопределило всю её судьбу.

Родилась 19 июня 1923 года в Таганроге в семье директора Кожевенной фабрики Аркадия Семёновича Тарханова (1894-1946) и Лидии Гутман, дочери известного в Таганроге врача М.Е. Гутмана, участника Русско-японской войны, погибшего в 1920 году на своём посту главврача противотифозного госпиталя во время эпидемии тифа.

Вся жизнь её отца была подвигом: в юности – руководитель марксистских кружков в рабочей среде, командир в Первой Конной армии Будённого, наживший туберкулёз в Гражданской войне, в 26 лет директор предприятия в Таганроге, затем торгпред СССР в Берлине, Париже и Осло, где он решал задачу обеспечения индустриализации страны передовыми западными технологиями и оборудованием, работа на износ до последнего своего дня – до гибели от туберкулёза в 52 года.

Учёбу С. Тарханова начинала в лицее Пастера в Париже. В Москве училась в Немецкой школе имени Карла Либкнехта, разгромленной в январе 1938-го как «шпионское гнездо». Многие ученики этой школы, включая близкую подругу Сони, их родители, учителя были репрессированы. В числе её школьных подруг – дочь немецкого поэта-коммуниста Эриха Вайнерга, сестра будущей популярной актрисы Ольги Аросевой («пани Моники» в Кабачке «13 стульев»), Татьяна Ступникова – разведчица, участвовавшая в операции по захвату генерала Власова, переводчик при штабе маршала Жукова, синхронный переводчик на Нюрнбергском процессе, Эльза Боровая – дочь советского разведчика, ставшего прототипом Штирлица. Школу окончила в Москве в июне 1941-го. Успела отнести документы для поступления в ИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории). Учиться, однако, не пришлось.

В отдел Брагинского Софью Тарханову привёл Д.З. Мануильский, знакомый с её отцом: Немецкий отдел очень нуждался в грамотных людях, в совершенстве знающих немецкий язык. О своей жизни фронтовой переводчик, позднее известный переводчик западноевропейской прозы рассказала в своих воспоминаниях [5], немало страниц которых посвящены Брагинскому.

Женщина на войне... Широко известно о врачах, санитарках, лётчицах, партизанках, разведчицах, снайперах, артистках. О буднях переводчиц знают куда меньше. Софья Тарханова сумела рассказать о них щемяще ярко, самоиронично, правдиво, не приукрашивая негативные и даже жестокие стороны войны, без ура-патриотических сцен.

«Я более полугода проработала в VII отделе Политуправления Красной Армии, который ведал пропагандой «среди войск и населения противника». Моя должность носила архаически-торжественное название «архивариус».

Я должна была обрабатывать трофейные документы, которые приносили в мою обитую железом комнату в огромных мешках (их свозили сюда со всех фронтов). Наиболее важные из этих документов надо было переводить. Я должна была также регулярно составлять обзоры писем немецких солдат для анализа настроений в гитлеровских частях. Эти письма (речь идёт о неотправленных письмах самих солдат, а также о хранившихся у них письмах их родных и невест), как правило, вместе с другими личными документами, отбирались у пленных. Кроме того, специальные трофейные команды в советских войсках подбирали бумаги убитых и раненных солдат прямо на поле боя.

Поначалу мне было стыдно читать чужие письма. Но потом я привыкла: рутина.

Как-то раз в мой железный архив зашёл полковник Брагинский и попросил выдать ему одну из хранившихся у меня папок с документами. Я этого сделать не смогла: один из подполковников взял её у меня накануне и не вернул. Иосиф Самойлович (впрочем, никто там тогда не называл его по имени и отчеству) очень рассердился и даже накричал на меня, хотя, видит Бог, я ни в чём не была виновата. Накричал он не очень страшно, но я всё равно очень огорчилась, потому что уважала «накричателя».

Через 10 минут полковник Брагинский вернулся. Я молча протянула ему папку, которую тем временем успела вызволить. Папку полковник взял. Но дело было не в этом: он пришёл извиниться. Извиниться перед 19-летней девчонкой без всяких регалий... Не всякий сделал бы это.

С этого дня мы с ним подружились».

«В конце 1942 года я подала... начальству заявление с просьбой послать меня на фронт. Эта первая попытка успеха не имела: мне отказали – «сиди, мол, в своём архиве и не рыпайся». Но я не унималась, и вскоре мне стал деятельно помогать в оформлении моей фронтовой судьбы полковник Брагинский».

Не просто «стал помогать», а организовал её перевод в подразделение 7-го отдела Калининского фронта.

«Полковник Брагинский... проявил обо мне поистине отеческую заботу, пристроив меня... к двум молодым людям, тоже следовавшим в ту же самую часть».

На этом отеческая забота полковника не закончилась. Когда Тарханова серьёзно заболела, он вызвал её с фронта и определил в госпиталь. И в последующем следил за её фронтовой судьбой, а по возвращении с фронта сделал её другом своей семьи. К автору этих строк такая дружба имела самое прямое отношение: именно Тарханова привела меня к Брагинскому на день его рождения, где состоялось моё знакомство с моей будущей женой Леной Брагинской.

Навечно рядом с Зоей Космодемьянской

Те, кто приходят на могилу Зои Космодемьянской, обращают внимание на скромный памятник капитану Владимиру Шейнцвиту, стоящий рядом.

Они были ровесниками – Зоя Космодемьянская, Владимир Шейнцвит и Софья Тарханова – все трое родились в 1923 году.

С Владимиром Шейнцвитом полковника Брагинского свела Великолукская пропагандистская операция. Инструктор-литератор 7-го отделения политотдела 4-й Ударной армии Шейнцвит стал его ближайшим сподвижником. Одетые в немецкую форму члены бригады Брагинского выходили в расположение немцев и вели пропаганду, убеждая их сдаваться в плен. Одновременно велось вещание

через Мощные говорящие установки, сбрасывались листовки. 20 января 1943 года командующий войсками 4-й Ударной армии генерал Галицкий от имени Президиума Верховного Совета СССР награждает старшего лейтенанта Шейнцвита Владимира Григорьевича орденом Красной Звезды – за образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом доблесть и мужество.

После окончания операции Шейнцвит был вызван в Москву, где он делился своим опытом пропаганды. Он и оказался офицером, возвращавшимся на Калининский фронт, к которому полковник «пристроил» Тарханову. Так судьба свела Софью Тарханову и Владимира Шейнцвита.

Владимир Шляхтерман, историк, член Союза журналистов, 13 лет проработавший в «МК» и прошедший путь от литработника до ответственного секретаря, заинтересовался, кто такой Шейнцвит. За исследование удивительной жизни бывшего юнкора «МК» Шейнцвита, подробно изложенного в журнале «Лехаим» [14], он удостоен престижной премии имени Артёма Боровика.

*Памятники Владимиру Шейнцвиту и Зое Космодемьянской
на Новодевичьем кладбище
Автор фото: Наталья Муцинкина («МК»)*

8 сентября 2010 г. в «МК» было опубликовано интервью Шляхтермана Ольге Рахимджановой [15].

Вот что Шляхтерман установил о Шейнцвите. Родился в семье сотрудников полпредства и торгпредства в Берлине, где прожил 13 лет. Отсюда его идеальное знание немецкого языка с безупречным берлинским произношением. В школе изучал ещё и французский язык. Став пионером, Шейнцвит имел в школе бесконечные конфликты с отпрысками нацистов, из-за чего семья в 1937 г. уехала из Германии. Студент биофака и замсекретаря комитета ВЛКСМ МГУ (1940 г.). Дружил со многими детьми немецких политэмигрантов. В начале ноября 1941 года добровольно ушёл в армию. Служил в политотделе 4-й Ударной армии. Пропагандист 7-го отделения, занимавшегося разложением войск противника. С помощью листовок, писем, наглядной агитации, мощных громкоговорителей. За год провёл более 2000 пропагандистских звукопередач, многие из которых шли 1,5 часа с расстояния 30-40 м от немецких траншей. Из-за обстрелов позицию приходилось менять. В 1943 году Володя переходил линию фронта и уже на нашей стороне заночевал в деревушке, где подхватил тиф. Его отправили в московский госпиталь, но врачи не смогли ничего сделать. Он умер 21 октября того же года.

В своём материале Шляхтерман указывает на белые пятна в истории Владимира Шейнцвита:

«Его могила находится на Новодевичьем кладбище рядом с надгробным памятником Зои Космодемьянской. Здесь никогда не хоронили простых людей. За какие заслуги здесь находится Шейнцвит – рядовой диктор, капитан?». Ещё одна загадка: форма немецкого офицера, в которой Шейнцвит ходил за линию фронта. «Основываясь на этом, можно сделать некоторые предположения. Быть может, в 1943 году Володя поступил в распоряжение разведки».

«В его учётной карточке в графе “состав и адрес семьи” сказано: жена – София Тарханова. Софья Аркадьевна наверняка могла бы многое рассказать о Шейнцвите. У “МК” миллионы читателей. Есть надежда, что ещё живы те, кто знал Володю Шейнцвита, воевал с ним, и возможно, они как-то откликнутся на публикацию. Это было бы здорово».

Увы, ни Тарханова, ни я не были в числе миллионов читателей «МК». На заметку о Шейнцвите я откликнулся лишь спустя 5 лет, когда Софьи уже не было в живых, но к тому времени в «МК» уже потеряли интерес к этой теме. Лишь два года спустя со мной связался журналист «МК» Александр Добровольский, решивший в связи со 100-летним юбилеем «МК» написать о бывшем юнкоре «МК» Шейнцвите. Я предоставил ему множество материалов, включая выписки из книги Тархановой и рассказ о Великолукской операции. Статью А. Добровольского под заголовком «Штирлиц из МК», где материал подан, как интервью со мной, я забраковал: как бы от моего имени получился эдакий герой-одиночка «Штирлиц-младший». Поскольку удалить Штирлица Добровольский отказался, я снял из его статьи упоминание моего имени. В публикации Добровольского в «МК» за 10 марта 2017 г. «Оберлейтенант вермахта из МК. Корреспондент нашей газеты во время войны действовал во вражеском тылу под видом немецкого офицера» под рубрикой «Тайны XX века», а также в электронном варианте газеты – с броским заголовком «Супергерой маскировался под офицера вермахта» Владимир Шейнцвит представлен как супергерой (?), хотя и не одиночка, но «Штирлиц-младший» остался.

Владимир Шейнцвит – не «рядовой диктор» и не супергерой «Штирлиц-младший». Это один из лучших пропагандистов 7-го Отдела Главного политического управления Красной Армии. Он не зря похоронен рядом с Зоей – они фигуры равнозначные. Зоя погибла героической смертью и заслуженно стала символом стойкости нашего народа. А Володя был примером профессионализма и беззаветной храбрости при исполнении своего воинского долга. Шейнцвит не был разведчиком в обыденном понимании этого слова. Он был пропагандистом, интересующимся данными о моральном состоянии противостоящего противника, чтобы его пропаганда носила конкретный, адресный характер. Надевая мундир немецкого офицера с Железным крестом, он вёл с немецкими солдатами дружеские беседы: как дела, как настроение, что из дома пишут? Солдаты, не избалованные вниманием своих чопорных командиров, раскрывались перед молодым дружелюбным офицером, явно не из робкого десятка.

Какой делопроизводитель поторопился объявить их мужем и женой? Создать семью они не успели. Они любили друг друга, и мы об этом знали. Знал отец Володи, он встречался с Соней после гибели Володи. Знал и полковник Брагинский, который вызвал Тарханову с фронта на похороны.

Их отцы одновременно работали в советском торгпредстве в Берлине (1926-1928), но их дети тогда не были знакомы. Недолго в 1937 году они вместе учились в репрессированной Немецкой школе имени Карла Либкнехта в Москве, но в разных классах. Познакомились только в феврале 1943 года по дороге на фронт.

Свои свидетельства о Шейнцвите Тарханова успела оставить – в своих воспоминаниях, включённых в книгу [5].

Мл. лейтенант С. Тарханова. 1943 г.

«Старший лейтенант Володя Шейнцвит, мой ровесник (нам обоим было по 19 лет), в котором я узнала мальчика из той же московской Немецкой школы, где и мне довелось учиться, сопровождал к Дребеднёву бывшего немецкого солдата, перебежчика Ханса Циппеля. Тот только что окончил Антифашистскую школу, учреждённую 7-м отделом под Москвой. Этот

новоиспечённый антифашист должен был стать на Калининском фронте уполномоченным Национального Комитета «Свободная Германия».

В Административно-хозяйственном отделе Главного политического управления на Гоголевском бульваре не нашлось для меня женского обмундирования. Мне выдали мужской ватник, мужские ватные штаны, мужское нижнее бельё – кальсоны и нательную рубашку, кирзовые сапоги 43-го размера и две пары портянок. Да ещё тёплую шапку-ушанку.

Моих спутников мой наряд не смутил. Они вообще встретили меня хорошо, и на протяжении всего нашего пути – а мы добирались к Дребеднёву сначала поездом, потом на попутках, а кое-где и пешком – мы втроём всё время смеялись, шутили и даже поддразнивали друг друга. Словно мы ехали не погибать за Свободу, а нежиться на берегу Чёрного моря».

«Володя легко уговорил дребеднёвский отдел кадров направить меня переводчиком в 7-е отделение 4-й Ударной армии, где он и сам служил. Хоть вначале для меня было намечено назначение в 43-ю армию, на смену раненной переводчице Гене Коссой». «Меня представили Дребеднёву, и генерал милостиво отпустил меня в 4-ю Ударную армию. Я была этим назначением довольна: как-никак мы с Володей уже подружились в пути. Кроме того, мне импонировали его восторженные рассказы о начальнике тамошнего 7-го отделения подполковнике Немчинове: в этих рассказах подполковник вырастал почти в некую легендарную фигуру».

«В самом большом доме жили: начальник отделения Немчинов (отдельный «кабинет»), старший инструктор Егоров, инструктор отделения Ратушняк, инструктор-литератор Шейнцвит и – в отдельном углу в общей комнате переводчик Тарханова.

В большой комнате стояли рабочие столы, на них – пишущие машинки – русская и немецкая – и папки с протоколами допросов военнопленных.

Душой отделения был инструктор-литератор Володя Шейнцвит. Он писал листовки, составлял агитационные радиопередачи и сам часто выезжал на вещание на нашем Кентавре – Мощной говорящей установке».

«Володя владел немецким языком, как родным: до поступления в Немецкую школу он несколько лет учился в хорошей гимназии в

Швейцарии, где юристом работал его отец. И листовки, и тексты передач «на противника» Володя писал сразу по-немецки. Это несколько сужало объём моей работы: на немецкий надо было переводить лишь листовки Немчинова, а на русский – все материалы Володи – для начальства.

«Иногда к нам приезжали гости. Чем-то привлекало их наше отделение – может быть, необычностью работы. ...Приезжал молодой человек, кудрявый симпатичный блондин... из СМЕРШа.

СМЕРТЬ ШПИОНАМ – так назывался армейский КГБ, особый отдел, искавший врагов в рядах собственного войска.

...Но симпатичный блондин считался приятелем Володи и вроде бы приезжал к нему по дружбе. Он проникся уважением к нему в дни Великолукской операции. Боевой темперамент Володи, его изобретательность в работе и смелость поразили его.

– Отчаянный ты парень! – сказал тогда смершовец Володе».

«Немчинов ...почти всегда брал с собой Володю. Восторженное отношение к нему юноши, конечно же, трогало нашего командира, и он ему полностью доверял».

«...У нас забирали Немчинова. Он должен был вскоре лететь в Москву – «на повышение». Все коллеги приуныли. Особенно горевал Володя Шейнцвит, хотя в отзыве Немчинова на повышение была и доля его «вины»: попав в Москву после Великолукской операции, он на всех совещаниях в 7-ом отделе, да и в частных беседах с тамошними начальниками, восторженно рассказывал всем о подвигах и достоинствах Валентина Иосифовича.

Было и другое огорчение: серьёзно заболел сам Володя Шейнцвит.

У него всё время держалась субфебрильная температура, и он слабел с каждым днём. Доктор Гутшейн неофициально, кажется, первым диагностировал заболевание – он назвал его «туберкулёзом желез».

Мы старались кормить Володю получше. Сам Гутшейн принёс ему рыбий жир – по тем временам необыкновенно дефицитное средство. Подружки нашего Дон-Жуана – Саши Третьякова собирали где-то для Володи ягоды, и яблоки тоже приносили ему все, кто мог. Но Володя не поправлялся.

Вызванный к нему военврач подтвердил неофициальный диагноз Гутшейна и предложил госпитализацию. Володя отказался.

Немчинов немедленно сообщил о случившемся полковнику Брагинскому. Он знал, что тот высоко оценил энергию, изобретательность и смелость Володи во время Великолукской операции.

Не знаю, как ему это удалось, но Брагинский выхлопотал для него путёвку в подмосковный санаторий «Архангельское», где отдыхал и лечился высший комсостав. С большим трудом подготовили отъезд, и Саша Третьяков отвёз Володю на лётную базу, откуда он вылетел в Москву».

«22-е октября 1943 года. Я печатала очередную листовку, когда вдруг из своей комнаты вышел Маркушевич:

– Соня, звонил Брагинский. Он вызывает Вас в Москву. Умер Володя... Самолет ПО-2. Москва. Похороны. Ужас...

Оказывается, только что завершилась дерзкая операция, задуманная и осуществлённая полковником Брагинским. Он возглавил отряд офицеров, для которых немецкий язык был родным, с целью совершить рейд в тыл противника. Переодетые в немецкую форму члены этого отряда, среди которых были и вчерашние военнопленные, выпускники Антифашистской школы, – старались в прямом общении с солдатами противника раскрыть им глаза на преступный характер гитлеровской войны и её безнадёжность, побудить их к переходу на сторону советских войск.

Брагинский, хоть и хорошо знал немецкий, всё же не был, как принято говорить, «носителем» этого языка. Зато он был командиром отряда и по всем показателям рисковал больше всех. Если бы он попал в руки немцев, его мгновенно распознали бы, как комиссара, да ещё еврея, и...

К счастью, он вернулся...

Непонятно, как Володя, отдыхая и лечась в своём «Архангельском», узнал о готовящемся походе. Но, узнав, немедленно приехал в Москву, в 7-й отдел, и потребовал, чтобы его включили в отряд.

Брагинский отказал ему:

– Об этом не может быть и речи! – строго сказал он. – Возвращайтесь в санаторий и долечивайтесь!

Обиженный отказом, Володя бросился к генералу Бурцеву, начальнику отдела, и, скрыв от него решение Брагинского, настойчиво повторил свою просьбу.

– Что ж, поезжайте! – сказал генерал и приказал Брагинскому зачислить его в свой отряд.

Иосиф Самойлович вынужден был уступить...

Кажется, сложная и дерзкая операция прошла успешно, хотя об отдалённых её последствиях, конечно, судить трудно. Не все вернулись домой – были потери. О самом ходе операции я знаю очень мало: потрясённая смертью Володи, я тогда даже не расспрашивала о ней Иосифа Самойловича. И он не обиделся на меня, хотя, казалось, мог бы ожидать с моей стороны большего интереса.

С огромным трудом удалось ему вывести вконец ослабшего и больного Володю из тыла врага. На «нашей» стороне его сразу же отвезли в армейскую больницу. Врачи поставили диагноз: сыпняк. Лечили его интенсивно, подстёгиваемые к тому же требовательным вниманием 7-го отдела.

Но ослабевший организм не справился с болезнью.

22 октября 1943 года Володя умер. Ему было всего 20 лет...

Его похоронили на Новодевичьем кладбище, недалеко от могилы Зои Космодемьянской. И поставили памятник: Володя, с ружьём в руках (хоть его истинным оружием было не ружьё, а авторучка), стоит, как часовой.

Владимир Шейнцвит. Фото на могиле

Там и стоит он до сих пор и не стареет.

Иосиф Самойлович остро переживал смерть Володи. Мне кажется, он мучился тем, что не уберёт его.

Спустя год у полковника родился сын. Он назвал его Володей.

В одной из рукописей Брагинского 1943 года есть такие строки: «На моём рабочем столе всегда перед моими глазами фотография нашего незабвенного мальчика-воина, нашего Володи».

И.С. Брагинский *Встречи с Георгием Димитровым*⁹⁷

В июле 1943 г. были созданы Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) и связанный с ним по антифашистской направленности «Союз немецких офицеров». Будучи полковником Советской Армии, я работал тогда в одном из управлений Главного политического управления Красной Армии (под началом генерал-майора М.И. Бурцева) и был начальником отдела, занимавшегося пропагандой среди немецких солдат и офицеров.

В качестве заместителя генерал-майора Бурцева по вопросам НКСГ, я осуществлял регулярную связь между советскими военно-политическими органами и НКСГ и поэтому участвовал в заседаниях НКСГ. До октября 1943 г. руководящие указания получал от Д.З. Мануильского. После его отъезда на постоянную работу на Украину⁹⁸ я несколько раз в течение конца 1944 и первой половины 1945 г. был на приёме в ЦК КПСС у Г. Димитрова⁹⁹, который давал указания по вопросам, связан-

⁹⁷ Эту статью профессор И.С. Брагинский написал по просьбе болгарских товарищей 17 июня 1974 г. Она была опубликована на болгарском языке под названием «Незабываемые встречи: 25 годовщина смерти Георгия Димитрова» [16]. На русском языке она не публиковалась, и отечественному читателю неизвестна.

⁹⁸ В 1942–1944 гг. Д.З. Мануильский работал в ЦК ВКП(б) и в Главном политическом управлении РККА, а с июля 1944 года – заместителем председателя СНК УССР и народным комиссаром иностранных дел УССР.

⁹⁹ После роспуска 15 мая 1943 г. Коминтерна Димитров в июне 1943 года был назначен заведующим отделом международной политики ЦК ВКП(б).

ным с работой НКСГ и, в частности, его газеты «Фрайес Дойчланд». Когда я рассказывал Г. Димитрову о работе НКСГ, со мной обычно бывал и директор «Института № 99» тов. Козлов¹⁰⁰, который ведал хозяйственно-техническим обеспечением Института, а тем самым и работы НКСГ.

Удостоверение «Научно-исследовательского института № 99»

Мне запомнились восемь встреч¹⁰¹.

Первая беседа с Г. Димитровым состоялась 14 октября 1944 г.

К тому времени выяснилось, что в «Союз немецких офицеров» вступили некоторые лица (в том числе один генерал, фамилию кото-

¹⁰⁰ «Научно-исследовательский институт № 99» – так в целях конспирации именовалась комиссия Исполкома Коминтерна, а после его роспуска – ЦК ВКП(б) по работе с военнопленными. Его начальник Михаил Козлов одновременно числился «управляющим делами» комитета «Свободная Германия». НИИ-99 административно подчинялся НКВД, а в хозяйственном отношении обслуживался Особым аппаратом Управления делами ЦК ВКП(б). Методическое руководство осуществлялось Международным отделом ЦК ВКП(б), возглавляемым Димитровым [17].

¹⁰¹ И.С. Брагинский вспоминает здесь о 8 встречах с Г.М. Димитровым, но этих встреч было больше. Так, генерал М.И. Бурцев рассказывает: «Приняв решение оказывать помощь политуправлению Красной Армии, Исполком Коминтерна уже не оставлял нас своим вниманием. В июле 1941 года у Г.М. Димитрова состоялось совещание, на котором присутствовали Д.З. Мануильский, П. Тольятти, В. Пик, В. Ульбрихт, А. Паукер, Я. Шверма и другие видные деятели братских компартий, а из нашего отдела кроме меня были приглашены И.С. Брагинский и начальник информационного отделения К.Л. Селезнёв. На встречу к нам шёл удивительно привлекательный человек с трубкой в руке. Запомнились большой, широкий лоб под густыми, слегка вьющимися чёрными волосами, мягкий, тихий голос, едва он произнёс слова приветствия, и добрая улыбка. Мы получили от Г.М. Димитрова... много ценных советов; был установлен повседневный контакт нашего рабочего аппарата с редакционными коллективами, созданными в ИККИ для ведения пропаганды на страны фашистской коалиции» [18].

рого я не помню, но по материалам НКСГ она может быть установлена), желавшие использовать предоставленные им возможности для побега из плена в какую-либо нейтральную страну. Это вызвало большое возбуждение в Союзе, в том числе у её председателя генерала В. фон Зайдлица, который просил уточнить, какими правами может пользоваться Союз офицеров и НКСГ после свержения власти Гитлера в Германии.

Г. Димитров в беседе разъяснил и просил сделать его высказывания достоянием активистов НКСГ, какова роль НКСГ в создании новой власти в Германии после ликвидации фашистского режима. «НКСГ – это не орган власти, – говорил он, – а прообраз той массовой антифашистской общественной организации, которая в освобожденной от фашизма Германии создаст широкую опору новой власти. Членов, особенно активных деятелей НКСГ из числа военнопленных, – продолжал Г. Димитров, – нужно воспитывать не в духе размышлений о «министерских портфелях» и государственных должностях, а в духе сплочения немецких граждан вокруг будущей антифашистской власти в Германии. Следует приучить активистов НКСГ прежде всего не к административированию, не к погоне за карьерой, а к работе по убеждению людей в правоте идей НКСГ. Конечно, – говорил Г. Димитров, – из рядов деятелей НКСГ выйдут и государственные деятели разного масштаба, но нужно, чтобы это были государственные деятели нового типа, не стоящие над народом, а служащие народу, а поэтому сейчас нужно развивать у членов НКСГ не «волю к власти», не стремление к должности, а идейность, идейность и ещё раз идейность».

2. Следующая встреча с Г. Димитровым состоялась 24 ноября 1944 г. и была посвящена отношению к фельдмаршалу Паулюсу. Уже в июле 1943 г., когда был создан НКСГ, была сделана попытка привлечь фельдмаршала к Комитету. Г. Димитров считал это очень важным для распространения влияния НКСГ среди немецких военнопленных офицеров. Ещё прежде именно Г. Димитров проявил инициативу по созданию «Союза немецких офицеров». Он полагал, что немецкие офицеры при «кастовом характере немецкой армии» чувствовали бы себя не совсем «уютно» в НКСГ. Комитет был слишком «плебейским» для многих из них. Поэтому он говорил: «Дайте им создать свою офи-

церскую организацию. В ней они почувствовали бы себя свободными, без коммунистов и без рядовых солдат. Через эту организацию мы будем воздействовать на них, чтобы они примкнули к движению НКСГ». Эта идея Г. Димитрова о создании «Союза немецких офицеров» свидетельствует о том, как он продуманно подходил к вопросу применения среди немецких военнопленных тактики народного антифашистского фронта. Г. Димитров хотел создать широкое антифашистское объединение всех немецких военнопленных.

После создания «Союза немецких офицеров» генерал В. фон Зайдлиц, возглавивший его, вступил также и в ряды НКСГ и вёл себя впоследствии как честный антифашист.

Когда создавался «Союз немецких офицеров», фельдмаршал Паулюс категорически отклонил приглашение войти в его руководство. Он заявлял, что все члены Союза «предатели», нарушившие присягу. «Я связан присягой и не буду изменником», – заявлял Паулюс. Тогда с ним началась очень продолжительная разъяснительно-политическая работа. Сначала попробовал убедить его В. Пик, разговаривая с ним как бывший депутат немецкого Рейхстага. Но Паулюс отверг все эти попытки: Пик в его тогдашнем представлении был «изменником», а не депутатом Рейхстага.

Заслуга привлечения Паулюса к антифашистскому движению принадлежит тов. Гуральскому. Это был старый сотрудник аппарата Коминтерна. В 1937 году он был репрессирован, а в 1941 г. освобождён и реабилитирован. Ему дали возможность работать среди немецких военнопленных. Тов. Гуральский (он же «профессор Арнольд») был очень опытным политическим работником и тонким психологом. В разговорах с Паулюсом ему удалось добиться «первого шага» со стороны фельдмаршала. Гуральский сумел убедить Паулюса, что тот, кто стоит за Германию, должен быть против Гитлера – гробокопателя немецкой нации. Когда Паулюс согласился с этим, то с ним было уже легче разговаривать и работать. Политико-воспитательная работа с Паулюсом была передана мне. Я докладывал о своих разговорах с Паулюсом Г. Димитрову. Он очень интересовался этими разговорами, давал мне указания, как поступать дальше.

Когда началась работа с Паулюсом, то я знал, что он твёрдо хранит традиции немецкого милитаризма. Поэтому с начала наших разговоров я старался склонить его к позиции Бисмарка, что «с Россией никогда не надо воевать», что в интересах немецкого народа сохранять дружеские отношения с Россией. Кто не соблюдает этого – враг немецкой нации. В дальнейшем, когда Паулюс сделал следующий шаг вперёд, я в своих аргументах ссылаясь уже на В.И. Ленина. Он спрашивал, изданы ли они на немецком языке. Он хотел «начать с самого начала», сперва 1-й том, потом 2-й и следующие: «Я хочу прочитать всё подряд» – сказал Паулюс.

Об этом интересе Паулюса к работам Ленина я доложил Г. Димитрову на одной из отмеченных встреч. Он рекомендовал дать ему читать труды Ленина и постараться в разговорах объяснять существо ленинских идей. Так, шаг за шагом, под воздействием сокрушительных поражений немецкой армии на фронте и наших побед, с одной стороны, и систематической политико-разъяснительной работы, с другой, Паулюс становился антифашистом. Во время наших разговоров он

Георгий Михайлович Димитров (1882-1949)

как-то вскользь затронул вопрос о плане «Барбаросса»¹⁰². Это было особенно важно, и я срочно довёл об этом до сведения Г. Димитрова. Впоследствии Паулюс рассказал уже в соответствующих организациях подробнее об этом плане и был, как известно, свидетелем на Нюрнбергском процессе. А ещё раньше он подписал воззвание НКСТ к немецкому народу.

24 ноября 1944 г. я пришёл специально, чтобы доложить Г. Димитрову об очередных разговорах с Паулюсом. Последний прочитал работы В.И. Ленина по национальному вопросу и попросил подробнее разъяснить ленинский принцип права нации на самоопределение¹⁰³. «А как вы относитесь к Германии после разгрома?» – спрашивал Паулюс. Я ему ответил, что разгром нацизма, уничтожение гитлеровской власти вовсе не означает гибели германского народа, Германии. Немецкий народ, как и все народы, будет иметь право на самоопределение. Но мы всегда исходим из исторических прав каждого народа, из демократических и антиимпериалистических основ его развития. Паулюс был очень скептически настроен к тому, как будет решена судьба Германии после окончания войны.

Об этом разговоре с Паулюсом насчёт послевоенной судьбы Германии я подробно и рассказывал Г. Димитрову 24 ноября 1944 г. «Объясните ему, – сказал Г. Димитров, – что право немцев на самоопределение не касается тех земель, которые немецкий империализм захватил разбойничьим путём. Как будет разрешён немецкий вопрос после войны, это скажет мировая демократическая общественность.

¹⁰² План «Барбаросса» (в честь короля Германии и императора Священной Римской империи Фридриха I Барбаросса) – план вторжения Германии в СССР. План, окончательно разработанный под руководством генерала Ф. Паулюса, был утверждён 18 декабря 1940 г. директивой Верховного главнокомандующего вермахта № 21. Предусматривал молниеносный разгром основных сил Красной Армии западнее рек Днепр и Западная Двина; в дальнейшем намечалось захватить Москву, Ленинград и Донбасс с последующим выходом на линию Архангельск – Волга – Астрахань. Гитлер в директиве № 32 от 11 июня 1941 г. определял время завершения «победоносного похода на Восток» на конец осени. План был с грифом «Совершенно секретно. Только для командования», имел стратегическое значение, в силу чего знание о нём было крайне важно.

¹⁰³ Нелишне заметить, что вести такие беседы мог только человек, прекрасно знающий труды В.И. Ленина, каким и был И.С. Брагинский.

Право нации на самоопределение не распространяется на захваченные у других народов территории».

4. Встреча 24 декабря 1944 г. была посвящена вопросам работы НКСГ в условиях перенесения военных действий на территорию Германии (подробнее об этих вопросах шла беседа во время седьмой встречи – 24 января 1945 г.).

5. 13 января 1945 г. состоялась беседа о газете «Фрайес Дойчланд»¹⁰⁴, которую я читал перед сдачей в печать.

6. 17 января 1945 г. состоялась очень важная беседа с Г. Димитровым по вопросам антифашистских школ для военнопленных. Мы давно занимались созданием антифашистских школ. Мне приходилось участвовать в налаживании руководства, в частности в составлении программ для антифашистских школ. Существовали, насколько я помню, две основные учебные программы для антифашистских школ. Одна, составленная в период 1942-1943 гг. и вторая – в 1945 г. Разговор шёл о необходимости пересмотра программ для антифашистских школ. Г. Димитров отметил, что программа для антифашистских школ в 1945 г. не должна механически повторять программу предшествующих лет. «Нашу политико-воспитательную работу среди военнопленных в 1945 г. не надо строить так же, как в 1942 г. В 1942 г. мы хотели доказать в школах военнопленных, что война, которую начал Гитлер, несправедлива, что она захватническая, и немецкая армия неминуемо потерпит поражение. Но фактами нам это было трудно доказать, надо было говорить несколько абстрактно, а не языком победы Красной Армии на фронтах. В тогдашней программе аргументы о разгроме гитлеровской Германии были больше теоретическими».

Г. Димитров обратил внимание, что сейчас обязательно надо переработать программу антифашистских школ¹⁰⁵. «Сейчас немцы дерутся

¹⁰⁴ «Фрайес Дойчланд» – орган НКСГ, газета, которую регулярно читали военнопленные. По их свидетельству, материалы газеты оказывали на них большое влияние.

¹⁰⁵ М.И. Бурцев писал [18], что «программа первого набора Антифашистской школы содержала 4 раздела: правда о гитлеровской Германии; Советский Союз – страна социализма; вторая мировая война и неизбежность поражения фашистской Германии; основные понятия об обществе и государстве. В ходе обучения программа, естественно, совершенствовалась. Уже для второго набора был включен пятый раздел – об опыте пропагандистской работы антифашистов, а затем – это было уже в 1944 году – ещё один раздел – о будущей новой Германии. Периодически ... чита-

как обречённые люди, а вовсе не одушевлённые своими победами, которых больше нет. Поэтому мы должны изменить аргументы своей агитации среди военнопленных. Надо показать, что гитлеровская Германия уже потерпела поражение, и доказать не теоретическими аргументами, а фактами (война ведётся на немецкой территории). Это убедит военнопленных, что Германия действительно потерпела поражение».

Г. Димитров говорил далее: «Немцы дерутся как обречённые. Нашей политической пропагандой надо стремиться воздействовать на них, чтобы они не дрались так. Мы должны ежечасно в лекциях и разговорах подчёркивать, что поражение Гитлера – это вовсе не катастрофа для Германии. Более того, мы должны убеждать их, что это спасение Германии. Немцы не должны бояться поражения, а понять, что оно принесёт спасение немецкой нации. Самое главное, мы должны работать так, чтобы немцы начали думать о будущей, мирной, послевоенной Германии. Поэтому надо существенно изменить содержание нашей политической работы среди военнопленных. Немцы должны думать, как спасти то, что ещё можно спасти. И если они хотя бы этого, они должны требовать немедленного прекращения войны со стороны немецкой армии. Тогда будет ослабевать воля немецких солдат к сопротивлению, они перестанут страшиться поражения, а будут бояться бессмысленного продолжения войны, они перестанут драться как обречённые».

После этой встречи у Г. Димитрова мы постарались перестроить нашу учебную программу, исходя из его указаний. Он видел эти программы и сделал некоторые дополнения, указав на необходимость специальных лекций о будущем Германии. Тогда же были разрабо-

ли доклады и лекции: 1) КПГ на современном этапе – В. Ульбрихт. 2) Современная фашистская пропаганда – А. Пик. 3) Борьба сил реакции и прогресса в Германии – Ф. Рубинер. 4) Борьба прогресса и реакции в истории русского народа – подполковник Н.Н. Берников. 5) Учение В.И. Ленина по национальному вопросу – подполковник К.Л. Селезнёв. 6) Политический разгром фашизма – капитан Ю.А. Жданов. 7) Законы социалистической экономики – майор Г.Е. Константиновский. 8) Культура и быт в СССР – подполковник М.М. Кияткин. 9) Военно-политический обзор – подполковник В.И. Немчинов. 10) Борьба за коммунистическое мировоззрение – полковник И.С. Брагинский. 11) Советская художественная литература – капитан В.Л. Мартенс. 12) Крах германской военной доктрины – капитан В.В. Лосев».

таны «25 пунктов НКСГ»¹⁰⁶. Отмеченная беседа с Г. Димитровым 17 января 1945 г. органически связана с этими 25 пунктами, которые Г. Димитров одобрил.

7. 24 января 1945 г. состоялся разговор с Г. Димитровым, который особенно мне памятен. Речь шла о политической работе среди населения Германии в уже освобождённых территориях. Когда я входил в его кабинет, он говорил по телефону с Софией. Было видно, что он чем-то очень доволен и, положив трубку, он сказал: «Молодцы!»¹⁰⁷. В тот день у Г. Димитрова было особенно светлое лицо.

Г. Димитров был обаятельным человеком. Он говорил, избегая сложных терминов, очень ясно и просто. Но простота его шла не от упрощения, а от глубины и ясности мысли. Он говорил точными выражениями, смело, диалектически раскрывая противоречия и их преодоление. Чувствовалось, как близок ему ленинский склад мышления. Он был очень обаятелен и своей человечностью, своей улыбкой, манерой держаться.

Для меня, старого комсомольца, живо помнящего Лейпцигский процесс¹⁰⁸, он казался сначала легендарной личностью. Но уже после первых слов вы чувствовали, что сидите не только с великим человеком, но словно с родным отцом, к которому испытываете не только

¹⁰⁶ 5 марта 1944 г. НКСГ в газете «Фрайес Дойчланд» опубликовал «Воззвание Национального комитета к народу и вермахту. 25 пунктов к вопросу о прекращении войны». Они характеризовали историческую роль Советского Союза, цели НКСГ, рисовали картину будущей свободной, независимой Германии и ставили задачи перед каждым честным немцем. Название этого документа противопоставляет его «Двадцати пяти пунктам» – официальной программы гитлеровской партии.

¹⁰⁷ Разумеется, И.С. Брагинский не был осведомлён о содержании этого разговора Г.М. Димитрова с Софией. Однако известно, что он происходил на фоне социалистической революции 9 сентября 1944 г., положившей начало освобождению Болгарии от гитлеровских войск и созданию народной власти. В ноябре 1945 г. Димитров прибыл на родину, а 6 ноября 1946 г. занял пост Председателя Совета министров Болгарии.

¹⁰⁸ Лейпцигский процесс проходил 21 сентября – 23 декабря 1933 г. Захватив в январе 1933 г. власть, нацисты поставили своей задачей разгромить Коммунистическую партию. В ночь на 27 февраля 1933 г. гитлеровцы по указанию Г. Геринга подожгли здание рейхстага и, обвинив в этом коммунистов, развернули массовый террор. Димитров превратил суд в арену борьбы против фашистской диктатуры. Под давлением движения протеста во всем мире суд вынужден был оправдать Димитрова и других обвиняемых коммунистов. Речь Димитрова послужила образцом для выступлений коммунистов перед судом во многих странах.

уважение, но и сыновью любовь. Всё было у него естественным, ни малейшего следа игры в скромность¹⁰⁹.

Основное содержание разговора состояло в том, как надо воспитывать немецкую нацию в мирном духе. Г. Димитров отметил: «Вы, советские офицеры, не должны испытывать сейчас чувство ненависти к немецкому народу. Этого ни в коей мере не должно быть. Я хорошо понимаю, что гитлеровцы натворили много зверств на советской земле, но из-за этого не надо ненавидеть весь немецкий народ. Вы должны сосредоточить своё внимание на том, чтобы направить усилия немецкого народа на строительство мирной жизни. Сейчас это очень важно, перед нами задача – помочь немцам стать миролюбивой нацией. Задача немецких антифашистов – помочь немцам стать миролюбивой нацией. Но мы сумеем сделать немцев такими лишь при помощи немецких коммунистов. Самое главное в нашей политической работе – воспитывать немецкую нацию как мирную нацию. Историческое несчастье немецкого народа состоит в том, что на протяжении всей его истории в борьбе между силами реакции и силами прогресса всегда побеждали силы реакции. Сейчас мы должны сделать так, чтобы победили силы прогресса, самыми лучшими носителями которых являются немецкие коммунисты. На это надо обратить внимание сейчас. Первый вопрос – это вопрос о территориях. Конечно, захваченные немецкими империалистами большие территории должны остаться в границах Польши. Это будет вызывать сначала «хеммунг» (внутреннее сопротивление) у немцев. Каждый немец будет спрашивать: «Почему «немецкие» территории надо возвращать Польше?»».

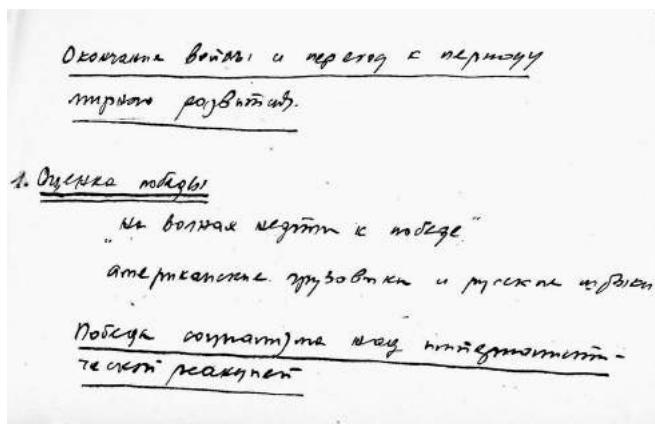
Далее Г. Димитров продолжал: «Знаете, рак – это самая опасная болезнь для человека. Единственным шансом вылечиться от рака – вовремя заметить и вовремя вырезать опухоль, пока она не дала отростки, метастазы. Если пропустить момент, ничего не поможет. Для немцев польские территории – это раковая опухоль. Из-за этой раковой опухоли немцы дали превратить себя в милитаристический народ. Они должны понимать, что надо вовремя отказаться от этих территорий,

¹⁰⁹ Маленькая частная деталь: Г.М. Димитров и И.С. Брагинский родились в один день – 18 июня, с разницей в 23 года. Вряд ли об этом знал Димитров, но Брагинский, скорее всего, знал.

тогда они спасут Германию от гибели и разложения. Они должны жить в мире с Польшей. Именно это, а не захваты земель обеспечит процветание немцев как великой нации. А немецкая нация может быть великой только как миролюбивая. Этой «операцией» она докажет, что она стала миролюбивой. Всё это в нашей агитации надо объяснять немцам. Надо им объяснить, что, если в этом вопросе они проявят миролюбие, они обеспечат себе процветание».

Я записал тогда эту беседу, но жаль, что не сохранил у себя записи.

8. 14 мая 1945 г. я был снова у Г. Димитрова. Тут были и другие товарищи – Козлов, Гуляев (он был прежде заведующим отделом кадров Коминтерна, а потом работал в аппарате ЦК КПСС). Мы разговаривали с Г. Димитровым об отправке немецких коммунистов в Германию. Они должны были организовать и руководить деятельностью антифашистов. Мы говорили о качествах намеченных товарищей. Потом Г. Димитров сказал, что «сейчас надо посылать в Германию не только коммунистов, но и других немецких антифашистов. Мы провели большую работу среди военнопленных, которая принесла хорошие плоды. Среди немецких антифашистов есть много честных людей. Их надо сейчас использовать под руководством коммунистов на последнем

Война окончена – борьба продолжается. Часть рукописи тезисов лекции И.С. Брагинского «Окончание войны и переход к периоду мирного развития», 1945 г.

этапе разгрома гитлеровской Германии, а также в создании демократической Германии».

Ещё в феврале 1943 г. мы выбрали группу немецких военнопленных для оперативной работы на фронте (в операции у Великих Лук). Среди них был Ф. Аугустин. Бывший нацист – лётчик, он попал в плен в первые дни войны. Вначале он держал себя очень заносчиво, но потом честно и от всей души понял свои заблуждения и стал антифашистом. Когда я отправлял его в немецкий тыл, Ф. Аугустин хотел поговорить со мной. Он сказал: «Если я погибну, прошу Вас передать В. Пику, что я погиб как коммунист». Он и другие военнопленные выполнили своё задание и первые из военнопленных получили советские боевые ордена. Потом Ф. Аугустин осуществил ряд других заданий и погиб при выполнении своего антифашистского долга. Всё это показывает, что среди немецких антифашистов были очень честные люди. Это великолепно понимал Г. Димитров и укорял тех товарищей, которые ещё не хотели верить немецким антифашистам и относились к ним скептически. Он говорил, что не интернационалисты те, которые считают, что все немцы, в том числе антифашисты, нечестные люди, а честных и проверенных антифашистов нужно направлять для организации борьбы в Германии.

Тогда был составлен первый список – лишь из коммунистов, которых послали на работу в Германию. Г. Димитров сказал: «Надо немедленно готовить и список из антифашистов для посылки в Германию». И действительно, был составлен такой список и передан Г. Димитрову.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Со времени встреч И.С. Брагинского с Г.М. Димитровым прошло уже больше 70 лет. Много воды утекло, но многие тезисы Димитрова не потеряли своей актуальности.

Остаются актуальными положения: «Задача немецких антифашистов – помочь немцам стать миролюбивой нацией». «В интересах немецкого народа сохранять дружеские отношения с Россией. Кто не соблюдает этого – враг немецкой нации». Попытки сегодняшней Германии разговаривать с Россией языком санкций противоречат,

прежде всего, интересам самой Германии. Крайне важным остаётся требование к государственным деятелям, чтобы они «не стояли над народом, а служили народу». Не потеряли актуальности мысли Димитрова о необходимости борьбы с нацистской идеологией.

Не меньшее значение в современной жизни имеет тезис: «Все народы имеют право на самоопределение. Но мы всегда исходим из исторических прав каждого народа, из демократических и антиимпериалистических основ его развития. Право нации на самоопределение не распространяется на захваченные у других народов территории». Воля народа превыше волюнтаристских решений о перекраивании или незыблемости административных границ.

14 февраля 1983 г. полковник И.С. Брагинский награждён Государственным Советом Народной Республики Болгарии медалью «100 лет со дня рождения Георгия Димитрова».

Литература к 4-й части

[1]. Виктор Файн. И.С. Брагинский, Ю.А. Жданов и их боевые друзья – Библиотека Южного федерального университета <http://library.sfedu.ru/ZNBpublic/> (2017).

[2]. С.Я. Елисаветинский. Бердичевская трагедия. Документальное повествование, Киев, 1991.

[3]. И.В. Михутина. Так была ли «ошибка»? – <http://www.liveinternet.ru/tags/%F3%ED%E8%F7%F2%EE%E6%E5%ED%E8%E5+%EA%F0%E0%F1%ED%EE%E0%F0%EC%E5%E9%F6%E5%E2+%E2+%EF%EE%EV%FC%F8%E5/>.

[4]. Майя Брагинская. Брагинский метеорит – Иерусалим, 1996 г.

[5]. Софья Тарханова. Воспоминания о воспоминаниях. Публикация, вступительная статья, подбор иллюстраций и комментарий В.Я. Файна. М.: издательство Триумф, 2016 – 242 с. <https://books.google.ru/books?id=TJ1yCwAAQBAJ&hl=ru>.

[6]. Виктор Файн. Полковник И.С. Брагинский и майор Ю.А. Жданов. Дружба, скреплённая войной – http://hub.sfedu.ru/zhdanov_braginsky/ (сентябрь 2016).

[7]. Ю.Г. Волков. Личность и общество. К 90-летию со дня рождения Ю.А. Жданова – <http://naukarus.com/lichnost-i-obschestvo>.

[8]. Человек–эпоха. Электронная версия газеты «Молот», Ростов-на-Дону, 2004 г. – сайт о Ростове-на-Дону и ростовчанах <http://rostov-gorod.rf/1060-chelovek-epokha.html>.

[9]. С.А. Кислицын, Н.А. Степаненко. Донской просветитель. К 95 годовщине со дня рождения Ю.А. Жданова – <http://rostov-news.net/culture/2014/07/23/16362.html>.

[10]. Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д: Феникс, 2004

[11]. А.Н. Вольнец, Жданов. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2013 – <http://syg.ma/@andrey-yuryev/zhdanov>.

[12]. Ольга Даниленко. Открытие бюста Юрию Андреевичу Жданову – [http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=PR/news1/D¶ms=\(p_nws_id=>40714\)](http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=PR/news1/D¶ms=(p_nws_id=>40714)).

[13]. В.В. Смирнов (составитель). Спектр: поэтический сборник преподавателей и сотрудников РГУ. Изд-во Ростовского ун-та, 1987, 155 с. –<https://books.google.ru/books/about/%D0%A1%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80.html?hl=ru&id=TrIGAQAIAAJ>.

[14]. Владимир Шляхтерман. До врага – тридцать метров – Лехаим, 2010, № 6, <http://www.lechaim.ru/ARHIV/218/shlyahterman.htm>.

[15]. Ольга Рахимджанова. Загадка юнкора – Московский комсомолец от 9 сентября 2010 г.

[16]. И.С. Брагинский. Незабываемые встречи: 25 годовщина смерти Георгия Димитрова – Нова свитлина, София, 1974 (на болгарском языке). Русский вариант этой статьи находится в архиве И.С. Брагинского.

[17]. Политбюро ЦК ВКП(б). Коминтерн.1919-1943. Документы. Федеральная архивная служба России. Российский государственный архив социально-политической истории РОССПЭН. Москва. 2004 – <http://maxpark.com/community/1355/content/671037>.

[18]. М.И. Бурцев. Прозрение – М.: Воениздат, 1981, 320 с.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

И.С. Брагинский и немецкие антифашисты

Среди соратников полковника Брагинского по антигитлеровской пропаганде были такие известные немецкие эмигранты-антифашисты, как Вильгельм Пик, его сын Артур Пик, Вальтер Ульбрихт, Фридрих Вольф, Фрида Рубинер, Альфред Курелла, Эрих Вайнерт, Вили Бредель, Иоганнес Р. Бехер. Сам профессор Брагинский так комментирует этот этап своего жизненного пути: «Без помощи немецких интернационалистов я не смог бы выполнить свою работу. Эти люди достойны величайшего уважения».

Альфред Курелла

«Идеологическая борьба против вермахта была для Красной Армии новым делом. Её опыт в подобной сфере восходил к временам гражданской войны. Он мог предложить лишь какие-то общие принципы, – всё остальное предстояло разработать вновь.

За это дело взялась небольшая группа советских офицеров, знающих язык противника. Эту «немецкую» группу возглавлял полковник Брагинский. По основной своей специализации он был востоковед, знаток арабской, персидской и таджикской поэзии. Однако он хорошо знал немецкий язык и обладал замечательной способностью проникать в психологию немцев вообще и немецкого солдата, в частности.

Как и все мы, Эрих Вайнерт был многим обязан общению с этим человеком, который в первые годы войны стал для нас верным и добрым другом».

Альфред Курелла [1].

Из немецких эмигрантов-антифашистов самым близким другом и соратником для полковника Брагинского стал Альфред Курелла (1895-1975). Какую жизнь прожил Курелла до июня 1941 года, когда война свела его с Брагинским в 7-м отделе ГПУ Красной Армии?

Немецкий писатель, переводчик и партийный деятель Альфред Курелла родился в небольшом прусском городке Бриг, ныне Бжег (Польша) в семье психиатра. Окончил гимназию и Мюнхенскую школу прикладного искусства. Доктор философии. Участвовал в молодёжном движении, был ответственным редактором журнала «Freideutsche Jugend». Тяжело ранен на Первой мировой войне. В 1918 г. стал одним из организаторов мюнхенского отделения Союза свободной социалистической молодёжи, вступил в Коммунистическую партию Германии. После разгрома Баварской республики уходит в подполье, а в 1919 г. со специальным поручением попадает в Москву. В 1919 г. встречался в Москве с Лениным. Член ЦК РКСМ. Один из создателей Коммунистического интернационала молодёжи (КИМ), секретарь Исполкома КИМа. В 1924–1929 годах состоял в ВКП(б), работал заведующим отделом изобразительного искусства Наркомпроса РСФСР, редактором «Комсомольской правды». В 1924-1926 гг. директор партийной школы во Франции. С 1929 г. вновь в Германии, занимался литературной деятельностью и активно работал в КПГ. Был секретарём «Интернационального комитета борьбы против фашизма и войны» и главным редактором его печатного органа «Le Front Mondiale». В начале 1930-х годов Курелла работал в Париже ответственным секретарём «Всемирного комитета по борьбе с войной», основанного А. Барбюсом, Р. Ролланом, М. Горьким. В 1933 г. книга Куреллы «Муссолини без маски» – одна из наиболее значительных антифашистских книг того времени – была публично сожжена нацистами. В 1934–1935 гг. работал в Москве секретарём Георгия Димитрова, позже руководил научно-библиографическим отделом

Государственной библиотеки иностранной литературы. В 1937 году получил советское гражданство.

Довоенная жизнь Альфреда Куреллы в Советском Союзе была далеко не безоблачной. В 1937 г. были арестованы и расстреляны многие руководители Коммунистической партии Германии, в том числе один из лидеров КПГ Хайнц Нойманн, личным другом которого был Генрих Курелла, младший брат Альфреда Куреллы. До 1933 г. Генрих был редактором главной газеты КПГ “Роте Фане”, Генрих хотел уехать в Крым, чтобы бежать оттуда из СССР по Чёрному морю, но был арестован по пути на вокзал [2]. После заключения пакта Риббентропа-Молотова НКВД выдавал немецких эмигрантов гестапо. Возможно, Альфреда Куреллу не тронули из-за того, что он был секретарём Димитрова.

С другой стороны, Курелла неоднозначно воспринимался неоднородным немецким эмигрантским сообществом в СССР. Что только ему ни приписывали: и двуличность, и связи с НКВД, даже допускали, что он сам выдал НКВД своего брата. Нужно понимать, под каким прессом жил Альфред Курелла эти годы.

В Немецком отделе полковника Брагинского Курелла возглавлял фронтовые газеты. Один из руководителей пропагандистской операцией в Великих Луках. В 1943 г. разработал проект манифеста Национального комитета «Свободная Германия» и стал заместителем главного редактора газеты «Freies Deutschland».

«Работал я день и ночь. Мой начальник, очень умный азербайджанский еврей, член Верховного Совета Таджикской ССР, был профессиональным учёным, ориенталистом, имел чин полковника. Я был у него в подчинении. Он со мной советовался, давал задания, а когда замечал, что я слишком много работаю и очень хочу спать, – ведь спали мы редко и, улучив свободный момент, засыпали прямо на рабочем месте – на столах, скамейках, стульях, – приказывал сделать перерыв. ...При этом **любое** слово, которое ты писал и которое потом шло в печать, нужно было взвешивать скрупулёзнейшим образом, находить его единственный точный смысл и обращаться с ним так, как если бы это была граната» (Перевод с немецкого Н.Л. Суслович).

Так Курелла описывал своей жене первые дни работы в Немецком отделе полковника Брагинского в книге «Мечта о Псху» [3]¹¹⁰.

О характере Альфреда Куреллы рассказала Шарлотта Шлезингер, беженка из Германии, еврейка, автор «Тетради, найденной на чердаке» [4]:

«Альфред... был замечательным рассказчиком. Вечером, когда мы собирались за ужином, он пытался нас рассмешить, и иногда ему это удавалось. В Москве он неоднократно бывал с 1919 года, времена тогда были залихватские, чего только тогда с ним ни случалось... Но смешнее всего были его французские истории. В 1924-26 годах он руководил юношеской школой Коминтерна и школой Французской компартии в Бобиньи. Чаще всего в его приключениях фигурировали весёлые монашки. Привирал, наверное...».

Вспоминает Софья Тарханова:

«Писала листовки и Фрида Рубинер, немецкая коммунистка-эмигрантка. Она же и выполняла окончательную стилистическую шлифовку немецких текстов. Вот только раздражительна она была не в меру и потому слыла ругательницей.

Как-то раз в поздний час у меня в железном логове засиделся Альфред Курелла, один из известных эмигрантов-коммунистов, писатель, литературовед, идеолог. Тогда, в 1942-ом, это был худощавый, подвижной, да и попросту симпатичный человек с живым умом, очень смешливый.

Курелла делал выписки из моих материалов, а я, продолжая сортировать трофейные бумаги, вдруг вытащила из мешка таблицу с надписью: "Schimpfen ist der Stuhlgang der Seele. Gebbels" («Брань – это фекалии души. Геббельс»).

Курелла расхохотался, выхватил у меня табличку и, поманив меня за собой, побежал к двери, ведущей в немецкий отдел. В отделе было пусто, да и вообще, кроме нас, все сотрудники давно разошлись.

Увидев, что никого нет, Курелла взобрался на стул и прикрепил табличку к стене у рабочего стола Фриды Рубинер.

¹¹⁰ Эту книгу Курелла подарил И.С. Брагинскому.

– Das habe ich alleine zu verantworten! Sie wissen nichts! (Всю ответственность беру на себя! Вы ничего не знаете!) – заявил он мне.

Вернувшись в *логово*, он собрал свои записи и ушёл, посоветовав и мне последовать его примеру. Что я и сделала.

Мне рассказывали, что полковник Брагинский был не в восторге от этой проделки. Но мне, как сообщнице, не влетело» [5].

После окончания войны Курелла рвался в Германию, но советские власти его не выпускали. По официальной версии, из-за того, что он был носителем многих государственных тайн. Главным, вероятно, было не это: Курелла попал в опалу, против его отправки в Германию возражал Вильгельм Пик. Дружной командой немецкие антифашисты не были. Не зря после войны в Германию на полгода был командирован И.С. Брагинский, пользовавшийся среди них большим авторитетом. С главной своей задачей – сплотить в одну команду тех, кто должен был создать новое немецкое государство – он успешно справился. Сотрудники считали его одним из основателей ГДР.

Ещё в 20-х гг. Курелла, исходивший до этого горы Италии, Франции и Германии, совершил попытку восхождения на Эльбрус. С 1934 г. А. Курелла каждое лето проводил в путешествиях по горам Кавказа: Грузия, Азербайджан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Абхазия. Горный туризм открыл для него прекрасное абхазское село Псху в средней части ущелья р. Бзыбь, изолированное от мира горными хребтами. Война застала Куреллу в абхазском селе Эшера – на берегу Чёрного моря, севернее Сухума. После окончания войны А. Курелла поселился с семьёй в Псху, купил там дом и жил крестьянской жизнью: огород, сад, пчёлы, походы через перевал в Сухум для покупки продуктов. Там же он переводил Чернышевского, Добролюбова и Герцена, занимался живописью и скульптурой.

К горному туризму Курелла возвращался и в последующие годы. В его книге «*Der schöne Kaukasus*» [6], иллюстрированной фотографиями, талантливо и увлекательно описаны трудные, опасные переходы по высокогорным ущельям. В 1961 году 66-летний А. Курелла, прошёл из Архыза в Псху с годовалой дочкой в специальном рюкзаке. Он создал уникальный альбом маршрутов по Западному Кавказу, прой-

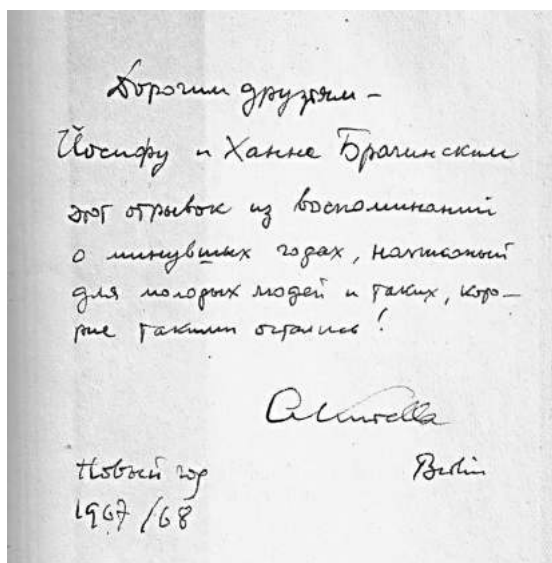
денных им за 25 лет. В честь Куреллы назван перевал через Главный Кавказский хребет из долины реки Кизгыч к истоку реки Чхалта, который он прошёл и описал первым. Последний поход на Кавказе он совершил в 1972 году по Чегемскому ущелью [7].

В 1949 году А. Курелла вернулся в Москву, а в 1954 г. переехал в ГДР. Один из основателей и директор Лейпцигского Литературного института им. И.Р. Бехера (1955–1957). Занимал руководящие посты в Союзе писателей ГДР и Культурном союзе. В 1958 году его избирают в состав ЦК СЕПГ и кандидатом в Политбюро, членом Народной палаты. С 1963 года он заместитель президента Академии искусств ГДР. Награждён орденом Карла Маркса, памятной пряжкой ордена Заслуг перед Отечеством. Лауреат Национальной премии (1969) и премии по культуре (1970).

Альфред Курелла на почтовой марке ГДР

Свободно владея немецким, русским, итальянским и французским языками, он перевёл «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева, стихи Т.Г. Шевченко, рассказы Горького, Аркадия Кулешова, Назыма Хикмета, Луи Арагона, Низами и Навои, киргизский эпос «Манас» и армянский «Давид Сасунский». Многие его переводы признаны в Германии эталонными. По мотивам его воспоминаний снят художественный фильм «На пути к Ленину» совместного производства СССР и ГДР с М. Ульяновым в главной роли. Оригинал этих «Воспоминаний» на немецком языке [8] Курелла подарил в 1967 г. И.С. Брагинскому и его жене:

В качестве сценариста Курелла дебютировал ещё в 1936 году в фильме Густава фон Вангенхайма «Борцы» (производство СССР – Германия). Из художественных произведений А. Куреллы наиболее известен роман «Пешка в большой игре» [9], из публицистических книг – «Димитров против Геринга» [10], «Своё и чужое» [11] и «Весь человек» [12].

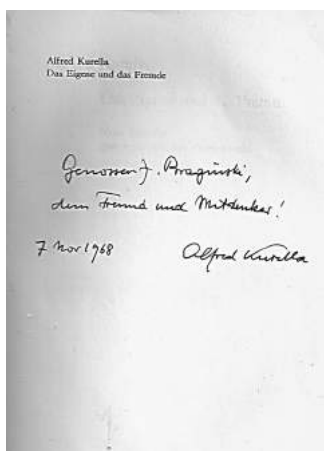
Из письма А. Куреллы Брагинскому (3 декабря 1966 г.):

Дорогой друг!

Я сам больше месяца не был в Берлине, а уехал в «провинцию» (бежал от центра!), чтобы написать новую книгу “Das Eigene und das Fremde”. Не успел её закончить – нехватает 1.5 главы. Попытаюсь дописать здесь – между конференциями, заседаниями, докладами, Палатой депутатов и ЦК. ...

Привет Ханне Натановне и Вам от клана Куреллы.

Дружба И.С. Брагинского и А. Куреллы не прекращалась до конца жизни последнего. Об этом свидетельствуют книги А. Куреллы, подаренные им Брагинскому. Об этом свидетельствуют многочисленные

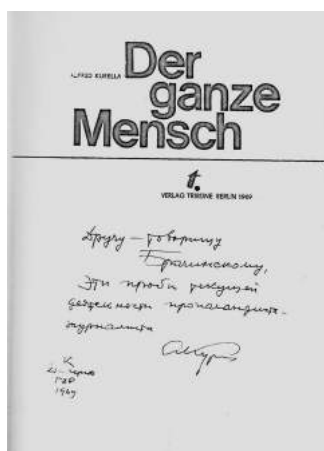

Альфред Курелла. Своё и чужое.

Новое к проблеме социалистического гуманизма. 1968

письма Куреллы, сохранившиеся в архиве профессора Брагинского (см. Приложение). Курелла писал то по-русски, то по-немецки. Они помогли друг другу, делились новостями.

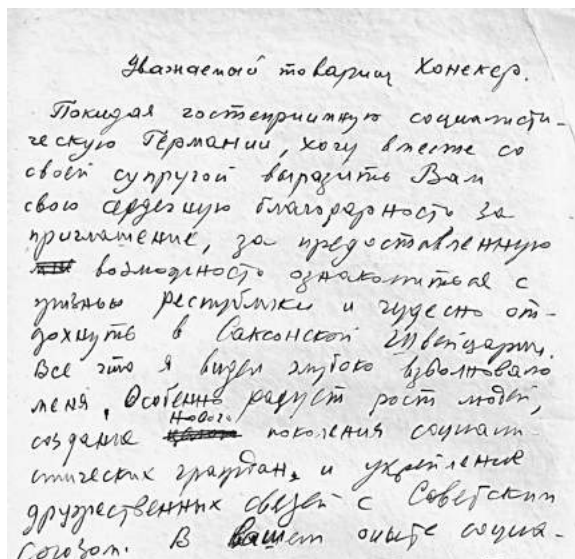
С 8 по 19 июля 1966 г. И.С. Брагинский с супругой был в командировке в ГДР. В то же время там были Н.Н. Берников и Ю.А. Жданов.

Альфред Курелла. Весь человек. 1969

О подробностях этой поездки, насыщенной многочисленными встречами, мы знаем благодаря записям Ханны Натановны. Тёплые встречи с Альфредом Куреллой и его семьёй, с Марией Ривкиной, с Кесслером и Гольдом, поездка в Лейпциг в музей Георгия Димитрова стали украшением этой поездки, которая завершилась отдыхом с 20 по 31 июля в доме отдыха ЦК СЕПГ в «Саксонской Швейцарии».

Свои чувства, связанные с этим визитом в ГДР, И.С. Брагинский выразил в своём письме тогдашнему руководителю страны Э. Хонеккеру:

Уважаемого товарища Хонеккер.
Покидая гостеприимную социалистическую Германию, хочу вместе со своей супругой выразить Вам свою сердечную благодарность за приглашение, за предоставленную ~~нам~~ возможность ознакомиться с жизнью республики и чудесно отдохнуть в Саксонской Швейцарии. Все это я видел глубоко взволновало меня. Особенно радует рост людей, создание ~~нового~~ ^{нового} поколения социалистических граждан и укрепление дружественных связей с Советским Союзом. В Вашем офисе социа-

Часть черновика письма И.С. Брагинского Э. Хонеккеру, 1966 г.

Уважаемый товарищ Хонеккер!

Покидая гостеприимную социалистическую Германию, хочу вместе со своей супругой выразить Вам свою сердечную благодарность за приглашение, за предоставленную возможность ознакомиться с жизнью республики и чудесно отдохнуть в Саксонской Швейцарии. Всё, что я видел, глубоко взволновало меня. Особенно радует рост людей, создание нового поколения социалистических граждан и укрепление дружественных связей с Советским Союзом. ...Мне хочется также пере-

дать Вам, что я испытываю огромную благодарность к тем товарищам, которые так прекрасно организовали по Вашим указаниям наше пребывание и отдых в республике, особенно моему старому другу Альфреду Курелле, нашей неперемной опекунке Марии Ривкиной и незаметному директору товарищу Хенишу.

И.С. Брагинский, его жена Х.Н. Дриккер и А. Курелла с женой Соней и дочерью Беттиной. 1969 г. Фото из архива И.С. Брагинского

Альфред Курелла был женат пять раз. Я сумел восстановить лишь 4 имени: Маргрет (Маргарита Вильгельмовна) Хало (1-я жена), Валентина Николаевна Сорокоумовская (конец 20-х – начало 30-х гг.), Эльфрида (Фридель) Адольфовна Кон-Фоссен (4-я жена), погибшая в горах Кавказа, и Соня Курелла. Расставаясь, он сохранял с ними добрые отношения, а на один из своих юбилеев собрал всех жён и детей.

И.С. Брагинский хранил в своём архиве вырезки из немецких газет о кончине А. Куреллы.

После кончины Куреллы, в 1978 г. Брагинский вёл переписку с Архивом Куреллы Академии искусств ГДР, в т.ч. с вдовой Куреллы Соней и дочерью Беттиной о своём послесловии к книге Альфреда и

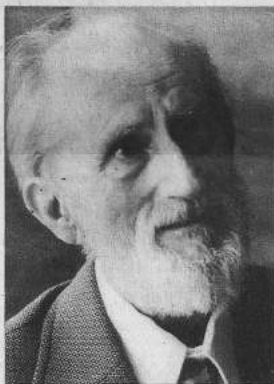
Genosse Alfred Kurella

Nachruf des ZK der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands

Genosse Professor Dr. Alfred Kurella, Mitglied des Zentralkomitees der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands, verstarb am 12. Juni 1975 im Alter von 80 Jahren.

Mit ihm verliert unsere Partei einen erfahrenen und kampfproben Genossen, der den edlen Zielen der revolutionären Arbeiterbewegung stets treu ergeben war. Seit 1918 Mitglied der KPD, widmete Genosse Alfred Kurella sein umfassendes Wissen und seine großen Fähigkeiten als Propagandist des Marxismus-Leninismus, als sozialistischer Schriftsteller und als Kulturpolitiker unserer Partei dem Kampf der Arbeiterklasse um Sozialismus und Frieden, gegen Faschismus und Krieg. Dem Lande Lenins, den Völkern der Sowjetunion und der ruhmreichen KPdSU war er zutiefst verbunden.

Die Kommunistische Partei Deutschlands betraute ihn schon in seiner Jugendzeit mit wichtigen politischen Aufgaben in der internationalen Arbeiterjugendbewegung. Große Leistungen vollbrachte Genosse Kurella als Mitarbeiter Georgi Dimitroffs für die Schaffung der antifaschistischen Einheitsfront und die Teilnahme von Künstlern und Kultur-

своей книге о западно-восточных литературных портретах. Эти письма сохранились в архиве профессора Брагинского.

Когда не стало И.С. Брагинского, вдова А. Куреллы Соня Курелла прислала из Берлина сначала телеграмму, а затем трогательное письмо-соболезнование, где писала: «У Альфреда было много друзей, но, я знаю, что был среди них настоящий друг – Иосиф».

Эрих Вайнерт

Эрих Вайнерт – настоящий поэт, революционер и народный трибун. До сих пор звучит у меня в ушах его низкий, проникающий в душу голос, когда в своём первом радиообращении к солдатам вермахта он взывал к ним: «Ослепли вы, что ли? Неужто вы всё забыли?» (И.С. Брагинский).

Быть близкими друзьями им не довелось, они были соратниками. Выдающийся поэт-антифашист Эрих Вайнерт (1890–1953)

Эрих Вайнерт на почтовой марке ГДР

жил эмигрантом в Советском Союзе с 1935 по 1946 г. (в 1937-1939 гг. – в Испании в качестве фронтового корреспондента в составе 11-й Интернациональной бригады). Активно боролся с гитлеризмом – книгами, листовками, выступлениями, в том числе на фронтах. В этом качестве он неизбежно должен был работать рука об руку с полковником Брагинским. В 1943 году Вайнерт возглавил Национальный комитет «Свободная Германия», а Брагинский был связующим звеном Главного политического управления РККА с этим комитетом, участвовал в его заседаниях.

Трибун-антифашист, политический поэт, агитатор и сатирик, Вайнерт был известен книгами «Балаган» (1925), «Эрих Вайнерт говорит» (1930), сборниками антифашистских стихов «Бульжники» и «Наступит день» (1934), авторством текста гимна интернациональных бригад в Испании. Наряду с сатирическими стихами, Вайнерт создал цикл стихов «Соратники» (Gefährten) о мужественных антифашистах, борцах-революционерах. Герои Вайнерта – это политически зрелые, убеждённые в своей правоте люди, которые идут в бой не по приказу, а по убеждению. Среди лучших из них Эрнст Тельман, Георгий Димитров, Эдгар Андре.

«ПЕСНЯ О РОДИНЕ»

Мало кто знает, что одним из первых произведений Вайнерта в СССР стало переложение на немецкий язык популярнейшей в то время «Песни о Родине» Дунаевского на стихи Лебедева-Кумача из кинофильма «Цирк» (1936 г.):

Но сурово брови мы насушим,
Если враг захочет нас сломать!
Как невесту, Родину мы любим,
Бережём, как ласковую мать.

Рассказывает Софья Тарханова [5]:

Как-то раз, в том же 1936-м году, меня пригласила к себе моя школьная подруга Марианна Вайнерт, дочь известного в ту пору немецкого поэта-коммуниста Эриха Вайнерта, – посмотреть новую квартиру, которую её отец только что получил в писательском доме в Лаврушинском переулке.

Марианна открыла мне дверь и сразу приложила палец к губам. В переднюю доносились звуки рояля и пения.

– Отец получил важный заказ, – с гордостью сообщила Марианна, – переложить на немецкий язык вашу песню «Широка страна...».

– Кто пришёл, Марианна? – крикнул из гостиной Вайнерт.

– Папа, это моя подруга Соня! Мы тебе не помешаем...

– Идите сюда! – неожиданно позвал поэт.

Суровый, не улыбкающий человек, он коротко кивнул мне и взял несколько аккордов:

– Вот что! Ты сейчас споёшь всю песню по-русски! А я буду повторять за тобой каждый куплет по-немецки. Начинай!

Я испугалась:

– Геноссе Вайнерт, извините, но я совсем не умею петь! У меня нет слуха. Мама говорит, что слон...

Вайнерт махнул рукой и, проиграв вступление, сам пропел всю песню до конца, разумеется, по-немецки.

Так случилось, что первой русской слушательницей немецкого варианта знаменитой песни стала 13-летняя школьница.

Мы с Марианной онемели от восхищения.

Вайнерт увидел, какое впечатление произвёл на нас перевод, и впервые улыбнулся...

Вайнерт не переводил эту песню дословно, он изложил её смысл, её настроение:¹¹¹

Vaterland, kein Feind soll dich gefährden!
Teures Land, das unsre Liebe trägt!
Denn es gibt kein andres Land auf Erden,
Wo das Herz so frei dem Menschen schlägt.

В обратном переводе на русский это звучит так:

Родина, ни один враг не смеет тебе грозить!
Дорогая земля, которая несёт нашу любовь!
На Земле нет другой страны,
где сердце человека бьётся так свободно.

Песня исполнялась Эрнстом Бушем с 1936 года.

Литературовед Александр Дымшиц, хорошо знавший Эриха Вайнерта, вспоминает [14]:

Вайнерт сказал мне, что, живя в России, он полюбил не только русскую жизнь, но и русское слово. Он вошёл во внутренний мир, понял дух русского народа и только поэтому смог найти эквиваленты для русского слова-образа в немецком языке. И тогда же Вайнерт сказал, что проблема перевода – важнейшая проблема, что хороший перевод – это настоящая победа в германо-советской дружбе.

Песня, несомненно, гениальная. Популярнее неё в истории нашей страны не было и нет. Однако за её красивым фасадом – ГУЛАГ. «Я другой такой страны не знаю, / где так вольно дышит человек»... Сегодняшние

¹¹¹ Полный немецкий текст Вайнерта см. [13].

поколения этой песни не знают: её убило несоответствие с тогдашней действительностью.

Листовки ВАЙНЕРТА

Одним из основных направлений деятельности Немецкого отдела полковника Брагинского было изготовление и распространение пропагандистских листовок. К этой работе Брагинский активно привлекал немецких эмигрантов-антифашистов. И среди самых талантливых авторов листовок был Эрих Вайнерт.

В годы войны Вайнерт много писал. Были опубликованы, например, его рассказы «Смерть за отечество» (1942), «Целесообразность» (1942), фронтовой дневник «Помни о Сталинграде» (1943), сборник стихов-листовок «Против истинного врага» (1944). Пленные немецкие солдаты рассказывали, как читали в окопах одно из самых пронзительных стихотворений Вайнерта:

Грудой развалин Европа легла,
Смерть над людьми нависла.
Родина, ты никогда не была
Миру так ненавистна!

Об одной из самых ярких листовок Вайнерта вспоминает Софья Тарханова [5]:

1942-й год. 7-й отдел. Иосиф Самойлович Брагинский вызывает меня к себе в кабинет. Тут же стоит Эрих Вайнерт, известный немецкий поэт-антифашист, эмигрант – отец Марианны, некогда самой близкой моей подруги в Немецкой школе имени Карла Либкнехта. Он вглядывается в меня, видимо, что-то вспоминает, но всё же не узнаёт. И я молчу – воспоминания сейчас неуместны.

Полковник Брагинский торопливо протягивает мне текст будущей листовки – Эрих Вайнерт написал для неё стихи. Стихотворение обращено к немецким солдатам: Denk an Dein Kind.

Скоро, уже на фронте, я буду читать эти стихи для солдат противника, и тотчас заработает вражеский пулемёт (я читала эти стихи и многое другое через МГУ – Мощную говорящую установку, находившуюся на специальной машине, подъезжавшей вплотную к позициям врага).

– Переведи мгновенно! – скомандовал мне полковник. – Начальство ждёт!

Разумеется, перевести надо было в стихах. Начальство не жаловало прозы.

...Я часто переводила на русский язык – для начальства – листовки немецких писателей-эмигрантов Фридриха Вольфа и Эриха Вайнерта, а стихи последнего, по просьбе начальства, также обычно переводила в стихах.

Denk an Dein Kind, soll es einst sagen:
“Mein Vater ist nicht heimgekehrt,
Er hat für Schurken sich geschlagen,
Die unser Vaterland entehrt”.
Denk an Dein Kind!..

Тогда я, по традиции, перевела всё это длинное стихотворение на русский язык стихами, но сейчас могу предложить только подстрочник (не та прыть!).

Подумай о сыне своём,
Вдруг он скажет потом:
«Мой отец не вернулся с войны.
Он сражался за подлецов,
Опозоривших наше отечество!».
Подумай о сыне своём!..

...Переводила я также – на русский – тексты листовок, написанных немецкими писателями-эмигрантами – Вольфом, Бределем и другими, особенно стихи Эриха Вайнерта – также в стихах. Последним обстоятельством я немножко гордилась, но мои начальники – полковники и подполковники – однажды похвалив переводы, в дальнейшем привыкли к этой практике и нипочём не приняли бы у меня из рук подстрочника.

А переводить немецкие тексты листовок на русский надо было потому, что, как всегда и всюду в советском истеблишменте, высшее начальство не знало языков.

В архиве И.С. Брагинского сохранилась эта листовка:

Помни о своём ребёнке!

Помни о своём ребёнке!
Может быть, этой ночью
Он грезит о тебе!
И когда он утром проснётся,
То спросит :
Мама, а папы всё ещё здесь нет?
Помни о своём ребёнке!
Ведь он ещё так мал!
Каким станет его будущее,
Если ты не вернёшься,
Если некому будет его растить?
Ведь твоя жена будет мучиться,
ей придется много работать,

Чтобы вырастить его без отца.
Как радовался твой ребёнок,
Когда видел тебя!
А теперь тебя с ним нет.
В тишине ночи
Он мечтает о тебе:
«О, папа, если бы ты был снова здесь!»
Помни о своём ребёнке!
Вдруг он однажды скажет:
«Мой отец не вернулся домой.
Он сражался за подлецов,
Опозоривших наше отечество!»

Вспомни о своём ребёнке!
Коричневая чума скоро сгинет,
И Германия снова станет свободной!
А ты? Неужели ты не вернёшься
К своему ребёнку, не обретёшь своего счастья,
Когда всё вокруг снова станут счастливы?
Подумай о своём ребёнке!

Перевод Н.Л. Сулович

Об этой листовке пишет в своих воспоминаниях ещё один участник «особого фронта» – Б.Л. Крупаткин [15].

«У меня хранится одна из наших листовок. Она и сегодня не оставит равнодушным честного человека: на лицевой стороне – большая фотография ребёнка в слезах, вдали – убитый немецкий солдат на снегу. На обороте – стихи известного немецкого поэта-революционера Эриха Вайнерта:

Внизу, под стихами, в рамке на немецком и русском языках: «Passierchein» — «Пропуск»:

«Каждый немецкий солдат имеет право с этим пропуском переходить через фронт в плен к русским. Каждый воин Красной Армии и советский гражданин обязан сопроводить его в ближайший штаб Красной Армии.

Командование Красной Армии гарантирует пленному жизнь, хорошее обхождение и возвращение на родину после войны». Скреплено гербом СССР.

Это пронзительное стихотворение Эриха Вайнерта не раз использовалось в листовках, обращённых к немецким солдатам. Мне удалось обнаружить ещё один вариант такой листовки, сохранённый потомком немецкого солдата [16]:

Сражался наш отец за подлецов
И кровью должен был своей за это поплатиться...

На обратной стороне листовки напечатан фотомонтаж: над телами погибших солдат плачет ребёнок, восклицая: «Отец мой убит!» Под монтажом подпись: «В этом повинен Гитлер! Он сделал это!».

Мне не удалось найти ни одного поэтического перевода этого стихотворения. Как жаль, что Тарханова не сохранила своих стихотворных переводов Вайнерта! Почему – понятно: 19-летняя девушка, хоть и писала стихи, которые хвалил брат нашего общего с ней деда поэт А. Оршанин, всё-таки поэтессой себя не считала. Да и каждый единственный рукописный экземпляр перевода из-под рук выхватывали для передачи начальству. «Переведи мгновенно!» – где уж тут работать над качеством перевода... И кто тогда думал об их сохранении?!

А.С. Щербаков:

«Мне докладывали о листовке «Фатер ист тот!» – её действие превзошло все ожидания. Мне рассказывали, что не было пленного, который не упомянул бы о ней, и что многие немецкие солдаты, поднимая руки, сжимали эту листовку как пропуск в плен ([17], с.102).

В архиве И.С. Брагинского сохранилась ещё одна листовка со стихами Эриха Вайнерта. На одной стороне листовки стихотворение «Deutschland wird nicht verloren sein!», на другой – «Ich, Deutschland, eure Mutte, klage an».

В Интернете я встречал ссылки на существование этой листовки (например, [18]). Известна запись песни «Deutschland wird nicht

verloren sein!» [19], но ни саму листовку, ни приведённых на ней текстов я не видел. Возможно, это – первая их публикация.

Германия не погибнет!

Как много тех, кто в тревоге спрашивают себя:
Что будет с Германией,
Если война, которую она развязала, будет проиграна.
Но **кто** тревожится об этом, **кто** ищет ответа?
Разве **ты** считал, что то, что Гитлер
Творит с другими народами, хорошо и правильно?
Если ты на этот вопрос ответишь **ДА**,
То ты – просто холоп, и не можешь его задавать;
И когда мы говорим о врагах Германии,
То ты, бандит, будешь самым первым.
Если же ты скажешь **НЕТ**,
То тебя всё равно потащат за собой
И будут учить убивать;
И ни слова сопротивления –

Иначе – сразу же к стенке!
Я говорю **тебе**: счастье нашей Родины
Не возникнет само по себе!
Будущее нашей страны –
В наших общих руках!
Если однажды, когда всё затрещит по швам,
Народ восстанет, возьмёт власть в свои руки,
И всю сволочь, которая ему лгала и угнетала,
Пошлёт к чёрту, сбросит с себя ярмо
Тех, кто наживался на его страданиях,
И не станет терпеть, чтобы всё народное добро
Находилось в руках нескольких разбойничьих шаек,
То в этот миг народ, ощутив тягу к свободе,
Возьмёт бразды правления в свои руки,
Станет вести себя, как свободные люди,
И заявит о своей свободе во весь голос!
И ведь это может случиться уже завтра!
Для этого ты должен только повернуть свою винтовку

в другую сторону,

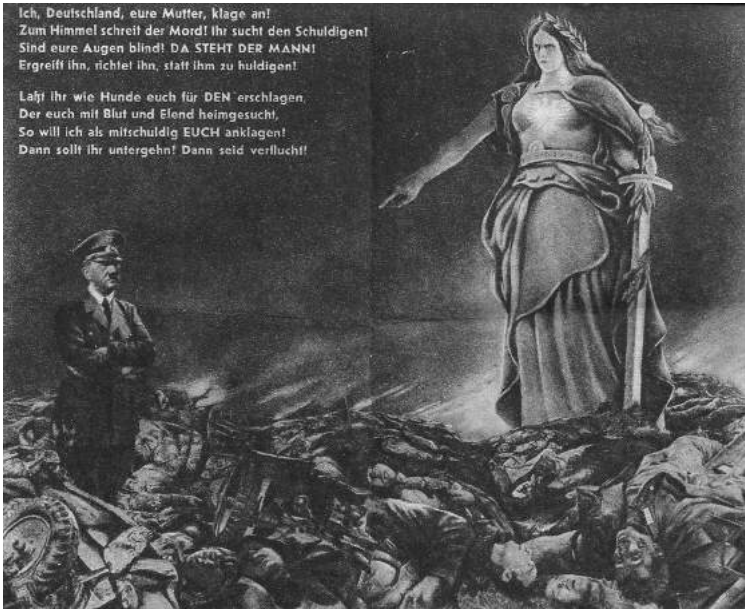
И гитлеровская власть палачей и убийц
Разлетится вдребезги!
Во всём мире не будет победы прекраснее!

Перевод Н.Л. Сулович

Я, Германия, ваша мать, обвиняю!

Убитые вопиют к небесам! И вы ещё ищите виновных!
Разве вы слепы? ВОТ ОН – ПЕРЕД ВАМИ СТОИТ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК!
Хватайте его, судите, вместо того чтобы преклоняться!
Вы – псы, которых выучили убивать – во имя ТОГО,
Кто призвал на ваши головы неисчислимы бедствия
И залил страну кровью!
Поэтому я обвиняю и ВАС как соучастников!
Пропадите вы все! И будьте прокляты!

Перевод Н.Л. Сулович

В моём несовершенном переложении на русский это стихотворение звучит примерно так:

Я, Германия-мать, я вас обвиняю
За тех, кто убит и уже в небесах!
Вот тот человек, кого прославляют,
А надо – судить и проклясть его прах.
Вас, псов, он послал убивать без разбора,
И слепо вы кровью залили страну.
Я вас обвиняю! И знаю, что скоро
Все люди и вас вместе с ним проклянут!

Как уже упоминалось, после войны профессор И.С. Брагинский помогал А. Курелле в подготовке к изданию произведений Эриха Вайнерта.

Брагинский и Вайнерт вместе (но на разных участках фронта) работали пропагандистами под Сталинградом. Стихотворения, которые Вайнерт читал через окопную говорящую установку на передовой,

оказывались самой действенной из всех форм пропаганды. Вот одно из них:

НИ ВЫСТРЕЛА БОЛЬШЕ, СОЛДАТЫ!

Обмануты, преданы, смяты,
В «котле» вы сидите сейчас.
Так есть ли спасенье, солдаты?
Спасенье зависит от вас!
Для родины вашей, поверьте,
Ещё вы обязаны жить.
Чем гибнуть бессмысленной смертью,
Достойней оружие сложить!
Обманом, бессовестным бредом
Вас Гитлер опутать сумел.
Но всем его дутым «победам»
Отныне положен предел.
Смотрите! Уже не пробиться!
Сомкнулась железная цепь.
И вашу кровью дымиться
Начнёт сталинградская степь.
Вас гложет жестокое горе,
Вы мечетесь в сумрачной мгле.
Не так ли Германия вскоре
Окажется в страшном «котле»?
Но Гитлер падёт... Возгорятся
Миллионы огней золотых.
Для лучших времён пригодятся
Отечеству руки живых!

1942

Перевод с немецкого Л. Гинзбурга [20].

В 1946 году Вайнерт вернулся на родину. В 1949 и 1952 годах он удостоивался Национальной премии. Вайнерт стал одним из основателей Академии искусств ГДР.

В Сталинградских окопах Вайнерт нажил туберкулёз, который в 1953 г. свёл его в могилу.

Вальтер Ульбрихт (слева) и Эрих Вайнерт (справа) через окопную говорящую установку обращаются к немецким солдатам и офицерам. Сталинградский фронт, декабрь 1942 г. [17]

Вальтер Ульбрихт

Полковника Брагинского сблизил с Вальтером Ульбрихтом совместная работа в годы Великой Отечественной войны. Они были боевыми товарищами, коллегами и единомышленниками. «С удовольствием вспоминаю нашу совместную работу и как Вы вдохновляли меня на создание антифашистских пропагандистских материалов» – писал Ульбрихт Брагинскому в 1972 году.

Вальтер Ульбрихт (1893-1973) в 1907-15 гг. работал столяром на предприятиях Лейпцига. В 1912 г. вступил в Социал-демократическую партию Германии. В 1915-18 гг. служил в армии. Подвергался преследованиям за антивоенную пропаганду. Во время Ноябрьской революции 1918 г. в Германии работал в Совете рабочих и солдатских депутатов в Лейпциге. В 1918 г. вступил в «Союз Спартака» – революционную организацию немецких левых социал-демократов. Один из основателей организации Коммунистической партии Германии

(КПГ) в Лейпциге. В 1921-23 гг. политический секретарь окружной организации КПГ в Тюрингии. В 1923 избран секретарём ЦК КПГ, а с 1935 г. членом Политбюро ЦК КПГ. Вместе с Э. Тельманом и В. Пиком боролся за превращение КПГ в массовую марксистско-ленинскую партию рабочего класса. В 1926-28 гг. депутат саксонского ландтага, в 1928-1933 гг. – рейхстага от КПГ. С 1928 г. кандидат в члены Исполкома Коминтерна, в 1928-1929 и 1938-1943 гг. представитель КПГ при Исполкоме Коминтерна. Одновременно работал в германской редакции Московского радио. Участвовал в Гражданской войне в Испании, после поражения республиканцев выехал во Францию, после оккупации Франции в 1940 году бежал в Москву.

Вальтер Ульбрихт

После установления в Германии фашистской диктатуры (1933) Ульбрихт находился на руководящей работе в подполье, в конце 1933 г. был вынужден покинуть Германию. Во время Второй мировой войны вёл разъяснительную работу среди немецких военнопленных в СССР,

В. Файн. Жизнь востоковеда

Форма № 9 *В. Ф. Файн* *26/II-43* *320*
 Обязательно все графы заполнить полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество УЛЬБРИХТ Эльбер
 Военное звание Не имеет
 Должность, часть Антифашистский писатель 7 отдела ГЛАВПУРКА

Представлен к ордену "ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2 СТЕПЕНИ"

1. Год рождения _____ 2. Национальность Немец
 3. К какому времени состоит в Красной Армии не состоит 4. Партийность Чл. КПС с 1918г.
 5. Участие в боях (где и когда) Не участвовал
 6. Имеет ли ранения и контузы не имеет
 7. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награждался
 8. Когда РВК призван _____
 9. Постоянный домашний адрес: (представляемого к награждению или его семьи) _____

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг
 Тов.УЛЬБРИХТ В с 3 января по 3 февраля 1943г. работал на донском фронте по линии работы среди войск противника. Большую часть времени тов.УЛЬБРИХТ провел непосредственно в частях нашего фронта, где сам организовывал и проводил передачи солдатам и офицерам окруженной группировки противника, осуществлял военнопленных для их засылки в тыл противника, помогал 7-м отделением Поваров в издании листовок к вражеским солдатам. Написал несколько листовок и передач для звуковещания.

Своей непосредственной работой тов.УЛЬБРИХТ принес большую пользу в деле разведки окруженной в районе Сталинграда группировки противника.

тов.УЛЬБРИХТ В.достоин награждения его орденом "ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2 СТЕПЕНИ".

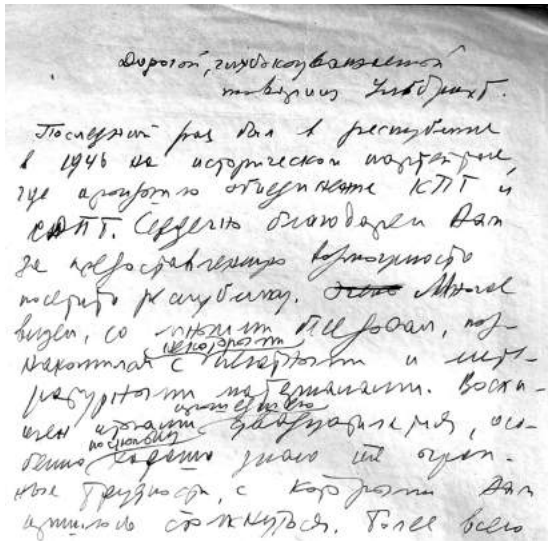
НАЧАЛЬНИК ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ ДОНСКОГО ФРОНТА
 ГЕНЕРАЛ-МАJOR *Галадеев*
 /ГАЛАДЕЕВ/

"20" февраля 1943 года

в 1943 г. участвовал в создании Национального Комитета «Свободная Германия». Как пропагандист участвовал в Сталинградском сражении, за что был награждён Орденом Отечественной войны 2-й степени.

После разгрома фашизма в Германии (1945) Ульбрихт вернулся на родину, был одним из основателей СЕПГ (1946) и одним из создателей ГДР (октябрь 1949). В 1946-49 гг. зам. пред. СЕПГ, с 1949 г. член Политбюро ЦК СЕПГ, в 1950-53 гг. Генеральный секретарь, в 1953-71 гг. Первый секретарь ЦК СЕПГ, с мая 1971 г. Председатель СЕПГ. Одновременно в 1949-55 гг. зам. премьер-министра ГДР, в 1955-1960 гг. Первый зам. Председателя Совета Министров, в 1960–1971 гг. Председатель Национального Совета обороны, с 1960 г. Председатель Госовета.

Ульбрихту принадлежат труды по истории германского рабочего и профсоюзного движения, по вопросам партийного, государственного, хозяйственного и культурного строительства в ГДР. Награждён орденами ГДР, а также советскими орденами: орденом Ленина, Октябрьской Революции, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Дружбы народов [21].

Дорогой, гундлокованский
товарищ Ульбрихт.

После того как вы в результате
в 1946 на исторической конференции
где выступили от имени КПГ и
САПГ. Сказать основатели вы
же колоссальную формулировку
получили в кубинской. Это ~~Мини~~
вышло, со ~~сказали~~ ГИЛЮАМ, по-
кажется с ~~намерением~~ и ~~инт-~~
ресуются на ~~германском~~. Восста-
влять ~~используя~~ ~~намерением~~ ~~на~~ ~~свободной~~, ~~ос-~~
~~вобождения~~ ~~намерением~~ ~~на~~ ~~свободной~~
на ~~германском~~, с ~~кого~~ ~~намерением~~ ~~на~~
успешно ~~намерением~~. Полл белл

Часть черновика письма И.С. Брагинского В. Ульбрихту

Профессор И.С. Брагинский никогда не терял связи с Германией и Ульбрихтом. По приглашению Ульбрихта он дважды бывал на съездах СЕПГ.

В архиве Брагинского немало писем от Вальтера Ульбрихта, некоторые из них впервые публикуются в приложении к данной книге. Их отношения отнюдь не ограничивались поздравлениями с праздниками:

В октябре 1962 г. к Брагинскому обратился режиссёр из ГДР с рекомендательным письмом от А. Куреллы: готовится небольшой документальный фильм к 70-летию Вальтера Ульбрихта, и в него должен быть включён материал о его деятельности в СССР во время войны. Курелла просил Брагинского стать консультантом этого фильма и помочь разыскать подходящий фото-киноматериал. Такой короткометражный фильм был выпущен.

О советском полковнике и двух германских солдатах, ставших генералами

Говорят, что каждый солдат мечтает стать генералом. Наверное, мечтает не каждый, поскольку удаётся это очень и очень немногим. Но всё-таки кому-то удаётся, ведь почти каждый генерал когда-то

Полковник И.С. Брагинский. Фото из орденской книжки, 1943 г.

был солдатом. Полковник, два солдата которого стали высокопоставленными генералами – это уже из области сказок. Представляю его: полковник Иосиф Самуилович Брагинский.

Службе в Советской Армии профессор И.С. Брагинский (1905-1989), будущий учёный-востоковед мирового уровня, отдал 12 лет своей жизни. В 1941–1945 г.г. руководил Немецким отделом Главного политического управления Советской Армии, ведущим работу с войсками и населением противника.

III. ПРОХОЖДЕНИЕ			НИИ СЛУЖБЫ	
О каком времени (м-ц, год)	По какому времени (м-ц, год)	Должность	Воинская часть, соедине-ние, армия, фронт, округ	Чем призыв, № и дата
1. 1940	6. 1941	Ст. штурман Финдеса	Зав. нахим. управ. №10 НОЗ346 Кр. Армии	с 23.7.40.
6. 1941	12. 1942	Н-к айдеки	Зав. полит. управ. Кр. Армии	№10 НОЗ312 с 29.8.40.
1. 1943	5. 1945	Ч-к редакц. Изд. айдеки	Зав. полит. управ. Кр. Армии	№2084 с 27.3.43.
5. 1945	4. 1949	Н-к айдеки	Зав. полит. управ. ВС	№213 НОЗ366 с 4.8.47.
			Военный ин-т Н-к ин-т №236 Инстит. Языков с 20.4.49.	

Лист из военного билета полковника И.С. Брагинского

Из бесчисленного множества немецких солдат-военнопленных, с которыми работал полковник Брагинский, сам он особенно выделял двоих – Хайнца Кесслера и Франца Гольда, ставших его друзьями.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ ХАЙНЦ КЕССЛЕР От Лаубана до Победы

Хайнц Кесслер родился 26 января 1920 г. в г. Лаубан (Нижняя Силезия, ныне это польский город Любань) в семье потомственных пролетариев – немецких коммунистов. Отец – член КПГ со дня основания партии, мать – депутат городского совета в городе Хемнитц

(в 1953-1990 гг. Карл Маркс Штадт). После 1933 года арестовали обоих – сначала отца, затем мать [22].

В шестилетнем возрасте Хайнца приняли в Красную юную пионирию (молодёжная организация Коммунистической партии Германии). Учился на автослесаря. 15 ноября 1940 г. призван в вермахт. Прошёл военную подготовку и был назначен в 134-ю пехотную дивизию помощником пулемётчика. Эта дивизия участвовала во вторжении в Советский Союз в июне 1941 г. в составе группы армий «Центр». 15 июля 1941 г. во время боевого патрулирования в окрестностях Бобруйска на восточном берегу Березины Хайнц Кесслер перешёл на сторону Красной Армии.

На первом же допросе Кесслер вылил ушат холодной воды на головы наших ура-патриотов, ожидавших быстрейшей победы в развязанной Гитлером войне. Вот как этот эпизод описан в книге Н.И. Кондаковой [23]:

«Бывший солдат вермахта Гейнц Кесслер, попавший в начале войны к нам в плен, вспоминает о своём изумлении содержанием допроса. «Когда немецкий рабочий класс повернёт оружие против Гитлера?» – спросил его молоденький советский лейтенант. «Ещё не скоро. Не надейтесь на лёгкую победу. Слишком сильно одурманил Гитлер наш народ...» – ответил Гейнц. Лейтенант оторопел и в горячке назвал пленника провокатором. «Как это не скоро? Ведь в кинофильме «Если завтра война» восстание рабочего класса произошло уже через сутки после первых сражений».

Молодой немецкий коммунист Кесслер хорошо знал, на что он шёл. Никаких иллюзий на этот счёт он не питал.

Лагерь для военнопленных под Красногорском. Первые контакты с немецкими эмигрантами происходят у него там. Возможно, тогда же и состоялась первая встреча Кесслера с Брагинским. Кесслера и его товарища Франца Гольда переводят в Спасо-Заводской лагерь для военнопленных недалеко от Караганды, на территории Казахской ССР. Лагерь посещают Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, и Кесслер оказывается на пятимесячных курсах первой Антифашистской школы в с. Оранки Горьковской области, после окончания которой начинается

постоянная пропагандистская работа под руководством полковника Брагинского.

В самом начале 1943 г. Брагинский включает Кесслера в состав пропагандистской бригады для работы под Великими Луками, продемонстрировав величайшую степень доверия к нему. И Кесслер не подвёл: с риском для жизни проводил многочисленные рупорные вещания, адресованные окружённым немецким войскам.

После Великих Лук Кесслер участвует в июле 1943 г. в создании Национального Комитета «Свободная Германия». Он был избран в состав этого Комитета в числе 38 его членов. Главой НКСГ стал поэт Эрих Вайнерт.

*Х. Кесслер – фронтовой уполномоченный НКСГ
на Брянском фронте, 1943 г.*

Фото из фонда Красногорского музея немецких антифашистов

Цели и задачи Национального комитета Свободная Германия были сформулированы в манифесте, с которым он обратился к германским войскам и к германскому народу. Задачи, поставленные в манифесте, заключались в следующем [24]:

- мобилизация на борьбу против Гитлера и его военных преступлений всех слоёв населения, в том числе офицеров, сознающих ответственность за судьбу нации;
- полная ликвидация всех законов, основанных на расовой дискриминации и ненависти к другим народам, а также всех учреждений гитлеровского режима;
- отмена всех законов гитлеровского режима, основанных на принуждении и направленных против свободы и человеческого достоинства; восстановление и дальнейшее расширение политических прав тружеников, свободы слова, печати, союзов, а также свободы совести и вероисповедания;
- свобода хозяйственного развития, торговли и ремёсел; обеспечение права на труд и охрана собственности, приобретённой законным путём;
- возврат всего награбленного национал-социалистскими правителями имущества его законным владельцам; конфискация имущества военных преступников, конфискация военных прибылей;
- развёртывание торговли с другими странами; немедленное освобождение всех жертв гитлеровского режима и выплата им соответствующей компенсации;
- суд над военными преступниками;
- создание нового немецкого правительства.

Затем Кесслер возвращается на фронт, теперь уже на Брянский, в качестве полномочного представителя НКСГ.

– Это было для меня время жарких дискуссий и споров, убеждения и перевоспитания, это было для меня школой классовый борьбы, – вспоминает Хайнц Кесслер. – Я получил много незабываемых уроков от советских товарищей – как надо понимать и, главное, применять на практике пролетарский интернационализм. Именно это фронтовое время родились те узы дружбы, которые и ныне связывают меня со многими товарищами. А основа дружбы – общее мировоззрение, любовь к Советской стране и её народу [22].

С сентября по ноябрь 1943 года снова учёба – в спецгруппе Центральной антифашистской школы, где наиболее перспективные антифашисты проходили повышенный курс обучения. Зимой 1943 года Кесслера переводят в Лунёво, где размещалась штаб-квартира НКСТ. Там он в качестве сотрудника редакции радиостанции «Свободная Германия» участвует в подготовке и проведении различных радиопередач.

На руководящих должностях в ГДР

После капитуляции гитлеровской Германии Кесслер возвращается на родину, вступает в Коммунистическую партию Германии и становится лидером Главного молодёжного комитета Большого Берлина. После образования СЕПГ (1946 г.) его избирают членом Центрального комитета СЕПГ. В 1946–1948 годах Кесслер – председатель Берлинской организации Свободной немецкой молодёжи. В 1947 году он женится на Рут Шмидт. В 1948–1950 гг. он – секретарь Центрального совета Союза свободной немецкой молодёжи. В течение 40 лет, с 1950 г. до 17 марта 1990 г. Кесслер был депутатом Народной палаты ГДР.

Вальтер Ульбрихт поздравляет Кесслера с присвоением звания генерал-полковника. 1 марта 1966 года

С 1 октября 1950 г. Кесслер занимает руководящие военные посты: руководитель Главного управления воздушной полиции в ранге генерал-инспектора, начальник Воздушной народной полиции (1952 г.), после обучения в Военной академии ВВС в Москве (сентябрь 1955 г. – август 1956 г.) – заместитель министра национальной обороны ГДР и командующий ВВС/ПВО ННА, заместитель министра национальной обороны и начальник Главного штаба (с 1967 г.), с 1970 года он, как начальник Главного штаба ННА, является одновременно заместителем главнокомандующего объединёнными силами стран-участниц Организации Варшавского договора.

В январе 1971 г. Кесслер попал в серьёзную аварию, пережил несколько операций и около восьми месяцев находился в больнице, но так и не смог полностью восстановить своё здоровье.

10 января 1979 г. Кесслер становится заместителем министра национальной обороны и начальником Главного политического управления ННА, а 3 декабря 1985 г. – министром национальной обороны ГДР и членом комитета министров обороны стран-участниц Организации Варшавского договора с присвоением звания генерала

Генерал армии Хайнц Кесслер. 1988 г.

армии. В это время происходит взлёт его политической карьеры: член Политбюро ЦК СЕПГ (1986 г.), член Национального совета обороны ГДР (1987 г.) [25].

Среди большого количества наград Хайнца Кесслера немало советских: орден Великой Отечественной Войны 1-й степени (1970 г.), орден Октябрьской Революции (1976 г.), орден Красной Звезды (1984 г.), медаль Братство по Оружью (1980 г.).

КАК ГЕНЕРАЛЫ ПЕРЕД ПОЛКОВНИКОМ ОТЧИТЫВАЛИСЬ

В 1949 г. полковник Брагинский присутствовал в качестве почётного гостя на съезде, положившем начало объединению КПП и СДПГ. В 1966-м году профессор Брагинский – снова в числе иностранных гостей, приглашённых на юбилейный съезд Вальтером Ульбрихтом от имени ЦК СЕПГ. Во время этой поездки состоялась встреча, о которой пресса тогда не писала. В доме писателя Альфреда Куреллы встретились участники Великолукской пропагандистской операции. Вот как эта встреча описана в большом материале журнала ГДР «Свободный мир», посвящённом профессору Брагинскому [26]:

«Пришёл Франц Гольд, ныне генерал ГДР. В своё время, в дни осады Великих Лук, жена Брагинского, Хана Натановна, отнеслась к Гольду настороженно. Этот перебежчик из фашистского вермахта, верзила, силач с крепкими кулаками, не внушал ей доверия.

– Убьёт он тебя! – сказала она тогда мужу.

Тот в ответ лишь рассмеялся:

– Если вдруг понадобится, он меня спасёт!

В ходе той самой фронтовой операции немецкий антифашист Гольд уберёт советского профессора-коммуниста – в метель и свирепый мороз – от замерзания.

Но вернёмся в дом Куреллы: здесь, стало быть, эти двое увиделись вновь. Франц Гольд бросился к Брагинскому. Так крепко обнял он профессора, что Хана Натановна улыбнулась и не смогла удержаться от шутки:

– Вот теперь он уже точно тебя убьёт!

И ещё один участник Великолукской операции пришёл в дом Куреллы: Хайнц Кесслер, ныне генерал-полковник, заместитель министра обороны.

Оба генерала, хоть в этот вечер и в гражданском, при виде Брагинского вскочили со своих мест и замерли в стойке «смирно».

Улыбка соседствовала на их лицах с выражением торжественной серьёзности.

– Товарищ полковник! Разрешите доложить Вам о нашей работе за минувшие 20 лет!

Брагинский смущённо отмахнулся от такой чести:

– Послушайте, я же давно демобилизован! И вообще, пристало ли генералам рапортовать полковнику?

Но Хайнц Кесслер продолжает настаивать:

– Нет, товарищ полковник, мы обязательно должны это сделать! Ведь это Вы воспитали нас сознательными коммунистами!

И они рассказывают, как после 1945-го года закладывали основы первого в истории миролюбивого немецкого государства.

Профессор Брагинский жадно ловит каждое их слово.

Он взволнован.

Как только они замолкают, он встаёт и в свою очередь рапортует немецким друзьям о работе, проделанной им самим.

Последним берёт слово писатель Курелла...».

Отношения профессора Брагинского со своим другом и единомышленником генералом Кесслером до конца оставались весьма доверительными и даже братскими. Это следует из писем, которыми они постоянно обменивались. Привожу лишь некоторые из них:

Дорогой друг и товарищ по партии, дорогой Хайнц!

Посылаю три газетных вырезки, сердечно тебя приветствую и хочу сказать, что я горжусь тобой, мой дорогой спутник военных лет! Горячий привет Францу Гольду!

Твой старый (к сожалению, уже) друг – полковник в отставке И. Брагинский.

B Moskau, den 9/III 1969
Mein lieber Parteigenosse, mein
Lieber Heinz
Anliegend sende ich drei
Zeitungsausschnitte und ich
wüßte Dir von Herzen mei-
ne große Freude ausdrücken
und sagen daß ich auf Dich
stolz bin, mein teurer Waffen-
gefährte.
Deine beste Grüße an Frau & Gold.
Dina (leider schon) alle
Freund
Igor
I. S. Braginskiy

18 июня 1980 г. в официальном поздравлении профессора Брагинского от Министерства обороны ГДР Хайнц Кесслер писал:

«Этот знаменательный день в Твоей жизни служит мне поводом, чтобы лишний раз поблагодарить Тебя за всё то, что Ты, как коммунист, как член Коммунистической партии Советского Союза сделал для нас, немецких коммунистов и антифашистов в тяжёлые годы Великой Отечественной войны. Я лично приношу Тебе благодарность за весь труд, за советы и за терпение, оказанное мне Тобой в эти дни».

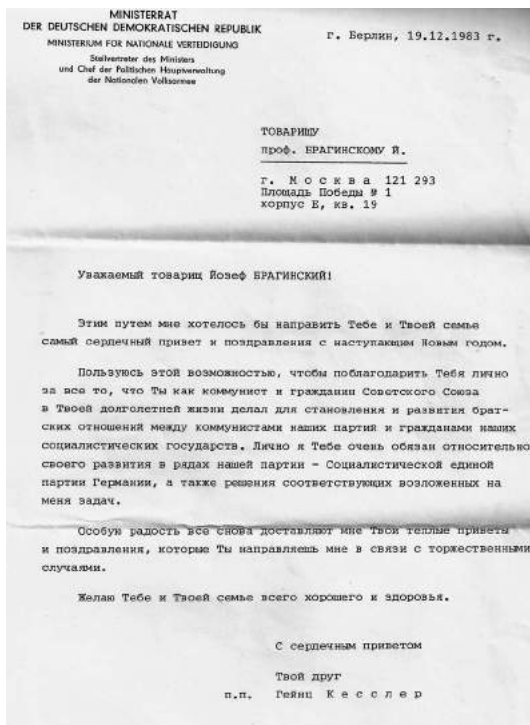
...24 июля 1989 г. от Министра национальной обороны ГДР пришла телеграмма. В ней были такие слова:

«С глубоким прискорбием воспринял известие о том, что скончался ...мой давний друг и боевой соратник профессор Йозеф Брагинский. Мы все понесли большую утрату. ...Товарищ профессор Брагинский останется в моей памяти навсегда стойким коммунистом и пламенным интернационалистом, чья многогранная и неустанная деятельность

В. Файн. Жизнь востоковеда

в тяжёлые годы Великой Отечественной войны служила нам, немецким коммунистам и антифашистам, ярким примером пролетарского интернационализма. Тем самым его дело вошло в историю прочной и нерушимой дружбы между нашими народами. ...В эти тяжёлые для Вас часы прощания будьте уверены в моей поддержке».

И мы знаем, что это были не дежурные, а абсолютно искренние слова.

БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА И ГЕНЕРАЛ ХАЙНЦ КЕССЛЕР

С окончанием войны обострились неразрешимые идеологические противоречия между двумя моделями общества – социалистической и капиталистической. Опасаясь усиления СССР – основного победителя гитлеризма, Запад развязал против него холодную войну, суть которой – в соперничестве за господство в послевоенном мире. Инициатором раскола Германии был Запад, а не СССР.

Советский Союз понёс в Великой Отечественной войне колоссальные людские потери и разрушения. Гитлеровские войска сражались против Советской Армии ожесточеннее, чем против западных союзников, из-за чего разрушения в восточных областях Германии были бóльшими, чем в западных областях. Богатая Америка, нажившаяся на Второй мировой войне, обладала несравнимо бóльшими возможностями способствовать экономическому возрождению Западной Германии. В результате Западная Германия быстро опередила Восточную в экономическом развитии. В ФРГ немцам жилось лучше, чем в ГДР. Отсутствие физической границы приводило к массовой утечке специалистов из ГДР. Восточные немцы предпочитали работать в Западной Германии, где зарплата была существенно выше. Открытый участок границы способствовал ухудшению экономического положения Советского Союза и его союзников.

Берлинская стена со стороны Западного Берлина

Блок НАТО создан раньше (апрель 1949) Организации Варшавского договора (май 1955), ФРГ образовалась в сентябре 1949 г. – раньше, чем ГДР (октябрь 1949). Большая доля ответственности за «железный занавес», опустившийся на границе между Востоком и Западом, лежит на Западе. США разделили Германию «ядерным поясом», протянувшимся вдоль всей восточной границы ФРГ. Под мосты, плотины и другие важные объекты были подведены ядерные заряды, подготовлены к затоплению районы в долинах рек. Берлинская стена была ответной мерой, обеспечивающей безопасность и ГДР, и СССР [27].

Берлинская стена – инженерно-оборудованная и укрепленная государственная граница ГДР с Западным Берлином (13 августа 1961 – 9 ноября 1989) протяженностью 155 км, в том числе в черте Берлина 43,1 км.

Согласно официальным данным правительства ГДР, жертвами побегов через Берлинскую стену стали 125 человек. По современным российским данным общее число погибших при попытке пересечения границы составило 192 человека (погибли от применения оружия пограничниками ГДР, утонули, разбились и т.д.), ранения получили около 200 человек, свыше 3 тысяч были арестованы. 8 пограничников ГДР были убиты нарушителями границы и выстрелами с территории Западного Берлина [28].

Горбачёвская перестройка (1985–1991), закончившаяся развалом СССР, стала результатом разочарования в советской модели социализма и роста надежд на прекращение конфронтации с Западом. СССР практически перестал поддерживать ГДР и согласился на безоговорочное воссоединение двух частей Германии. Однако вместо воссоединения произошло поглощение ГДР Западной Германией, отстранение от власти руководства ГДР, расформирование Вооружённых сил ГДР с тотальным увольнением их кадров. Демонтаж социальных завоеваний, начавшийся в Германии, быстро распространился на Россию и другие страны Восточной Европы. США перестали считаться с ослабшей Россией и объявили себя единственной сверхдержавой, интересы которой распространяются на весь мир. Было уничтожено всё то, во имя чего работали профессор Брагинский и его единомышленники. Наверное, счастье Брагинского, что до таких перемен он не дождался...

17 ноября 1989 г. Кесслер вынужден был оставить пост министра национальной обороны. Около месяца он находится в министерстве без каких-либо обязанностей, и, наконец, 14 декабря 1989 г. его уволили в отставку. Новые власти объединённой Германии возбудили против Кесслера уголовное дело. 16 сентября 1993 г. берлинский суд признал его виновным в косвенном соучастии в убийствах (ссылаясь на приказ стрелять на поражение по пытающимся бежать из ГДР людям) и приговорил к 7,5 годам тюремного заключения. Своей вины он не признал. Приказа убивать беглецов он не давал.

В 1992 г. маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев свидетельствовал [29]:

«В ходе учения я встретился с министром национальной обороны ГДР генералом армии Гейнцем Кесслером. Мы с ним были старыми друзьями. Он много лет занимал пост начальника Главного штаба ННА ГДР, и в течение всего этого времени нам не раз приходилось работать вместе. Это человек кристальной честности. Я всецело ему верил. Мы с ним одноклассники. Родился и воспитывался он в семье коммунистов. В годы его юности фашизм в Германии господствовал. В июле 1941 года (в самое тяжёлое для нас время), будучи солдатом вермахта, он перешёл линию советско-германского фронта и сразу включился в борьбу против фашистов вместе с нами. После победы, будучи членом Компартии Германии, а позже членом СЕПГ, настойчиво и целеустремленно трудился на благо немецкого народа. Гейнц Кесслер — настоящий друг и союзник. Он из тех людей, которые борются за свои коммунистические убеждения до конца. Я никогда не верил, не верю и сейчас, что он мог совершить какие-либо не порядочные поступки, злоупотребления, в которых его пытались обвинить при свержении Э. Хонеккера и установлении нового режима. И власти вынуждены были выпустить его из тюрьмы, прекратить судебное преследование ввиду отсутствия каких-либо оснований для этого. Но сейчас он вновь оказался в тюрьме. Перед такими людьми мы в долгу».

29 октября 1998 г. Кесслер, отсидев около 6 лет, был досрочно освобождён по состоянию здоровья.

В 1996 г. были опубликованы мемуары Кесслера «О деле и личности. Воспоминания» [30]. Насчёт утверждения, что восточные немцы теперь «свободны», он саркастически поясняет: «Миллионы людей в Восточной Европе в настоящее время свободны от работы, от безопасности на улицах, от медицинской помощи и социального обеспечения» [31]. С.А. Тарханова цитировала анекдот, услышанный ею в 2002 г. по германскому радио: «бывшие гедеэровцы говорят: «Что наши правители плели нам про социализм – то всё брехня, а вот что они говорили про капитализм – то всё правда!» [5].

В мае 2011 г. Кесслер вместе с генералом Штрелетцом выпустили книгу с красноречивым названием «Без стены была бы война». Презентуя книгу, Кесслер подчеркнул, что гэдээровские пограничники открывали огонь по нарушителям только в самом крайнем случае, исключительно по тем гражданам страны, которые допускали «неправомерные действия». Кесслер отметил, что он горд той ролью в поддержании мира, которую он сыграл на посту министра обороны ГДР [32].

В 2015 г. Кесслер подписал открытое письмо около ста генералов и старших офицеров армии бывшей ГДР странам НАТО:

«В годы холодной войны, когда мы пережили длительный период милитаризации и конфронтации, не дошедшей до уровня открытого конфликта, мы применяли военное знание и умения для сохранения мира и для защиты нашего социалистического государства ГДР. Национальная Народная армия ни единого дня не участвовала в военных конфликтах, и во время событий 1989/90 гг. она позаботилась о том, чтобы оружие не применялось. Мир всегда был нашим главным приоритетом. Поэтому мы решительно против того, чтобы военный фактор снова становился определяющим инструментом политики» [33].

Хайнц Кесслер умер 2 мая 2017 г. в Берлине на 98-м году жизни. Своих взглядов он не изменил [34]. Среди участников состоявшегося в Москве 9 мая 2017 г. марше Бессмертного полка были и члены немецкой делегации. Они несли портреты борцов-антифашистов, в том числе портрет Хайнца Кесслера [3].

Немецкие антифашисты Хайнц Кесслер и Франц Гольд, Альфред и Грегор Курелла, Эрих и Марианна Вайнерт, Вильгельм и Артур Пик, Вальтер Ульбрихт и другие, кто самоотверженно сражались с гитлеризмом на стороне Красной Армии, заслужили право на место в строю нашего Бессмертного полка. И никаким современным «борцам за демократию и европейские ценности», старающимся переписать историю Второй мировой войны, этого места у них не отнять. В современной Германии ветеранов ННА ГДР официально называют «бывшими столпами диктатуры и противниками конституционного порядка» [36]. А нацисты, с которыми они боролись, выходит, поборники конституционного порядка? Как лихо навешиваются ярлыки в угоду собственным политическим амбициям!

Руководители ГДР, к числу которых принадлежал генерал Хайнц Кесслер, были друзьями, единомышленниками и верными союзниками Советского государства. Пытаясь решить собственные проблемы, последние руководители СССР предали их, не только согласившись на безоговорочное поглощение ГДР Западной Германией, но и не предоставив им политического убежища. В итоге Союз не сохранили, вместо дружественной ГДР получили объединённую Германию в составе НАТО, вместо организации стран Варшавского договора – НАТО у наших границ, откровенно враждебную Польшу, уничтожающую памятники советским освободителям, гражданскую войну на Украине и стремление Запада превратить некоторые бывшие союзные республики в ярых недругов России.

Французский лётчик и писатель Антуан де Сент-Экзюпери в повести «Маленький принц» (1943) провозгласил: **«Мы в ответе за тех, кого приручили»**. Государство, предающее своих друзей, в конечном счёте, предаёт себя.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ФРАНЦ ГОЛЬД

В русскоязычной истории Великой Отечественной войны это золотое имя (Gold по-немецки – золото) обозначено несколькими яркими вспышками, не всегда связанными друг с другом. Франц Гольд назван

среди солдат вермахта, накануне 22 июня 1941 года предупредивших СССР о предстоящем вторжении. Коммунист, ефрейтор вермахта, один из первых перешедший на сторону Красной Армии. Человек, геройски проявивший себя во время дерзкой вылазки в окружённый в Великих Луках гитлеровский гарнизон и спасший жизнь раненному советскому разведчику. Выше уже упоминалось, что о нём Берия докладывал Сталину. Первый перебежчик, награждённый советским орденом. Герой советских пропагандистских листовок – «отъевшийся повар» лагеря немецких военнопленных. Курсант антифашистской школы, один из создателей Национального Комитета «Свободная Германия», его официальный представитель на одном из фронтов. Генерал службы безопасности ГДР, отвечающий за охрану первых лиц государства. Больше ничего о Гольде в нашей исторической литературе не найти. Да и об одном ли человеке идёт речь?

Пора рассказать о яркой жизни этого неординарного человека.

НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ

Краткая биография Франца Гольда представлена на немецком языке в германской Википедии [37].

Франц Гольд родился 10 октября 1913 г. в Ботенвальде (Австрийская Силезия, которая после распада Австро-Венгрии отошла к Чехословакии, а в 1939 г. была присоединена к Германии). Сын рабочего-кузнеца (но не мясника, как указано в некоторых источниках), коммуниста. Уже в возрасте 9 лет он помогал матери, работавшей прислугой в богатых домах. Учился в городской («бюргерской») школе. После обучения у мясника до 1932 г. работал мясником. В 1932-1935 гг. перебивался случайными заработками.

В 1927 г. Гольд стал членом юношеской коммунистической организации Чехословакии, а в 1932 году – членом Коммунистической партии Чехословакии.

Что означало в 30-х гг. быть членом КПЧ? На выборах 1925 года КПЧ заняла второе место с почти 13% голосов. КПЧ активно участвовала в руководстве рядом крупных выступлений рабочих. Зимой 1933-

1934 года правительство Чехословакии приняло закон об «усилении охраны государства». Были запрещены издания Коммунистической партии, затруднена деятельность коммунистических и рабочих организаций, часть активистов компартии была вынуждена перейти на нелегальное положение.

На VII съезде КПЧ (1936) главной задачей партии была названа борьба против фашизма, защита республики от гитлеровской агрессии, укрепление союза Чехословакии и СССР, заложенного в 1935 году советско-чехословацким договором о взаимной помощи. КПЧ была единственной политической партией в Чехословакии, выступавшей против согласия правительства Чехословакии с результатами Мюнхенского сговора 1938 г.

21 октября 1938 года власти Чехословакии запретили деятельность КПЧ, а затем объявили о её роспуске. Партия продолжала свою деятельность в подполье; часть коммунистов эмигрировала из страны. После подписания пакта Молотова-Риббентропа Коминтерн призвал партию прекратить протесты против немецкого экспансионизма.

В 1933-1934 гг. Франца Гольда неоднократно арестовывали. С 1935 по 1937 г. он служил солдатом в Чехословацкой армии. Из-за политической неблагонадежности в 1937 году был уволен из армии и работал в качестве шлифовщика. В 1938 году он снова стал солдатом. После аншлюса он был арестован гестапо, через месяц снова уволен из армии. В 1939 году Гольд переехал в Фрайберг (горный город в Германии, расположенный в центре земли Саксония между Дрезденом и Хемницем). Там он работал в таможне и как мясник.

В 1940 г. Франца Гольда призвали в вермахт. В сентябре 1941 года – в момент наибольших успехов гитлеровской армии – он перешёл на сторону Красной Армии. Симптоматично, что осуществил он это своё намерение в районе Великих Лук, прихватив с собой ручной пулемёт [17]. По воспоминаниям И.С. Брагинского, во время советской Великолукской пропагандистской операции пропагандисты собрались в том самом доме, где когда-то квартировал Гольд. Хозяева его узнали: «Хороший немец, вежливый, скромный, нам помогал».

В ряде источников, например [38], утверждается, что Франц Гольд перешёл на сторону Красной Армии, чтобы предупредить советских

товарищей о предстоящем вторжении немецких войск. Несомненно, что он хотел бы это сделать. Коммунист и антифашист, он изначально был настроен на то, чтобы перейти на сторону Советского Союза. Таков был наказ его семьи. Но таких возможностей у него долго не было. Смог только в сентябре. Так что данное утверждение не соответствует действительности.

ГЕРОЙ ЛИСТОВОК «ПОВАР ФРАНЦ ГОЛЬД»

Вскоре его фотография появилась на листовках, которые тысячами разбрасывались над немецкими позициями. «Узнаёте повара Франца Гольда? Гольд в лагере военнопленных, но он и в лагере повар. Спросите Франца Гольда, и он вам скажет, что на обед сегодня – картофельный суп, свекольный салат, макароны. На ужин – пюре, салат, хлеб» [39]. В другой листовке рассказывается, что повар Франц Гольд на обед приготовил «айнтопф». По-немецки это горшок, где суп и второе вместе, что-то типа нашего жаркого. И ещё, каждому – по 200 граммов хлеба [40].

Франц Гольд в плену.

Фото из фонда Красногорского музея немецких антифашистов

Мне не удалось отыскать эти листовки. Нет их и в фондах Красногорского музея немецких антифашистов. Гитлеровская пропаганда утверждала, что у русских плена нет, и сдающихся в плен просто расстреливают. Те, кто верили, сражались до последнего. Эти листовки были формой контрпропаганды. Конечно, не всё в них чистая правда: не был Франц Гольд в лагере поваром. И не жилось немецким пленным в советских лагерях так вольготно, как представлялось на листовке:

T.B. ALI

Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland
Juli 1943. Nr. 12 (75)

DEUTSCHER SOLDAT!
Hier siehst Du, wie sich Deine Kameraden in der russischen Gefangenschaft nach gefaner Arbeit ausruhen.

Im Freien schmeck't's noch mal so gull!

Uffz. Karl Baierle und Gebr. Martin Fuchs aus der B3. I. D. bei einer Schachpartie im Lagerhof.

Die Kriegsgefangenen P. und R. sind in ihrer Freizeit begeisterte Angelsportler. Sie haben in dem Kolchosbauer Nikitin und seinem Enkel Wanja gesellige Gefährten gefunden.

Felerabend im Kriegsgefangenenlager

Немецкие военнопленные в советской стране [22]

Немецкий солдат! Здесь ты можешь увидеть, как твои товарищи отдыхают в русском лагере для военнопленных, закончив свою работу.

На свободе и еда вкуснее!

Унтерофицер Карл Байерле и Мартин Фукс, рядовой 83 пехотной дивизии, во дворе лагеря играют в шахматы.

Военнопленные П. и Р. в свободное время занимаются рыбной ловлей. Они нашли хороших приятелей в лице колхозника Никиты и его внука Вани.

Перевод с немецкого Н.Л. Суслович

Плен – не курорт. И время было тяжёлое, голодное. Однако не было у нас в народе ненависти к немецким военнопленным. Мне рассказывали, как в освобождённом Ростове-на-Дону женщины, сами голодавшие, передавали еду пленным, которых вели на работы по расчистке развалин в городе, ими же разрушенном.

Я видел этих пленных. Тогда, в 1944-45 гг. я учился в 4-5-м классах. Мы смотрели на них с любопытством, но без сочувствия и без ненависти. Оккупанты разрушили мой город, сожгли мой дом, разграбили и уничтожили всё наше имущество, в Таганроге убили родителей моего отца и других наших родственников, разграбили их имущество. Но мы не считали, что за это ответственны именно эти пленные. Вы не сами пришли, вас пригнали. Но пригнали те, кого вы привели к власти. Мы вас сюда не приглашали. Почему же вам должно жить лучше, чем нам? Мы терпим, и вы терпите.

Но главное было правдой: был у нас плен, пленных не расстреливали и кормили, хотя и не так сытно. И «отъевшаяся морда повара Франца Гольда» должна была в этом убедить страдающих от холода и голода солдат вермахта, которым Геббельс обещал лёгкую прогулку по советским просторам и поместья с покорными русскими слугами.

А повороты всё круче и круче...

Хайнц Кесслер и Франц Гольд шли рука об руку в советском плену: вместе учились в Антифашистской школе, вместе участвовали в создании НКСГ. Полковник Брагинский включил их в состав про-

пагандистской бригады, работавшей в Великих Луках, как самых надёжных и подготовленных немецких солдат. Крепкий, физически сильный Франц блестяще проявил себя во время дерзкой вылазки в логово фон Засса, когда вынес на себе раненного советского солдата. Первым из немецких пленных он был удостоен советского ордена. Орденом Красной Звезды он гордился как самой высокой своей боевой наградой. Это о нём уверенно сказал Брагинский своей жене:

– Если вдруг понадобится, он меня спасёт! [26].

После Великих Лук Франц Гольд был уполномоченным НКСГ на Западном и Литовском фронтах. Всего на фронтах было 17 уполномоченных НКСГ, которые имели своих доверенных во всех армиях и в большинстве дивизий [30].

Об одном фронтовом эпизоде с участием Франца Гольда рассказано в книге «Особый фронт» [41]:

«Неоднократно приезжал к нам (20-я армия Западного фронта) антифашист Франц Гольд, фронтовой уполномоченный Национального комитета «Свободная Германия», высокий, широкоплечий, с рыжеватыми волосами, внешне всегда спокойный и молчаливый человек. Помню, после тяжёлых наступательных боёв в декабре 1943 года армия перешла к обороне. Начальник отделения (7-го отдела армии) майор В.А. Птенцов приказал мне отправиться с Францем Гольдом в дивизию, где старшим инструктором по пропаганде был капитан Г. Рабинович. От нас к переднему краю шла шоссе́нная дорога, что было крайне неудобно для нашей обороны. Работать с МГУ было невозможно: слишком близко противник.

...Окопная громкоговорящая установка, которая была в дивизии, перевозилась на телеге или на санях, а для укрытия от ветра и снега на них была построена из досок будка.

Под мою ответственность в дивизии дали ездового с этой самой будкой. Наша маленькая группа в составе Гольда, связиста Самсонова, красноармейца из батальона связи, и меня двинулась в путь. Командир роты выделил нам землянку и предупредил:

– Оборона у нас жидкая, людей осталось мало.

Расположились в землянке: дверей нет, завесили вход плащ-палаткой. Только собрались начать передачу, бежит связной:

– Товарищ майор, командир роты просит вас срочно к себе. Работать пока не начинайте.

Командир роты сообщил, что приказано соблюдать тишину, в поиск идёт группа дивизионных разведчиков, «а если вы начнёте работать, то откроют огонь». ...Поспешно входит старшина и суёт мне и телефону-сту, сидящему в углу, гранаты:

– Немцы двинулись на нас, а сколько их, не знаем.

И тут же началась стрельба. Мы бегом помчались в землянку и начали передачу. Гольд призывал противника к благоразумию и предупреждал о неминуемом разгроме, которая ожидает гитлеровскую армию, передавал последние известия. Внезапно плащ-палатка вспыхнула. Пламя могло служить хорошим ориентиром для противника. Вместе с нами Гольд бросился тушить пожар, а потом спокойно продолжал передачу».

А затем произошёл новый крутой поворот в его судьбе.

После расчленения Чехословакии в марте 1939 года было провозглашено создание Словакии, которая формально оставалась независимым государством, но фактически была полностью подчинена гитлеровской Германии. В 1942 году в словацких горах появились первые группы партизан-антифашистов. Для руководства ими в июле 1943 года из Москвы был заброшен один из руководителей КПЧ Карол Шмидке. А 25 июля 1944 г. была десантирована партизанская группа в количестве 11 человек под командованием советского офицера ст. лейтенанта П.В. Величко. По мере приближения Советской Армии к границам Словакии партизанское движение активизировалось, и 29 августа 1944 г. началось Словацкое национальное восстание, в котором приняли участие 15 тысяч чехословацких и 3 тысячи советских партизан. К ним присоединились 60 тысяч военнослужащих словацкой армии, а также ряд антифашистов из других стран Европы. В августе-сентябре 1944 года одним из партизанских отрядов командовал Франц Гольд [42].

Словацкое восстание началось преждевременно, и Советская Армия не успела прийти ему на помощь. На борьбу с восстанием немцы бросили крупные силы, и 28 октября 1944 года оно было подавлено. Словакия была оккупирована Германией.

Победу Франц Гольд встретил в Чехии. В 1945-1946 гг. он был секретарём Коммунистической партии в Фульнеке, маленьком городке в Моравско-силезском крае Чешской Республики. В 1946 году он переехал в Дрезден, вступил в СЕПГ, работал начальником отдела кадров Советского бюро новостей Саксонии. С 1948 г. Гольд – в Берлине: директор Немецкого института социально-экономических проблем, в 1949 г. – персонал-директор Берлинского радио в Западном Берлине.

В феврале 1950 года началась карьера Гольда в отделе личной охраны Министерства государственной безопасности ГДР: инспектор (полковник), главный инспектор, начальник отдела (ноябрь 1955), генерал-майор (1959), генерал-лейтенант (1972). Отдел Франца Гольда занимался охраной первых лиц государства [37]. В декабре 1960 г. под его началом было 975 человек, а в декабре 1970 г. – 1770 [43].

Н.С. Хрущёв (слева), Франц Гольд (в центре) и Вальтер Ульбрихт (справа) во время посещения Лейпцигской ярмарки.

Март 1959 г. [44]

Писатель Фёдор Лисицын вспоминает о встрече с Францем Гольдом спустя 30 лет после Великолукской операции:

«Заместитель министра госбезопасности ГДР генерал-лейтенант Франц Гольд принял меня и бывшего члена Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта в отставке К.Ф. Телегина у себя на квартире. Встреча была тёплой, душевной. По немецкому обычаю пили кофе, беседовали о прошлом и настоящем. Мы с Телегиным, правда, больше слушали, а говорил радушный хозяин. Он неторопливо рассказывал о бойцах-героях, вместе с которыми участвовал в операции «проникновения», вспоминал детали, подробности. Сообщил, между прочим, что в ГДР об этой операции знают многие. Ставится даже фильм, рассказывающий об этом эпизоде» [45].

В январе 1974 года Гольд вышел на пенсию. Умер 8 мая 1977 г. в возрасте 63 лет. Похоронен на Центральном кладбище Берлин-Фридрихсфельде, где хоронили видных деятелей германского рабочего движения. Имеет боевые награды СССР, ЧССР и ГДР. Во времена ГДР в Берлине одна из школ носила имя Франца Гольда. В память о нём был выпущен знак «Свободной немецкой молодежи/юные пионеры» – массовой молодёжной организации ГДР (аналог комсомола) [46]:

Интернационалист до мозга костей, Иосиф Самуилович Брагинский до конца жизни вспоминал своих друзей, соратников по борьбе с фашизмом. Главной задачей грядущих поколений он считал обеспечение мира на Земле, чтобы никогда не было на ней места фашистам, готовым массово уничтожать всех «не таких, как они». Эта задача остаётся более чем актуальной в наши дни.

Профессор И.С. Брагинский в своём домашнем кабинете: «Рот фронт!» – приветственный жест, символизирующий единство пролетариата всех стран в борьбе с фашизмом.

Фото: Альфред Пасковьяк, журналист «Фрайе вельт» (ГДР), 1970 г.

Два полковника – Иосиф Брагинский и Луитпольд Штайдле

Под Сталинградом они противостояли друг другу. Попавшего в плен Штайдле убедили стать антифашистом. Под Корсунь-Шевченковском они были уже в одних окопах, а музей Бухенвальда посетили как друзья.

Сын военного юриста, Штайдле (1898-1984) участвовал ещё в Первой мировой войне. В 1938-1940 гг. преподавал тактику в Мюнхенском военном училище. На советско-германском фронте был с первого дня войны, командовал батальоном в чине подполковника, участвовал в боях на Днестре и в битве под Москвой. В Сталинградском сражении полковник Штайдле командовал полком. 22 января 1943 г. награждён Рыцарским железным крестом, что было типичным для Гитлера – награждать попавших в безвыходное положение, чтобы держались до последнего солдата, после чего кончали самоубийством. Когда от его полка осталось 11 офицеров, 3 медика и 34 солдата, Штайдле склонил своего командира дивизии генерала фон Даниэльса к организованной сдаче в плен без приказа Паулюса за несколько дней до всеобщей капитуляции.

Беседы в лагере военнопленных с «профессором Арнольдом» (он же Гуральский), манера общения и аргументы которого произвели на Штайдле большое впечатление, привели к тому, что он одним из первых старших офицеров согласился сотрудничать с советскими представителями. При этом Л. Штайдле не был слушателем ни одной из антифашистских школ. Он принимает важное для себя решение – активно участвовать в деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и становится одним из основателей Союза немецких офицеров. К этому времени относится начало его взаимодействия с И.С. Брагинским.

*Вайнерт, Зайдлиц и Штайдле редактируют текст воззвания.
Фото из книги Штайдле [47]*

Венцом этой деятельности стала работа Штайдле в качестве уполномоченного НКСГ сначала на 2-м, а впоследствии на 1-м Украинском фронте. С полковником Брагинским его особенно сблизила совместная пропагандистская работа в январе 1944 года под Корсунь-Шевченковским, где в котле оказались девять германских пехотных дивизий, танковая дивизия и моторизованная бригада.

Штайдле обращается к окружённым германским частям.

1-й Украинский фронт, 1944 г.

Фото из книги [47]

М.И. Бурцев пишет о Штайдле в своей книге «Прозрение» [17]:

«Самой интересной фигурой среди антифашистов из пленных был на 1-м Украинском фронте... полковник Луитпольд Штайдле. В качестве уполномоченного НКСГ и СНО он многие месяцы находился на переднем крае и вёл пропагандистскую работу честно, страстно и, надо отдать ему должное, умело. ...Ему было 48 лет. Высокий и стройный. ...На фронте был неутомим: провёл сотни выступлений по «звучовкам» и радио, написал сотни полторы листовок, обращений и писем, участвовал во многих крупных агитоперациях. Обращаясь к офицерам вермахта, к своим бывшим друзьям – командирам дивизий и корпусов, он находил необходимые слова, разъясняя ложность в данной ситуации «законов чести» и несостоятельность «клятвы верности». В прошлом один из руководителей католического движения в Германии, он обращался и к католикам, даже к самому папе Пию XII.

Особенно гневными были его разоблачения Гитлера и нацистов. «Гитлер, каким его никто не знает» – так называлась, например, одна из его листовок. Призывая немцев «жить для Германии», он неустанно пропагандировал идеи НКСГ. ...Вместе с полковником Л. Штайдле мы побывали во фронтовой антифашистской школе, где он... успевал читать лекции».

В послевоенные годы Штайдле был членом Политического комитета Христианско-демократического союза, вице-президентом немецкого Центрального управления земельного и лесного хозяйства, принимал активное участие в проведении земельной реформы. Являлся заместителем председателя немецкой экономической комиссии, членом Народной палаты – высшего народного представительства ГДР. Десять лет (1948–1958) занимал пост министра здравоохранения ГДР. Более девяти лет (1960–1969) был бессменным обер-бургомистром города Веймара.

Судьба вновь свела профессора Брагинского со Штайдле в Веймаре. Брагинский был крупнейшим в СССР исследователем «Дивана» Гёте (см., например, [48]) и приезжал в Веймар для вступления в Общество Гёте.

Письмо из архива И.С. Брагинского:

Обербургомистр г. Веймар

Многоуважаемый профессор Брагинский!

С радостью узнал я от г-на Куреллы о том, что Вы находитесь на территории ГДР и собираетесь посетить город Гёте. Мы сердечно Вас приветствуем и будем Вам очень рады.

Прошедшие 20 лет могут служить доказательством того, что возникшие в трудные времена дружественные отношения между нашими странами с годами превратились в нерасторжимую цепь. Я буду рад встретиться с Вами и шлю Вам свои наилучшие пожелания.

Штайдле. Веймар, 6.07.1966.

Перевод с немецкого Н.Л. Сулович

Тогда же Штайдле и Брагинский с супругой посетили музей концлагеря в Бухенвальде. Штайдле написал в своей книге об этом визите:

«Все мы были подавлены, потрясены и взволнованы после осмотра Бухенвальда. Нам хотелось хоть немного прийти в себя. Поэтому мы пошли пешком от памятников Эрнсту Тельману и Рудольфу Брейтшейду к Бухенвальдскому мемориалу».

Штайдле и Брагинский с супругой в музее концлагеря в Бухенвальде.

Фото из книги [47]

После этой встречи И.С. Брагинский писал Штайдле:

«Наша встреча после двадцатилетнего перерыва меня глубоко взволновала. В память о ней я хотел бы, как обещал, прислать Вам несколько своих работ. Одну из них, наиболее близкую Вам по содержанию, я написал по-русски и прилагаю написанное по-русски письмо. Вероятно, поэтическая атмосфера Веймара стала причиной того, что я, совершенный прозаик по натуре, сочинил неожиданно для самого себя два четверостишия. Одно из них посвящено дню рождения моего спутника, товарища Френцеля из Арнштадта, а второе – просто запись в книге отзывов в музее Гёте. Вы, конечно, можете подумать, что я просто вообразил себя поэтом и что Божий промысел здесь ни при чём. Но как бы то ни было, эти строки – забавное дружеское воспоминание о том, как влияет Веймар на своих посетителей, поэтому я думаю, что эти четверостишия могут быть для Вас небезынтересны».

Перевод с немецкого Н.Л. Сулович

Свою деятельность в военные годы Луитпольд Штайдле подробно и откровенно описал и проанализировал в книге «Противостояние

на Волге», выдержавшей в ГДР четыре издания. На русском языке она издана издательством «Прогресс» в 1973 г. под названием «От Волги до Веймара» [47]. Полковник Н. Берников пишет в предисловии к русскому изданию:

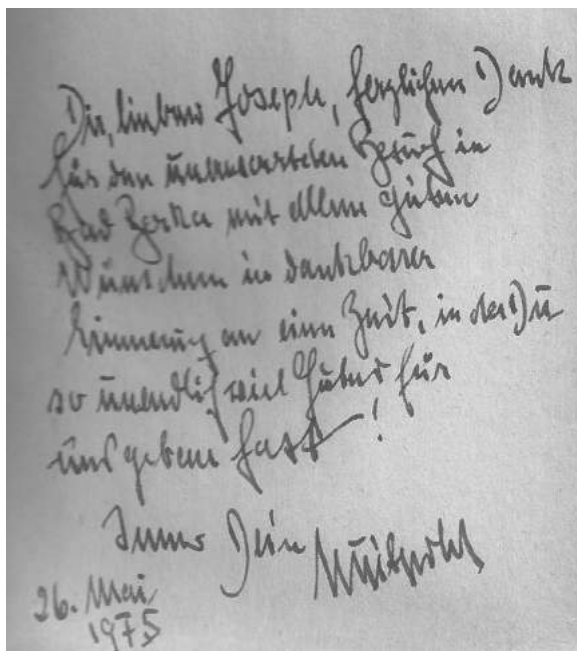
«Воспоминания Л. Штайдле отличает правдивое и честное изложение политических и военных событий. В этом основная причина большого успеха книги. ...Автор книги убедительно показывает, как он преодолел кастовый дух старшего офицерства, многие антикоммунистические предрассудки, внушавшиеся официальной нацистской пропагандой... Автор смело рассматривает вопросы правильного понимания патриотизма, отечества, присяги, чести, национального самосознания, отношения к несправедливой войне, обязанностей по защите мира».

Имя Брагинского неоднократно упоминается в книге. Есть в ней такие строки:

«Полковник профессор д-р Брагинский, историк, как истинный учёный, привык все решения обстоятельно анализировать и обосновывать, но вместе с тем по ходу дискуссии он всегда интуитивно улавливал, когда и как нужно сломить остатки сопротивления, чтобы расчистить путь к пониманию стоящих перед нами задач и стимулировать нашу активность в интересах новой Германии. Порой я задумывался над тем, что встретился с офицерами, которые, по сути дела, изучают не обычные военные проблемы, а характер, поведение немцев, их образ мысли. Эти психологи, педагоги в военной форме, пытались с большой проныцательностью и чуткостью разобраться в нашем мировоззрении и мировосприятии, приглядывались к нам, надеясь, что им удастся пробудить такие представления и черты характера, которые приведут к благотворной эволюции в нашей умственной и душевной жизни. Внимательное отношение, проявленное к каждому из нас отдельными советскими товарищами, дружба, которая завязалась между нами и советскими офицерами, уверенность в том, что мы совместно разобьём общего врага, раз и навсегда его уничтожим, и, наконец, попросту гово-

ря, чувство личной признательности, испытываемое каждым, кто здесь, в Советском Союзе, стал другим человеком...».

В библиотеке профессора И.С. Брагинского хранится экземпляр немецкого издания книги Штайдле с его дарственной надписью:

Сердечное тебе спасибо, мой дорогой Иосиф, за твой неожиданный визит в наш Бад Берка¹¹² и наилучшие пожелания. С благодарностью вспоминаем это время и то, сколько хорошего ты для нас сделал.

Всегда твой Л. Штайдле.

26 мая 1975 г.

Реконструкция текста и перевод с немецкого Н.Л. Сулович

Сугубо штатский человек, Брагинский без колебаний надел шинель, когда страна его позвала. Он не был героем, но никогда не прятался за чужие спины.

¹¹² Бад Берка – город в Тюрингии вблизи Веймара.

В феврале 1955 г. его призвали на краткосрочные офицерские сборы без отрыва от производства. Я неоднократно бывал на таких сборах и хорошо представляю себе, чему там учат, чтобы офицер запаса не терял своей военной квалификации. Но чему на таких сборах могли научить полковника в отставке Брагинского? Как пропагандист он сам кого угодно мог научить. Учить его военной стратегии и тактике бессмысленно – не его это стезя. Не знаю, как он участвовал в обязательных стрельбах, если по близорукости он мишеней не видел.

Его запомнили все, кому довелось в жизни встретиться с «востоковедом в шинели». Все, кто видел его в шинели и без неё. Запомнили как Человека, достойного высочайшего уважения.

Литература к 5-й части

[1]. Альфред Курелла. Из предисловия к сборнику стихов Эриха Вайнерта «За свободу Германии». Издательство «Фольк унд Вельт», Берлин, 1960 г.

[2]. Маргарет Бубер-Нойманн. Заключение у Сталина и Гитлера – <http://www.le-online.org/index.php/component/content/article/9-2012-09-19-14-55-36/2012-09-19-14-53-15/133-n40-buber-heumann-chistyakova>.

[3]. Alfred Kurella. Der Traum von Ps'chu: ein Ehe-Briefwechsel im zweiten Weltkrieg – Aufbau-Verlag, 1984 – 653 S.

[4]. Шарлотта Шлезингер. Тетрадь, найденная на чердаке. Семь искусств, № 3(72), март 2016 г. – <http://7iskusstv.com/2016/Nomer3/MShifman1.php>.

[5]. Софья Тарханова. Воспоминания о воспоминаниях: Публикация, вступительная статья, подбор иллюстраций и комментариев В.Я. Файна. М.: издательство Триумф, 2016 – 242 с. – <https://books.google.ru/books?id=TJ1yCwAAQBAJ&hl=ru>.

[6]. Alfred Kurella. Der schöne Kaukasus, Berlin: Verlag Kultur und Fortschritt, 1956.

[7]. Альфред Курелла. Личные страницы – <http://www.mountain.ru/mkk/pers/kurella.shtml>.

[8] Alfred Kurella. Unterwegs zu Lenin. Erinnerungen, Berlin: Verlag Neues Leben, 1967 – 160 S.

[9]. А. Курелла. Пешка в большой игре, М.: Издательство иностранной литературы, 1963 – 392 с.

[10]. А. Курелла. Димитров против Геринга, М.: Издательство «Прогресс», 1966.

[11]. А. Курелла. Своё и чужое. Новое к проблеме социалистического гуманизма, М.: Издательство «Прогресс», 1970.

[12]. Alfred Kurella. Der ganze Mensch, Berlin: Verlag Tribune, 1969 – 142 S.

[13]. Хроника XX века в песнях, Рот-Фронт – <http://nrkmania.ru/topic3623-20.html?view=print>.

[14]. Александр Дымшиц – <https://sites.google.com/site/ernstbush/stati/spisok/pevec-borby-aleksandr-dymsic-ob-erihe-vajnerte>.

[15]. Б.Л. Крупаткин. Поют черноморские волны. Повести и рассказы. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1976, 288 с.

[16]. Erich Weinert. Denk an Dein Kind, Flugblatt – <http://www.zvab.com/servlet/BookDetailsPL?bi=927894017&searchurl=hl%3Don%26tn%3Ddenk%2520an%2520dein%2520kind%26sortby%3D20>.

[17]. М.И. Бурцев. Прозрение, М.: Воениздат, 1981, 320 с.

[18]. Я, Германия, ваша мать – https://books.google.ru/books/about/Ich_Deutschland_eure_Mutter_klage_an.html?id=LoxGjwEACAAJ&redir_esc=y).

[19]. Германия не будет потеряна – <http://myzlo.info/poisk/Verloren%20sein>.

[20]. Л. Гинзбург – <http://www.mibs-vlz.ru/pobeda-pod-stalingradom/stalingradu-posvyaschaetsya--poeziya-voennich-let>.

[21]. Вальтер Ульбрихт – http://www.peoples.ru/state/politics/walter_ulbriht/.

[22]. Немецкие военнопленные в советской стране – <http://копанина.рф/publ/7-1-0-446>.

[23]. Н.И. Кондакова. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941-1945 гг., М.: 1995, с. 25-26.[24]. Национальный комитет «Свободная Германия» – Википедия, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1057445>.

[25]. Хайнц Кесслер – Википедия, ru.wikipedia.org> Кесслер, Хайнц.

[26]. Ф. Ян, А. Пасковяк. Полковник *humanitatis causa* – журнал ГДР «Freie Welt», 1970, № 20. Перевод с немецкого С.А. Тархановой – архив И.С. Брагинского.

[27]. Валентин Фалин. Германия, которую мы потеряли: история капитуляции Советского Союза – paranua77.livejournal.com/78533.html (2015).

[28]. Юрий Штамов. Жертвы Берлинской стены – <http://berlinwall.ru/killed.php> (2009).

[29]. С.Ф.Ахромеев, Г.М. Корниенко. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года, М.: Международные отношения, 1992.

[30]. Heinz Keßler: Zur Sache und zur Person: Erinnerungen, Berlin: Edition Ost, 1996.

[31]. Хайнц Кесслер – цит. по <http://maxpark.com/community/2042/content/1644493>.

[32]. Хайнц Кесслер, Фриц Штрелет. Без стены была бы война (2011) – https://www.google.ru/search?ie=UTF-8&hl=ru&q=%22%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0%20%D0%91%D0%B5%D0%B7%20%D0%81%D0%82%D0%B5%D0%BD%D0%8B%20%D0%B1%D1%8B%D0%BB%D0%B0%20%D0%B1%D1%8B%20%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0%20%D0%BB&gws_rd=ssl.

[33]. Открытое письмо странам НАТО «Солдаты за мир» – газета Junge Welt за 6 мая 2015 г. – <http://metateka.com/archive/06.05.15/cluster:78153808-Nemetskie-generalny-protiv-voennoi-isterii-i-antirossiiskoi-propagandy/>.

[34]. А. Андреев. Повесть о моём друге – М.: Советская Россия, 1977, 248 с.

[35]. Илья Серебро. По маяку Октября – <https://www.opentown.org/news/156259/>.

[36]. Ветераны вооружённых сил Германской Демократической Республики почтили память советских солдат, освобождавших Берлин – rkrp-rpk.ru/РКРП-РПК/view/9358.

[37]. Franz Gold. Wikipedia – https://de.wikipedia.org/wiki/Franz_Gold (19.03.2016).

[38]. Ф.Д. Волков. За кулисами второй мировой войны, М.: Мысль, 1985, 301 с.

[39]. Владимир Рослов. Листовки для немецких солдат – газета «Правда» №98 (29440), 8–9 сентября 2009 года, <http://kprf.ru/pravda/issues/2009/98/article-27465/>.

[40]. Юрий Басистов. Ленинградский фронт – <http://www.istmira.com/istros/leningradskij-front/page/112/> (22.03.2016).

[41]. Н.В. Звонарёва, подполковник в отставке. Пропаганда на линии огня. В сб. «Особый фронт», М.: Военное издательство, 1986, с. 16-17.

[42]. Словацкое национальное восстание – Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (2016).

[43]. Валентин Мзареулов. Главный отдел личной охраны – http://shieldandsword.mozohin.ru/soyu_znik/DDR/mfs5589/gliederung/haps.htm (2016).

[44]. Nikita Chruschtschow besucht die DDR Pictures | Getty Images – <http://www.gettyimages.fr/detail/photo-d'actualit%C3%A9/nikita-sergejewitsch-chruschtschow-generalsekretaer-photo-dactualit%C3%A9/544573279>

[45]. Фёдор Лисицын. В те грозные годы, М.: Военное издательство, 1985.

[46]. 20. POS Franz Gold (Hohenschönhausen), Berlin – <http://www.stayfriends.de/Schule/Berlin/POS/20.-POS-Franz-Gold-Hohenschoenhausen-S-O8H-S#ibl-ABB11848ZADC1ZAFBdec363565a1a8d822a7786f40b03a0d42576ec6bZ>

[47]. Луитпольд Штайдле. От Волги до Веймара. М.: Прогресс, 1973, 424 с.

[48]. И.С. Брагинский. Западно-восточный синтез в «Диване» Гёте и классическая поэзия на фарси – Zeitschrift für Literaturwissenschaft, Weimar, 1968, N 2, S. 385-392.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Выдающийся учёный и педагог

Основные труды И.С. Брагинского

Поэты Таджикистана. Переводы с таджикского под редакцией И. Брагинского и В. Левика – М.: Советский писатель, 1947, 95 с., тираж 10000.

Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности – М.: Изд. Академии наук СССР, 1956 г., 496 с., тираж 2200.

Очерки из истории таджикской литературы – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1956, 455 с., тираж 5000.

Очерки из истории таджикской литературы. Именной указатель – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957, 27 с., тираж 5000.

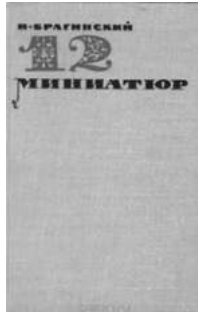

Жизнь и творчество Садриддина Айни – М., 1958.

Очерки истории таджикской советской литературы – М.: изд. АН СССР, 1961, 480 с..

Персидская литература (в соавт. с Д.С. Комиссаровым) – М., 1963.

Двенадцать миниатюр – М.: изд. Художественная литература, 1966, 304 с., тираж 10000.

1966 г.

1976 г.

Хаёт ва эҷодиёти Садриддин Айни (Жизнь и творчество Айни, на таджикском языке) – Душанбе: Ирфон, 1968, 196 с., тираж 4000.

Из истории таджикской и персидской литературы – М.: изд. Наука, 1972.

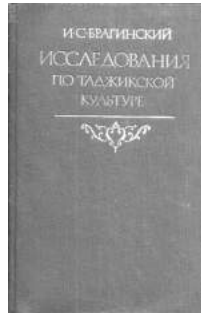
Поэзия и проза Древнего Востока, том 1 серии «Библиотека Всемирной Литературы (200 томов) – М.: Изд. Худож. литература, 1973, 735 с., тираж 303000 (общая редакция и вступительная статья И. Брагинского).

Проблемы востоковедения – М.: Издательство Наука, Главная редакция восточной литературы, 1974, 496 с.

Проблемы творчества Садриддина Айни – Душанбе: Ирфон, 1974, 175 с., тираж 7000.

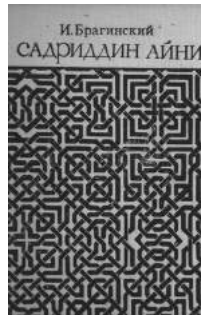
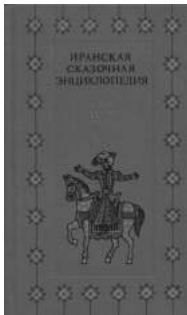
Исследования по таджикской культуре – М.: Издательство Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977, 282 с., тираж 3900.

Иранская сказочная энциклопедия – М.: Изд. Худож. литература, 1977, 448 с., тираж 50000.

Садриддин Айни. Жизнь и творчество. Второе, дополненное издание – М.: Советский писатель, 1978, 247 с., тираж 20000.

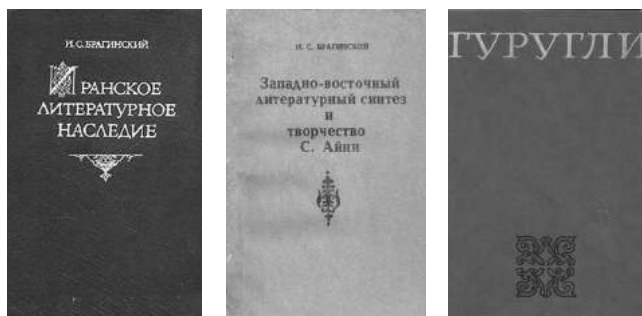
От Авесты до Айни (Исследование по истории таджикской литературы) – Душанбе: Ирфон, 1981, 256 с., тираж 3000.

Иранское литературное наследие – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984, 296 с., тираж 1900.

Западно-восточный литературный синтез и творчество С. Айни (проблемы и портреты) – Душанбе: Ирфон, 1986, 192 с., тираж 2000.

Гуругли. Таджикский народный эпос. Отбор дастанов, исследование и перевод И.С. Брагинского – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987, 704 с., тираж 11000.

Академия Наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. История всемирной литературы в 9 томах. Ответственный редактор 1 тома – И.С. Брагинский. М.: Издательство Наука, 1987.

Абу Абдаллах Джафар Рудаки – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы., 1989, 133 с., тираж 6800.

Ирано-таджикская поэзия – 602 с. Электронная книга.

И. Брагинский, С. Токарев. Мифы народов мира – М.: Энциклопедия, 2008, 1147 с. Электронная книга.

Иосиф Брагинский – каким он был человеком

Свои взгляды он отстаивал открыто и твёрдо. Многочисленные выступления в печати с критикой ошибочных представлений, инициированные им дискуссии, доклады и выступления на конференциях и Учёных Советах, письма своим оппонентам. Спокойные, корректные и аргументированные, но твёрдые.

Брагинский не боялся обращаться в любые, самые высокие инстанции. В его личном архиве осталась копия письма в Президиум XXIII съезда КПСС Л.И. Брежневу с обеспокоенностью в связи с отсутствием имени А.Т. Твардовского среди писателей – делегатов съезда. Он писал письмо Председателю КГБ СССР Ю.В. Андропову о политике по национальному вопросу, письмо Первому секретарю ЦК КП Азербайджана Г.А. Алиеву с поддержкой его позиции на сближение наций (5.04.71). Выступил с Открытым письмом Министру высшего образования СССР «Почему нарушаются правительственные постановления?» – о массовом нарушении московскими институтами права медалистов поступать без экзаменов в вузы (20.07.54). Отправил письмо в «Литературную газету» об ошибочном выступлении редакции.

В его архиве – сотни писем Брагинскому, включая обращения к нему как к депутату Верховного Совета Таджикской ССР по мелким бытовым вопросам, просьбы коллег и учеников. Ни одно не оставлено без внимания.

Удивляешься, как он при своей огромной загруженности научными и административными делами успевал читать все эти письма и отвечать на них, где находил время выполнять многочисленные просьбы, нередко требовавшие обращений в разные инстанции. Я вижу профессора Брагинского, по своей близорукости читающего письма, едва неводя носом по строкам. Многие рукописи вообще читать трудно – приходится разбирать неразборчивый почерк. Рукописи Брагинского, кстати, также читать нелегко, особенно последних годов: он и сам с трудом видел собственный текст. У него была машинистка Нина Ивановна, перепечатывавшая его тексты. Работая над архивом профессора, я не раз добрым словом поминал её труд.

Я никогда не слышал, чтобы Брагинский на кого-то кричал, даже повышал голос. Семейные праздничные торжества традиционно всегда открывал Иосиф Самойлович рассказом о близких ему людях – маме, отце, брате, Айни, которого он почитал как своего учителя. Он не стеснялся многократно повторять одно и то же, чтобы потомки хорошо запомнили его рассказы. Даже в своей семье он оставался пропагандистом.

Фото из статьи в журнале ГДР «Freie Welt»

И.С. Брагинский писал своему близкому многолетнему другу Даниилу Семёновичу Комиссарову:

«Моё мировоззренческое формирование проходило в пятилетке 1920-25 гг., когда, преодолевая всяческие предрассудки, в том числе и религиозные, и индивидуалистические и всякие другие, а также изживая последствия незрелого мышления, в конце концов, буквально выстрадал приверженность ленинизму. Главными моими учителями, как и у всех моих сверстников, были: сама жизнь, революционный перелом, коммунистическая среда, старые большевики – воспитатели и наставники мои.

...Пропаганда ленинской теории стала на всю жизнь основным содержанием моей работы, какие бы формы она ни принимала: культурно-просветительской, организационно-массовой, партийной, военно-политической, научно-педагогической, исследовательской и т.п.

...Начало моего формирования как научного работника прямо связано с тем, что я к тому времени сложился в пропагандиста, убеждённого в непререкаемой верности ленинского положения о неразрывности и гармоническом единстве теории и практики. ...Достигнуть этого единства – ...это направляло мою работу и научные изыскания все годы моих занятий. ...Даже в годы своей учёбы ... я не прекращал практической работы: всего лишь месяца 3-4 в своей жизни я получал госстипендию студента, всё остальное время – зарплату. Свои диссертации – и кандидатскую, и докторскую – подготовил и защитил, также находясь на практической работе.

В годы 1930-1945 определилась моя основная научная специальность – литературоведение как органическая часть культуры. ...Годы 1920-1930 я рассматриваю как этап подготовки к научной работе, годы 1940-1951 – как этап формирования как научного работника...».

И.С. Брагинский и семья – эта тема, достойная не пера исследователя, а кисти большого художника или поэмы великого восточного поэта. Самый первый экземпляр каждой своей книги Иосиф дарил жене Ханне с трогательной дарственной надписью. В качестве примера одна из них:

«Моей единственной, любимой с не поддающимися выражению чувствами за то, что ты существуешь, за всё-всё остальное, за эту книгу моей Ханусеньке от всего сердца от меня. Иосиф».

Уже на склоне лет он сказал своей дочери:

– Если она уйдёт раньше меня, я за месяц завершу свои дела и тоже уйду: без неё мне жить неинтересно.

Пропагандист в штатском

Сняв шинель, полковник в отставке И.С. Брагинский остался пропагандистом – в хорошем значении этого слова. Даже вернувшись к своим востоковедческим исследованиям, он постоянно рассказывал о вкладе военных пропагандистов в победу в Великой Отечественной войне – в книгах, статьях, письмах, поддерживал друзей-соратников. За эту работу он был награждён Грамотой Советского Комитета ветеранов войны.

В тот же день, 12 июня 1985 г., руководители Военно-научного общества генерал армии П.Н. Лашенко, генерал-майор М.И. Бурцев и полковник Г.П. Бурдонос наградили полковника И.С. Брагинского Грамотой в связи с его 80-летием.

4 октября 1986 г. Первый заместитель начальника Главного политического управления СА и ВМФ адмирал А. Сорокин подписал

Грамоту полковнику в отставке И.С. Брагинскому “за проявленную инициативу, энтузиазм и творческий труд по созданию книги «Особый фронт», активное участие по обобщению и распространению боевого опыта политической работы среди войск и населения в годы Великой Отечественной войны”.

*На этой выставке был стенд, посвящённый полковнику
И.С. Брагинскому материалами из его архива*

Востоковед мирового уровня

В огромном архиве профессора И.С. Брагинского имеется список его наград и почётных званий, собственноручно составленный им накануне своего 80-летия:

ОРДЕН И МЕДАЛИ

- Орден Красной Звезды (1943)
- Орден Отечественной войны 1-й степени (1985)¹¹³
- Медаль «За боевые заслуги» (1943)
- Медаль «За оборону Москвы» (1944)
- Медаль «За победу над Германией» (1945)
- Медаль «За победу над Японией» (1946)
- Юбилейная медаль «XXX лет Советской армии и флота» (1948)
- Медаль «В память 800-летия Москвы» (1948)
- Юбилейная медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1966)
- Юбилейная медаль «50 лет Вооружённых сил СССР» (1969)
- Юбилейная медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Лекнина» (1970)
- Юбилейная медаль «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1975)
- Бронзовая медаль Главного Комитета Выставки достижений народного хозяйства СССР (1975)
- Памятный знак «50 лет пребывания в КПСС» (1976)
- Юбилейная медаль «60 лет Вооружённых сил СССР» (1978)
- Медаль «Ветеран труда» (1978)
- Почётный знак Советского Комитета ветеранов войны» (1980)
- Юбилейная медаль Государственного Совета Народной республики Болгарии «Столетие рождения Георгия Димитрова» (1983)
- Юбилейный памятный знак Советского Комитета ветеранов войны «В честь сорокалетия победы в Великой Отечественной войне» (1985)
- Юбилейная медаль «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1985).

¹¹³ Эту награду Брагинский получил после составления им приведённого списка.

ЗВАНИЯ

Член-корреспондент Академии Наук Таджикской ССР (1951)

Заслуженный деятель науки Таджикской ССР (1955)

Лауреат Государственной премии Таджикской ССР имени Абуали ибн Сино (1974)

Участник войны (1982).

Почётные грамоты Президиума Верховного Совета Таджикской ССР

За образцовую и самоотверженную работу в партийных и советских органах в ознаменование десятилетия Таджикской ССР (1939)

За активное участие в деле переводов произведений классиков марксизма-ленинизма на таджикский язык (1941)

За активную помощь в проведении и активное участие в Декаде таджикской советской литературы в г. Москве (1949)

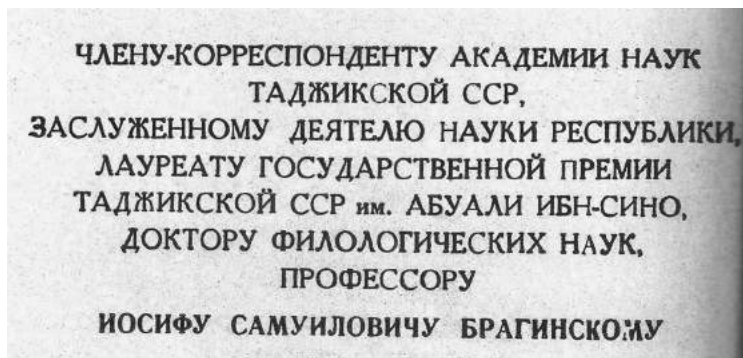
В связи с 25-летием образования Таджикской ССР как особо отличившийся (1954)

За активное участие в хозяйственном и культурном строительстве, в связи с 40-летием со дня образования Таджикской ССР и Коммунистической партии Таджикистана (1964).

Из множества других почётных грамот профессор отметил две:

Грамота Бауманского райкома ВЛКСМ Москвы «за активную работу в комсомольской организации в год 50-летия Ленинского комсомола» (1968).

Грамота Бауманского райкома партии Москвы «за активную пропагандистскую деятельность в Бауманской районной партийной организации».

Огромная стопка поздравлений, направленных профессору И.С. Брагинскому в связи с его юбилеями. Красочно оформленные поздравления на русском, таджикском, персидском, узбекском, азербайджанском, немецком с множеством автографов его учеников, сотрудников, соратников. Кто только ни считал своим долгом его поздравить:

Президиум АН Таджикской ССР и Отделение общественных наук АН Таджикской ССР;

Правление Союза писателей Таджикистана;

Коллектив Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР;

Коллектив профессоров и преподавателей Душанбинского государственного педагогического института;

Дирекция, общественные организации и коллектив ордена Дружбы народов Института мировой литературы имени Максима Горького АН СССР;

Иранисты Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР;

Учёный Совет по проблемам истории философии Института философии АН СССР;

Дирекция, партбюро, местком и коллектив сотрудников Института языкознания АН СССР;

Коллектив сотрудников Главной редакции восточной литературы издательства «Наука»;

Дирекция и общественные организации, сотрудники Института народов Ближнего и Среднего Востока АН Азербайджанской ССР;

Дирекция, партийная организация, коллектив учёных Института языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменской ССР;

Коллектив Института языка и литературы им. А.С. Пушкина АН Узбекской ССР;

Коллектив Института востоковедения АН Армении;

Учёный Совет и коллектив сотрудников Института востоковедения им. акад. Г.В. Церетели АН Грузинской ССР;

Президиум, Отделение общественных наук АН Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова и Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова...

Всех не перечислишь – слишком много.

В этих поздравлениях – оценка И.С. Брагинского, данная ему научным сообществом СССР.

Вот что пишут в своём адресе сотрудники Института мировой литературы имени Максима Горького АН СССР:

«Вы создали и в течение ряда лет возглавляли впервые образованную в ИМЛИ группу по изучению литературы Востока. В Вашем лице счастливо сочетаются талант учёного, педагога, руководителя научного востоковедного журнала и коллектива учёных. Ваши яркие, глубокие подлинно новаторские труды заслужили высокую оценку в нашей стране и за её пределами. В Ваших книгах нас всегда увлекала страсть учёного и публициста, новаторское начало, огромная научная эрудиция. Мы горды, что ряд Ваших трудов был задуман и осуществлён в стенах ИМЛИ».

А вот как оценивают профессора Брагинского сотрудники Института стран Азии и Африки при МГУ:

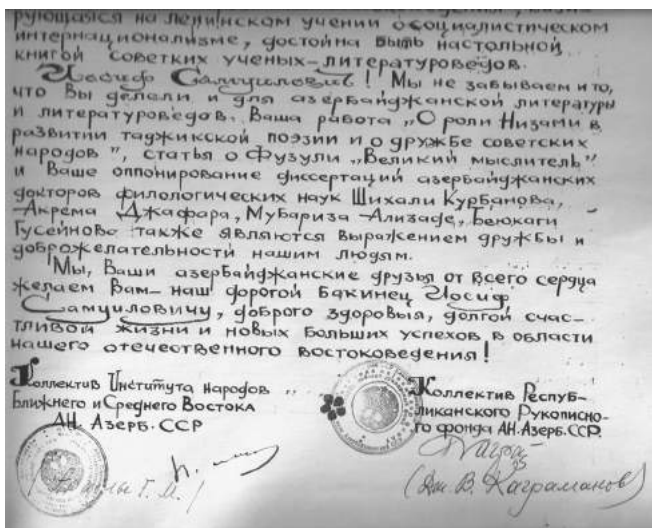
«Ваше стремление поддерживать всё молодое, новое, прогрессивное, будь оно в виде крошечного зёрнышка или слабого ростка, учит воспитывать подрастающую смену. Преподаватели Московского университета... надеются, что сумеют хоть в незначительной степени передать своим ученикам неистребимый энтузиазм, некротимую энергию, умение равно творить в тиши кабинета и на высокой трибуне лектора, полемиста, публициста, общественного деятеля-интернационалиста».

«И.С. Брагинский впервые прочитал на таджикском языке курс истории партии. Впервые марксистский очерк истории таджикского народа с древнейших времён до советской эпохи составлен И.С. Брагинским. В статьях И.С. Брагинского впервые начинается исследование советской эпохи таджикской литературы. По инициативе И.С. Брагинского и под его редакцией впервые издаются в Москве в русских поэтических переводах сборники стихов таджикских советских поэтов.

Исследования И.С. Брагинского и их основные положения приняты таджикской наукой и являются фундаментом нынешнего изучения истории таджикской культуры и литературы».

(Академик АН Таджикской ССР С.А. Раджабов [1])

70-летие И.С. Брагинского торжественно отмечали в Институте востоковедения АН СССР, куда съехалось большое количество его коллег и учеников. Особое внимание привлекло поздравление коллег из Академии наук Азербайджана: на большом двойном листе ватмана написанный вручную большой текст поздравления и... портрет юбиляра.

Фрагмент поздравления профессора Брагинского
от бакинских коллег.
Рукопись на ватмане

Они же на 80-летие подарили юбиляру большую вазу, на которой изображён портрет профессора.

Не будем строго оценивать портреты кистей неизвестных художников, написанные с фотографий. Сам факт таких подарков свидетельствует о глубоком уважении к юбиляру.

Увесистая пачка грамот от самых разных организаций, в том числе таких авторитетных, как Президиум Академии наук СССР и Правление Союза писателей СССР.

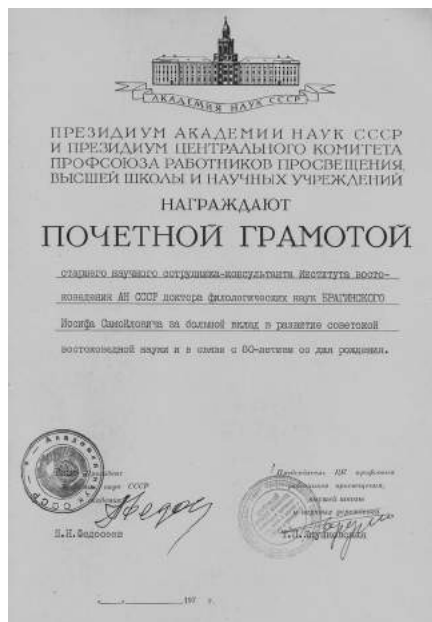
*Часть портрета И.С. Брагинского из поздравления бакинских коллег.
Неизвестный художник, акварель, ватман*

А есть ещё личные письма и телеграммы известных учёных, многолетних соратников, друзей и благодарных учеников. Практически все отмечали огромную плодотворность Брагинского, его умение максимально эффективно использовать время. Эту способность подчеркнули Д.С. Комиссаров с супругой, поздравившие своего друга с 60-летием четверостишьем в стиле восточных рубаи:

«Счастливые часов не наблюдают» –
Так знаменитые нам классики вещают.
Но в наши дни, имея много дел,
Счастливым тот, кто на часы глядел.

Среди подобных писем заметны присланные деятелями, занимавшими в те годы крупные партийные и государственные посты. Примером могут служить письма Шарафа Рашидовича Рашидова (1917–1983) – Первого секретаря ЦК КП Узбекской ССР (1959–1983),

Часть шестая. Выдающийся учёный и педагог

кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС (с 1961 г.), члена Президиума Верховного Совета СССР (с 1970 г.). Как поэт, писатель Рашидов известен с 1945 года, и в 60-х годах И. Брагинский и Ш. Рашидов переписывались по литературоведческим проблемам. Тональность писем Рашидова Брагинскому характеризует письмо от 17 мая 1973 г.:

Дорогой Иосиф Самуилович !

Ваше письмо - Первомайское поздравление - получил. Огромная Вам благодарность за то, что вспомнили обо мне, за то, что Вы радуетесь успехами нашей республики.

Дорогой брат ! Хочу доложить Вам о том, что мы трудимся с большим напряжением, хотим в этом году довести производство хлопка до 5 миллионов тонн, а через 3-4 года - до 6 миллионов. Хотим в следующем году произвести плодо-овощных культур 5 миллионов тонн. Небывальными темпами развивается у нас и животноводство. Добыча газа в 1974 году составит 50 миллиардов кубометров. Трудимся над тем, чтобы произвести 75% золота нашей страны. У нас развиваются и наука, литература, искусство. Неустанно работаем над тем, чтобы ускорить наши шаги вперед, к коммунизму.

Вот коротенький отчет о наших делах.

Огромную помощь нам оказывают ЦК КПСС, Совет Министров СССР, лично наш дорогой брат Леонид Ильич Брежнев в ускорении развития производительных сил республики. А резервы у нас неисчерпаемы, возможности огромны, стремление большое.

Дорогой брат ! Мы тоже следим за Вами, за Вашим творчеством, часто встречаемся в печати, радуемся Вашими творческими успехами. А Ваше творчество принадлежит нашей партии, советскому народу и вызывает восхищение у Ваших друзей, у меня лично.

Желаю Вам доброго здоровья, еще больших творческих успехов, много радости и счастья.

Крепко обнимаю и целую

Ваш

Ш. Рашидов

17 мая 1973 года
гор.Ташкент

Профессор И.С. Брагинский дал путёвку в жизнь многим десяткам исследователей. Некоторые из них стали крупными учёными. Амалдан Кукуллу в статье о И.С. Брагинском «Наставник – жизненная сила страны (штрихи к портрету учёного)» 26 июня 1976 г. пишет:

«Невозможно всецело исчерпывающе охватить, что есть из себя подобные люди. О таких людях можно и нужно писать... страстные публицистические, социально-психологические очерки, документальные повести, ибо всей своей жизнью, своим трудом, личным примером, умением служить обществу, людям и даже отдельному человеку они наполняют жизнь необходимым людям добром. ...С их доброго согласия живут и творят добро последующие поколения, их современники и сверстники. Подобные люди – настоящая жизненная сила той страны, которой они принадлежат».

Были и совсем неожиданные письма, как, например, Лидии Александровны Кольмягиной из Намангана Узбекской ССР от имени музыкально-литературного любительского кружка «Сердца Друзей». Кружок объединял 15 человек в возрасте от 15 до 66 лет – ученики, студенты, пенсионеры – ветераны педагогического труда с высшим филологическим образованием. Кружок проводил вечера, посвящённые творчеству наиболее талантливых литераторов, критиков, журналистов. Желая провести вечер, посвящённый Брагинскому, попросили его написать немного о себе и прислать фотографию и книги с автографом. Поздравление с 80-летием прислали в стихах:

Поздравляя юбиляра,
Пожелаем много счастья.
Вы душой своей не стары,
А талант у Вас – прекрасный.
Вам творить на радость людям,
Радость миру и любви.
Будут праздником средь буден
Ваши мудрые статьи.

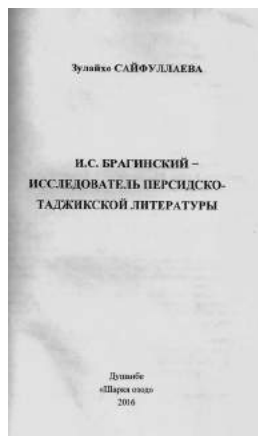
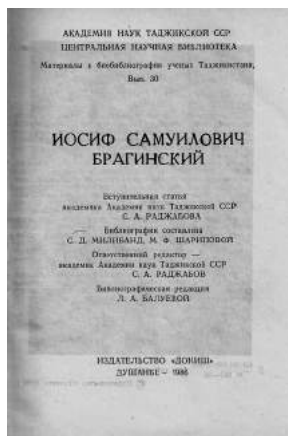
На конверте рукой И.С. Брагинского: «Послан ответ и книги».

Письма на разных языках, полученных от востоковедов и историков разных стран. Членство в Обществе Гёте в Веймаре. Все эти документы – свидетельство того, что профессор Брагинский занимал видное место в иерархии учёных.

Библиография трудов И.С. Брагинского трижды в 1966-1986 гг. издавалась в Душанбе. Без этих изданий разобраться в огромном творческом наследии профессора, насчитывающем более 400 работ, было бы нелегко.

Прошли уже многие годы с тех пор, как И.С. Брагинский ушёл из жизни, а его имя и его труды не затерялись среди учёных, оставивших свой след в истории науки. Так, 5-6 февраля 2015 г. в ИМЛИ прошли «Восточные чтения: Памяти И.С. Брагинского в связи с 110-летием со дня его рождения».

В 2012 году сотрудник кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (славянского) университета Зулайхо Сайфуллаева защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Брагинский – исследователь персидско-таджикской литературы» [2]. Эта диссертация легла в основу монографии, изданной в 2016 году [3]. Нет сомнений в том, что творчество профессора И.С. Брагинского и далее будет становиться предметом изучения исследователями.

Брагинский глазами... Льва Толстого

ОТРЫВОК, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ ИОСИФА САМУИЛОВИЧА БРАГИНСКОГО¹¹⁴:

«– Свет увидали, ваше сиятельство, как светлейший поступил, – робко и беспрестанно оглядываясь на своего полкового командира, сказал Тимохин.

– Отчего же так? – спросил Пьер.

– Да вот хоть бы насчёт дров или кормов, доложу вам. Ведь мы от Свенцяна отступали, не смей хворостины тронуть, или сенца там, или что. Ведь мы уходим, ему достаётся, не так ли, ваше сиятельство? – обратился он к своему князю, – а ты не смей. В нашем полку под суд двух офицеров отдали за этикие дела. Ну, как светлейший поступил, так насчёт этого просто стало. Свет увидали...

– Так отчего же он запрещал?

Тимохин сконфуженно оглядывался, не понимая, как и что отвечать на такой вопрос. Пьер с тем же вопросом обратился к князю Андрею.

– А чтобы не разорять край, который мы оставляли неприятелю, – злобно насмешливо сказал князь Андрей. – Это очень основательно; нельзя позволять грабить край и приучаться войскам к мародёрству. Ну и в Смоленске он тоже правильно рассудил, что французы могут обойти нас и что у них больше сил. Но он не мог понять того, – вдруг как бы вырвавшимся тонким голосом закричал князь Андрей, – но он не мог понять, что мы в первый раз дрались там за русскую землю, что в войсках был такой дух, какого никогда я не видал, что мы два дня сряду отбивали французов и что этот успех удесятерил наши силы. Он велел отступать, и все усилия и потери пропали даром. Он не думал об измене, он старался всё сделать как можно лучше, он всё обдумал; но от этого-то он и не годится. Он не годится теперь именно потому, что он всё обдумывает очень основательно и аккуратно, как и следует всякому немцу. Как бы тебе сказать... Ну, у отца твоего немец лакей, и он прекрасный лакей и удовлетворит всем его нуждам лучше тебя, и пускай он служит; но ежели отец при смерти болен, ты прогонишь

¹¹⁴ Под таким названием этот отрывок приведён в Википедии [4].

лакея и своими непривычными, неловкими руками станешь ходить за отцом и лучше успокоишь его, чем искусный, но чужой человек. Так и сделали с Барклаем. Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности; нужен свой, родной человек. А у вас в клубе выдумали, что он изменник! Тем, что его оклеветали изменником, сделают только то, что потом, устыдившись своего ложного нареkania, из изменников сделают вдруг героем или гением, что ещё будет несправедливее. Он честный и очень аккуратный немец...

– Однако, говорят, он искусный полководец, – сказал Пьер.

– Я не понимаю, что такое значит искусный полководец, – с насмешкой сказал князь Андрей.

– Искусный полководец, – сказал Пьер, – ну, тот, который предвидел все случайности... ну, угадал мысли противника.

– Да это невозможно, – сказал князь Андрей, как будто про давно решенное дело. Пьер с удивлением посмотрел на него.

– Однако, – сказал он, – ведь говорят же, что война подобна шахматной игре.

– Да, – сказал князь Андрей, – только с тою маленькою разницей, что в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно, что ты там вне условий времени, и ещё с той разницей, что конь всегда сильнее пешки и две пешки всегда сильнее одной, а на войне один батальон иногда сильнее дивизии, а иногда слабее роты. Относительная сила войск никому не может быть известна. Поверь мне, – сказал он, – что ежели бы что зависело от распоряжений штабов, то я бы был там и делал бы распоряжения, а вместо того я имею честь служить здесь, в полку вот с этими господами, и считаю, что от нас действительно будет зависеть завтрашний день, а не от них... Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции.

– А от чего же?

– От того чувства, которое есть во мне, в нём, – он указал на Тимохина, – в каждом солдате.

Князь Андрей взглянул на Тимохина, который испуганно и недоумевая смотрел на своего командира. В противность своей прежней сдер-

жанной молчаливости князь Андрей казался теперь взволнованным. Он, видимо, не мог удержаться от высказывания тех мыслей, которые неожиданно приходили ему.

– Сражение выиграет тот, кто твёрдо решил его выиграть. Отчего мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение, – и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться: поскорее хотелось уйти с поля сражения. «Проиграли – ну так бежать!» – мы и побежали. Ежели бы до вечера мы не говорили этого, бог знает, что бы было. А завтра мы этого не скажем. Ты говоришь: наша позиция, левый фланг слаб, правый фланг растянут, – продолжал он, – все это вздор, ничего этого нет. А что нам предстоит завтра? Сто миллионов самых разнообразных случайностей, которые будут решаться мгновенно тем, что побежали или побегут они или наши, что убьют того, убьют другого; а то, что делается теперь, – все это забава. Дело в том, что те, с кем ты ездил по позиции, не только не содействуют общему ходу дел, но мешают ему. Они заняты только своими маленькими интересами».

Узнали? Лев Толстой, «Война и мир».

Казалось бы, какое отношение это имеет к Брагинскому? Не был он полководцем, даже ротой не командовал.

А ведь имеет! Брагинский командовал огромной армией пропагандистов в условиях полного отсутствия подобного опыта у Советской Армии, пропуская через личное участие все решения и рекомендации. Он видел то, что не видели другие. Видел глубже и дальше. Учитывал менталитет – и наших, и немцев, и их попутчиков. Умел принимать нестандартные решения. Вспомним, как он решил задачу овладеть господствующей высотой перед наступлением под Сталинградом. Как использовал пленных в пропагандистской работе. Как в Великих Луках организовал рейд в логово фон Засса. Как работал с пленными германскими офицерами и генералами, включая Паулюса – терпеливо и уважительно. Как умел дружить с немецкими антифашистами. Как готовил кадры для будущей миролюбивой Германии. И главное: он и его соратники не «побежали» в

условиях поражений первых месяцев войны – они были абсолютно уверены в окончательной победе.

И не только на полях сражений. Как увидел и пропагандировал самобытность истории таджикского народа, как творил и отстаивал культуру и историю Таджикистана, как готовил национальные кадры. Здесь также им руководила уверенность в своей исторической правоте.

Что завещал нам Иосиф Брагинский

Завещание Иосифа Самуиловича Брагинского – документ, очень характерный для его мироощущения:

1. Детям своим, ученикам, друзьям, всем любившим и уважавшим меня завещаю: **будьте гуманистами в чувствах, помыслах, словах и делах ваших.**

В верности этого совета и в его благих последствиях для каждого убедил меня весь мой немалый жизненный опыт.

Гуманизм подлинный, реальный был под воздействием воспитывавших меня матери, отца, старшего брата, а позже старых большевиков признан мною с юношеских лет принципом и смыслом жизни, и всю жизнь я старался осуществлять его **постоянно**, в частности при занятии административных должностей, при разборе в ЦК КП(б) Таджикистана партийных апелляций в 1935-1938 гг., в работе среди войск противника, преимущественно среди немецких военнослужащих и военнопленных в годы Великой Отечественной войны. Подлинный гуманизм требует, чтобы люди понимали, что счастье каждого состоит в том, чтобы «сделать наибольшее число людей счастливыми» (К. Маркс), чтобы люди стали такими, которые «ни слова не скажут против совести» (В.И. Ленин), и, конечно, поэтому сделают всё по совести, чтобы люди всегда руководствовались положением: «Человек человеку – друг, товарищ и брат» («Программа КПСС»). Старался быть верным принципу гуманизма, и поэтому прихожу к своим завершающим годам с чистой совестью и счастливым.

2. Тело безжизненное моё прошу в крематории сжечь, а из пепла часть сохранить в небольшой домашней урночке, смешав с землёй, взя-

той из-под ног комсомольцев, расстрелянных при «Трипольской трагедии» (среди них погиб и мой старший брат), а также с землёю, взятой из подножья стены парижских коммунаров на кладбище Перляшез (коробочки с землёю у меня хранятся в книжном шкафу). Урночку хранить у кого-либо из моих детей (по указанию мамы), можно с закреплённой моей фотографией. Остальной пепел (по решению мамы) либо развеять над текущей рекой, либо поместить в урне колумбария.

*Памятник И.С. Брагинскому и Х.Н. Дриккер
на Востряковском кладбище в Москве*

3. Абсолютно всё принадлежащее мне имущество, материальные ценности, деньги наличные, хранимые на сберкнижке, причитающиеся мне (в том числе и по гонорарам и др.), все книги и бумаги, всё до единой бумажки, копейки, иголки – повторяю, абсолютно всё принадлежит моей жене Дриккер Хае Нутовне, поступает к ней в полное владение и распоряжение. Только по её решению и указанию часть книг и архива может быть передано детям нашим. Никаких архивов или фондов

Брагинского общественного характера прошу не создавать: память обо мне сохранится в моих книгах и в сердцах людей, которые пожелают её сохранить.

4. Детям завещаю: берегите маму свою как зеницу ока; помогайте ей переносить своё одиночество без меня. Помните, знайте: мама – исток жизни не только вашей, но и моей.

На сайте «Тайна имени» в разделе «Великие гении по имени Иосиф» [4] в числе 17 отобранных имён – таких, как Иосиф Виссарионович Сталин, Иосиф Гайдн, Осип Эмильевич Мандельштам, Иосиф Александрович Бродский, Иосиф Давыдович Кобзон, Иосиф Леонидович Райхельгауз – назван «Иосиф Самуилович Брагинский (1905-1989) — российский литературовед, востоковед, исследователь таджикской и персидской литератур». Конечно, можно поспорить и с применимостью термина «великий гений» к столь широкому кругу людей, и с отбором персонажей. Несомненно одно: имя Иосифа Самуиловича Брагинского заняло достойное место в мировой истории.

Литература к 6-й части

[1]. С.А. Раджабов – в книге «Иосиф Самуилович Брагинский. В серии: Материалы к библиографии учёных Таджикистана, вып. 30», Душанбе: Дониш, 1986, с. 10.

[2]. З.А. Сайфуллаева. И.С. Брагинский – исследователь персидско-таджикской литературы, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Душанбе, 2012.

[3]. З. Сайфуллаева. И.С. Брагинский – исследователь персидско-таджикской литературы – Душанбе: Шарки озод, 2016, 336 с.

[4]. Брагинский, Иосиф Самуилович – Википедия (с комментариями), wiki-org.ru/wiki/Брагинский,_Иосиф_Самуилович.

[5]. Тайна имени. Великие гении по имени Иосиф – «to-name.ru/testki/man/iocif.htm».

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Полковник *humanitatis causa*

*Из журнала ГДР «Freie Welt», № 20 от 2 мая 1970 г.
На русском языке публикуется впервые*

Гимназист, ставший коммунистом после встречи с двумя бакинскими носильщиками.

Комсомолец, одаривший маленькую татскую народность переводом «Интернационала».

Литературовед, который под шквалом огня в Сталинграде разгадывает секреты древнеперсидской поэтики.

Офицер, в адском котле Великих Лук беседующий с антифашистом Альфредом Курелла о «Западно-восточном диване» Гёте.

Комиссар, освободивший тысячи немецких солдат и офицеров от духовной фашистской отравы и преподавший им основы гуманизма.

Советский гражданин, чьи ученики из Антифашистской школы стали впоследствии в ГДР министрами, директорами предприятий и генералами.

Учёный, украсивший стены своей московской комнаты, являющейся одновременно его рабочим кабинетом, художественными миниатюрами, отражающими мирное сосуществование народов Востока и Запада.

Его имя: Иосиф Самуилович Брагинский – профессор, доктор филологических наук, востоковед международного ранга. В годы войны он руководил «Немецким отделом» Главного Политического Управления Красной Армии.

Первая встреча с человеком, портрет которого он должен написать – подобно художнику, обязанному воссоздать образ своей модели – для журналиста всегда равносильна волнующему соприкосновению с неизвестным.

В этот снежный промозглый мартовский вечер мы в волнении поднимались по лестнице дома – одного из корпусов жилого комплекса на Кутузовском проспекте.

Интересно, как он выглядит?

Он выглядит так, как обычно представляем себе профессора, учёного старшего поколения. Высокий лоб, длинные, чуть встрёпанные волосы. Глаза, утомлённые непрерывным чтением. Очки в простой оправе.

Интересно, как он нас встретит?

Он приглашает нас к столу. На столе – электрический самовар. Тут же кексы с изюмом, орехи, яблоки на блюде.

Заварен грузинский чай...

Наш хозяин объясняет: жена лежит в постели больная.

Вот он и выставил на стол всё, что было у него под рукой.

На каком языке будет он с нами говорить?

Он заговорил с нами по-немецки и чем дальше, говорил всё свободней на этом языке, всё уверенней, иногда всё же оставляя переводчице возможность перевести то или иное слово.

Что ответит он нам на вопросы, которые мы загодя переслали ему по телеграфу?

Первый из этих вопросов гласил:

– Как протекал Ваш жизненный путь до войны?

Отвечая на этот вопрос, он показал новым знакомым четыре стены своей комнаты.

Вот пожелтевшая фотография красивой женщины с добрым лицом – первое, что он видит, поднимаясь утром с постели. Это его мать.

На другом снимке – почтенный старец а таджикской тубетейке. Это основоположник таджикской литературы Садриддин Айни, его старший друг и учитель.

Многоцветные миниатюры на стенах – персидские, индийские, японские, армянские, французские и русские – периода X–XV веков – показывают, что всем народам мира в равной степени присуще стремление к красоте и добру.

И Иоганн Вольфганг Гёте взирает на них со своего портрета...

Брагинский берёт чистый лист бумаги и быстрыми лёгкими штрихами оживляет его.

«Запад и Восток нераздельны. Гёте».

Рядом ещё цитата:

«Коммунизм – это и есть реальный гуманизм. Маркс».

Однако, под изречением Гёте – ещёи третья цитата:

«Коммунизм – самое гуманное мировоззрение» (из программы КПСС).

Урок, преподанный бакинскими носильщиками

Комнату учёного с книжными полками на стенах, эту комнату в доме на Кутузовском, заполняют фигуры из прошлого:

Отец – помощник бухгалтера. Поклонник Белинского и Чернышевского. Адепт русского просветительского движения.

Чтобы продемонстрировать свой отход от иудейской веры и переход к атеизму, он систематически, на глазах у всех в синагоге, съедал кусочек сальной свечи. Да и где мог бы он раздобыть свинину в густо заселённом евреями украинском городе XIX века?

У Брагинского был старший брат. Отец познакомил его с марксизмом. В 1918 году, когда брату было семнадцать лет, так называемые «зелёные», выдававшие себя за сторонников революции, заманили его в засаду близ села Триполье, вместе с сотней других юных коммунистов, и ночью коварно убили всех...

Дальше... Теперь мы должны последовать за Брагинским в дореволюционный Баку, где в 1905 году поселилась его семья.

В городе происходили кровавые разборки между азербайджанцами и армянами. Дополнительно разжигала религиозную нетерпимость царская полиция, устраивавшая провокации и действовавшая по известному принципу «разделяй и властвуй».

Наш 65-летний хозяин рассказывает о событиях полувековой давности так, словно они происходили вчера:

«Утром 28 апреля 1920 года я понуро шёл в гимназию. Мы должны были писать контрольную работу, а я не успел к ней подготовиться.

Неожиданно я увидел двух мужчин, шагнувших в обнимку по середине мостовой. Они что-то кричали, но издали я расслышать их возгласов не мог. Вот они подошли ближе...

Я удивился. Во-первых, это были амбалы, бакинские городские носильщики, из всех бедняков самые бедные и наиболее жестоко эксплуатируемые.

Но вот они лихо шагают по середине мостовой, – и никто не решаете прогнать их оттуда!

Во-вторых – тут бакинец не ошибётся – один из них азербайджанец, а другой – армянин. Это видно не только по их лицам, – у них и паланкины совершенно разные...

Как же они шагают рядом, да ещё в обнимку? Непостижимо!

В-третьих, оба чуть навеселе. Что ж, армянину, пожалуй, ещё можно... но чтобы носильщик-мусульманин выпил вина?

Крушение мира!

А эти двое всё так же шагают по мостовой, громко топая и слегка пошатываясь, вскидывая в такт своим шагам загорелые мускулистые руки. И сверкая белозубой улыбкой, мешая напропалую азербайджанские, армянские и русские слова, кричат:

– Эй, держись! Большевики идут!

Недавние враги, ныне соединённые братской дружбой... Эта картина поразила меня, как откровение. И я решил: «Ты должен стать коммунистом!».

Поближе к полудню город заполнили люди в рабочей одежде, запачканной машинным маслом. Стало известно, что в отдельных дворах раздают винтовки всем, кто готов сражаться за советскую власть. Я был готов – и быстро отыскал такой двор.

Там только что открыли два больших деревянных ящика, стоявших на середине двора: в них были винтовки.

У ящика дежурили трое рабочих. Раз за разом подходили к ним люди в прозодежде и показывали им свои ладони – как в бытность на баррикадах Парижской Коммуны, о которой я читал.

У кого были на руках мозоли, тем, после короткого разговора, выдавали винтовки, их зачисляли в один из отрядов рабочей гвардии.

И я тоже подошёл к ящикам с винтовками, но со мной никто даже не стал разговаривать. Только взглянули на мой гимназический мундир – и сразу: «Гимназисты нам не нужны!».

Я ушёл с обидой в душе, но я понимал этих людей. Ведь я уже знал, что такое классовая борьба.

Спустя несколько дней меня приняли в комсомол. Черноволосый парень в грязном фартуке, по всей вероятности, подмастерье какого-нибудь сапожника, член районного комитета, взял слово и принялся горячо доказывать, что я вовсе не «гимнаст», а, наоборот, «харраший чиллабек». Он узнал во мне того подростка, который защитил его, когда в случившийся драке его грозили убить.

А когда выяснилось, что я немного говорю на его языке – он принадлежал к татскому национальному меньшинству – тут уж он окончательно пришёл в восторг.

Нам обоим поручили организовать комсомольскую группу. Так я сделался комсомольским функционером среди татской молодежи».

Завершая нашу первую рабочую встречу, профессор Брагинский чуть задумчиво произносит:

– Поймите, мне слава не нужна. Мне нужно другое – ещё хотя бы несколько лет, чтобы я мог закончить мою работу, И, конечно же, здоровье.

Вы спрашивали, как протекала моя жизнь. Я закончил в Москве Институт Восточных языков. Потом – вплоть до нескольких предвоенных месяцев руководил отделом пропаганды в Центральном Комитете Компартии Таджикистана. Затем меня призвали в армию...

С 1950 года я работаю в Институте Востоковедения Академии Наук СССР. Моя специальность – классическая персидская и таджикская поэзия IX-XV вв. Я член-корреспондент Таджикской Академии Наук. Главный редактор журнала «Народы Азии и Африки». Автор ряда научных работ и книг.

Однако по зрелом размышлении скажу: два дела есть в моей жизни, которыми я особенно горжусь.

Первое – это перевод на татский язык «Интернационала», который я выполнил в 1920 году в сотрудничестве с моим другом Горским, принадлежавшим к народности татов.

Второе – моя работа с немецкими антифашистами в период с 1941 по 1945 год.

Но это уже другая история...».

РОЖДЕНИЕ НЕМЕЦКОГО ОТДЕЛА

Несравнима ни с чем прогулка по шумной Москве, которую мы проделали в этот день, осыпаемый густыми хлопьями снега, вновь и вновь падавшего с неба.

К товарищу Брагинскому присоединился товарищ Берников, бывший сотрудник «немецкого отдела». После 1945 года он был заместителем главного редактора газеты «Теглихе Рундшау» в Берлине.

Оба пожилых профессора, в тёплых меховых шапках, с книгами подмышкой, энергично шагали по московским тротуарам. Их лица раскраснелись на морозе.

Два бывших сослуживца на улицах Москвы холодной весной 1970 года

Вот они подводят нас к невысокому, аккуратно выкрашенному дому. Улица Обуха, д. 3.

– Здесь работал Национальный Комитет «Свободная Германия».

Как почтительно произносят они эту короткую фразу!

Следующая остановка у Центрального Дома Советской Армии. Мы поднимаемся по лестнице, потом шагаем по какому-то нескончаемому коридору. Откуда-то сквозь двери, сквозь стены доносятся могучие голоса певцов солдатского хора.

Профессоры ускоряют шаг. Они входят в одну из комнат. Оба взволнованы, хотя ничего особенного в этой комнате нет.

У ящика с картотекой сидит секретарша. В простенке между двумя окнами – простой письменный стол.

Профессоры устремляются к этому столу. Брагинский достает лист бумаги.

– Помнишь? Здесь всё это было. Вот за этим самым столом. Вот так мы сидели в тот раз...

Воспоминания о 22 июня 1941 года.

«Вот за этим столом мы сидели...»

Они проигрывают для нас этот важный в их жизни эпизод...

22 июня 1941 года. Воскресенье. Полковник Брагинский с женой собираются к детям на дачу.

Но тут раздаётся телефонный звонок:

– Немедленно в штаб! Чтобы через пять минут Вы были здесь!

Брагинский бегом преодолел все три километра. Кто знает, когда придёт следующий автобус.

Генерал Бурцев, начальник Брагинского, встретил их словами:

– Всё! Началось!

Началась война.

– Руководить пропагандой среди немцев сможешь?

Он задумался. Знакомство с немецким языком у него было чисто книжное. Разговорным языком он владел слабо. Кое-чему он научился в гимназии, да ещё у отца. Но с тех пор прошло много лет.

Впоследствии, однако, он читал в оригинале Маркса и Либкнехта, а также газету «Роте фане» («Красное знамя»). И перевёл с немецкого на таджикский «Коммунистический манифест».

Он принял решение. И сформулировал свою задачу так: «сокрушить язык Гитлера и Геббельса языком Маркса и Энгельса!».

А сейчас полковник Брагинский вместе с бывшим своим сотрудником Берниковым сидят за этим самым простым деревянным столом в той самой комнате...

Здесь была написана первая листовка с обращением к немецким солдатам.

В основе её – только что опубликованное заявление советского правительства.

Через час листовка должна быть готова. Таков приказ генерала Бурцева, начальника VII отдела (по работе среди войск и населения противника), в составе которого отныне будет действовать «Немецкий отдел».

Написаны две-три фразы – и наступает заминка.

«Гитлеровская Германия, поправ пакт о ненападении, вероломно напала на Советский Союз».

Подполковник Берников ерошит свои редкие волосы:

– «Вероломно»? Как это по-немецки?

Полковник Брагинский сердито пожимает плечами. Нет словаря под рукой!

– Ты же преподаватель немецкого! Казалось бы, должен всё это знать!

В эту минуту раздался громкий, чуть хриловатый женский голос:

– О чем вы тут спорите?

Вошла Фрида Рубинер, за ней – черноволосая девушка, Мария Ривкина. Обе работают в Издательстве Иностранной Литературы.

Предусмотрительный генерал Бурцев, предвидя возможные языковые проблемы, вызвал обеих в штаб.

– Скажите скорей, как по-немецки «вероломно»?

– «Treibruchig, treibruchig!».

Фрида Рубинер повернулась к своей спутнице:

– Мария, детка, машинка у тебя с собой? Прекрасно! Начинаю диктовать!

Через 20 минут листовка была безупречно переведена на немецкий язык.

В последующие дни полковник Брагинский познакомился с десятками немецких коммунистов и антифашистов, которые, – с Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом во главе, – отныне сосредоточили свои силы на антигитлеровской пропаганде.

Это были – прежде всего – Эрих Вайнерт и Иоганнес Р. Бехер, Фридрих Вольф и Альфред Курелла, Вилли Бредель и Артур Пик.

Один из них, Альфред Курелла, впоследствии так описал этот период:

Немецкий отдел. Групповой снимок 1945 года. Слева направо: подполковник Константиновский, журналист. Вскоре после войны скончался. Подполковник Берников. Ныне профессор Московского государственного университета им. Ломоносова. Полковник Брагинский.

Ныне – профессор в Институте Востоковедения.

Мария Ривкина. Ныне переводчица в берлинском издательстве.

Майор Маслов. Лингвист. Ныне профессор Ленинградского университета. Капитан Жданов. Ныне – профессор, ректор Ростовского университета. Капитан Лосев. Ныне – инженер-химик.

«Идеологическая борьба против вермахта была для Красной Армии новым делом. Её опыт в подобной сфере восходил ко временам гражданской войны. Он мог предложить лишь какие-то общие принципы, – всё остальное предстояло разработать вновь.

За это дело взялась небольшая группа советских офицеров, знающих язык противника. Эту «немецкую» группу возглавлял полковник Брагинский.

По основной своей специализации он был востоковед, знаток арабской, персидской и таджикской поэзии. Однако он хорошо знал немецкий язык и обладал замечательной способностью проникать в психологию немцев вообще и немецкого солдата, в частности.

Полковник И.С. Брагинский

Как и все мы, Эрих Вайнерт был многим обязан общению с этим человеком, которые в первые годы войны стал для нас верным и добрым другом».

(Из предисловия к сборнику стихов Эриха Вайнерта «За свободу Германии». Издательство «Фольк унд Вельт», Берлин, 1960 г.).

Сам профессор Брагинский так комментирует этот этап своего жизненного пути:

«Без помощи немецких интернационалистов я не смог бы выполнить свою работу. Эти люди достойны величайшего уважения.

Например, Эрих Вайнерт – настоящий поэт, революционер и народный трибун. До сих пор звучит у меня в ушах его низкий, проникающий в душу голос, когда в своём первом радио-обращении к солдатам вермахта он взывал к ним: «Ослепли вы, что ли? Неужто вы всё забыли?».

Шоковая терапия. Великие Луки

Контрасты в кафе «Ивушка» не лишены известной прелести. Вот сидит перед нами старый профессор, а слева и справа, позади него и рядом – молодежь. Много хорошеньких девушек в мини-юбочках, на голове у них экзотические шляпки...

На фоне новой Москвы. Воспоминания о Великих Луках

А за широкими стёклами кафе тоже полно молодежи. Ведь это Калининский проспект – самая красивая и современная улица Москвы. Отсюда всего несколько метров до здания СЭВ, напоминающего гигантскую раскрытую книгу, где в соседних кабинетах заседают экономисты из ГДР и Советского Союза.

А за соседним столиком в нашем кафе говорят то по-русски, то по-немецки, то на своеобразном русско-немецком. Кто эти люди – студенты? Туристы? Командировочные?

Впрочем, не всё ли равно...

Важно то общее, что этих людей объединяет.словно и не было никогда ничего другого. Тем не менее, а, может быть, именно поэтому, мы желали бы этим молодым людям из 1970 года, чтобы и они тоже слышали рассказ старого профессора, особенно сейчас, в эту минуту, когда в его рассказе оживает прошлое – эпизод из жизни их отцов...

Великие Луки. Зима 1943 года.

Огневая пауза на фронте. Надолго ли? Полковник Брагинский в своём укрытии обдумывает ситуацию.

Всего лишь несколько минут назад вернулась из котла окружения, в котором очутились немецкие солдаты, его боевая группа.

Он самолично провёл её сквозь советские линии до первых немецких сторожевых постов.

Но затея провалилась.

В боевую группу входили немецкие антифашисты и десять советских солдат, также облаченных в немецкую форму. Группе было дано задание: пробиться к командиру дивизии фон Зассу и склонить его к капитуляции – хитростью, а при необходимости и силой. Однако у самой цели, когда группа уже подошла к входу в командирский бункер, строго охраняемый немецкими солдатами, возникла перестрелка. Только чудом боевой группе удалось вернуться к своим.

В перестрелке погибли два советских солдата.

Что теперь делать? Попросту обрушить на немецкие позиции шквал огня?

Полковник Брагинский не мог смириться с таким исходом.

О многом вспомнил он в эти решающие минуты. В частности, о споре, который случился у него в Москве, сразу после создания «Немецкого отдела».

– Неужто ты всерьез полагаешь, что ваша пропаганда будет иметь успех? – спросил его тогда один из его друзей. – Вот увидишь, немцы и дальше будут ожесточенно сражаться, вплоть до самого ужасного конца!

Брагинский возразил:

– Ты сбрасываешь со счетов классовые противоречия! И влияние Тельмана...

В последующие годы он понял, что в начале войны слишком оптимистично оценивал шансы пропаганды. И всё же он не ошибся, разве что в том, когда будет достигнут успех, но не по существу дела.

И успех пропагандистской работы и впрямь сказался, правда, не так скоро и не в том объёме, которого желал полковник.

Но успех этот был.

Такие люди, как офицер немецких военно-воздушных сил, военнопленный Аугустин, возглавивший группу, о которой говорилось выше, служили живым подтверждением этого факта.

– Товарищ полковник, – сказал Брагинскому Аугустин, уходя на боевое задание, – если я не вернусь, пожалуйста, скажите всем, что я умер коммунистом.

Да, Бог свидетель, трудная это задача, требующая огромного терпения – борьба за очищение человеческих мозгов от антигуманной скверны.

Для этой цели Брагинский разработал нечто вроде шоковой терапии.

При первом же контакте со «свежими» пленными он обычно коротко объявлял:

– Я еврей. И вдобавок комиссар.

«Еврей»... Уже одно это представлялось пленным чем-то ужасным. Да ещё «комиссар»! Хуже этого вообще ничего не могло быть.

И оба кошмара в одном и том же лице.

Придя в себя от изумления, любой «пациент», подвергнутый шоковой терапии, видел: перед ним умный, образованный человек, готовый с ним разговаривать.

В лучшем случае он тогда отваживался спросить: Вы, господин полковник, конечно, ненавидите Германию и немецкий народ?

И Брагинский отвечал:

– Есть две Германии: одна из них в меня стреляет. Но вторая сражается плечом к плечу со мной против фашизма. Вы спрашиваете, ненавижу ли я немцев?

Да разве я мог бы ненавидеть Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта, Эриха Вайнерта?

Что же касается Вас и Ваших товарищей, то попытайтесь понять: я ненавижу обманщика-совратителя, но никак не самих обманутых и совращённых...

Сколько же таких обманутых под началом у фон Засса?

Брагинский взглянул на часы. Надо действовать!

Боевой дух окружённых – об этом доложили вернувшиеся из кольца – уже дал трещину.

Об этом можно было судить хотя бы по разговору с немецким солдатом, носящим смешную фамилию «Пумперникель» (в переводе: «пряник, пышка» С.Т.).

И полковника вдруг осенило...

ПАРОЛЬ – «ПУМПЕРНИКЕЛЬ»

Выкатили «Мощные Говорящие Установки»¹¹⁵... И в тыл к окружённым полетели громко озвученные слова:

– Эй, Пумперникель! Слушай! Говорят те, кто недавно с тобой беседовал. Фон Засс хочет вас всех уложить! Мы же вовремя перешли к русским. Сдались! Если хочешь когда-нибудь увидеть жену и детей – ступай к нам! И ты тоже, фельдфебель из Рейнланда...

Прошло совсем немного времени – и появилась первая пятёрка солдат с поднятыми кверху руками.

Следом за ней – и вторая группа, состоявшая из двух десятков солдат во главе с самим Пумперникелем, австрийцем.

Ребята из экипажа МГУ протянули ему микрофон:

– Говорит Пумперникель! – прокричал он, обращаясь к окружённым. – Слушайте, слушайте! Русские сказали, чтобы вы все переходили сюда! Можно даже без белого флага. Достаточно крикнуть: «Пумперникель»! Этого довольно!

Каждый из вновь прибывших произносит несколько слов в микрофон, называя себя. Поток перебежчиков растёт. Советские дозорные в самом переднем окопе раз за разом слышат эту смешную фамилию, которая и им тоже кажется смешной и странной, но именно потому сделалась незаменимым паролем.

– Пумперникель!

– Пумперникель!

– Пумперникель!

Полковник Брагинский улыбается. Но не потому, что ситуация разрядилась. Она, как была, так и осталась серьёзной.

Брагинский радуется тому, что с помощью немецких коллег ему удалось спасти жизнь нескольких сотен людей. Ведь будущей Германии с человеческим лицом эти люди будут очень нужны.

Последним появился полковник фон Засс собственной персоной, в сопровождении ординарца, который волочил его битком набитый чемодан.

¹¹⁵ Автофургоны с походной радиостанцией для пропагандистского вещания на противника – С.Т.

У фон Засса уже не осталось людей, которых он мог бы бросить в огненное пекло.

После этой операции впервые за всю историю Великой Отечественной Войны немецкие антифашисты были награждены советским орденом «Знак Почета»...

Профессор Брагинский так заключил этот раздел своих воспоминаний:

«Успехи операции в Великих Луках и Сталинграде, где действовал сам Вальтер Ульбрихт, ознаменовали поворотный момент в нашей пропаганде.

Отсюда напрашивались два вывода. Первый – что солдаты гитлеровского вермахта на этой стадии войны несомненно стали уже восприимчивы к продуманному идеологическому воздействию. Второй – что наилучшей пропагандой была та, которая осуществлялась самими немецкими антифашистами.

Вскоре был создан Национальный Комитет «Свободная Германия», во главе которого встал Эрих Вайнерт.

Я познакомился тогда со многими новыми борцами за правое дело.

Среди них были рабочие, представители среднего класса, глубоко верующие католики, генералы из старых прусских аристократических родов.

И лично я, и мои ближайшие сотрудники осуществляли связь между Национальным Комитетом «Свободная Германия» и Главным Политическим Управлением Красной Армии. Вплоть до самого Дня Победы, который наступил 25 лет назад».

«НА ЭТОТ РАЗ ОН ТОЧНО ТЕБЯ УБЬЁТ»

Прощальный визит к профессору Брагинскому.

Всего лишь в нескольких шагах от его дома сверкает в свете прожекторов Триумфальная Арка, воздвигнутая в 1812-ом году в честь победы над наполеоновскими захватчиками.

От Кутузовского проспекта по дороге, ведущей через Минск и Варшаву, можно напрямиком доехать до Берлина.

Однако мы ещё ничего не узнали о новейшем отрезке жизни профессора.

Не довелось ли ему побывать в Германии? Собственными глазами увидеть всё, чего добились освобождённые от фашизма немцы?

1966 год. Социалистическая Единая Партия Германии отмечает своё двадцатилетие.

В своё время полковник Брагинский, как почётный гость, присутствовал на съезде, положившем начало объединению КПГ и СДПГ.

А ныне, в 1966 году, профессор Брагинский – снова в числе иностранных гостей, приглашённых на юбилейный съезд Вальтером Ульбрихтом от имени ЦК СЕПГ.

После всех торжеств в Берлине состоялась встреча, которая ни в каком официальном отчёте и ни в одной газетной заметке не упоминалась.

Место действия – дом Альфреда Курелла, – его профессор Брагинский называл своим лучшим другом в ГДР.

Курелла предложил, чтобы у него встретились участники той самой «Операции Пумперникель».

Пришёл Франц Гольд, ныне генерал армии ГДР. В своё время, в дни осады Великих Лук, жена Брагинского, Хана Натановна, отнеслась к Гольду настороженно. Этот перебежчик из фашистского вермахта, верзила, силач с крепкими кулаками, не внушал ей доверия.

– Убьёт он тебя! – сказала она тогда мужу.

Тот в ответ лишь рассмеялся:

– Если вдруг понадобится, он меня спасёт!

В ходе той самой фронтовой операции немецкий антифашист Гольд уберёт советского профессора-коммуниста – в метель и свирепый мороз – от замерзания.

Но вернёмся в дом Куреллы: здесь, стало быть, эти двое увиделись вновь. Франц Гольд бросился к Брагинскому. Так крепко обнял он профессора, что Хана Натановна улыбнулась и не смогла удержаться от шутки:

– Вот теперь он уже точно тебя убьёт!

И ещё один участник великолукской операции пришёл в дом Куреллы: Хайнц Кесслер, ныне генерал-полковник, заместитель министра обороны.

Оба генерала, хоть в этот вечер и в гражданском, при виде Брагинского вскочили со своих мест и замерли в стойке «мирно».

Улыбка соседствовала на их лицах с выражением торжественной серьёзности.

– Товарищ полковник! Разрешите доложить Вам о нашей работе за минувшие 20 лет!

Брагинский смущённо отмахнулся от такой чести:

– Послушайте, я же давно демобилизован! И вообще, пристало ли генералам рапортовать полковнику?

Но Хайнц Кесслер продолжает настаивать:

– Нет, товарищ полковник, мы обязательно должны это сделать! Ведь это Вы воспитали нас сознательными коммунистами!

И они рассказывают, как после 1945 года закладывали основы первого в истории миролюбивого немецкого государства.

Профессор Брагинский жадно ловит каждое их слово.

Он взволнован.

Как только они замолкают, он встаёт и в свою очередь рапортует немецким друзьям о работе, проделанной им самим.

Последним берёт слово писатель Курелла...

Весь месяц был заполнен поездками по ГДР. Брагинский побывал на предприятиях, в разных городах и деревнях встречался с гражданами ГДР.

Случалось, кто-то из них подходил к профессору: директора заводов, инженеры, научные работники, бургомистры, функционеры различных общественных организаций.

Он редко узнавал кого-то из них. Зато они хорошо помнили его.

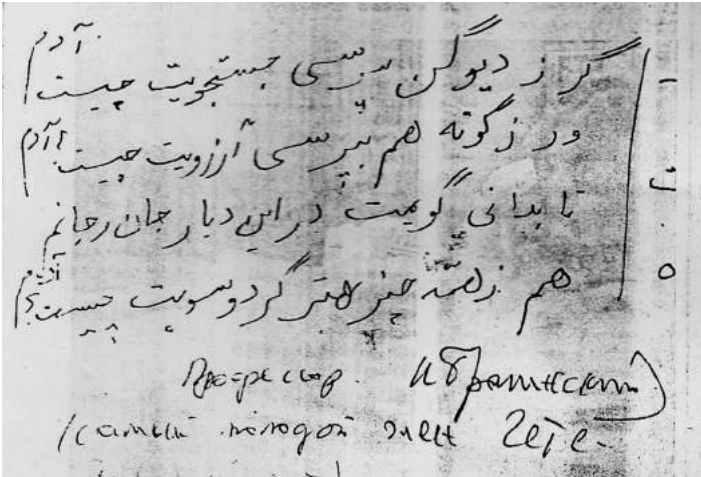
– Никак, Вы тот самый полковник, который беседовал с нами в лагере Антифашистской школы?

В Веймаре, в доме Гёте, профессора Брагинского приняли в Гётевское общество.

На правах «самого молодого члена Общества» он занёс в гостевую книгу стихотворение – на персидском языке. Только на этом языке слагает он стихи.

Это акrostих. Начальные буквы строчек образуют имя великого немецкого поэта. Такие забавы были в духе поэтов Востока.

Содержание стихотворения, написанного Брагинским по-персидски, – похвала Германской Демократической Республике.

Благодарность на персидском: вступление в Общество Гёте, Веймар

В несовершенном нашем переводе оно читается примерно так:

«Когда Диогена спросили, кого он ищет, он ответил: «Человека!».

Когда у Гёте спросили, кого он любит, он сказал: «Человека!».

Если хотите узнать, что мне дороже всего в вашей прекрасной стране, я скажу: – Человек!»

Когда мы в первый раз пришли к полковнику Брагинскому в его московский дом, он приветствовал нас словами Гёте.

И прощался он с нами также словами Гёте.

На его столе высится гора книг – всё сплошь разные издания «Западно-восточного дивана» на разных языках мира.

Профессор Брагинский считается самым лучшим советским знатоком «Дивана».

Сейчас он готовит новое русское издание этого произведения, снабжённого его собственными комментариями и сносками.

Низко склонившись над страницами «Дивана», он читает своими уставшими от неустанных трудов глазами цитату из «Книги рая». В ней поэт, обращаясь к гурии, охраняющей вход в рай, говорит:

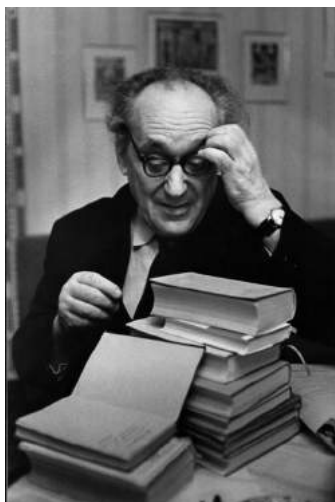
«Распахни врата мне шире,
Не глумись над пришлецом.

В. Файн. Жизнь востоковеда

Человеком был я в мире,
Это значит – был борцом!»

Перевод с немецкого С.А. Тархановой

Статью сопровождают также и другие фотографии Альфреда Пасковяка (Paszkowiak) – фоторепортёра немецкого журнала «Фрайе вельт»:

Профессор роется в своих воспоминаниях

Отец и сын в 1945 году. Владимир впервые открывает для себя огромный неизвестный мир

Отец и сын в 1970 году. Первый научный доклад Владимира в Институте

Неутомим, как всегда. Сосредоточенно работает над книгой в читальном зале.

2. Наставник – жизненная сила страны (штрихи к портрету учёного)¹¹⁶

Имя Иосифа Самуиловича Брагинского известно десяткам тысяч людей, имеющих дело с книгой. Он автор многотомных литературоведческих трудов по истории персидской и таджикской литератур с древнейших времён до наших дней. Он член редакционных коллегий издательства «Художественная литература» и издательства «Наука» (Главная редакция восточной литературы), всевозможных словарей и энциклопедий, главный редактор ежемесячного журнала «Народы Азии и Африки». Но ко всему этому – ещё несравненный «муаллим», т.е. учитель. Так, из уважения (по старинному восточному обычаю), не произнося имени, называют сотни и тысячи знающих его людей – и в Москве, и в Ленинграде, во всех республиках Средней Азии и Закавказья.

«Человеком, который стал для меня образцом большевика-учёного, с молодых лет до сей поры», – охарактеризовал его на своём пятидесятилетнем юбилее ректор Ростовского университета, член-корреспон-

¹¹⁶ С небольшими сокращениями.

дент АН СССР профессор Ю.А. Жданов. «Наставником и учителем» называли его в своих приветственных телеграммах в день семидесятилетия Министр культуры Казахстана М. Базарбаев, заместитель председателя Совета Министров Татарской АССР М. Хасанов. Многие доктора наук и академики республик Советского Востока также называют его своим учителем, своим наставником. А вот что сказал о нём начальник Генерального штаба ГДР Хайнц Кесслер: «Это он сделал меня человеком и коммунистом».

Широко и торжественно отмечали семидесятилетний юбилей И.С. Брагинского в июне прошлого года в Душанбе и Ленинабаде, в Ташкенте и Тбилиси, в Баку и в Москве. Это торжество было торжеством дружбы народов Советского Союза, его социалистического интернационализма, ибо юбиляр всю свою жизнь отдавал и продолжает отдавать возвышенным гуманистическим идеям, сближая все населяющие Россию народы и всех людей доброй воли в одну единую большую семью, для которой общим кровом под огромным небом являются гуманные идеи древних классиков всемирной культуры. И это всё для того, чтобы тесно и невыносимо было на Земле гнетущему человека злу, всему тому, что мешает человеку, как пишет в своих трудах Брагинский, «быть частицей солнца на земле».

В ответ на многочисленные искренние и справедливые похвалы в свой адрес этот человек застенчиво-смущённо отвечал коротко, чётко и просто: «Служу Советскому Союзу и всем его народам!». И это на самом деле так, ибо созданное им невозможно охарактеризовать двумя-тремя словами. Прежде всего, это высокоодарённые, страстные, глубоко научные труды, написанные им с позиции марксистско-ленинской теории литературы. А раз это так, то всё рождённое его аналитическим и философским умом несёт в себе идеи гуманизма и художественное изображение человеческой личности. Вот почему в последние годы в нашей печати и с высоких трибун всё чаще и чаще высказывается мысль о том, что всё созданное И.С. Брагинским должно быть введено в школьные и институтские программы. Это – труды, несущие в себе действенное назначение для воспитания учащихся и студентов в духе интернационализма, глубокого осознания ими дружбы народов, их духовного единства, общности развития гумани-

стических и интернационалистических тенденций советских людей. С годами стало убедительно ясным, что труды И.С. Брагинского как учёного, его общественная деятельность стали государственно важным делом, а он – образцом учёного и педагога-наставника.

Бывает так: придёшь к тому или иному герою будущей своей зарисовки и не знаешь, с какого конца подойти к нему, что написать, как представить читателю. Что касается таких личностей, как И.С. Брагинский, то с какого конца ты ни подходил, о чём бы ни начал писать – всё интересно, одухотворённо, неподражаемо. О таких людях, на мой взгляд, можно и нужно писать уже при жизни страстные публицистические, социально-психологические очерки, документальные повести. Подобные люди – настоящая жизненная сила той страны, которой они принадлежат.

Ещё древние говорили, что горсть добрых дел стоит больше учёности, ибо их добрая, бескорыстная деятельность остаётся прочным памятником человеческой энергии. Это их доброта и бескорыстие умеет действовать на чувства и шевелить в сердцах людских хорошие струны. Это их доброта и бескорыстие воспитывает нас трудолюбивыми, честными людьми, полезными нашей Родине, её высоким идеалам. Тепло сердец людей, подобных И.С. Брагинскому, служит незримым, но чувственным теплом для всех тех, кто читает их книги, кто общается с ними, кто непосредственно испытал на себе их добрый наставнический взгляд, даже для тех, кто слышал о них добрую народную молву.

Моё знакомство с И.С. Брагинским состоялось неожиданно и с пользой для меня. Это было немногими более десяти лет назад. В издательство «Наука» (Главная редакция восточной литературы) я представил свою фольклорную рукопись. Случилось так, что эту рукопись передали ему на рецензию. Ознакомившись с ней, он наказал главному редактору издательства, чтобы я, автор рукописи, пожаловал к нему на собеседование.

И вот я стою у дверей его квартиры. Чувствую, что я от робости и страха с ног до головы горю огнём. Пересилив страх, нажимаю на холодную кнопку звонка. Слышу, как за дверью шаркают... Двери широко открываются, и передо мной встал тучный широкоплечий в

массивных очках человек. «Вам кого?» – спрашивает. Я взволнованным голосом объясняю, кто я и зачем пришёл. «Это Вы тот самый автор?!». Я киваю головой. «Я-то думал, что Вам лет за пятьдесят, а Вы ещё юноша... Заходите!». Зашёл и замер. Все четыре стены его кабинета, кроме окна, заставлены до самого потолка книгами и завешены картинами – персидскими, индийскими, японскими древними миниатюрами, армянскими, французскими, русскими произведениями искусства X- XV вв.

Хозяин дома положил мне по-отцовски ласково и доверительно на плечо руку и предложил сесть к его письменному рабочему столу. Гостеприимство хозяина дома расположило меня. Я сел, и у нас начался долгий, интересный, непринуждённый разговор. Мне было стыдно за своё незнание даже самых элементарных вещей, касающихся моей же работы. «Ничего, знания приходят в труде, – успокоил он меня, – в труде постоянном, целеустремлённом и – самое главное – полезном для людей, для общества. Важно то, что Вы один, без иждивенчества за счёт государства собрали фольклор своего народа, обработали его и предложили издательству. Думаю, что труд Ваш нужный и важный для советской фольклористики, и книгу Вашу издадут».

Прощаясь, он предложил мне приходить к нему по любому вопросу и в любое время, конечно, предварительно позвонив. С этого дня я стал ревностно и неистово повышать свой духовный и литературный интеллект, чем не перестаю заниматься по сей день, ибо стыдно, имея такого «муаллима», наставника, тешить себя достигнутым. Много раз с тех пор, далёких и памятных для меня, я имел встречи с этим прекрасной души человеком. Встречи эти были для меня полезными, бодрящими, дающими ту самую творческую энергию, без которой трудно, даже порой невысказанно жить и что-то творить. Видел я неоднократно этого человека в зале заседаний и в холлах Института востоковедения. Но никогда не видел, чтобы он стоял один, вне людей, не говорящим. Десятки аспирантов, работников института постоянно обращаются к нему с волнующими их вопросами и делами.

Мне хочется воспроизвести хотя бы один эпизод из постоянной педагогической деятельности И.С. Брагинского. Москва. Армянский переулок. Институт востоковедения. В холле института в одиночку

и небольшими группами стоят люди. Одни – курят, другие – о чём-то говорят, перелистывая книгу. А вот и профессор Брагинский. Он только что переступил порог института, и тут же к нему потянулись несколько юношей и девушек. Молодая аспирантка из Калмыкии, её подруга из Узбекистана, юноша из Таджикистана, молодой человек из Москвы.

Много их прошло через доброе и щедрое сердце этого мудрого и утончённого наставника за долгие годы его педагогической деятельности. Сколько их было?! Единицы, десятки? Нет, сотни. Из Института востоковедения, Института мировой литературы, Института общественных наук, Высшей партийной школы при ЦК КПСС, учебных заведений Средней Азии и Закавказья. Теперь они – научные работники в Москве, в Ленинграде, в союзных и автономных республиках и даже за рубежом.

Осмысливая всё то, что сделано и делается этим неутомимым профессором, я не перестаю восторгаться им, его общительностью, его пунктуальностью, его неустанным умением нести всем добро, его неустанным умением нести всем добро, знание, культуру и – самое главное – его трудами, о которых ещё много раз будут писать восторженные исследования.

Который раз бывал я в этой гостеприимной квартире, где всё имеет смысл, философскую концепцию жизни и бытия. В той самой квартире, где, наклонившись низко над столом, учёный создаёт свои произведения. В той самой квартире, где десятками раз бывали его бывшие аспиранты, теперь уже ставшие авторами научных трудов и «муаллимами», наставниками для других.

Я объясняю ему о желании написать о нём в «Правду» как о наставнике и человеке. Поначалу он отнекивается, говоря, мол, главное – труд, а не притча на устах у всех. Но затем, видя мою неотступность, не дожидаясь вопросов, начинает, как экскурсовод в музее, впервые посвящать меня в тайны своего рабочего кабинета.

– Здесь – он показывает на стену, где висят фотографии – у меня стена плача. Это моя мама, которой я лишился очень рано. Ей я обязан всем тем, что есть во мне. А вот мой брат и его друг – комсомольцы восемнадцатых годов, расстрелянные врагами революции в Трипольской трагедии. А вот мои героически павшие в Отечественную

войну друзья по антифашистской борьбе. Это – немецкий антифашист Эрих Вайнерт, настоящий поэт, революционер и народный трибун. Ещё сегодня я слышу его грудной голос, который обращался к немецким солдатам: «Разве вы слепы, разве вы всё позабыли?».

Об этих годах он может говорить долго, страстно и увлечённо. Это здесь он познакомился с немецкими коммунистами, антифашистами. Их было тысячи, но среди них он с гордостью называет Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта – неутомимых руководителей антифашистского движения в Германии, Эриха Вайнерта и Иоганнеса Р. Бехера, Фридриха Вольфа и Альфреда Куреллу, Вилли Бределя и Артура Пика.

– О, сколько их было, – погружается в воспоминания полковник, – о каждом из них можно написать достойные книги. Богу одному известно, какая это была длительная, требующая мучительного терпения борьба за очищение умов от нечеловеческого гитлеровского смрада.

Он достаёт газеты, журналы и книги, изданные в ГДР на немецком языке самими участниками тех далёких напряжённых лет. И в каждой из них он – И.С. Брагинский и его опасная, неутомимая борьба вспоминается с большой теплотой и благодарностью.

– А здесь, – он переходит к книжным полкам, где за стеклом выставлен портрет почтенного старца в таджикской тюрбетейке. с белыми краями клинообразной бороды. – Садриддин Айни – основоположник советской таджикской литературы, мой по-отечески близкий друг и учитель. Рядом портрет немецкого поэта-классика Иоганна Гёте. А вот и общий эпиграф к книгам, размещённым на этих полках и к портретам великих классиков Востока и Запада: «Ныне Запад и Восток неделимы более». Восточным и немецким классикам обязан я своим духовным формированием.

И.С. Брагинский затем переходит к противоположной стене, где полки заставлены трудами Маркса, Энгельса, Ленина. «Основоположникам идей марксизма-ленинизма обязан я формированию во мне коммунистических идеалов». Далее он показывает полки, где лежат труды и подарки его многочисленных учеников, друзей из ГДР, Франции, Ирана, его личная переписка и статьи о нём, опубликованных в различных изданиях в Союзе и за рубежом. «А вот

и мои труды, изданные и неизданные, – продолжает он и подходит к своему рабочему столу, – а самый главный труд всей моей жизни ещё в процессе работы».

Вдруг раздаётся телефонный звонок. Хозяин дома направляется к телефонному аппарату.

– Аллоо?! Да, он самый... (пауза)... Повторите, пожалуйста. Так, значит, в романе Всеволода Иванова упоминается «восстание Муканны»?! Вас интересует, что это такое, когда и где было? – Он в течение 10-15 минут даёт подробную историческую справку¹¹⁷.

– Это из «Художественной литературы».

Бесконечные консультации не только по телефону, но и в частных встречах. Он возвращается к столу и продолжает наш разговор.

– Иосиф Самуилович, когда Вы успеваете справляться со всеми делами, причём весьма далёкими от творческих? – удивляюсь я.

Мой собеседник раскатиисто смеётся и, поправив очки, говорит:

– Друг мой, запомните: что бы ни делал человек, он должен делать только творчески и с пользой для других, для всех. Разве солдаты, погибая на полях сражений, думали о себе? Нет! Они думали о других: о друзьях, о товарищах, о матерях и детях. Если бы они воевали, как трусы, думая о своей шкуре, то вряд ли победили такого сильного врага, как тогдашняя гитлеровская армия.

Опять зазвонил телефон.

– Аллоо?! (пауза). Буду через час в полной готовности. Спасибо! – И уже обращаясь ко мне: Сегодня улетаю на день в Душанбе, командировка. Давайте договоримся: разговор наш продолжим через пару дней, когда вернусь. А пока до свидания. Надо срочно собираться в путь.

Мы пожимаем друг другу руки, и я ухожу.

Через два дня я позвонил ему. Условились о времени встречи в Институте востоковедения. Прихожу на полчаса раньше. Жду его в коридоре на пути к отделу «Советский Восток». Идёт – размашисто, широко, уверенно. Рядом - его бывший аспирант, теперь уже академик, только что прилетевший из Таджикистана, двое молодых людей и женщина лет

¹¹⁷ Восстание Муканны, исторический очерк Садридина Айни об антиарабском восстании жителей Мавераннахра (центральной области Средней Азии) (776-783 гг.).

пятидесяти. Увидев меня и, широко выставив руку вперёд и к лицу, посмотрел на часы, сверяя тем самым мой приход и назначенное им время. И лишь затем обращается ко мне с приветствием и рукопожатием:

– Рано Вы подъехали, рано. Ещё полчаса до нашей встречи. Подождите, сделаю дела, назначенные до Вас. – Он исчезает в кабинете «Советский Восток», туда же за ним проходят сопровождавшие его люди, а я остаюсь ждать в коридоре. Ровно через полчаса он позвал меня в кабинет.

Вскоре я уже читал ему написанное мною о нём. Он внимательно дослушал до конца, ни разу не прервав. И лишь потом громко, массивно рассмеявшись, заключил:

– Ну, прямо как о классике написали. Предлагайте в печать (пауза). Пусть знают о Брагинском. А теперь, простите, спешу – нужно успеть на съезд писателей.

Мы прощаемся. Он идёт к выходу, я – следом. О, господи! – опять к нему то и дело льнут люди: кто с папками – что-то нужно подписать, кто с книгами, кто просто со словом. И всем он, этот мудрый, неутомимый «муаллим» уделяет по мере возможности своё заботливое внимание.

Амалдан Кукуллу (А. Кукулиев)

Москва, 26 июня 1976 г.

3. Письмо И.С. Брагинского американскому востоковеду Пейперу

Глубокоуважаемый мистер Пейпер!

Пишу Вам по-русски: Вы меня поймёте, а отвечать можете по-английски, и я Вас пойму.

С удовольствием вспоминаю наши встречи. Получил Ваш учебник персидского языка для трёх ступеней и благодарю Вас за него. По моему это полезный практический учебник. Моя дочь изучает персидский язык. Думаю, что Ваш учебник будет полезен и для неё.

Отвечаю на два интересующих Вас вопроса: 1) подробный ответ – по вопросу о работе среди татов (в 1920-21 гг.) и 2) о рукописи персидского перевода Библии.

О РАБОТЕ СРЕДИ ТАТОВ В 1920-21 ГГ.

В 1920-21 гг., как заведующий клубом рабочей молодёжи в г. Баку, я проводил культурно-просветительскую работу среди татской (преимущественно горско-еврейской) молодёжи. Татский язык я изучил за два года (1918-1920) у моего друга, одноклассника, сына татского кахама в Баку Равиновича (не от слова «раввин», а от имени «Рувим»), который в 1920 г. работал со мною в клубе под псевдонимом «Горский». Звали его Гирсил, а по-русски Григорий, Гриша. В связи с работой бывал и в Нальчике (ныне столица Кабардино-Балкарской АССР), в Дербенте и Петровске (нынешнее название Махач-кала), центр Дагестанской АССР).

Некоторые мои наблюдения и записи могут представить для Вас научный интерес.

Татское население советского Азербайджана и Северного Кавказа составляло в 1920-е гг. примерно 50-60 тыс. чел. Около 25 тыс. из них иудейского вероисповедания, занимались земледелием (виноградарство, огородничество, зерноводство), кустарным промыслом (кожевники, сапожники и др.) и мелкой, разностной торговлей. Основные пункты расселения: Куба и Баку (Азербайджан), Дербент, Махач-кала и Буйнакск (бывш. название Темирхан шура) (Дагестан), Нальчик и станица Невинномыская (Сев. Кавказ). Более 25 тыс. – мусульмане, работали неквалифицированными рабочими на нефтепромыслах (главным образом Сурханы под Баку), погонщиками верблюдов и т.д. Небольшая группа – армяно-григорьянского вероисповедания, кажется, в селе Матраса (занимались виноделием).

Таты – жители Баку – почти все иудеи – проживали скученно и очень бедно на некоторых улицах (Чадровая, Балаханская, Бондарная), держались замкнуто и от инорелигиозного населения, и от так называемых русских евреев, считая последних нестойкими в религиозном отношении, имели свои молитвенные дома во главе с духовным наставником – каханом. Между собой разговаривали на татском языке (южного, кубинского диалекта: хлеб = ну и северного, дербентского диалекта: хлеб = нун), употребляя немало древнееврейских слов. Почти все свободно разговаривали и на азербайджанском языке (тогда называвшемся «турки»); незначительная

образованная прослойка знала русский язык. Писали еврейским алфавитом шрифтом «раши», произнося по-своему некоторые буквы и огласованные знаки.

В 1920 г. наш клуб предпринял попытку объединить всех татов без различия вероисповедания. Из этого ничего тогда не вышло из-за религиозного фанатизма как татов-иудеев, так и татов-мусульман.

Впервые в Баку культурно-просветительскую работу среди татов-иудеев стали проводить сионисты в 1918 г. Была создана организация «Ахдут», и её члены называли себя «Ахдути». Сами бакинские таты-иудеи обычно называли себя «джу ури»; наиболее патриархально настроенные именовали себя «БИК», что означало «Бней исраэл – коаеш», и заявляли, что они происходят из 10 пропавших колен Израилевых. Это отразилось в песне «Ахдут».

За 1920-1921 гг. мне с тов. Горским (он умер в 1938 г.) удалось провести следующую работу:

а) Выпускать ежедневные настенные выпуски «Политических известий» (они писались от руки в 2-х экз. и вывешивались в 2-х местах, где обычно после работы собирались татские труженики. У меня ничего не сохранилось).

б) В 1921-22 гг. вышло два номера печатного журнала культурно-просветительного и литературного характера, форма 1/16 печ. листа, название «Корсох» («Трудящийся») (у меня не сохранилось, а в архивах не мог найти).

в) В 1920 г. был переведён и издан листовкой международный пролетарский гимн «Интернационал» (текст по памяти воспроизвожу).

г) Был организован театральный кружок из молодых ребят (девушек родители в кружок не пускали, и поэтому девичьи роли играли мальчишки). Пьесы (одноактные) писал Г. Горский. Одну из них о том, как родители не разрешили пожениться одной любящей паре и как это трагически кончилось (современный вариант Лейли Меджнун) помню по названию «Бахар дас Баба-Дадай» (Плоды рук отца-матери, т.е. родителей) и по содержанию, а также начальные слова одной «арии»:

Ки миду мара пардушкой ан-сумургуш
Кто даст мне крылья орла.

Зато помню, как кружок исполнял некоторые песни, куплеты, а также фольклорный дуэт.

В 1921 г. я уехал из Баку и свою работу прекратил.

Знаю, что потом существовал любительский театр и проводилась просветительская работа, но подробностями не располагаю.

В 1965 г. впервые после сорокалетнего с лишком перерыва познакомился с татским писателем Авшалумовым¹¹⁸. Он подарил мне книгу и прислал письмо. Посылаю Вам книгу и выписку из его письма: они будут Вам, вероятно, интересны.

Вот всё, что могу Вам сообщить по первому вопросу.

О рукописи персидской Библии

Поскольку систематически не занимался этим вопросом (не знаю, сохраняет ли он для Вас интерес), то только недавно узнал, наконец, что рукопись эта принадлежит не Ленинградскому отделению нашего института, а библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Если микрофильм Вам ещё нужен, то постараюсь его Вам послать.

Желаю успехов в работе.

С искренним уважением, И. Брагинский.

Ноябрь 1966 г.

Приложение:

Алфавит и произношение (в машинописной копии письма не сохранились).

«Интернационал».

Первая строка песни «Ахдут» (в машинописной копии письма не сохранилось).

¹¹⁸ **Хизгил Давидович Авшалумов** (1913–2001) – советский прозаик, поэт, драматург. Писал на горско-еврейском и русском языках. Лауреат премии имени С. Стальского. В 1938–1941 гг. – научный сотрудник Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Им собрано значительное количество произведений фольклора горских евреев, создан русско-(горско-еврейский) терминологический словарь. В Великую Отечественную был заместителем командира кавалерийского сабельного эскадрона казачьего полка, дважды ранен, контужен. День Победы встретил в Берлине. Самая знаменитая из его книг – «Похождения хитроумного Шими Дербенди» (1998), изданная на многих языках. Шими Дербенди воплощает образ типичного представителя татского народа (В.Ф.).

4. Ю.А. Жданов – И.С. Брагинскому

Дорогой Иосиф Самойлович!

Поздравляю Вас, Хану Натановну и ребят с Октябрьской годовщиной.

Желаю Вам доброго здоровья и хорошего творческого состояния. Это тем более важно, что восточные ветры переменчивы и могут вызвать насморк.

У меня было вот какое происшествие. В конце июля известный академик Лаврентьев прислал мне приглашение ехать в Сибирь, возглавить новый биохимический институт, стать его заместителем по Красноярску. Я долго колебался (уж очень соблазнительно получить научный институт), но решил по многим мотивам отказаться. Главное: 5 лет строить институт, оторваться от науки и погрязнуть в административных делах мне не хочется. Как Ваше мнение?

В остальном дни идут недурно. Андрейка успешно растёт, вопреки стараниям окружающих. В ноябре предполагаю быть в Москве и у Вас.

С дружеским приветом

Ваш Ю. Жданов.

1.11.60.

Дорогой Иосиф Самойлович!

Летом звонил Вам, будучи в Москве. Был ответ: Ушли только что гулять. Теперь собираюсь снова в Москву и непременно хочу быть у Вас. Надо о многом рассказать, многое обсудить. Для начала (не помню, посылал ли Вам) шлю материал (не более) относительно некоторых сторон нашего бытия. Но это – только запов.

Я живу почти невыносимой жизнью администратора. Помимо университета и кафедры, на мне Северо-Кавказский научный центр, журнал и Философское общество. Как пугали, затянули и почти начисто лишили возможности творческой деятельности. Работаю для души урывками.

Объявился Михаил Иванович Бурцев – просит воспоминания о военных годах и работе отдела. Надо бы сделать, да времени нема.

Нет ли у Вас известий о Курелле? Моё письмо к нему возвращено Бригиттой, которая писала, что папа в больнице.

Время неумолимо летит, и надо уметь правильно не только его понимать, но и формировать. Правда, сейчас говорят так: если философы не могут изменить мир, то пусть они его хотя бы объяснят.

Очень хочу встретиться.

Привет Ханне Натановне.

Ваш Ю. Жданов.

(Без даты. Вероятно, осень 1960 г.).

Дорогой Иосиф Самойлович!

Спасибо большое: Вашу книгу, синтезирующую результаты больших трудов и изысканий, получил и сейчас вчитываюсь в неё.

Мы в Ростове затеяли дело, которое не может Вас не заинтересовать. Речь идёт о том, чтобы в деле формирования молодёжи отрешиться от культурнического подхода (лекция о Репине, выставка Рериха, концерт Бетховена), а сформировать некоторый целостный подход, общую базу для осво- и усвоения культурных ценностей. Для этого мы начинаем в сугубо опытном порядке чтение курса **теории** мировой культуры. Посылаю Вам набросок плана этого курса и надеюсь, что Вы выскажете к нему своё отношение. Мне хотелось, чтобы Вы были нашим советчиком, критиком и цензором.

Остаюсь весь в административных репьях.

Ваш Ю. Жданов.

Мой поклон Ханне Натановне.

Дата штемпеля на конверте 29.04.75.

Приложение: Введение в теорию мировой культуры на 4-х стр.

Несколько позже это вылилось в монографию [1]. Всеволод Евгеньевич Давидович (1922–2009) – выпускник РГУ (1948 г.), доктор философских наук (1968 г.), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1982), действительный член Академии гуманитарных наук (1994), основоположник научной школы «Теория и философия культуры».

Дорогой Иосиф Самойлович!

Спасибо за письмо и за адрес.

Вот какой вопрос ещё лезет мне в голову. Европейская культура сложилась под сильным влиянием библейских и евангелических сюжетов. Нельзя понять «Возвращение блудного сына» Рембрандта, или «Явление Христа народу» Иванова, или «Страстей по Матфею» Генделя, или всего Микеланджело, Рафаэля и т.д., не зная той литературно-исторической сюжетной основы, на которой они выросли.

Наша новая интеллигенция, тем не менее, такой основы не имеет, поэтому многое в области культуры остаётся для неё немым.

Мы издаём «Махабхарату», «Рамаяну», древнеегипетские или вавилонские мифы. Почему бы Вам не начать зондаж относительно издания переложения Библии как литературно-художественного памятника. Или хрестоматии по Библии в виде отдельных сюжетов и включение отрывков из Пятикнижия, Екклесиаста, Песни песен, Евангелия. С соответствующими комментариями. Я думаю, это было бы хорошее дело.

Поклон Ханне Натановне.

С самыми добрыми пожеланиями, Ваш Ю. Жданов.

P.S. Есть ещё аналог: «Что рассказывали древние греки о своих богах и героях».

Без даты. Возможно, начало 70-х гг.

5. Переписка И.С. Брагинского с А. Куреллой

Берлин, 12.08.54

Дорогой тов. Брагинский!

На днях я читал в Лит. Газете Вашу фамилию в связи с конференцией по вопросу о национальных эпосах народов СССР. Вы знаете, что это меня всегда особенно интересовало, и я хотел бы познакомиться с материалами конференции. Будут ли они опубликованы? Где и когда? Или можно получить стенограммы наиважнейших выступлений?

...Мы «процветаем»: я назначен директором «Лит. института» (по образцу московского лит. института), который ещё создаётся. Эту довольно длительную передышку до открытия Института я широко использую для

большой литературной деятельностью, приготовил ряд уже имеющихся у меня книг (в том числе 2 романа) к печати, закончил ряд публицистических книг и т.д. Кроме того я много разъезжаю по ГДР и по Зап. Германии с докладами об СССР и для продолжения «восточно-западного разговора».

Мы имеем хороший домик с садом, дети в школе учатся немецкому языку; как в Москве, мы здесь принимаем много гостей, бываем в театрах, концертах и др. Одним словом, как я уже сказал, процветаем!

...С сердечным приветом, тоже от Эльфриды Вам и Ганне Натановне
Ваш А. Курелла.

Берлин, 20.V.55

Дорогой тов. Брагинский!

Вы, может быть, иногда слышите то или другое о моих судьбах-похождении. Недавнее празднование 60-летия¹¹⁹ прошло очень шумно, лестно и хорошо (50-летие, 10 лет тому назад, утонуло в шуме последних дней величайшей военной эпопеи!).

Сегодня я обращаюсь к Вам с рядом просьб.

1). Вы мне в своё время обещали если не достать, то одолжить «Шеш макум» ...Мне этот материал теперь нужен; кроме того Музыкальная секция нашей Академии интересуется им. Могу ли я рассчитывать на Вашу помощь? Если это связано с затратой денег, то старший сын Гриша располагает для таких целей необходимыми средствами.

2). Я видел, что в издательстве АН СССР вышла книга «Живопись древнего Пянджикента» (ок. 20 руб.). Очень прошу, достаньте мне её и созвонитесь с Гришей на счёт оплаты и отправки. Для тех книг, которые я сейчас готовлю о странах Средней Азии, мне эта книга карайне нужна!

3). Можете ли Вы узнать для меня, имеются ли в рукописях, хранящихся в фондах СССР (Ленинград, Ташкент, Сталинабад...) миниатюры (картинки) кисти Бехсада¹²⁰. (В разных книжках о Навои и его времени производятся такие миниатюры, но не знаю, сняты ли они с оригиналов). Если да, то где именно (в каких рукописях, в каких собраниях). Я

¹¹⁹ Со дня рождения А. Куреллы.

¹²⁰ Кемаль-ад-Дин Бехзád — персидский художник-миниатюрист, работавший в Герате с 1468 по 1506 год и признаваемый одним из крупнейших мастеров Востока.

ПРИЛОЖЕНИЕ

тогда предприму шаги, чтобы через нашу Академию и ВОКС заказать цветные фотографии.

Мы здесь начинаем готовить постановку «Легенды о любви» Хикмета в моём переводе. И по моему предложению при сценических декорациях мы хотим руководствоваться именно картинами Бехсада.

Лейпциг, 10.01.57

Дорогой тов. Брагинский!

Уже 2-3 месяца назад я писал Вам и спросил, как можно проверить имеющиеся в Москве тексты листовок Э. Вайнерта.

Наша «Академия искусств» (членом которой я имею честь являться) готовит Собрание сочинений Э. Вайнерта. Мне поручена редакция тома, относящегося к 1941-45 гг. Здесь, конечно, вся работа, которую мы провели вместе с Вами, занимает большое место. В документах Вайнерта нашлось много, но мне кажется, что многого не хватает. Кроме того, от многих текстов (особенно листовок) нет окончательных вариантов. А это мне кажется обязательным.

Мой вопрос: Доступны ли архивы, где хранятся окончательные тексты? К кому надо обратиться, чтобы их переписать или снять фотокопии? Академия хочет делегировать меня в Москву для этой работы. Можно ли это так приготовить, чтобы всё делать в минимальное время? Очень прошу ответить мне как можно скорее!

Не имея от Вас ответа за такое длительное время, я не стал посылать Вам одну книгу, которую я приобрёл для Вас (Авиценна, Париж, 1956).

У нас всё в порядке; живём очень хорошо, работаю успешно, боремся против всяких неоревизионистов и т.д.

Жажду Вас увидеть! Жму руку. Ваш А. Курелла.

Лейпциг, 26.02.57

Дорогой тов. Брагинский!

Большое спасибо за ответ и за заботу о наследии Вайнерта. Надеюсь, что результаты поисков появятся не слишком поздно – издатель торопит: он хочет издать этот том ещё в 57 году.

Обыкновенной почтой я направляю Вам новое парижское издание Авиценна. Я сумел его приобрести на прошлой книжной ярмарке в Лейпциге.

Как обстоит дело с акад. изданием (на русск. яз.) Шах-намэ? Ведь Бертельс чуть ли не полвека сидит на рукописи! Закончил ли Айни 3 том мемуаров? И переведён ли он на русский язык?

Я надеялся поехать в Москву на конференцию по реализму (трижды отложенную). Но пока я не получил приглашения (хотя Самарин и Анпилов обещали меня пригласить) и вообще, кажется, там отказались от плана дать этой конференции широкий, международный характер (кстати: я пока ещё не считаю себя «международным», а «своим»).

Привет Ханне Натановне и детям!

Ваш А. Курелла.

P.S. Да, только что прибыл Ваш opus¹²¹. Поражаюсь (и завидую!), как Вы нашли время и энергию проработать такую уйму материалов и так распоряжаться ими! Читать, конечно, я ещё не имел возможности.

Дорогой Альфред Иванович!

...Из печати я узнал о том, что Вам поручена серьёзная идеологическая работа. Рад за Вас и рассказал об этом товарищу Гафурову, с которым меня вновь свела судьба в стенах Института востоковедения (он – директор, а я – главный редактор журнала «Советское востоковедение»). Он просил меня переслать Вам сердечный привет, хорошо запомнил Вас по Вашему посещению Сталинабада.

У меня много творческих новостей: 1956-57 – были у меня очень урожайными. Сейчас готовлю к выпуску в свет брошюру об С. Айни (Гослитиздат) и критический текст дивана поэта XIV в. Камала Ходжентского (это «таджикский Гейне»), очень увлекаюсь им. Делал доклад о нём на Мюнхенском конгрессе ориенталистов. Посылаю Вам бандеролью текст доклада на плохом немецком языке.

...У меня к Вам просьба. Текст Гётевского Дивана у меня имеется в академическом издании с его же замечательными примечаниями. Если бы Вы могли попросить кого нужно составить для меня возможно наиболее полную библиографическую справку об исследованиях и комментариях к его Дивану, имеющихся на немецком языке, был бы вам очень благодарен. А если у Вас есть возможность, вышедшие за по-

¹²¹ Вероятно, речь идёт о книге: Очерки из истории таджикской литературы (отв. ред. М. Турсун-заде – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1956 – 453 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

следние годы комментарии к гётевским примечаниям к Дивану – это было бы *ausgezeichnet*.

Я сейчас много занимаюсь Диваном, перевожу на русский язык его примечания и готовлю некоторые комментарии к ним с востоковедных позиций. Мне очень важно знать, что по этому вопросу имеется с позиций немецкого литературоведения (гётеведения).

Рад от Вас получить любое письмо, узнать о Вас. Всегда вспоминаю совместно проведённые дни и ночи Великой Отечественной войны, особенно Великие Луки.

Москва, 12.01.1958 г.

Проф. А. Курелла,
Берлин, ЦК СЕПГ

Берлин, 26 октября 1962 г.

Дорогой тов. Брагинский!

Предъявитель сего – один из режиссёров нашей студии документальных фильмов. Студия готовит небольшой фильм к 70-летию нашего товарища Ульбрихта. В этот фильм должны быть включены материалы о деятельности тов. Ульбрихта в СССР во время Отечественной войны.

Очень прошу Вас проконсультировать тов. Гельвича или направить его к таким лицам, которые могли бы помочь ему разыскать подходящий фото-киноматериал.

Берлин, 03.01.1963.

Дорогой тов. Брагинский!

Мои новогодние пожелания Вы, конечно, получили по телеграфу. Я хочу добавить ещё несколько слов и пожелать всех благ Ханне Натановне и детям.

Что же касается Вашего главного желания, то хочу Вас огорчить. Академическое издание «Западно-Восточного дивана», из которого у Вас есть три первых тома, полностью не выходило. Запланированные 4-й и 5-й тт. пока не выходили, так как высокопрофессиональный сотрудник, который этим занимался, уволился.

– Хочу спросить: есть ли у Вас издание из Коллекции Дитериха с подробными комментариями? Я бы мог приобрести его для Вас у букинистов.

Мне было бы очень интересно узнать Ваши замечания о поездке товарищей Гольда и Кесслера в то место, где мы работали 20 лет тому назад. Я слышу об этом впервые! Если такая поездка состоится ещё раз, то возьмите меня с собой.

Пока.

С наилучшими пожеланиями, Ваш А.Курелла.

(Перевод с немецкого Н.Л. Суслович)

Берлин, 15.11.1963

Дорогой товарищ Брагинский!

Большое спасибо за ваш привет из России! Следует ли мне понимать, что Вы переменили своё место жительства и живёте теперь в столице Республики, к культурной жизни которой Вы всегда были неравнодушны? Это меня очень радует. Прежде всего я рад за Вас, так как там Вас ждёт прекрасная сфера деятельности, и кроме того, радуюсь за себя, за нас, так как теперь у нас в этом городе, в стране появился друг и покровитель. Ведь нас в эту страну тянет, и мы надеемся побывать там если не в следующем году, то уж через год непременно. Я мечтаю проехать не только до Хорога, но и дальше – на машине по трассе Хорог – Ош. Как Вы полагаете, это будет возможно?

У меня есть пара вопросов: есть ли полное издание Фирдоуси на русском языке (в издании Академии Наук, Москва)? У меня есть только первый толстый том и очень маленький второй.

Существует ли в собрании рукописей Академии или музея в Душанбе старое издание миниатюр великих мастеров среднеазиатской живописи? Я люблю это искусство чрезвычайно.

Пока из неполных публикаций я видел только две рукописи из московского Музея восточных культур: Низами и Бабура. В Средней Азии такие сокровища встречаются крайне редко! В данном случае издание альбомов таких миниатюр (в цвете) нас интересует двояко: во-первых, для пополнения своих фондов, и во-вторых – для продажи на экспорт.

Хочу Вам сообщить, что моя должность в Партии изменилась. Ведь я чувствовал, что моя деятельность в идеологической комиссии, которой я занимался в последнее время, просто превратилась в ничто, при этом ответственности ни малейшей; но я надеюсь, что в скором времени я

ПРИЛОЖЕНИЕ

вновь обрету возможность заняться настоящей – собственной – работой. Я уже разработал колоссальную программу! Во всяком случае, я полагаю, что после Вашего привет из Душанбе наша корреспонденция оживится.

А пока прошу передать мой сердечный привет Ханне Натановне.
Ваш А.Курелла.

(Перевод с немецкого Н.Л. Сулович)

Берлин, 12.01.1964

Дорогой тов. Брагинский!

Получил Вашу открытку и убедился, что ошибся. Я действительно полагал, что Вы перекочевали в полу-родимый Таджикистан! Очень жалею о своей ошибке, ибо я отправил туда же мой новогодний подарок – календарь «с картинками» - и один обширный каталог “Orientalia” нашего “Zentral – Antiquaritat DDR” в Лейпциге; там было много того, что могло бы Вас (и Ваш институт) заинтересовать!

У нас всё благополучно, работаем, процветаем, дети учатся, растут, внуки пекутся – вообще сплошная радость (тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не слазить).

Сегодня я иду с двумя вопросами:

1). Где можно читать подробнее о недавно найденных в Мерве старинных рукописях (включая исключительно полный вариант Шах-Наме)?

2). Каково Ваше учёное мнение вот по какому делу:

У меня с женой имеется план поехать на весенний отдых с конца марта до середины апреля. Один из вариантов: Средняя Азия (Ташкент, Самарканд, Бухара, Душанбе). Я так много чудес рассказывал жене об этих краях, что её тянет туда, и я тоже с большой охотой вернусь туда! Мы думаем организовать поездку с помощью Союзов писателей (деньги есть – требуется только техническая помощь на местах). Мой вопрос: подходит ли время года, которое мы выбрали, для такой поездки? В разгаре ли уже весна, или отступила она уже, оставляя поле летней жары?

Читали ли Вы уже мой только что вышедший на русском языке роман «Пешка в большой игре»?

Немецкая академия искусств в Берлине. Секции: изобразительное искусство; театральное искусство; поэзия и культура речи; музыка.

Тов. И. Брагинскому.

Берлин, 08.09.1964

Многоуважаемый тов. Брагинский!

Професор А. Курелла поручил мне написать Вам и попросить помочь найти утраченные тексты Эриха Вайнерта.

Для нового издания произведений Э. Вайнерта мы ищем стихотворные листовки и песенные пародии, которые тов. Вайнерт и Курелла сочиняли в период их совместной работы.

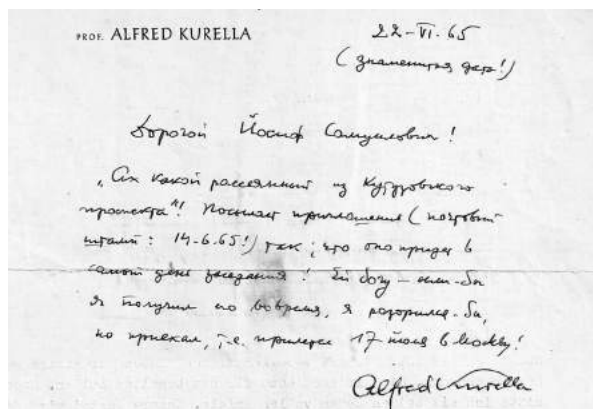
А. Курела предполагает, что Вы можете знать, где в Москве могут находиться тексты этих листовок и собранные в тетрадки песенные пародии. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы подсказали, каким образом мы могли бы их просто скопировать или сделать фотокопии.

Мы надеемся, что выполнение нашей просьбы не слишком Вас затруднит, и заранее благодарим Вас.

С социалистическим приветом, Герт Хиллесхайм.

(Перевод с немецкого Н.Л. Сулович)

Переписка Брагинского с Куреллой читается, как роман в письмах: чем дальше, тем сердечнее и раскованнее. Вот, например, письмо от 22.06.65 с ремаркой Куреллы: «знаменательная дата!»:

Автограф А. Куреллы

Дорогой Иосиф Самуилович!

«Ах, какой рассеянный из Кутузовского проспекта!»! Посылает приглашение (почтовый штамп 14.06.65) так, что оно придёт в самый день заседания¹²²! Ей богу – если бы я получил его вовремя, я разорился бы, но приехал.

Было уже нехорошо, что никто не додумался пригласить Вас на 20-летие республики! Ведь Берников, Янцен и другие помощники были приглашены... Я полагал, что наш протокол достаточно осведомлён, чтобы Вас включить в список!

...Своё поздравление я Вам... уже послал по телеграфу. Сим я его ещё раз подтверждаю! Я с ужасом вижу, что Вы собираетесь меня догнать! Теперь нас разделяет только 1/7 моей и 1/6 Вашего возраста – и как будет дальше? Сколько мне придётся жить для того, чтобы относительная разница наших возрастов не равнялась бы нулю?

Знаменитый английский сатирик Лоуренс Стерн¹²³, когда пишет свою вымышленную автобиографию, рассуждает так: «Чтобы описать один год моей жизни, мне требуется 2 года – сколько лет мне нужно будет жить, чтобы описать **всю** свою жизнь?». Как видите, это как раз противоположная ситуация!

Летом, конечно, будем в Москве, но только «пролётом» – стремимся, как всегда, на Кавказ. В этом году мне придётся преодолеть перевал Шаривцек из Балкарии в Сванетию высотой 3600 м. Думаю, что старые кости ещё проносятся.

Кстати, я познакомился с новым для меня поэтом: Кайсын Кулиев. Он как раз балкарец. Прекрасные и своеобразные стихи! Он разделит судьбу своего народа (т.е. пержил ссылку - В.Ф.), но вернулся.

Берлин. 111, ул.132, дом 20. 04.03.1966.

Дорогой тов. Брагинский!

Несколько соображений по поводу «Западно-Восточного дивана».

В настоящее время существуют три различных издания «Дивана» с подробными комментариями, причем два из них изданы у нас, а одно

¹²² Речь идёт о торжестве в честь 60-летия И.С. Брагинского.

¹²³ **Лоуренс Стерн** (1713–1768) – английский писатель. Широко известны его романы «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии».

в Швейцарии. Комментарии во всех трёх очень интересные; у меня есть все три.

В изд-ве Инзель вышло полное издание, подготовленное Гансом Вайтцем (H. Weitz). Издание включает стихи, наследие, Паралипомену и работу «История создания З.-В. Дивана в работах Гёте и современников» объёмом в 120 стр.

В «Коллекции Дитериха» (Лейпциг) также вышло очень пространное издание – стихи Гёте, но без Паралипомены. Имеются обширные комментарии (450 стр.), хронологическая таблица и статья «Восток в З.-В. Диване», написанная Х. Шедером (H. Schäder).

В изд-ве «Manesse» (Цюрих) вышло издание, содержащее полный текст Гёте, введение (47 стр.) и пояснения (170 стр.), написанные Максом Рихнером (Max Rychner). Все пояснения и комментарии сделаны очень основательно и дополняют друг друга.

Издание из Коллекции Дитериха давно раскуплено, его можно встретить у антикваров, и я могу просить оставить его для Вас. Вы спрашивали меня об изданиях Инзеля и Бойтлера (Beutler). Но как видите, речь идет о двух разных изданиях. Могу послать Вам сейчас же издание Инзель с комментариями Г. Вайтца (у меня два экземпляра). Издание Рихнера мне недоступно, так как для его приобретения нужна швейцарская валюта. Сообщите мне Ваше решение, как именно я могу это издание Вам послать.

Я очень был рад нашей новой встрече и подробными беседами. Особенно это касается Ваших открытий в области изучения Ленина – всё это не выходит у меня из головы.

Хочу сделать маленькое замечание: я был удивлён, почему Вы не упомянули о возвращении из Баку Бригитты. Это странно – ведь она уже три года член нашей партии и привыкла к политическим дискуссиям. И кроме этого – все эти темы обсуждаются достаточно откровенно даже в присутствии беспартийных. Вас может интересовать мнение Бригитты о «политическом климате»... При случае я напишу Вам об этом подробно.

Сердечно Ваш – А. Курелла.

(Перевод с немецкого Н.Л. Сулович)

Дрезден, 8.04.66

Дорогой Иосиф Самойлович!

Соня передала мне содержание телефонного разговора с Вами. Буду действовать соответственно! Июнь очень хорошее время для ГДР. Наша верхушка сейчас на XXIV съезде. Как только тов. Хонеккер вернётся, я ему передам Ваше желание (дату), и я думаю, что всё остальное развернётся с немецкой аккуратностью.

Мы на "Osterferien" уехали в «Саксонскую Швейцарию», где мы обычно отдыхаем в прекрасном правительственном доме отдыха среди причудливых скал и идиллических деревушек этого красивого края. Посоветуем и Вам здесь побыть хоть несколько дней; мы, вероятно, сможем Вам держать компанию, оставляя и мою машину для поездок в Дрезден и т.д. Предлагаю Вам уже сейчас начать с разработки Ваших пожеланий для пребывания здесь. Что и кого хотите обязательно видеть? Кто здесь интересуется Вас среди востоковедов? Кое-что мы сами придумаем.

Привет от Сони. Ваш А. Курелла.

Берлин, 08.06.66.

Дорогой тов. Брагинский!

Я звонил в протокольный отдел ЦК. Там утвердили тов. Марию Ривкину в качестве лица, которое будет сопровождать Вас. У нас есть некоторые предложения, касающиеся Вашего пребывания в нашей стране.

1. Несколько дней в Берлине. Знакомство со столицей. Встречи со старыми друзьями и военных лет (Гольд, Кесслер, Хоман и др.).

2. Отдых в одном из партийных или правительственных домов отдыха. Постараемся достать путёвки в один из таких домов, расположенных в Саксонской Швейцарии. Это будет для Вас очень интересно: там красивая природа, места, связанные с подпольной работой антифашистов и, главное, – в 30 км. находится Дрезден с художественной галереей и научными институтами.

3. В период с 8-го по 20-е июля Вы сможете подробно познакомиться с Республикой в целом – её наукой, промышленностью, сельским хозяйством. Что же касается Ваших научных интересов, то Вы сможете пора-

ботать в институтах ориенталистики и славистики. Я уже договорился об этом с референтом д-р. Грассхоффом. М.б., Вы сможете посетить г. Халле, в котором находится наш основной институт ориенталистики. Там работает арабист проф. Фюк (Fück), ученик Бокельманна.

4. Далее хочу сообщить Вам, что мы после 20-го уезжаем на Кавказ, поэтому я планировал дни Вашего отдыха не в начале пребывания, а в конце.

С Марией я уже разговаривал. Она будет рада работать с Вами. Просьба сообщить нам о любых изменениях, а также о дате приезда, номерах поезда и вагона по новому номеру телефона: 47-18-44. Звонить можно с 21 до 23 ч. по московскому времени.

Шлю сердечный привет! Ваш А. Курелла.

(Перевод с немецкого Н.Л. Сулович)

А это – письмо Брагинского Курелле от 5 апреля 1966 г., в котором рассказывается о начале работы над книгой «Особый фронт»:

Дорогой Альфред Иванович! ...ГлавПУРККА создал авторский коллектив во главе с ген. Бурцевым (в этот коллектив включён и я – по вопросам содержания и аргументации) для составления книги к годовщине Великой Октябрьской социалистической революции об истории нашей идеологической работы в годы Великой Отечественной войны.

Берлин. Ул.132. Дом 20. 11.09.66.

Дорогой тов. Брагинский!

Приводя в порядок свои бумаги, я нашёл рукопись на 9 с., на русском языке – без адреса и даты. Она напечатана на машинке, начинается с обращения «Дорогой товарищ». Вот её первые фразы: «Давно обещал Вам написать письмо с изложением моих взглядов на основные эпохи в развитии мирового литературного процесса. Сегодня предполагаю выполнить своё обещание...»

Содержание последующего текста дает возможность предполагать, что само письмо написано Вами. Прошу Вас сообщить мне, как следует с данным письмом поступить – стоит ли его опубликовать или просто сохранить.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Что же касается Вашей работы, то могу сказать, что существует одна тема, которая могла бы вызвать большой историко-литературный интерес.

С дружеским приветом, А. Курелла.

(Перевод с немецкого Н.Л. Сулович)

111 Берлин, ул.132, д.20. 28.9.1967

Дорогой товарищ Брагинский!

Я быстро продиктую несколько строк, чтобы ответить на Ваше письмо от 12.9. Писать по-русски от руки заняло бы слишком много времени.

Я только что провёл несколько дней в Москве в рамках Международного движения переводчиков «с русского языка» и других языков, на которых пишут в многонациональной стране. (Я получил на этой встрече почётную грамоту, премию и значок «Отличника»). Но у меня совершенно не было времени посетить Вас.

Большое спасибо за альбом миниатюр. Он прекрасно издан. Специальные оттиски Вашей статьи я по Вашей просьбе перешлю позже. Что же касается моего перевода Вашей статьи о «Диване», то хочу сказать, что эта рукопись затерялась среди большого количества моих бумаг, и я не могу сказать, удастся ли мне её обнаружить.

У нас всё идёт своим чередом. У меня вышла недавно небольшая книжка «По ленинскому пути». Через некоторое время появится совершенно новая книга «Своё и чужое» («Das Eigene und das Fremde»), примерно 12 печ.л., в Строительном издательстве.

Вот и вся небольшая информация, и на этом я заканчиваю. Меня ждет гора писем, пришедших после моей поездки в Москву.

С сердечным приветом, А. Курелла.

(Перевод с немецкого Н.Л. Сулович)

Москва, 20.X.68

Дорогой мой Альфред Иванович!

С удовольствием получил Ваше письмо от 28 сентября, во-первых, потому что это Ваше письмо, во-вторых, потому, что оно, будучи составлено по-немецки, напечатано на машинке и мне легче его читать, чем любое письмо, на любом языке, в том числе и на русском, если

оно написано от руки. По этому принципу решил Вам также ответить письмом, напечатанным на машинке. Вообще-то я в последнее время наловчился писать письма по-немецки (за отсутствие грамматических и стилистических ошибок не ручаюсь), но уж Вам мне хочется писать по-русски.

Поздравляю Вас с премией и со званием отличника: Вы вполне его заслужили, даже несмотря на то, что ещё не опубликовали Ваш отличный перевод моей статьи (кстати, имеющийся у меня текст Вашего перевода дал перепечатать и вышло его Вам, дабы избавить Вас от археологических раскопок в Ваших бумагах: по себе знаю, какой это неблагодарный труд). Если бы Вы могли мне черкнуть пару строк критических замечаний по поводу моей статьи «ГДР – глазами востоковеда»¹²⁴, был бы Вам благодарен.

На то, что Вы не нашли меня во время совещания переводчиков, не в обиду на Вас, тем более, что в это время я отсутствовал в Москве (проводил в Тбилиси совещание по вопросу: Октябрь и литература Востока).

Не обижаюсь на Вас за краткость Ваших писем, ибо сочувствую Вам; едва уезжаешь, как накапливается масса писем, ожидающих ответа. Почти как по Гоголю в «Мёртвых душах»: едва поставишь забор, как градожителю нанесут и навалит на него всякую всячину. Кажется, на это жаловался горюничий. Вот и мы можем также: едва уезжаю из Москвы, оставляя наш письменный стол, как за время отсутствия на него ложатся десятки писем.

Весь я сейчас с ног до головы охвачен проблемой литературы как человековедения и вытекающими из этого вопросами теории литературы. В ближайшее время кое-что по этому поводу Вам пришлю.

Получил приглашение на юбилейное собрание Вашего Института востоковедения, но не могу поехать, так как кроме проблемы литературы как человековедения ещё больше загружен организационными хлопотами по нашим многочисленным юбилейным мероприятиям.

От проф. А. Курелла

Берлин. 14.11.68.

Г-ну проф. Иосифу Брагинскому.

Дорогой тов. Брагинский!

Я получил Ваше поздравление с нашим великим праздником, который мы тоже отмечаем, и сердечно благодарю. Я так завален работой,

¹²⁴ Речь идёт о статье [2].

что не мог выбрать минутки, чтобы послать Вам свой привет. Поэтому посылаю его сейчас – от себя, Сони и Беттины.

Хочу добавить, что Вы не правы со своей «скромностью». Тов. Ульбрихт всегда внимательно читает все письма. Для нас это великое время! Мы чувствуем, что старые времена прошли и что дух борьбы возобновился. Процессы, которые мы наблюдаем у нашего соседа, вдохновляют нас – мы должны идти по этому же пути. На 9-м пленуме нашего ЦК я дважды выступал по этому поводу. В газете «Нойен Дойчланд» вы можете прочитать мои выступления, правда, первое сильно сократили. Но оба выступления имели большой успех. Наша партия в настоящий момент глубоко погружена в идейную борьбу. Я получил зелёный свет в плане борьбы с идеями «против Гароди». Это будет серьёзная книга, в которой я буду полемизировать с высказываниями Гароди. В связи с этим я вспомнил, что не послал Вам свою последнюю книжку, которая называется «Своё и чужое» (“Das Eigene und Das Fremde”). (К счастью, это заглавие можно хорошо перевести на русский, а вот на французский или английский – нельзя). Я полагаю, что книга Вам понравится. Здесь она имеет большой успех, в ней собраны образцы как моего ораторского искусства, так и статьи, касающиеся практических материй. Книжку пошлю со следующей же почтой. В настоящий момент я готовлю к печати сборник своих статей и выступлений для профсоюзного издательства.

Я не уверен, смогу ли я приехать в Москву в мае следующего года. Я был несколько разочарован, что меня, старого члена ЦК в Бюро российского комсомола в период с 1919 по 1924 гг. (!), не пригласили на празднование 50-летия годовщины комсомола. В своей речи я обратился к тов. Брежневу как «к ветерану комсомола». Но один из подлинных ветеранов, например, руководитель комсомола, находится в Берлине и смотрит само празднование по телевидению. Я встретился с членами ЦК, которые находятся здесь, и беседовал с культурным атташе советского посольства. Думаю, что это упущение можно будет исправить.

Пока что кончаю и шлю дружеский привет. У нас всё в порядке, дети растут. Горячий привет и поклон Ханне от меня и Сони.

(Перевод с немецкого Н.Л. Суслович)

От проф. А. Курелла

Берлин 22.01.69.

Дорогой тов. Брагинский!

У меня к Вам есть просьба. По радио я услышал, что существуют меуары маршала Штеменко. Это меня сильно заинтересовало. Не могли бы Вы купить эту книгу и прислать ее мне?

У меня для Вас есть прекрасные издания стихов Рудаки, Джами, Фирдоуси, Низами и др. на персидском языке с цветными миниатюрами, выполненными от руки, из собраний Немецкой государственной библиотеки и Тюрингской земельной библиотеки. Эти издания впервые дают нашим читателям возможность познакомиться с классической восточной литературой.

И ещё о мемуарах. Я думаю, что скоро выйдут воспоминания Мерецкова. Так ли это?

Ваш взнос в Общество Гёте за 1968 г. я передал. Следующие взносы потребуются только в январе 1969, ими занимается г-жа Никта Тун (Nusta Thun). Их можно будет взять из гонорара, который я Вам перевёл.

Сердечный привет.

А. Курелла.

(Перевод с немецкого Н.Л. Сулович)

Москва, 27.XII.1969

Дорогой друг!

Когда приближается Новый год, то одного из первых, кого я вспоминаю – это Вы, дорогой мой боевой друг, и мне хочется от себя и от Ханны Натановны сердечно поздравить Вас, Соню и детей с наступающим годом.

Берлин, 5 мая 1970 г.

Милейший друг!

Серденissimo (послезавтра улетим в Рим! Итальянский язык у меня уже на языке и в пере!) благодарю за поздравления! «Юбилей»¹²⁵ вылился во всеобщее ликование народа (Вы знаете, что я склонен преувеличивать!).

¹²⁵ Курелла, конечно, имеет в виду не 100-летие В.И. Ленина, а своё 75-летие.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Но особенно я радуюсь, что я могу Вам послать через Бригитту № 20 “Freie Welt”!! (см. стр. 8-15!!). Радуюсь, потому что масса читателей узнает (многие впервые) о том, кто такой еврейский комиссар из Баку и что он сделал для новой Германии! Радуюсь ещё потому, что брошенный когда-то намёк репортёру Freie Welt на тему «И.С. Бр» пал на благотворную почву¹²⁶!

...Ещё один совет: как только мой фильм «На пути к Ленину» пойдёт в общих кинотеатрах... немедленно и непременно бегите его смотреть с Ханной и всеми детьми. Это на редкость удавшийся фильм.

Соня Курелла.

Берлин. Карл Либкнехт штр., 29.01.1973

Дорогой товарищ Брагинский! Мы были очень рады получить от Вас поздравление с Новым годом. У нас неприятность: дело в том, что Альфред с начала декабря лежит в больнице с воспалением мочевого пузыря. Перед этим он хорошо отдохнул и чувствовал себя неплохо. Мы надеемся, что на конец недели его отпустят домой, а в середине февраля выпишут окончательно. В настоящее время ему для полного выздоровления показано санаторное лечение, а для этого он должен некоторое время провести в больнице.

Кроме этого, у нас в семье ничего особенного не происходит. Муж Бригиты в начале октября уже окончательно будет жить в Берлине. Все дети здоровы.

Мы все были потрясены известием о смерти Николая. Янзен и его жена уже знают об этом. Мне очень грустно при мысли о том, что мы были в Москве, но его не навестили. Ведь он сделал много важного для развития общественного сознания в нашей Республике.

От всего сердца я желаю Вам, Вашей жене и всей семье всего самого лучшего.

Соня.

(Перевод с немецкого Н.Л. Сулович)

Проф. .А. Курелла

Берлин.01.05.73.

Дорогие друзья Иосиф Брагинский и Ханна!

Опять я вынужден диктовать это письмо, поэтому оно написано на немецком языке – дело в том, что писать от руки, да ещё на чужом языке

¹²⁶ Здесь речь идёт о статье «Полковник humanitatis causa».

и другим шрифтом для меня сейчас очень трудно. Поэтому я так долго не давал о себе знать, но от вас за это время я получал знаки внимания и дружбы. Соня писала вам о том, что у меня начался второй цикл болезни. Это рецидив, который протекает тяжелее, чем в прошлое лето.

Хочу спросить: верно ли, что, если я не ошибаюсь, у вас в этом году будет круглая дата – юбилей дня рождения. Так как я старше по служебному положению, то прошу г-на полковника незамедлительно и конкретно ответить на этот вопрос.

Как говорится, а гророс (кстати): у нас есть пословица «Если у меня в ушах звенит, значит кто-то обо мне вспоминает». Это как раз мой случай, правда, я не знаю, у кого это именно в ушах звенит. В то время я работал над нашим фильмом. ...Не знаю, кого именно касается эта пословица – кого-нибудь вообще или в частности. Если это касается отдельных лиц, то Вы можете быть спокойны: я настоящие имена заменил вымышленными – полковник Водинский – не Гольд, а Цинн; не Кесслер, а Бёттхер, не Курелла, а Келлер и не Шёйнцвит, а Бродский. Настоящими именами я назвал только двух покойных: Аугустина и Крейпе.

В то лето, о котором я говорил, сценарий фильма был готов. Студия «ДЕФА» подписала со мной договор, правда, потребовала некоторой переработки.

Сейчас у меня есть три больших пожелания: к Новому году, к 1-му Мая и к моему дню рождения. Пока что я бы хотел успеть выздороветь к Вашему юбилейному дню рождения.

Как Вы заметили, я ещё нахожусь в зависимости от болезней и врачей, и это не способствует моему хорошему настроению. Не хотите ли Вы приехать ещё раз к нам? У нас в нашей новой квартире в центре города есть отдельная комната для гостей, которая выглядит как «Усадьба». Итак, м.б., до скорого свидания?

Прощаюсь, шлю сердечный привет Вам и Ханне Натановне.

(Перевод с немецкого Н.Л. Сулович)

От Сони Курелла.

Берлин. 10.10.73.

Дорогой товарищ Иосиф Самойлович!

К сожалению, Альфред после своей последней госпитализации с декабря 1972 г. по март с.г. ещё не оправился. Летом ему было настолько

плохо, что он совершенно не мог сосредоточиться, и поэтому был не в состоянии писать письма. Возможности сосредоточиться у него пока хватает только на то, чтобы читать и слушать музыку.

Физическую и духовную радость принёс ему X Всемирный фестиваль (молодёжи и студентов в Берлине, 1973 г. – В.Ф.), он получил большое удовлетворение от того, что смог выступить на нём. Он мог присутствовать на открытии и закрытии фестиваля, побывать на большом интересном мероприятии Академии и даже выступить там с сообщением «Академия – член антиимпериалистического очага сопротивления».

Всё шло у нас хорошо, и Грегор с семьёй был с нами, так что летом вроде всё было в порядке. Но в сентябре наступило заметное ухудшение, и новая госпитализация была необходима. Состояние его было не очень тревожным, но тем не менее... -- Альфред хотел тебе передать членский билет, который я сейчас посылаю вместе с этим письмом.

Поскольку сил у него пока что мало, я от его имени шлю тебе горячий привет. Привет твоей жене от нас обоих и самый сердечный привет от твоей Сони Курелла.

P.S. Хочу добавить, что твоё последнее письмо нас очень порадовало и что мы полностью согласны с его содержанием.

(Перевод с немецкого Н.Л. Суслович)

Проф. А. Курелла.

Берлин. 14.11 1974

Дорогие друзья и товарищи Ханна Натановна и Иосиф Самойлович! Большое вам спасибо за прекрасный фильм «Залп Авроры». Я, как всегда, должен просить у вас прощения за то, что мы оба (Соня и я) так редко и так мало говорим с вами по телефону. Но бесконечные последствия осложнений после инфаркта 1972 г., которые меня часто и надолго приковывают к больнице, не дают мне выздороветь окончательно. Причиной подобных осложнений можно считать общую слабость всего организма в целом и отдельных его частей, наступившую после обширного инфаркта. То, что я довольно быстро преодолел все эти неприятности и после первой выписки из больницы довольно скоро вновь обрёл физическое и психическое здоровье, я объясняю тем, что я активно тренировал своё сердце – ведь я занимался альпинизмом, и

это привело к тому, что три «трещины» в моей сердечной мускулатуре быстро зарубцевались.

Но я не хочу утомлять вас скучными подробностями, все эти детали – самая скучная вещь на свете. В этот раз я уж вылез из больницы несколько месяцев назад, но не могу сказать, чтобы я был полностью здоров (так, мне нужно заново учиться ходить и писать). Это обстоятельство и ряд медицинских запретов сильно и, видимо, надолго ограничили моё участие в различных мероприятиях и в общественной жизни в целом. И это, как вы оба можете понять, для нас является тяжёлым «наказанием».

Это письмо я пишу вам главным образом, для того чтобы дать вам хотя бы частичное представление о фильме о Великих Луках, над которым я сейчас работаю. Я не помню, писал ли я Вам об этом в своё время, что издательство нашей Национальной Народной армии заинтересовалось моей рукописью, собралось издать её в виде книги и одновременно сделать на её основе сценарий для кино. При работе над рукописью мне помогал один майор, который следил за тем, чтобы описание различных деталей – ландшафтов, некоторых обстоятельств и тому подобных моментов – было правдоподобным. Редактор с полным правом может сказать, что кинозрителю это может показаться неинтересным, ведь он уже прочёл саму книгу. В то же время в фильме могут появиться некоторые неизвестные ранее подробности. Возможно, книгу можно будет напечатать в советском Воениздате, при этом молодой советский читатель получит возможность познакомиться с этой главой Великой Отечественной войны, и это даст ему представление о том, как во время войны осуществлялись различные совместные советско-немецкие операции – ведь о них до поры до времени не писали просто ничего.

Теперь я хочу задать Вам два вопроса о фильме в целом. Часто встречаются упоминания о том, что Советский Союз в течение всей войны соблюдал Гаагскую конвенцию, согласно которой ни одна воюющая сторона не имеет права заставлять военнопленных, взятых с оружием в руках, в дальнейшем участвовать в войне. Я думаю, что так оно и было, и это положение конвенции играет большую роль в моём фильме и романе. Но в то же время Аугустин тогда же выражал большую готовность «бороться против нацистской армии с оружием в руках». У нас появилось несколько фильмов (реж. Бём), в которых шла речь

о целых подразделениях НКВД, воюющих с немецкими нацистскими армиями в глубоком тылу. Я протестовал против таких фильмов, так как мне про это не было ничего известно. В моём фильме наш «полковник» задаёт вопросы: один – разрешается ли посылать отборные военные части, предназначенные для ведения наступательных боёв, в глубокий тыл противника. У меня этот мотив встречается часто, и я считаю этот момент важным, так как подобное соблюдение конвенции Красной Армией находит своё отражение в ряде документов. И второй: помните ли Вы следующее: как конкретно происходила агитация при помощи рупоров, могли ли унтерофицеры выступать как от собственного имени (например – я, такой-то Пумперникель (это слово использовалось в качестве пароля), вы меня узнаете. Я нахожусь в плену у русских – и пр., и пр.), так и по заданию Организации немецких антифашистов в СССР – эта тема обсуждалась нами неоднократно. Мы спорили о том, как правильно нужно называть эту Организацию военнопленных, действующую за линией фронта. Я предложил следующее: не употреблять выражение «Объединение военнопленных в Советском Союзе», а называть эту организацию «Центральный комитет немецких военнопленных в России». Если мы придём к какому-нибудь единому мнению, то я смог бы в окончательную редакцию текста внести небольшие изменения.

Наши тогдашние верные товарищи – Хайнц Кесслер и Франц Гольд – были тяжело больны и не могли работать. У Хайнца было раздроблено колено, его ждала повторная операция, что срывало наши планы. Эта операция не помогла, он стал хромать ещё сильнее. Франца мы пригласили прийти к нам. Из-за болезни вокруг меня были в основном женщины, поэтому визит старого товарища меня сильно подбодрил.

К тому же, я думаю, что в очень скором времени мы сможем пригласить Вас ещё раз. В следующем году будет как раз 30 лет освобождения, и это будет прекрасный предлог. Надеюсь, Вы не будете иметь ничего против, если я уже скоро предприму в этом отношении определённые шаги? Врачи пока запретили мне совершать длительные поездки, летать на самолёте, иначе я бы уже давно приехал в мою любимую абхазскую горную деревню, но перед этим сделал бы остановку в Москве. Надеюсь, что в следующем году это осуществится.

Мой горячий привет Вам и Ханне Натановне. Альфред Курелла.

Приписка Сони Куреллы к предыдущему письму.

14.11.1974

Мои дорогие друзья!

Я тоже буду очень рада, если вы вдвоём смогли бы приехать к нам в Берлин. Для нас и для детей это была бы большая радость. Поэтому я прошу вас серьёзно подумать и написать нам, во-первых, каково состояние вашего здоровья, и во-вторых, каким количеством времени вы сможете располагать для такой поездки. В том случае, если приглашение от государственной организации получить не удастся, мы смогли бы прислать вам приглашение от частного лица, если вы, конечно, ничего не имеете против.

Альфред чувствует себя сейчас не очень хорошо и должен будет провести ещё несколько дней в больнице. Я в течение двух недель обязательно вам позвоню и расскажу, как у нас идут дела.

А сегодня шлю вам дружеский привет и надеюсь на скорую встречу.

Соня Курелла.

(Перевод с немецкого Н.Л. Суслович)

Международная телеграмма.

Брагинскому. – Из Берлина. (Даты нет)

Ausgabe „Geschichte Deutscher Arbeiterbewegung“ beziffert Opfer faschistischen Terror rund zweihunderttausend. Genau Angaben fehlen. – Beitrag Göthegesellschaft bezahlt. Bitte für uns besorgen Aschraffi Miniaturen zu Dichtungen Dskhami Verlag “Sowjetski Chudoshnik”. –

Gruss. – Sonja. Alfred.“

... В издании «История немецкого рабочего движения» приводятся цифры жертв фашистского террора в Германии – около 200 тысяч. Точные данные отсутствуют. –

Взнос в Общество Гёте уплачен. Просьба приобрести для нас (книгу) Ашрафи – миниатюры к стихам Джамии в издательстве «Советский художник». – Привет! Соня. Альфред.

(Речь идёт о книге Мукадиммы Ашрафи «Джами в миниатюрах XVI вв.». Издательство «Советский художник», М. 1966 г.)

Расшифровка, перевод и примечание Н.Л. Суслович

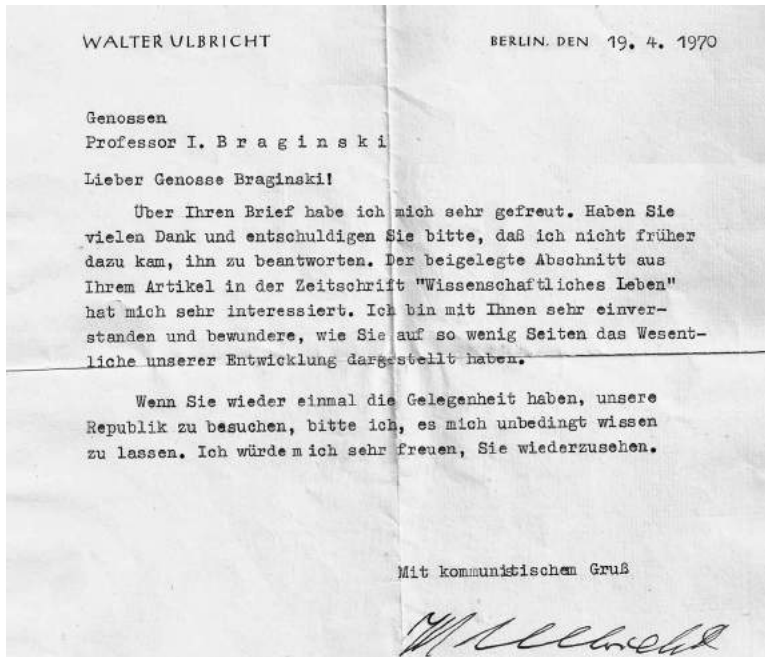
6. В. Ульбрихт – И.С. Брагинскому

Дорогой товарищ Брагинский!¹²⁷

Был очень рад Вашему письму. Примите мою благодарность и извинения, что отвечаю на него с некоторым опозданием. Приложенный Вами к письму фрагмент Вашей статьи из журнала «Научная жизнь» меня очень заинтересовал. Я полностью согласен с Вами и удивляюсь тому, как Вы всего на нескольких страницах сумели передать саму суть нашего развития.

Если Вам снова выпадет возможность посетить нашу Республику, прошу непременно уведомить меня об этом. Буду искренне рад снова увидеться с Вами.

С коммунистическим приветом,
Вальтер Ульбрихт

¹²⁷ Перевод с немецкого писем В. Ульбрихта И.С. Брагинскому выполнен С.В. Вершининым.

Многоуважаемый профессор Брагинский!

Благодарю Вас за Ваше радушное письмо и присланный материал из журнала «Народы Азии и Африки», которым Вы руководите.

Пользуюсь случаем, чтобы от своего лица и лица своей супруги также передать Вам сердечный привет и пожелания всяческих удач.

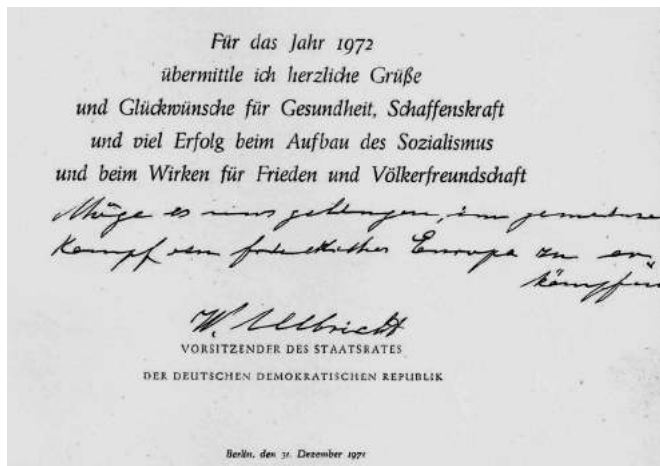
Смею Вас заверить, что трудящиеся ГДР под руководством СЕПГ будут и впредь прилагать все силы, чтобы выполнять свой интернациональный долг по отношению к СССР и другим социалистическим странам.

Прошу Вас принять мои наилучшие пожелания в плане Вашей научной деятельности и личного благополучия.

С социалистическим приветом, В. Ульбрихт

Берлин, 3 февраля 1970 г.

(Перевод с немецкого Н.Л. Суслович)

В преддверии наступающего 1972 года шлю Вам сердечный привет и пожелание здоровья, радости созидания и больших успехов в деле построения социализма, борьбы за мир и дружбу народов.

Хочется также добиться хороших результатов в нашем коллективном труде – борьбе за мирную Европу.

Вальтер Ульбрихт, Председатель Госсовета ГДР.

Берлин, 21 декабря 1971 г.

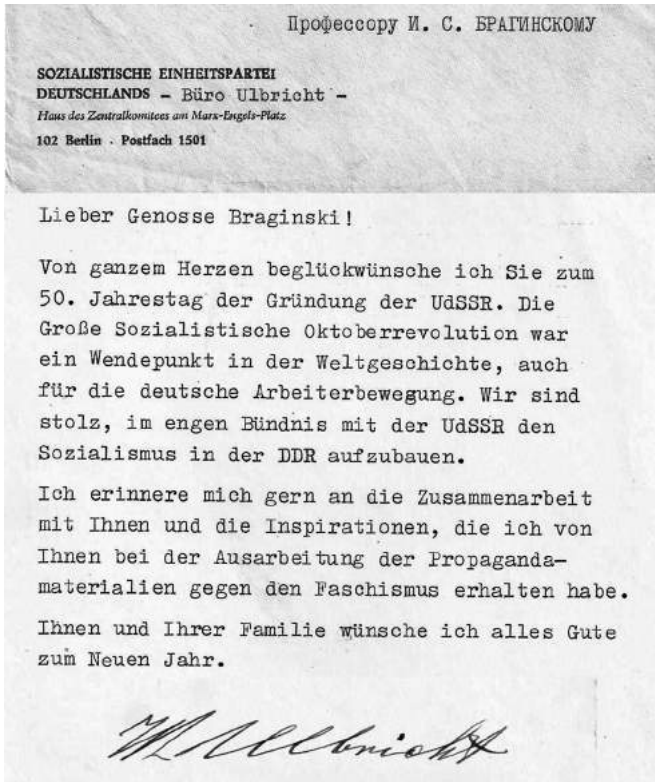
ПРИЛОЖЕНИЕ

Дорогой товарищ Брагинский,

От всего сердца поздравляю Вас с 50-летием образования СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным моментом в мировой истории, в том числе и для рабочего движения в Германии. Мы горды тем, что строим социализм в ГДР в тесном союзе с СССР.

С удовольствием вспоминаю нашу совместную работу и как Вы вдохновляли меня на создание антифашистских пропагандистских материалов.

Желаю всего наилучшего в новом году Вам и Вашей семье.

1972 г.
В. Ульбрихт

В. ФАЙН. Жизнь востоковеда

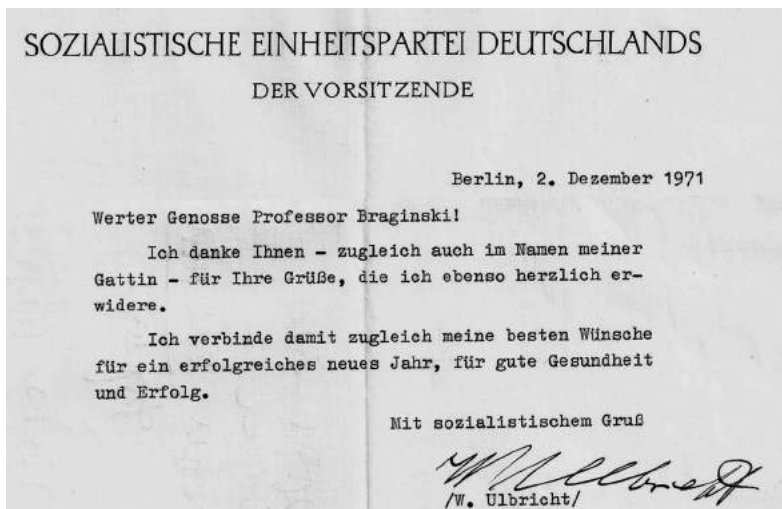
Уважаемый товарищ профессор Брагинский!

Моя супруга и я благодарим Вас за ваши тёплые поздравления.

Примите и мои поздравления.

Желаю Вам всего наилучшего в новом году, крепкого здоровья и успехов.

С социалистическим приветом, В. Ульбрихт.

Литература к приложению

[1]. В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов. Сущность культуры. Издательство Ростовского университета, 1979 г., 264 с. 2-е изд., перераб. – Ростов-на-Дону : Наука-пресс, 2005, 432 с.

[2]. И. Брагинский. ГДР – глазами востоковеда – Народы Азии и Африки, 1967, № 3, с. 197-202.

VICTOR FAIN. LIFE OF AN ORIENTALIST (SUMMARY)

Quite a lot has been written on the scholarship of Professor Joseph S. Braginsky, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Tajik SSR, and world renown Orientalist, literary critic and historian. He is well known far beyond the borders of Russia where he lived and worked, Azerbaijan where he spent his youth, and Tajikistan which he considered his second homeland. The author of more than 400 works and a well-respected mentor of dozens of early career scholars, the editor of an Orientalist journal and organizer of science, humanist and internationalist in his views, he was always surrounded by his colleagues, associates and students. However, much less is known about his personal life, with only some occasional mentions of it in numerous reference books and encyclopaedias. This book, which intends to partially fill this gap, was written by a member of Braginsky's family on the basis of the personal archive of the scholar and recollections of his relatives and friends.

The book consists of six parts and an appendix.

The first part narrates the youth of the scholar in Baku: it provides his unpublished manuscripts about the family in which he grew up and describes, the turbulent revolutionary events that shaped his worldview. The centrepiece of the part is the story of his educational work with the young Tats (Mountain Jews), which he conducted jointly with his friend, Gersil Gorsky who perished in the Great Terror in 1937. The author of the book tells in detail about his ancestors, the Jewish pogroms that forced the

Braginsky family to leave Kiev and the ‘Tripolsky tragedy’ of 1919, which cut short the life of his elder brother David. He also mentions the book ‘Life dedicated to the East (an autobiography of a generation)’, written by Braginsky under the pseudonym of I Odin (Engl. ‘One of’), but left unfinished. The first part concludes with a story of the two outstanding personalities in whose lives Braginsky played a significant part. These are the writer and public figure, Shikhali Kurbanov, whom Braginsky helped to restore the Nauruz (New Year) celebration in Azerbaijan, and the classic of literature of the Mountain Jews, Amaldan Kukullu, whom Braginsky gave a ‘pass to literature’ by becoming the editor of his first book.

The second part of the book tells of the maturing of Braginsky as a scholar and administrator. It relates of his study and work in Moscow and Tajikistan, where he was involved in organisation of the grain state farm called ‘Dangara’. This proved to be a real challenge because of not only the lacking road infrastructure, but also persistent attacks of basmachi (gangs of terrorists) – all which has been vividly described in the unpublished memoir of the farm’s first director P.M. Makeyev and the poem ‘Dangara’ by Vladimir Lugovskoy, which are quoted in this book. Information about Braginsky’s contribution to the formation of ‘Dangara’ state farm, his engagement, in the struggle for the harvest and in training qualified personnel has emerged from the old copies of the local newspaper published by the farm’s political department. This newspaper was established by Braginsky, and some of its issues on withered, yellowed paper are still being kept in his archive. A quarter of a century later, Braginsky would describe the ‘Dangara’ period in the article ‘The youth revisited’, written in English and now available in Russian for the first time. The book also tells of Braginsky’s work in Stalinabad (Dushanbe) before the war, which led to his election as a deputy of the Supreme Soviet of Tajikistan for two terms. For the first time, too, the book narrates how Braginsky was rescued from an attempt to arrest him in 1937.

‘Orientalist in a greatcoat’ is the title of the third part of the book narrating on the activity of Colonel Braginsky, Head of Department of the Main Political Directorate of the Red Army, which was in charge of propaganda against the Nazi troops during the Great Patriotic War. The struggle for the hearts and minds of people in co-operation with the famous

ПРИЛОЖЕНИЕ

German antifascists saved tens of thousands of lives, Soviet and German. Not prepared to sit quietly in Moscow office, Braginsky engaged himself in hot spots on many fronts.

The fourth part of the book tells of Braginsky's associates in anti-Hitler propaganda: his wife Hanna Natanovna Drikker, Yuri Zhdanov, Sofya Tarkhanova and Vladimir Sheinzvit. It also includes Braginsky's article about his meetings and conversations with Georgi Dimitrov, which has been published in Russian for the first time.

The fifth part is devoted to German antifascists, Colonel Braginsky's comrades in struggle. Among them there were the antifascist writer Alfred Kurella; the famous antifascist poet Erich Weinert, the president of the National Committee 'Free Germany'; the future leader of GDR Walter Ulbricht; the former prisoners of war General Heinz Kessler (the future Minister of Defence of GDR), Lieutenant-General Franz Gold and Colonel Luitpold Steidle.

The sixth part shows Braginsky as an outstanding scholar and teacher. It informs the reader of his main books, academic titles and awards, and narrates what kind of man he was, how he was perceived by his colleagues, friends and the scholarly community and what was his final will and testament to his children.

The appendix contains the article "Colonel humanitatis causa" from the GDR journal 'Freie Welt', published for the first time in Russian translation; Amaldan Kukullu's article 'Mentor is the life force of the nation (strokes to the portrait of the scholar)'; Braginsky's letter on his work among the Tats, addressed to the American Orientalist Peiper; and Braginsky's correspondence with Yu.A. Zhdanov, A. Kurella and W. Ulbricht.

The book includes a large number of photographs and other illustrations from the personal archive of Braginsky. Each part is provided with a list of literature referred to in it.

Научно-популярное издание

ВИКТОР ФАЙН

**ЖИЗНЬ ВОСТОКОВЕДА.
ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА
ПРОФЕССОРА И.С. БРАГИНСКОГО**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Текст книги печатается в авторской редакции

Подписано в печать 02.11.2018
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26,5. Тираж 500 экз. Зак. № 354.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5